РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 2 (26)

> Москва 2013

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виногралова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Рh.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Рh.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М.— Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Кайперт X. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Лясковский Р. — D.Sc., профессор, Институт польского языка Польской академии наук, Краков, член-корреспондент Польской академии наук, Польша

Мелиг X.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D, профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В.— д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. В. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А.— Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола X. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М.— Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь – Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 2 (26)

Moscow 2013

EDITORIAL BOARD

- Chief Editor Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia
- Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;
- Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

- Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;
- Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Roman Laskowsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute of Polish Language of the PAN, Krakow, Corresponding Member of the Polish Academy of Sciences, Poland;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Mel'čuk, Ph.D (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;
- Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;
- Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
- Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;
- Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
- Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia
- Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.
- Executive secretary Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia
 - © Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013
 - © Авторы, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

Е. В. Падучева	
Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность?	9
С. Г. Татевосов	
Деструктивные заметки о распределительном способе действия	30
И. Б. Иткин	
В поисках нулевого словообразовательного суффикса	
(отглагольные существительные типа звон, шум, шелест	
в современном русском языке)	52
М. В. Ахметова	
Еще раз о суффиксе -чане (история одной полемики)	65
И. В. Яковлева	
Русские квазисинонимичные предложные конструкции:	
конструкционный подход	91
Ю. М. Кувшинская	
Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой	
с количественным значением (по данным НКРЯ за 2000—2010 гг.)	112
А. А. Горбов	
Об эволюции парадигмы существительного продажа	151
Е. В. Бешенкова	
Политика орфографистов и ее влияние на письмо	166
Е. Р. Добрушина	
Норма-кодификация против нормы-интуиции,	
или Двести лет вместе с « <i>ихний</i> »	181
М. Н. Шевелева	
Имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в севернорусских летописях	205
И. В. Федотова	
Взаимодействие производных от праславянских глаголов	
*mesti, *męsti и *męti в русском языке	241
И. А. Корнилаева	
«Прости, Бѣлградъ» (Из истории топонимов и их дериватов)	249
С. Г. Воркачев	
Феномен слова «быдло» по данным корпусной лингвистики	263
М. К. Тимофеева	
Классификация иконических знаков русского жестового языка	2.72

Информационно-хроникальные материалы		
Хроника Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Я. К. Грота (Д. В. Виноградов)	89	
Рецензии		
Б. М. Клосс. О происхождении названия «Россия». М., 2012 (А. И. Грищенко)	94 00	
Обзоры		
J. N ø r g å r d - S ø r e n s e n. Russian Nominal Semantics and Morphology. Bloomington, Indiana, 2011 (<i>H. М. Стойнова</i>)	13	
, . (15	
«Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в. М.; СПб., 2012 (А. А. Пичхадзе)	16	
К сведению авторов	18	

CONTENTS

Articles

Elena V. Paducheva.	
Is there grammatically expressed evidentiality in Russian?	9
Sergej G. Tatevosov.	
Critical remarks on the distributive aktionsart	30
Ilya B. Itkin.	
In search of a zero derivational suffix	
(Verbal nouns of the type zvon, shum, shelest	
in Modern Russian)	52
Maria V. Akhmetova.	
The problem of the russian suffix -chane revisited (survey of the dispute)	65
Irina V. Jakovleva.	
Russian pseudosynonymous verb-preposition constructions:	
a construction grammar approach	91
Yulia M. Kuvshinskaya.	
Predicate agreement with the quantifier phrase in Russian	
(according to the data of the National Russian Corpus	
for the period of 2000—2010)	112
Andrey A. Gorbov.	
On the evolution of the paradigm of the noun <i>prodazha</i>	151
Elena V. Beshenkova.	
Different approaches to codification and their impact on the writing system	166
Ekaterina R. Dobrushina.	
Codified norm vs. intuitive norm, or two centuries with <i>ikhnij</i>	181
Maria N. Sheveleva.	
Imperfective verbs with the suffix -yva-/-iva- in North Russian chronicles	205
Idalia V. Fedotova.	
Some cases of interference among derivatives of Proto-Slavic verbs	
*mesti, *męsti and *męti in the Russian language	241
Irina A. Kornilaeva.	
«Farewell, Bělgradъ» (on the history of toponyms and their derivatives)	249
Sergej G. Vorkachev.	
The phenomenon of Russian bydlo according to corpus linguistic data	263
Maria K. Timofeeva.	
Classification of iconic signs in the Russian sign language	272

8 Contents

Reports	
International linguistic conference celebrating the 200th Anniversary of J. K. Grot: Highlights (<i>D. V. Vinogradov</i>)	289
Reviews	
 M. L. Kalenchuk, R. F. Kasatkina, L. L. Kasatkin. The Big Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Literary pronounciation and accentuation of the beginning of the XXth century: Norm and Variation / Rec. by L. L. Kasatkin. Moscow, 2012. (I. A. Veshchikova)	294
Moscow, 2012. (A. I. Grishchenko)	300
Book Reviews	
 J. Nørgård-Sørensen. Russian Nominal Semantics and Morphology. Bloomington, Indiana, 2011 (N. M. Stoynova) T. I. A fan as y e v a. Old Slavonic Commentary on the Liturgy in the Russian manuscript tradition. Researches and texts. 	313
Moscow, 2012 (A. A. Pichkhadze)	315
«Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi in a late XVth century Russian translation. Moscow; StPetersburg, 2012 (A. A. Pichkhadze)	316
Notes for contributors	319

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ГРАММАТИЧЕСКИ ВЫРАЖЕННАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ?*

До недавнего времени грамматическая категория эвиденциальности (иначе — засвидетельствованности) была известна русистам разве что из работы [Jakobson 1957], с ее ярким разделом о пересказывательном наклонении в болгарском языке. Но начиная с середины 90-х годов поток публикаций об эвиденциальности становится лавинообразным 1. Расширяется и спектр языков, в которых представлена эта грамматическая категория. В данной работе ставится вопрос, нельзя ли усмотреть грамматически выраженную эвиденциальность и в русском языке.

Из лекций Вяч. Вс. Иванова на филфаке МГУ в 50-е годы в нашем сознании твердо закрепилась мысль, что любое явление сколь угодно экзотического языка в принципе можно продемонстрировать и на русском материале. В данном случае, однако, есть основания рассчитывать на нечто большее. Речь пойдет об одной свойственной русскому языку (а отчасти и другим славянским) морфосинтаксической конструкции. С одной стороны, рассмотрение этой конструкции в типологической перспективе, а именно, на фоне языков с грамматической эвиденциальностью, позволит раскрыть в ней дополнительное содержание. С другой стороны, для семантики грамматической эвиденциальности может оказаться полезным то, что известно о подробно описанных близких фактах русского языка.

Елена Викторовна Падучева, Всероссийский институт научной и технической информации РАН (Москва).

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 9—29.

^{*} Статья излагает содержание доклада, прочитанного на Международной конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов», Москва, 24—26 октября 2012 г. Автор выражает благодарность всем, кто принимал участие в обсуждении доклада (прежде всего — Н. И. Лауфер и Анне А. Зализняк) и этой проблематики в целом (В. Б. Борщеву, Б. Парти, Я. Г. Тестельцу и М. М. Макарцеву). Особая благодарность — анонимному рецензенту первого варианта статьи; по его замечаниям статья была существенно переработана.

¹ Статья [Lazard 1999] начинается словами: «Evidentiality seems to be currently in fashion». О неожиданном взрыве интереса к эвиденциальности см. также [Макарцев 2009].

1. Наблюденный факт

Согласно [Мельчук 1998; Aikhenvald 2004; Плунгян 2011], к семантической зоне эвиденциальности относятся показатели, указывающие на источник информации о сообщаемой ситуации; иначе — на путь доступа говорящего к информации. Различаются показатели прямого доступа, т. е. ПРЯМОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ, когда говорящий сам видел или был участником события (экспериентив), и разные виды непрямого доступа (репортатив, инферентив и прочее).

Для русского языка до последнего времени упоминались только **лексические** показатели НЕПРЯМОЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ, см. в [Булыгина, Шмелев 1993] о *кажется*, *видимо*; в [Храковский 2007] об *оказывается*; в [Letučij 2008] о *как будто* и др. Однако в [Падучева 2004: 467—468] был приведен пример, где прямая эвиденциальность в русском языке выражена **грамматически**²:

- (1) а. Бутылки не было в холодильнике;
 - б. Бутылка не была в холодильнике.

Высказывание (1а), с генитивным субъектом, скорее всего, было сделано человеком, который, открыв холодильник, не обнаружил там бутылки. В [Падучева 1992] было показано, что генитивный субъект в отрицательном предложении с глаголом *быть* в локативном значении несет информацию о присутствии НАБЛЮДАТЕЛЯ в Месте³. Т. е. генитивный субъект означает, что речь идет не просто об отрицании местонахождения, а о НАБЛЮДАЕМОМ ОТСУТСТВИИ, иначе говоря — об отсутствии, которое засвидетельствовано говорящим.

На этом основании можно сказать, что предложение (1a) с генитивным субъектом выражает прямую эвиденциальность. Что же касается предложения (1б) с подлежащим в номинативе, то это может быть заключение об отсутствии Вещи в Месте, сделанное по косвенным данным (бутылка теплая), может быть знанием, полученным от третьих лиц. Во всяком случае, номинативная конструкция не включает показателя непосредственно наблюдаемого отсутствия, т. е. не маркирует прямой эвиденциальности.

В примере (1a) субъект восприятия (иначе — свидетель) — говорящий. Но субъекта восприятия не всегда можно идентифицировать однозначно. Так, в примере (2) ни из (2a), ни из (2б) не следует однозначно, что Петька сам был на елке и засвидетельствовал отсутствие Ольги. Однако (2a) и (2б)

² Идею эвиденциальной трактовки генитивной конструкции в контексте локативного *быть* предложил Я. Г. Тестелец — в ходе семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти в 2003 году.

³ Вещь и Место — это обозначение участников ситуации, описываемой бытийным предложением, равно как и предложением локализации, которое введено в [Борщев, Парти 2002].

безусловно отличаются от (2B). В самом деле, (2B) никак не означает, что отсутствие засвидетельствовано кем бы то ни было, а тогда ясно, что (2a) и (2b), напротив, подразумевают свидетеля:

- (2) а. Петька подтвердил, что Ольги не было на елке у Шмелевых;
 - б. Ольги не было на елке у Шмелевых;
 - в. Ольга не была на елке у Шмелевых.

Предложение (1а) с генитивным субъектом отличается от предложения (1б) с номинативным субъектом значением грамматических форм вида и времени. При генитивном субъекте значение вида актуально-длительное, т. е. момент наблюдения синхронный, и прошедшее время интерпретируется, скорее всего, в НАРРАТИВНОМ РЕЖИМЕ — фраза повествует о прошлом, как если бы оно проходило перед глазами. А при номинативном субъекте значение вида общефактическое: момент наблюдения ретроспективный, и прошедшее время интерпретируется в РЕЧЕВОМ РЕЖИМЕ, оно выражает предшествование МОМЕНТУ РЕЧИ, см. о режимах интерпретации [Падучева 1986; 1996], [Апресян 1986; 2003]. Эвиденциальное приращение в (1а) не вытекает из этих различий, а является о т д е л ь н ы м семантическим компонентом значения этого предложения. Однако чтобы предъявить более чистый пример, необходим дополнительный анализ.

2. О семантике глагола *быть*: локативное и экзистенциальное значение

Как известно (см., в частности, [Арутюнова 1976: 214ff; Babby 1980]), основное семантическое противопоставление, выражаемое в отрицательном предложении с помощью генитивного субъекта, имеет референциальную основу: генитив возникает в контексте экзистенциальных (иначе — бытийных) глаголов с НЕРЕФЕРЕНТНЫМ СУБЪЕКТОМ и выражает отрицание существования, а номинатив, напротив, выражает презумпцию существования:

- (3) а. Сомнений [генитив] не возникло [⊃ 'сомнений нет'];
 - б. Сомнения [номинатив] не исчезли [= 'сомнения были и продолжают быть'].

Л. Бэбби утверждал, что генитивный субъект ограничен контекстом экзистенциальных глаголов (книга [Babby 1980] называется «Existential Sentences and Negation in Russian»), и генитив у ЛОКАТИВНОГО быть, как в примере (1) (в отличие от экзистенциального быть с нереферентным субъектом), — это исключение из им же сформулированных правил, соотносящих генитив с семантикой. На самом деле, однако, генитивный субъект регулярно возникает также в контексте глаголов восприятия (таких как наблюдаться, слышаться, чувствоваться, доноситься, най-

тись, обнаружиться, ожидаться, отмечаться, регистрироваться, слышаться, сниться, фиксироваться, оказаться и др.; это было отмечено еще в [Ицкович 1974: 65]). Причем субъектная ИГ в этом случае может быть и референтной:

(4) Что-то Маши не наблюдается.

Так что семантический компонент «восприятие» лицензирует в отрицательном предложении генитив субъекта почти в такой же мере, как «существование». Дело в том, что существование и наличие в поле зрения — равно как несуществование и отсутствие в поле зрения — связаны отношением регулярной многозначности (для глаголов появиться, исчезнуть и ряда других это отмечено в [Падучева 2004: 150]).

Как мы увидим, генитив в контексте глаголов восприятия открывает путь к объяснению генитивного субъекта у локативного быть.

3. Стативное и линамическое значение локативного быть

Согласно [Апресян 1980/1995], утвердительному предложению (5) соответствуют два отрицательных — (5а) и (5б); причем предложения (5а) и (5б) демонстрируют ограничение сочетаемости — зависимость между падежом субъекта и видом глагола: генитивный субъект — актуально-длительное (= синхронное) значение, см. (5а); номинативный субъект — общефактическое (= ретроспективное) значение, см. (5б).

- (5) Отец был на море.
 - (5а) Отца не было на море.
 - (5б) Отец не был на море.

Этому «ограничению сочетаемости» было дано семантическое объяснение: в статье [Падучева 1992] утверждалось, что есть две лексемы, соответствующие локативному быть, — лексема быть 1, стативная, и лексема быть 2, динамическая, точнее — событийная (такие же два значения выделены у быть в [Апресян 1992/1995]). У лексемы быть 1 предполагался встроенный наблюдатель в Месте (как, например, у известного глагола показаться, см. [Апресян 1986]) — который и порождает генитивный субъект. Тогда предложение (5б), с лексемой быть 2, означает просто отрицание того, что отец был на море, а в семантику предложения (5а), с лексемой быть 1, входит подразумеваемый наблюдатель, так что (5а) означает, дополнительно, что наблюдатель (в речевом режиме — говорящий) его там не увидел.

Сейчас ясно, однако, что на самом деле лексема *быть* 1, стативная, не предполагает наблюдателя, а всего лишь совместима с ним. Она допускает употребление не только в генитивной конструкции, которая выражает присутствие наблюдателя, но и в номинативной, которая его не вы-

ражает, — оставаясь при этом в актуально-длительном значении, т. е. сохраняя синхронный момент наблюдения.

В аспектологии используется, не всегда в точности в одном и том же смысле, термин МОМЕНТ НАБЛЮДЕНИЯ ([Гловинская 1982: 126]; ср. также немецкий термин Betrachtzeit). В [Падучева 1986] момент наблюдения был сопоставлен с точкой отсчета по Рейхенбаху и представлен как временная позиция НАБЛЮДАТЕЛЯ — в смысле [Апресян 1986]. В совершенном виде наблюдатель всегда ретроспективный, а в несовершенном наблюдатель СИНХРОННЫЙ при актуально-длительном значении и РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ при общефактическом в прошедшем времени (в будущем — проспективный).

В предложении (5a), где нет обстоятельства времени, синхронный момент наблюдения устанавливается дейктически — как настоящее время наблюдателя, который находится в Месте. И именно это, т. е. присутствие наблюдателя, объясняет генитивную конструкцию с эвиденциальным значением:

(5a) Отца не было на море [генитив, лексема *быть* 1, актуально-длительное значение].

Между тем, в предложении (6) момент наблюдения фиксируется обстоятельством времени — ВКЛЮЧЕННЫМ, см. о противопоставлении включенных и объемлющих временных показателей в [Падучева 1996: 168]. Включенное обстоятельство времени обеспечивает синхронный момент наблюдения, что и создает базу для актуально-длительного значения. Но мотивировки для генитивной конструкции, т. е. наблюдателя в ситуации отсутствия, в этом случае нет.

(6) Отец не был на море, *когда там началась гроза* [номинатив, лексема *быть* 1, актуально-длительное значение].

Пример стативного *быть* с номинативным субъектом был впервые предложен В. Б. Борщевым — в ходе того же семинара по генитиву отрицания под руководством Барбары Парти и в продолжение исследований, отраженных, в частности, в [Борщев, Парти 2002]:

(7) Я не был в зале, когда выключили свет.

Итак, стативное *быть* 1 совместимо и с генитивной, и с номинативной конструкцией отрицания. Тем самым подтверждено чисто эвиденциальное противопоставление при неизменном аспектуальном и временном значении глагола *быть*. (О том, остается ли неизменным и лексическое значение *быть*, см. ниже раздел 4.)

Прагматическую значимость эвиденциального компонента, иначе — значения засвидетельствованности, — иллюстрирует пример (8):

(8) а. На собрании в Москве 31 октября 1958 года, где обсуждалось исключение Б. Пастернака из Союза писателей за публикацию за

границей романа Доктор Живаго, Е. Эткинд не был (Ефим Эткинд: переписка за четверть века, СПб, 2012: 262).

б. На собрании в Москве $\langle ... \rangle E$. Эткинда не было.

Цитируемая фраза принадлежит комментатору. Сказать Ha собрании в $Mocквe \langle ... \rangle$ Эткинда не было — означало бы быть или мыслить себя на собрании; или, на худой конец, иметь там доверенное лицо — что явно в намерение комментатора не входило.

Примеры (6), (7), (8б) — убедительный аргумент в пользу того, что в отрицательном предложении с лексемой *быть* локативной стативной, генитивная конструкция выражает прямую эвиденциальность, т. е. засвидетельствованность. Эти примеры отличаются от примера (1а) тем, что в них номинатив может быть противопоставлен генитиву строго по параметру эвиденциальности: видо-временные значения у *быть* в номинативной и генитивной конструкции одинаковы.

Остановимся еще на примере (9) — в нем вводное *следовательно* показывает, что говорящий делает высказывание об отсутствии н е на основе личного свидетельства, т. е. пребывания в месте; отсюда законный номинатив⁴:

(9) Мы имеем письмо Лермонтова из Пятигорска от 18 июля, следовательно, *он в это время не был в отряде* (П. А. Висковатый (Висковатов). Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова (1842)].

Эвиденциальный (= перцептивный) компонент в семантике генитивной конструкции с глаголом *быть* позволяет объяснить целый ряд контекстов ее употребления. Ср. пример (из [Paducheva 2008]):

(10) а. Вани нигде нет; б. *Ваня нигде.

Предложение (10б) аномально; Ваня — материальный объект, и он должен где-то находиться. Между тем (10а) абсолютно нормально: оно означает, что Вани не было ни в одном из тех мест, где я пытался его увидеть. Как сказано в [Арутюнова, Ширяев 1982: 93], «нигде нет лучше всего ассоциируется с ситуацией поиска».

Другой пример из [Paducheva 2008]. Предложение (11) не может быть понято буквально; но оно вполне нормально, например, в ситуации, когда я не нашел (т. е. не смог увидеть) Тегусигальпу на карте Никарагуа:

(11) [?]Тегусигальпы нет в Никарагуа.

Предложения (12a) и (12б) могут удивить тем, что в (12a) генитив, который нельзя заменить на номинатив, а во втором, напротив, предпочтителен номинатив:

⁴ Этот пример, как и ряд других ниже, взят из Национального корпуса русского языка, http://www.ruscorpora.ru/.

- (12) а. Алла почти плакала прямо здесь, на сцене: *ее не было в списке лауреатов* (Алексей Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна (1998)).
 - б. Хотя наша губерния не была в списке голодающих, но в самом городе все же было очень сурово и, пожалуй, голодно (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. (1933)).

Можно думать, дело в том, что (12a) описывает ситуацию, когда человек только что не нашел себя в списке (ср. понятие «неожиданное наблюдение», unexpected observation в [Lazard 1999]), а в (12б) описывается скорее свойство субъекта, чем его местонахождение; генитив не исключен, но с перцептивным приращением.

4. Эвиденциальность и контроль

Следует отметить, что примеры с маркированной эвиденциальностью часто демонстрируют еще одно противопоставление — между контролируемостью и неконтролируемостью ситуации со стороны субъекта предложения. А именно, субъект, выраженный именительным падежом, является контролером ситуации, а субъект в родительном падеже таковым не является. Иными словами, генитив превращает подлежащее из субъекта действия в объект восприятия, т. е., в каком-то смысле, в пациенс. Так, фраза (2в) Ольга не была на елке описывает некий акт, контролируемый субъектом, а фраза (2б) Ольги не было на елке фиксирует ситуацию глазами внешнего наблюдателя, который не обязательно видит в ней целеполагающего субъекта.

Можно думать, что отрицательное воздействие наблюдателя (в широком смысле — включая субъекта сознания) на агентивность субъекта носит весьма общий характер.

В [Санников 1989: 169—170] было сформулировано следующее различие между союзами А и НО (в одном из контекстов их употребления):

- (13) а. День был дождливый, но Коля не взял зонт;
 б. День был дождливый, а Коля не взял зонт.
- В. 3. Санников считает, что союз НО указывает на зависимость между двумя компонентами предложения и выражает некий ненормальный ход событий; а союз А представляет события как независимые одно от другого.

В статье [Падучева 1997/2009] различие между союзами А и НО (для данного контекста их употребления) было описано более подробно. Оба союза предполагают СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ (который осознает противоречие, а именно, в случае союза НО — ненормальный ход событий, а в случае союза А — ненормальное сочетание ситуаций). Но у союза НО этим субъектом сознания является денотат подлежащего второго предло-

жения, который о с о з н а н н о отступает от нормы, а у союза А субъект сознания — говорящий, который лишь констатирует отклонение от нормы. Так что в контексте НО «в ситуации имеется агенс, который, вообще говоря, мог бы контролировать наступление ситуации», и «союз НО означает, что ненормальный ход событий был результатом сознательного выбора этого субъекта»; а союз А не дает возможности представить ненормальность как результат сознательного выбора со стороны агенса — ненормальность совместного наступления двух событий осознается только говорящим.

Но в таком случае мы вправе констатировать следующее общее свойство генитива субъекта и союза А: и там и там агенс, попадая в сферу наблюдения или в сферу чужого сознания, отчасти утрачивает свою автономную агентивность.

В статье [Зализняк, Микаэлян 2005], которая развивает идею [Падучева 1997/2009], справедливо сказано, что союз А отнимает у субъекта КОНТРОЛЬ НАД СИТУАЦИЕЙ. Но это в точности то же самое, что делает с субъектом генитив — отнимает агентивность, превращая субъекта-агенса в объект восприятия.

Следует отметить, что субъектом, теряющим агентивность, может быть, в частности, и первое лицо. В самом деле, как неоднократно отмечалось, на себя в прошлом говорящий смотрит как на третье лицо:

- (14) а. Погода была дождливая, но я не взял зонт [субъект контролирует ситуацию];
 - б. Погода была дождливая, a я не взял зонт [субъект не контролирует ситуацию].

Здесь уместно обратить внимание на функциональную общность разных употреблений генитива: генитив, противопоставленный номинативу локативного *быть*, маркирует некую **ролевую** неполноценность этого субъекта ⁵; в экзистенциальных контекстах генитив маркирует **референциальную** неполноценность субъекта, см. [Partee et al. 2012].

Разумеется, различие в контролируемости работает только в случае субъектов, которые действительно могут контролировать свое перемещение. В примере (1a) — про бутылку в холодильнике — контролируемость не проходит, а наблюдаемость остается. Так что эвиденциальное противопоставление остается как общее для всех контекстов употребления генитивной конструкции при референтном субъекте.

Правда, со многими обстоятельствами места неодушевленный субъект в номинативе практически несовместим:

(15) а. *Мой паспорт не был в сумке \Rightarrow б. Моего паспорта не было в сумке.

⁵ Барбара Парти (устное сообщение) предположила, что генитиву субъекта в отрицательном предложении можно дать диатетическую трактовку.

Однако для примеров из (16) мы легко домысливаем ситуацию, когда номинативный субъект тоже возможен:

- (16) а. *Телевизор* (явно) не был в мастерской он по-прежнему работает плохо:
 - б. Этот костьм не был в химчистке;
 - в. Журнал не был в учительской.

В контекстах, где номинатив выражает контролируемость, в прошедшем и будущем времени может возникать импликатура перемещения (контролируемого), и *быть* может быть понято в динамическом значении *быть* 2. Так что стативное значение у *быть* в составе номинативной конструкции (значение *быть* 1) гарантировано только при эксплицитном показателе включенного времени, как в примерах (6), (7).

5. Эвиденциальное приращение при других глаголах

Эвиденциальное приращение обратило на себя внимание, прежде всего, в контексте локативного *быть*. Но оно возможно и при других глаголах локализации в пространстве:

- (17) а. Этого портрета здесь раньше *не висело* [наблюдатель находится здесь сейчас и был или мыслил себя здесь раньше];
 - б. Этот портрет раньше *не висел* в кабинетах членов фракции КПРФ [наблюдатель не обязателен].

Предложение (18a) известно как пример языковой игры; но суть приема состоит как раз в ранее описанном отрицательном воздействии наблюдателя на агентивность субъекта:

- (18) а. Вас здесь не стояло;
 - б. Вы здесь не стояли.

Генитив наблюдаемого отсутствия можно усматривать также в контексте глаголов движения. Так, в (19а) — генитив, он маркирует движение К наблюдателю, а в (19б) наблюдатель расположен скорее в точке отправления, а не в точке прибытия, и генитив был бы неуместен:

- (19) а. <u>На</u> город за время войны *не упало* ни одной бомбы (А. Иличевский. Перс (2009)).
 - б. Ребята следили, чтобы ни одно зерно не упало из кузовов машин.

См. также примеры на базе [Babby 1980]:

- (20) а. Ни одной подлодки не всплыло;
 - б. Ни одна подлодка не всплыла.
- (21) а. Ни одного звука не вырвалось из его гортани;
 - б. Ни один звук не вырвался у меня из гортани.

В предложении (22a) номинатив, поскольку наблюдатель расположен там, откуда метятся в цель, так что движение направлено ОТ наблюдателя, а не К нему. С другой стороны, можно сказать (22б); тогда наблюдатель находится в том месте, КУДА летят пули/стрелы, т. е. движение К наблюдателю, и тут употреблен генитив.

- (22) а. Ни одна стрела не попала в цель;
 - б. Ни одной пули в меня не попало.
- В (23) (пример на базе [Babby 1980]) генитив следует, скорее, считать неуместным, и именно потому, что трудно предположить наблюдателя, по направлению к которому было бы направлено движение:
 - (23) Зажегся зеленый свет, но ни одной машины не тронулось с места.

В примерах (19)—(23) именная группа квантифицированная. Но эвиденциальное приращение от генитива такое же, как в случае конкретнореферентного субъекта в (18), (19).

6. Коммуникативная структура генитивного предложения

Номинативное и генитивное предложения с глаголом *быть* различаются, помимо всего прочего, коммуникативной структурой. А именно, номинативный субъект (например, *ни одно зерно* в (19б)) является, в смысле коммуникативной структуры, отдельной темой предложения, а генитивный субъект, как в (24), не является — уж скорее темой будет Локатив, т. е. Место ⁶:

(24) На город | не упало ни одной бомбы.

Иными словами, номинативный субъект может отличаться от генитивного еще и тем, что он выражает тему предложения. Ясно, что это возможное коммуникативное различие, равно как и акциональное, описанное в разделе 4, не отменяет эвиденциального компонента генитивной конструкции, а лишь поддерживает его.

В [Борщев, Парти 2002] и ряде других используется понятие СТРУКТУРА ПЕРСПЕКТИВЫ, близкое к коммуникативной структуре⁷: предложение в ге-

⁶ Ср. о коммуникативной структуре бытийных предложений в [Арутюнова, Ширяев 1983] и в [Borschev, Partee 2002].

⁷ В [Borschev, Partee 2002] используется метафора наблюдающей камеры, которая близка к понятию наблюдателя. Но наблюдающая камера предлагается как объяснение генитива отрицания для всех предложений с генитивным субъектом, в том числе — для бытийных. Между тем, наблюдатель отвечает за генитив только в контексте локативного *быты* и ряда других глаголов с референтным или квантифицированным объектом. Скажем, в предложении (3а), с нереферентным субъектом, нет наблюдателя, и генитив имеет иную семантическую мотивировку.

нитиве утверждает, что в Месте не было Вещи (конкретной или какого-то типа), а предложение в номинативе — что конкретная Вещь не была в Месте. В одном случае речь идет про Место, а в другом — про Вещь.

7. Эвиденциальность как эгоцентрическая категория

Согласно общепринятым определениям, эвиденциальный показатель маркирует источник информации, на основании которого говорящий делает утверждение о соответствующей ситуации. Так, в [Мельчук 1998: 199] дается следующее определение грамматической эвиденциальности: «Категория эвиденциальности маркирует источники информации, выражаемой говорящим во время речевого сообщения». Это определение вызывает ряд вопросов.

<u>Первый вопрос</u> — почему речь идет только об *утверждениях*? Разве невозможны показатели эвиденциальности, скажем, в контексте *вопроса*, который не есть сообщение информации? Некоторые идеи в этом направлении уже были высказаны. Так, есть статья [Cohen, Krifka 2011], где речь идет о семантике эвиденциальных показателей в разных типах речевых актов. Здесь, безусловно, есть интересные задачи. Ср., например, слова *явно* и *очевидно*, которые оба выражают, лексически, прямую эвиденциальность, но *очевидно* допустимо в вопросе, а *явно* — нет:

- (25) а. Вы, очевидно, не читали эту книжку?
 - б. *Вы явно не читали эту книжку?

Второй вопрос касается фигуры говорящего. Показатель эвиденциальности — это эгоцентрик. Многие (хотя и не все) эгоцентрические (иначе — индексальные) слова и категории, которые в своем первичном употреблении ориентированы на говорящего, могут употребляться также в контекстах, где подразумеваемым или потенциальным носителем пропозициональной установки является вовсе не говорящий, см. [Падучева 2011]. Так, есть НЕКАНОНИЧЕСКИЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ, например, НАРРАТИВ, где говорящего нет вообще, а есть его заместители — это может быть повествователь или персонаж, причем для понимания текста существенно, кто именно. Есть ГИПОТАКСИЧЕСКИЙ контекст (embedded position).

Вопрос о синтаксической подчинимости (embeddability) эвиденциальных показателей был поставлен в [Schenner 2012], где говорится: "embedded evidentials \langle ... \rangle may give rise to unexpected readings and provide interesting challenges to many purely root-clause-informed approaches to evidentials." О подчинимости вводных слов см. [Падучева 1996: 310—320; Potts 2005] и др. Эта проблематика концентрируется вокруг понятия main clause phenomena, см. [Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012].

Тут можно вернуться к тому же речевому акту вопроса: известно, что вопрос во многом переносит ориентацию эгоцентриков с говорящего на

слушающего (см., например, [Падучева 1996: 268]). Так что употребление эвиденциальных показателей в контекстах, где подразумеваемый носитель пропозициональной установки не совпадает с говорящим, заслуживает внимания.

Короче говоря, эвиденциальный показатель — это эгоцентрик, и он должен быть рассмотрен на фоне того, что нам уже известно о других эгоцентрических элементах языка. В языках с описанной грамматической категорией эвиденциальности эвиденциальный показатель ориентирован исключительно на говорящего, т. е. ведет себя как первичный, чистый эгоцентрик. Теоретически не исключено, что показатели грамматической эвиденциальности действительно являются первичными эгоцентриками и подразумевают именно говорящего. Но это надо доказать. Ясно, что для русских эвиденциальных показателей это не так. Например, явно в примере (25б) — первичный эгоцентрик и не допускает вопросительной проекции, а субъект очевидно — вторичный и ее допускает. Русская конструкция с генитивом наблюдаемого отсутствия показывает, что эвиденциальный показатель может вести себя как вторичный эгоцентрик, т. е. подвергаться разным видам проекции.

В работах [Friedman 2005] и [Friedman 2012] предложена схема грамматически выраженных эвиденциальных противопоставлений, характерная для целого ряда балканских языков, которая существенно отлична от традиционной. Это так наз. «балканский тип» эвиденциальности, который выдвигает на более центральное место (ад)миративность. Существенно, что в работах Виктора Фридмана приводятся данные о том, что семантика эвиденциального показателя может быть разной в утверждении и в вопросе; в диалоге и в нарративе. Иными словами, эти работы прокладывают путь к рассмотрению эвиденциального показателя как полноценного эгоцентрика.

Стоит заметить, что дейксис тоже поначалу связывали только с говорящим. Один из трех примеров вторичного дейксиса, т. е. дейксиса, ориентированного на наблюдателя, в [Апресян 1986] — это глаголы типа белеть. Между тем ранее, в статье [Булыгина 1982: 15], про эти глаголы говорилось, что они дают «эффект соприсутствия» говорящего и «могут функционировать только в предикациях, описывающих конкретную, "актуальную" ситуацию, в которой находится (или в которую помещает себя) говорящий». Возможно, и эвиденциальность перестнет однозначно связываться с говорящим по мере того, как в рассмотрение включится более широкий круг фактов, в частности, лексические показатели эвиденциальности.

Принципиальное свойство наблюдателя, ответственного за эвиденциальный компонент в семантике генитивного субъекта, состоит в том, что он имеет локализацию в пространстве. Он находится в Месте — или, во всяком случае, имеет Место в своем поле зрения или в своей ЛИЧНОЙ СФЕРЕ 8 .

⁸ Понятие личная СФЕРА говорящего — из [Апресян 1986], где оно иллюстрируется, в частности, таким примером: говорящий может употребить прошедшее

(Этим наблюдатель в семантике генитивной конструкции отличается, например, от наблюдателя в семантике вида, который не имеет определенной пространственной локализации, см. [Падучева 1986]). Релевантность личной сферы демонстрирует пример (26) из [Падучева 1992]; предложение (266) ничуть не аномально, но для человека, у которого Париж — постоянное место жительства, т. е. входит в его личную сферу. При этом наблюдатель уже не субъект восприятия, а СУБЪЕКТ СОЗНАНИЯ ([Падучева 1996: 262ff]):

- (26) а. Меня не было в Москве;
 - б. *Меня не было в Париже.

Иное дело наблюдатель в примере из [Зализняк 2003]:

- (27) а. *Я* завтра на работе не буду.
 - б. Меня завтра на работе не будет.

Фраза (27б) — это тоже генитив наблюдаемого отсутствия в контексте 1-го лица. Но наблюдатель не я (который МЫСЛЮ себя в Месте, поскольку это Место входит в мою личную сферу, как в (26)), а люди, которые там завтра будут: это они меня не увидят.

В типологии наблюдателей, предлагаемой в [Fontanille 1989], предусматривается «не персонифицированный» наблюдатель, как «концептуальный центр» повествования, не воплощенный ни в каком лице. Представляется, однако, что там, где контекст не предоставляет естественного наблюдателя отсутствия, генитивная конструкция может показаться употребленной неуместно⁹:

(28) Несмотря на полученное приглашение присутствовать на трибуне, меня там не было, и выступление Ленина я не слушал: я спал, или — вернее — дрых до трех часов пополудни (Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)).

В [Апресян 1986] был предложен тест, который демонстрирует присутствие наблюдателя в лексической семантике глагола *показаться*. Этот наблюдатель проявляет себя в ограничениях на замену 3-го лица на 1-е при определенном режиме интерпретации предложения. Выстраивается следующая триада:

время в предложении *Володя любил гулять в Летнем саду* не потому, что сомневается в том, что Володя жив или сохранил эту привычку, а только потому, что Володя выбыл из его личной сферы. В терминологии из [Fillmore 1971], это home based factor.

⁹ Впрочем, возможно другое объяснение неуместности генитива в этом контексте: естественно было бы сказать «несмотря на полученное приглашение, я не пошел», т. е. предпочтительность номинативной конструкции можно объяснить ее большей агентивностью, см. раздел 4.

- (29) а. На дороге показался всадник;
 - б. *На дороге показался g;
 - в. Он говорит, что именно в этот момент на дороге показался я.

Предложение (29а), с 3-м лицом субъекта, нормально. При замене 3-го лица на 1-е возникает аномальное (29б). Очевидно, аномалия возникает изза того, что говорящий оказывается субъектом восприятия самого себя, притом на отдаленном расстоянии. Однако аномалия имеет место только в рамках канонической коммуникативной ситуации — которую мы склонны предполагать для изолированного предложения (29а). В гипотаксическом контексте, см. (29в), аномалия пропадет — очевидно, потому, что подразумеваемым субъектом восприятия оказывается теперь не говорящий, а субъект матричного предложения (см. о гипотаксической проекции в [Падучева 2011]).

Можно показать, что в семантику отрицательного предложения с генитивным субъектом глагола *быть* наблюдатель входит ровно в таком же смысле, в каком он был продемонстрирован на глаголе *показаться* — как участник, занимающий определенное место в денотативном пространстве ситуации. Для предложения с генитивной конструкцией отрицания выстраивается аналогичная триада:

- (30) а. Вани нет дома;
 - б. *Меня нет дома;
 - в. Ему сказали, что меня нет дома.

Предложение (30б) не то, чтобы аномально, но подразумевает интерпретацию, так сказать, в духе несобственной прямой речи. В самом деле, в прямом понимании оно противоречиво: содержит утверждение говорящего о том, что его нет дома, и одновременно компонент — в каком-то неассертивном статусе, — что он находится дома в роли наблюдателя этого отсутствия. Опять-таки, в (30в) аномалия пропадает, поскольку подразумеваемый субъект наблюдения (находящийся в доме) тут не говорящий, а субъект матричного предложения. Таким образом, присутствие наблюдателя в (30а) доказывается тем же приемом, каким оно было доказано в (29а). В гипотаксическом контексте генитивный субъект 1-го лица более чем естествен:

(31) — Вы видели, что *меня* там не было, коли сами там были (Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)).

Итак, мы можем заключить, что значение эвиденциальности (или, что то же, засвидетельствованности, наблюдаемости) может быть выражено в русском языке не только лексическими, но и грамматическими средствами — генитивной конструкцией отрицания. Правда, в ограниченном контексте — у небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию с конкретно-референтным субъектом.

Разумеется, эвиденциальность не является в русском языке грамматической категорией: маркировка присутствия наблюдателя, даже при отрицании в составе упомянутого ограниченного класса глаголов, не является обязательной — предложение (2в), с номинативной конструкцией, может быть употреблено и в том случае, если Петька сам был на елке и может засвидетельствовать отсутствие Ольги. Тем более нельзя сказать, что номинативная конструкция выражает косвенную эвиденциальность: фраза (1б) может быть сказана и в таком контексте, когда информация, сообщаемая говорящим, является его прямым знанием, а не заключением по косвенным данным.

Следует также отметить возможную особенность статуса русского эвиденциального показателя. В языках с грамматической эвиденциальностью показатель прямого доступа обычно выражает максимальную степень ответственности говорящего за достоверность информации и является немаркированным членом эвиденциального противопоставления. Между тем в русском языке ссылка на тип доступа, в том числе и на прямой доступ («Я сам видел»), скорее снижает достоверность информации:

(32) Шеварднадзе проезжал по улицам Тбилиси стремительно, его автомобиль с четырех сторон облепляли (*сам видел*) машины охраны (П. Сиркес. Труба исхода (1990—1999)).

В самом деле, в русском языке, как и во многих других, действует постулат о том, что в утвердительном высказывании с индикативным наклонением говорящий несет ЭПИСТЕМИЧЕСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: высказывание Р влечет 'я знаю, что Р' или 'я считаю, что Р' — в зависимости от типа предикации Р. Так, если предикация Р носит оценочный характер, то реализуется второй вариант. Отсюда известный ПАРАДОКС МУРА [Wittgenstein 1953/2009]: высказывание Она красива, но я так не считаю аномально — поскольку Она красива значит, вообще говоря, 'я считаю, что она красива'. Грамматически выраженная наблюдаемость в русском языке тем более не увеличивает степени достоверности информации.

Так или иначе, можно думать, что в типологии способов выражения эвиденциальности пригодится тот опыт, который накоплен исследователями русского языка в сфере эгоцентрической семантики. Русский язык демонстрирует родство понятий «прямая засвидетельствованность» и «наблюдаемость», однако бросается в глаза следующее. В русском языке наблюдатель — это вторичный эгоцентрик: роль наблюдателя может выполнять, в разных режимах, не только говорящий, но и другие лица. Между тем в существующих описаниях грамматической эвиденциальности ее субъектом может быть только говорящий. Так ли это на самом деле, т. е. действительно ли субъект грамматической эвиденциальности является первичным (жестким) эгоцентриком, следовало бы проверить.

И второе. В русском языке наблюдатель, т. е. субъект восприятия, проявляет себя почти так же, как субъект сознания. И в самом деле, имеется

естественный семантический сдвиг, по которому глагол со значением 'видеть' в русском (как, впрочем, и во многих других языках) употребляется также в значении 'понимать', ср. известный пример Анны Вежбицкой Я вижу, Джона здесь нет. Между тем в языках с грамматической эвиденциальностью это семантическое сближение, видимо, не должно иметь место, если наблюдаемое и выведенное как следствие (или просто известное) грамматически противопоставлены.

Литература

Апресян 1980 — Ю. Д. А пресян. Типы информации для поверхностносемантического компонента модели «Смысл \Leftrightarrow Текст» // Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 1. Wien, 1980.

Апресян 1986 — Ю. Д. А п р е с я н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5—33.

Апресян 1992/1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // Научно-техническая информация. Серия 2. № 3; М., 1995. С. 503—537. (Перепечатано в: Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995).

Апресян 1995 — Ю. Д. А пресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.

Апресян 2003 — Ю. Д. А п р е с я н. Лингвистическая терминология Словаря // Ю. Д. А п р е с я н и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М., 2003. С. XVIII—XLIX.

Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.

Борщев, Парти 2002 — В. Б. Б о р щ е в, Б. Х. П а р т и. О семантике бытийных предложений // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002.

Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О. Н. Селиверстова. М., 1982. С. 7—85.

Булыгина, Шмелев 1993 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 78-82.

Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

Зализняк 2003 — Анна А. Зализняк. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Рус. яз. в науч. осв. № 5, 2003. С. 85—105.

Зализняк, Микаэлян 2005 — Анна А. З а л и з н я к, И. Л. М и к а э л я н. Русский союз *а* как лингвоспецифичное слово // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог'2005. М., 2005. С. 153—159.

Ицкович 1974 — В. А. И ц к о в и ч. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. М., 1974. С. 43—106.

Макарцев 2009 — М. М. М а к а р ц е в. Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // Славяноведение. № 2. 2009. С. 74—90.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва — Вена, 1998.

Падучева 1986 — Е. В. Падучева. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 5. С. 413—424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL'A86-5_.pdf.

Падучева 1992 — Е. В. Па дучева. О семантическом подходе к синтаксису и генитивном субъекте глагола быть // Russian Linguistics. Vol. 16. 1992. С. 53—63.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. (2-е изд. — 2010. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIss11996.pdf).

Падучева 1997/2009 — Е. В. Падучева. Об эгоцентрической семантике союзов А и НО // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. (Перепеч. в: Е. В. Падучева. Статьи разных лет. М., 2009. С. 442—451).

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf.

Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // ВЯ. № 3. 2011. С. 3—18. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentricals.pdf.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Храковский 2007 — В. С. X р а к о в с к и й. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (изд.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007. С. 600—632.

Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012 — L. Aelbrecht, L. Haegeman, R. Nye (eds.). Main clause phenomena: New horizons. Amsterdam; Philadelphia, 2012.

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald Evidentiality. Oxford, 2004.

Babby 1980 — L. H. Babby. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, 1980.

Borschev, Partee 2002 — V. Borschev, B. H. Partee. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics 2002. V. 10. P. 105—144.

Cohen, Krifka 2011 — A. Cohen, M. Krifka. "Superlative Quantifiers as Modifiers of Meta-Speech Acts" // The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication / Ed. by Barbara Partee, Michael Glanzberg, and Jurgis Skilters. Vol. 6. Manhattan, KS, 2011. P. 1—56.

Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. Lexical entries for verbs // Foundations of Language. Vol. 4. No. 4. 1968. P. 373—393.

Fillmore 1971 — Ch. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going // Linguistik. Athenäum, 1971. P. 369—379.

Fontanille 1989 — J. Fontanille. Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours, peinture, cinema). Paris, 1989.

Friedman 2005 — V. Friedman. Admirativity: Between modality and evidentiality // Sprachtypologie und Universalienforschung. Vol. 58. № 1. P. 26—37.

Friedman 2012 — V. Friedman. Perhaps Mirativity is Phlogiston, but Admirativity is Perfect: On Balkan Evidential Strategies // Linguistic Typology. Vol. 16. № 3. P. 505—527.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge; Harvard, 1957. Рус. пер.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Отв. ред. О. Γ . Ревзина. М., 1972. С. 95—113.

Lazard 1999 — G. Lazard. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? Linguistic Typology. 3. 1999. P. 91—109.

Letučij 2008 — A. Letučij. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 72. Wien, 2008. P. 215-238.

Paducheva 2008 — E. V. Paducheva. Locative and existential meaning of Russian быть // Russian linguistics, 2008, Vol. 32. № 3. P. 147-158.

Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Subject-Predicate inversion and its cognitive sources // Russian linguistics. Vol. 34. 2010. P. 113-121.

Partee et al. 2012 — B. H. Partee, V. Borschev, E. V. Paducheva, Y. Testelets, and I. Yanovich, 2012. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality // The Russian Verb. Oslo Studies in Language 4 (1). P. 1—29. http://www.journals.uio.no/osla.

Potts 2005 — Ch. Potts. The Logic of Conventional Implicatures. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford, 2005.

Schenner 2012 — M. Schenner. Structures for Interpreting Evidentials. International workshop "The nature of evidentiality", Leiden, The Netherlands, 14-16 June 2012. http://media.leidenuniv.nl/legacy/schenner-mathias.pdf.

Wittgenstein 1953/2009 — L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953 (4th ed. — 2009).

References

Aelbrecht, Haegeman, Nye 2012 — L. Aelbrecht, L. Haegeman, R. Nye (eds.). Main clause phenomena: New horizons. Amsterdam; Philadelphia, 2012.

Aikhenvald 2004 — A. Y. Aikhenvald Evidentiality. Oxford, 2004.

Apresyan 1980 — Yu. D. Apresyan. Tipy informacii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ⇔ Tekst» // Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 1. Wien, 1980.

Apresyan 1986 — Yu. D. Apresyan. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model mira // Semiotika i informatika. Vyp. 28. Moskva, 1986. S. 5—33.

Apresyan 1992/1995 — Yu. D. Apresyan. Leksikograficheskiye portrety (na primere glagola BYT) // Nauchno-tekhnicheskaya informaciya Ser. 2. № 3. Moskva, 1995. S. 503—537. (Perepechatano v: Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. T. 2. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995).

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. T. 2. Moskva, 1995.

Apresyan 2003 — Yu. D. Apresyan i. Lingvisticheskaya terminologiya Slovarya // Yu. D. Apresyan i dr. Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka. Tretiy vypusk. Moskva, 2003. S. XVIII—XLIX.

Arutyunova 1976 — N. D. Arutyunova, Shiryayev 1983 — N. D. Arutyunova, Shiryayev 1983 — N. D. Arutyunova, Ye. N. Shiryayev Russkoye predlozheniye: Bytiynyy tip. Moskva, 1983.

Babby 1980 — L. H. Babby. Existential Sentences and Negation in Russian. Ann Arbor, 1980.

Borschev, Partee 2002 - V. Borschev, B. H. Partee. The Russian genitive of negation: Theme-Rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics 2002. V. 10. P. 105—144.

Borshchev, Partee 2002 — V. B. Borshchev, B. Partee. O semantike byti-ynykh predlozheniy // Semiotika i informatika. Vyp. 37. Moskva, 2002.

Bulygina 1982 — T. V. Bulygina. K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke // Semanticheskiye tipy predikatov. / Otv. red. O. N. Seliverstova. Moskva, 1982. S. 7—85.

Bulygina, Shmelev 1993 — T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. Gipoteza kak myslitelnyy i rechevoy akt // Logicheskiy analiz yazyka. Mentalnyye deystviya. Moskva, 1993

Cohen, Krifka 2011 — A. Cohen, M. Krifka. "Superlative Quantifiers as Modifiers of Meta-Speech Acts" // The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication / Ed. by Barbara Partee, Michael Glanzberg, and Jurgis Skilters. Vol. 6. Manhattan, KS, 2011. P. 1—56.

Fillmore 1968 — Ch. J. Fillmore. Lexical entries for verbs // Foundations of Language. Vol. 4. №. 4. 1968. P. 373—393.

Fillmore 1971 — Ch. J. Fillmore. How to know whether you're coming or going // Linguistik. Athenäum, 1971. P. 369—379.

Glovinskaya 1982 — M. Ya. Glovinskaya. Semanticheskiye tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola. Moskva, 1982.

Fontanille 1989 — J. Fontanille. Les espaces subjectifs. Introduction à la sémiotique de l'observateur (discours, peinture, cinema). Paris, 1989.

Friedman 2005 — V. Friedman n. Admirativity: Between modality and evidentiality // Sprachtypologie und Universalienforschung. Vol. 58. № 1. P. 26—37.

Friedman 2012 — V. Friedman n. Perhaps Mirativity is Phlogiston, but Admirativity is Perfect: On Balkan Evidential Strategies // Linguistic Typology. Vol. 16. N_2 3. P. 505—527.

Ickovich 1974 — V. A. Ickovich. Ocherki sintaksicheskoy normy // Sintaksis i norma. Moskva, 1974. S. 43—106.

Jakobson 1957 — R. Jakobson n. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge; Harvard, 1957. Rus. per.: Jakobson R. Shiftery, glagolnyye kategorii i russkyy glagol // Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya / Otv. red. O. G. Revzina. Moskva, 1972. C. 95—113.

Khrakovskiy 2007 — V. S. Khrakovskiy Evidencialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost // V. S. Khrakovskiy (izd.). Evidencialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati N. A. Kozincevoy. Sankt-Peterburg, 2007. S. 600—632.

Lazard 1999 — G. Lazard. Mirativity, evidentiality, mediativity, or other? Linguistic Typology. 3. 1999. P. 91-109.

Letučij 2008 — A. Letučij. Sravnitelnyye konstrukcii, irrealis i evidencialnost // Wiener Slawistischer Almanach. SBd. 72. Wien, 2008. P. 215—238.

Makarcev 2009 — M. M. Makarcev. Kategoriya evidencialnosti v balkanskikh yazykakh: sovremennyy vzglyad na problemu // Slavyanovedeniye. № 2. 2009. S. 74—90.

Melchuk 1998 — I. A. Melchuk. Kurs obshchey morfologii. T. 2. Moskva — Wien, 1998.

Paducheva 1986 — Ye. V. Paducheva. Semantika vida i tochka otsceta // Izv. AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1986. T. 45. № 5. S. 413—424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL'A86-5 .pdf.

Paducheva 1992 — Ye. V. Paducheva. O semanticheskom podkhode k sintaksisu i genitivnom subyekte glagola byt // Russian Linguistics. Vol. 16. 1992. S. 53—63.

Paducheva 1996 — Ye. V. P a d u c h e v a. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. Moskva, 1996. (2-e izd. — 2010. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduSemantIssl1996.pdf).

Paducheva 1997/2009 — Ye. V. Paducheva. Ob egocentricheskoy semantike soyuzov A i NO // Slavyanskiye sochinitelnyye soyuzy. Moskva, 1997. (Perepech. v: Ye. V. Paducheva. Stati raznykh let. Moskva, 2009. S. 442—451).

Paducheva 2004 — Ye. V. Paducheva. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf.

Paducheva 2008 — E. V. P a d u c h e v a. Locative and existential meaning of Russian быть // Russian linguistics, 2008, Vol. 32. № 3. P. 147—158.

Paducheva 2010 — E. V. P a d u c h e v a. Subject-Predicate inversion and its cognitive sources // Russian linguistics. Vol. 34. 2010. P. 113—121.

Paducheva 2011 — Ye. V. Paducheva 2. Egocentricheskiye valentnosti i dekonstrukciya govoryashchego // Voprosy yazykoznaniya. № 3. 2011. S. 3—18. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentricals.pdf.

Partee et al. 2012 — B. H. Partee, V. Borschev, E. V. Paducheva, Y. Testelets, and I. Yanovich. The Role of verb semantics in genitive alternations: Genitive of Negation and Genitive of Intensionality // The Russian Verb. Oslo Studies in Language 4 (1). 2012. P. 1—29. http://www.journals.uio.no/osla.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.

Potts 2005 — Ch. Potts. The Logic of Conventional Implicatures. Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford, 2005.

Sannikov 1989 — V. Z. Sanniko v. Russkiye sochinitelnyye konstrukcii. Semantika. Pragmatika. Sintaksis. Moskva, 1989.

Schenner 2012 — M. Schenner. Structures for Interpreting Evidentials. International workshop "The nature of evidentiality", Leiden, The Netherlands, 14—16 June 2012. http://media.leidenuniv.nl/legacy/schenner-mathias.pdf.

Wittgenstein 1953/2009 — L. Wittgenstein. Philosophical investigations. Oxford, 1953 (4th ed. — 2009).

Zaliznyak 2003 — Anna A. Zaliznyak. Schastye i naslazhdeniye v russkoy yazykovoy kartine mira // Rus. yaz. v nauch. osv. № 5. 2003. S. 85—105.

Zaliznyak, Mikaelyan 2005 — Anna A. Zaliznyak, I. L. Mikaelyan. Russkiy soyuz *a* kak lingvospecifichnoye slovo // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Trudy Mezhdunarodnoy konferencii Dialog'2005. Moskva, 2005. S. 153—159.

Резюме

В статье показано, что значение эвиденциальности может быть выражено в русском языке грамматическими средствами — генитивной конструкцией отрицания. Следует оговорить, что противопоставление возможно в ограниченном контексте — в контексте небольшого числа стативных и моментальных глаголов, которые допускают генитивную конструкцию при конкретно-референтном или квантифицированном субъекте. В этом контексте номинативная конструкция выражает просто отсутствие, а генитивная — наблюдаемое отсутствие, т. е. наличие наблю-

дателя. В типологическом плане интересно, что в русском языке наблюдатель — это мягкий эгоцентрик: роль наблюдателя может выполнять, в разных режимах, не только говорящий, но и другие лица. Возникает вопрос относительно субъекта эвиденциальности в языках, где эвиденциальность — грамматическая категория: верно ли, что субъект грамматической эвиденциальности всегда говорящий, т. е. жесткий эгоцентрик?

Ключевые слова: эвиденциальность, наблюдатель, наблюдаемое отсутствие, мягкие и жесткие эгоцентрики

ELENA V. PADUCHEVA

IS THERE GRAMMATICALLY EXPRESSED EVIDENTIALITY IN RUSSIAN?

In this paper it is demonstrated that evidentiality can be expressed in Russian by grammatical means, namely, with the help of a grammatical construction called "Genitive of Negation". It should be specified that the opposition is only possible in a limited context of several stative and momentary verbs of location and appearance that allow "Genitive of Negation" for a referential or quantified subject. In this context Nominative expresses simple absence, while Genitive expresses OBSERVED ABSENCE, i.e. the presence of the OBSERVER as a participant of the situation. From the typological point of view it is interesting that in Russian the observer is a FLEXIBLE (= MILD, = SECONDARY) egocentrical: the role of the observer can be fulfilled, in different registers of interpretation, not only by the SPEAKER but also by other subjects. The question is, whether in languages with grammatical evidentiality it is always the case that the role of the subject of evidentiality can **only** be fulfilled by the speaker, so that the subject of evidentiality is a RIGID (= HARD, = PRIMARY) egocentrical?

Keywords: evidentiality, observer, observed absence, shiftable and hard egocentrics.

Всероссийский Институт научной и технической информации РАН 125190, Москва, Усиевича 20

All-Russian Institute of Scientific and Technical Information, Russian Academy of Sciences, 20, Usievicha, Moscow 125190, Russia

Статья поступила 17.11 2012

Received on 17.11 2012

С. Г. ТАТЕВОСОВ

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ О РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ СПОСОБЕ ДЕЙСТВИЯ*

1. Дистрибутивная совершаемость

Учение о совершаемостях, или способах действия (СпД) [Исаченко 1960], незыблемо утвердившееся в отечественной русистике, предписывает считать *поувольнять* и *переувольнять* в (1) и (2) разновидностями распределительного, или дистрибутивного СпД:

- (1) И охранников своих предупреди, если они еще будут с ними в доле работать, *поувольняю* всех, к чертям собачьим! (Андрей Житков. Супермаркет).
- (2) Не вздумайте кому-нибудь рассказывать, а то нас всех тут **пере-** увольняют к чертовой бабушке («Столица», 1997.07.15).

Если понимать выражение «категория способа действия» буквально, например как «тип модификации глагольного действия, выраженный определенными словообразовательными средствами» [Зализняк 2003], то в переводе на более формальный язык это означает две вещи.

Во-первых, в (1) и (2) мы имеем дело с одним и тем же семантическим оператором, назовем его DISTR, задача которого, — произвести определенную манипуляцию с семантикой исходного глагольного предиката. По поводу того, как в точности DISTR воздействует на предикат, имеются самые разнообразные мнения, см. [Scha, Remko 1981; Link 1983; Lasersohn 1995; Schwarzschild 1996; Landman 2000]. Каково бы ни было это воздействие, однако, мы ожидаем, что, если DISTR исчерпывает семантическое содержание префиксов *по-* и *пере-*, то

Сергей Георгиевич Татевосов, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 30—51.

-

^{*} Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 11-06-00489а. Автор глубоко признателен рецензенту журнала «Русский язык в научном освещении» за замечания и комментарии к предыдущей версии этой статьи.

- изменение в семантике предиката, вызванное префиксами, одинаково;
- префиксы накладывают сходные ограничения на лексическо-семантические характеристики этого предиката.

Во-вторых, если префиксы — средства поверхностного выражения одной и той же категории, мы ожидаем от них сходного морфосинтаксического поведения и сходной дистрибуции.

При взгляде на примеры типа (1)—(2) сначала кажется, что так и есть. С семантической точки зрения и в (1), и в (2) мы видим то, что некоторые называют объектным дистрибутивом. Оба они описывают множественную ситуацию увольнения, в которой к каждой отдельной атомарной подситуации привязан некоторый индивид (или группа индивидов), вводимый в рассмотрение с помощью прямого дополнения (мы) все. Такое сходство конечного результата двух дериваций, отправной точкой которых выступает один и тот же глагол увольнять, подводит нас к мысли, что семантическая операция, которую проводят по- и пере-, идентична. А то, что по- и пере- употребляются в одном и том же лексическом контексте, указывает и на сходные лексические ограничения.

С морфосинтаксической точки зрения различия между *поувольнять* и *переувольнять* также не бросаются в глаза: и в (1) и в (2) префикс соединяется с (вторичной) имперфективной переходной основой и создает перфективную основу, не добавляя новых аргументов и не меняя семантические свойства уже имеющихся. (Очевидное ограничение, в соответствии с которым для дистрибутивности требуется множественность распределяемой сущности, в нашем случае — прямого дополнения, не в счет.)

Проблемы начинаются в тот момент, когда мы осознаем, что пары, в которых *по-* и *пере-* выглядят идентично, составляют абсолютное меньшинство. Сравним (3) и (4):

- (3) Лишь когда погасло освещение, и гитаристы *попрыгали* со сцены, он обернулся на яркие всполохи пламени, охватившие крашеную деревянную постройку (e-reading-lib.org).
- (4) По краям сцены расположились по паре ребят, которые, помогая охране, не пускали на сцену пьяных фанатов, скидывая их прямо на руки визжащей от восторга толпы. Таким вот образом в эту ночь со сцены перепрыгали, наверное, большинство посетителей клуба (ofmusic.ru).

Суждения носителей русского языка по поводу (3)—(4) вполне отчетливы: существуют такие сценарии, когда мы принимаем дистрибутивный глагол *перепрыгать* и отвергаем *попрыгать* ¹. Один из сценариев представлен в (5):

(5) Индивиды один за другим покинули сцену, а затем вернулись обратно.

¹ (4), по всей видимости, несколько выходит за пределы литературной нормы и многими квалифицируется как находящийся на грани допустимого. Однако в той степени, в которой это предложение поддается интерпретации, даже сомневающиеся носители разделяют общую интуицию.

Если в коммуникативном контексте выполняется условие (5), *попрыгали* близко к аномальному, тогда как *перепрыгали* вполне приемлемо. Интуиция немедленно подсказывает, где искать различие: результат ситуации, описываемой в (3), — то, что гитаристы очистили сцену, а ситуации в (4) — то, что почти все совершили прыжок. Первый результат вступает в противоречие с (5), второй нет.

Похоже, что семантика *по*- все-таки отличается от семантики *пере*-. Но чем именно? И почему мы не видим это различие в (1)—(2)? Разумеется, двух пар с двумя глагольными основами недостаточно, чтобы предложить ответы на эти и множество других вопросов. Хотя семантическая нетождественность *по*- и *пере*- была отмечена русистами задолго до того, как у автора появился план этих заметок, на том месте, где должен быть анализ их семантики, по-прежнему зияет пустота. Заполнить ее мы не беремся: в оставшейся части статьи о семантике не будет ни слова².

Вместо этого мы сосредоточимся на второй части ложных ожиданий, навеянных идеей о том, что *по-* и *пере-* — представители одной категории, а именно: на их морфосинтаксической дистрибуции. В разделе 2 мы познакомим читателя с теорией, объясняющей структуру русской глагольной основы и определим место дистрибутивного *пере-* в этой структуре. После этого в разделе 3 мы сосредоточимся на дистрибутивном *по-*, который не только отличается от *пере-*, но и выделяется из множества других префиксов сразу в нескольких отношениях. Мы попытаемся сделать его выдающиеся особенности эксплицитными, а в завершение обсудим несколько более отдаленных проблем, возникающих в этом теоретическом контексте.

2. Дистрибутивный пере-: селективно-ограниченный префикс

Цель этого раздела — изложить обобщения о русской системе префиксации и выявить роль дистрибутивного *пере*- в этой системе. Хорошо известно, что с точки зрения дистрибуции префиксы распадаются на две большие группы — внутренние и внешние [Babko-Malaya 1999; Ramchand 2004; Romanova 2004; 2006; Svenonius 2004; 2008]. Внутренние префиксы располагаются в непосредственном контакте с исходной основой, внешние присоединяются поверх внутренних. Типичный представитель первой группы — префикс *у*-, который АГ-80 характеризует как «уменьшить(ся) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *уварить*(ся),

² За дальнейшими наблюдениями и обобщениями о префиксальной семантике и семантике способов действия мы отсылаем читателя к значительной литературе по предмету, в первую очередь, [Добрушина, Пайар (ред.) 2001; Зализняк, Шмелев 2000; Исаченко 1960; Кронгауз 1998; Кронгауз (ред.) 2001; Кронгауз, Пайар 1997; Flier 1975; 1984; 1985; Janda 2008] из самых недавних работ — [Янда 2012; Endresen et al. 2012, Janda et al. 2013].

ужарить(ся), ужать(ся), урезать, усохнуть, ушить, укипеть. В (6)—(9) он выступает в двупрефиксальной основе в комбинации с одним из внешних префиксов. Примеры (b) показывают, что альтернативный порядок префиксов в основе невозможен:

- (6) а. Я даже это доесть не смогла, при том что раньше к этому добавлялся еще суп или десерт. Видимо, желудок уже *под-у-жался* (forum.cosmo.ru).
 - b.*у-под-жался
- (7) а. Нет возможности загрузить изображения. Ужимал в пять приемов. До-у-жал до 100 — все равно не грузит! (forum.modelka.com.ua). b. *у-до-жа-л
- (8) а. Видео после захвата необходимо ужать в МПЕГ-4, что сама Pinacle Studio делает крайне плохо: я *пере-у-жимал* в программе NeroVision (otvet.mail.ru).
 - b. *y-пере-жим-а-л
- (9) а. Конвертер как конвертер. Завтра пришлет ужатые файлы, посмотрю, чего он там *на-у-жимал* (forum.ixbt.com).
 - b.*у-на-жим-а-л

Префиксы типа аттенуативного *под*- в (6), комплетивного *до*- в (7), репетитивного *пере*- в (8) и кумулятивного *на*- в (9) являются внешними. В [Татевосов 2009; 2013а; 2013b] обосновывается, что к этой группе относятся, кроме того, делимитативный *по*- (пописать статью), инцептивный за- (запеть песню), пердуративный про- (прождать всю ночь), аттенуативный при- (приоткрыть дверь), терминативный от- (отдежурить). Список, конечно, нельзя признать исчерпывающим: выявление полного инвентаря внешних префиксов — задача на будущее.

Дистрибуция внешних префиксов описывается в терминах двух формальных ограничений:

- (10) Ограничения на дистрибуцию префиксов
 - а. Селективное ограничение. Возможность присоединения префикса к основе может быть ограничена ее формальной (им)перфективностью.
 - b. Позиционное ограничение. Возможность присоединения префикса к основе может быть ограничена взаиморасположением позиции присоединения и позиции «показателя вторичного имперфектива» -ыва-.

Ограничения (10a-b) логически независимы, и каждый конкретный префикс может подчиняться либо одному, либо другому, либо никакому, либо сразу обоим. Соответственно, внешние префиксы не образуют единого гомогенного естественного класса, а распадаются на группы. В [Татевосов 2009; 2013а; 2013b] выделяются, в частности, позиционно-ограничен-

ные и селективно-ограниченные внешние префиксы (далее ПО-префиксы и СО-префиксы).

Позиционно-ограниченные префиксы подчиняются ограничению в (11), которое выступает частным случаем (10b).

(11) Позиционно-ограниченные префиксы присоединяются не выше, чем показатель вторичного имперфектива -ыва-.

Префиксы этой группы — комплетивный ∂o -, репетитивный nepe-, а также аттенуативные nod- и npu-. Ограничение в (11) провозглашает невозможным их присоединение к основе, уже содержащей показатель вторичного имперфектива. Чтобы увидеть действие (11) наиболее отчетливо, необходимо взять основу, которая допускает и вторичную имперфективацию с помощью -b6a-, и присоединение ПО-префикса, например, o12a-b1 показаны обе эти возможности; группу ПО-префиксов представляет аттенуативный n2a-b1.

```
(12) Дериваты первого уровня от основы откры- а. от-кры- \rightarrow откры-ва- b. от-кры- \rightarrow при-откры-
```

Рассмотрим теперь глагол *приоткрывать*. Априори можно представить себе два способа, которыми этот глагол возникает: перфективацией *открыва*- в (13a) с помощью *при*- и имперфективация *приоткры*- с помощью -ыва- в (13b):

```
(13) Дериваты второго уровня от основы откры-а. откры-ва- *\rightarrow при-открыва-
b. при-откры-\rightarrow приоткры-ва-
```

В (13а) последним шагом деривации является префиксация, а значит, глагол приоткрывать перфективен. В (13b) деривация завершается вторичной имперфективацией, создающей, естественно, имперфективный глагол. Мы знаем, что в действительности приоткрывать — глагол несовершенного вида, а значит, деривация в (13а) невозможна. Поскольку и открывать (12a), и приоткрыть (12b) в русском языке существуют, источник деривационной коллизии следует искать в последнем шаге, то есть в переходе «откры-ва- *→ при-открыва-» в (13a). Проблема не может состоять в принципиальной несочетаемости аттенуативного при- с имперфективной основой (ср. приглушить, припухнуть, притормозить), а значит, мы имеем дело с аутентичным морфосинтаксическим ограничением, не выводимым из каких-либо других. Если в качестве такого ограничения предложить (11), (13а-b) и аналогичные примеры получают убедительное объяснение. В (14)—(16) приводится несколько дополнительных примеров, которые показывают, что если в основе присутствуют одновременно и ПО-префикс и показатель вторичного имперфектива, последний присоединяется поверх первого.

- (14) Учащийся, работая с любым предметным материалом... [[nepe- $[om-\kappa p\omega]^P]^P-sa]^I-em$ процесс возникновения того или другого знания, переоткрывает открытие, некогда сделанное в истории (wiki.ippk.ru).
- (15) Отработанные навыки без проблем позволяют балансировать на одной ноге, пока другая держит и $[[\partial o-[om-\kappa p \omega]^P]^P-\epsilon a]^I-\epsilon m$ дверь (mindfactor.livejournal.com).
- (16) Проверка выявила ещё один нюанс: после запуска двигателя пневмоклапан $[[nod-[om-\kappa pbi]^P]^P-ea]^I-em$ заслонку на 5,5 мм (2126.ru).

В (14)—(16) мы видим лично-числовые формы трех глаголов, образованных от основы *откры*- с помощью репетитивного *пере*-, комплетивного *до*- и аттенуативного *под*-. Все они имеют временную референцию к настоящему. Это показывает, что перед нами глаголы НСВ, а значит, присоединение ПО-префиксов происходит до имперфективации — в полном соответствии с (11).

К селективно-ограниченным префиксам относятся кумулятивный нa-, делимитативный no-, инцептивный sa-, пердуративный npo-, а также интересующий нас дистрибутивный nepe-. Их дистрибуция описывается обобщением в (17), которое представляет собой частный случай (10а):

(17) Селективно-ограниченные внешние префиксы присоединяются к формально-имперфективной основе.

Обобщение в (17) предсказывает, что селективно-ограниченные префиксы способны соединяться с первичной имперфективной основой, как в (18), и вторичной имперфективной основой, полученной в результате имперфективации глагола СВ — либо непроизводного (19), либо приставочного (20).

(18) СО-префиксы в комбинации с непроизводной имперфективной основой

```
новои
[на-[вари]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (варенья)
[по-[сиде]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (в кресле)
[за-[би]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (в барабан)
[про-[служи]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (три года в армии)
[пере-[лови]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (всех мышей)
```

(19) СО-префиксы в комбинации со вторичной имперфективной основой от непроизводного перфектива

```
[на-[[да]<sup>P</sup>-ва]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (пощечин)
[по-[[реш]<sup>P</sup>-а]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (задачи)
[за-[[ощущ]<sup>P</sup>-а]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (запахи)
[про-[[обман]<sup>P</sup>-ыва]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (друга всю жизнь)
[пере-[[брос]<sup>P</sup>-а]<sup>I</sup>]<sup>P</sup>-ть (камни в воду)
```

- (20) СО-префиксы в комбинации со вторичной имперфективной основой от приставочного перфектива
 - а. Черт бы их побрал, $[na-[[om-\kappa p \omega]^P-sa]^I]^P-nu$ детских садов целый город, а мебели не дают (А. С. Макаренко. Педагогическая поэма).
 - b. Поэтому запустил программу, записывающую действия на экране, открыл PSP, и немного $[no-[[3a-nuc]^P-ыва]^I]^P-л$, что и как (nova-forum.com).
 - с. Мальчик вдруг заиграл, $[3a-[[3a-\delta u]^P-sa]^I]^P$ -л и ваще стал звездой всей Европы (jebers.forum24.ru).
 - е. В эту зиму в —37 день $[npo-[[3a-вoo]^P-u]^I]^P-л$, потом в сервис погнал авто (www.tourerv.ru).
 - d. Долго искал утилитки для подобной работы, $[nepe-[[c-npaw]^P-uвa]^I]^P$ -л всех друзей и в итоге нашёл pssh и shmux (michael.mindmix.ru).

Примеры в (20) показывают, среди прочего, что позиционному ограничению СО-префиксы не подчиняются: в глагольных основах типа *прозаводить*, *позаписывать* и *переспрашивать* ('задать вопрос группе индивидов одному за другим') они располагаются поверх вторичного имперфектива.

Однако попытка присоединить СО-префикс к формально-перфективной основе, будь то исходной, как в (21a) (ср. (19)), или производной, как в (21b) (ср. (20)), приводит к неграмматичности.

(21) СО-префиксы в комбинации с перфективной основой

```
      а. *[на-[да]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
      b. *[на-[от-кры]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть

      #[по-[реши]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
      #[по-[за-писа]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть

      *[за-[ощути]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
      *[за-[за-би]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть

      *[про-[обману]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
      *[про-[за-вес]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ти

      #[пере-[броси]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
      #[пере-[с-проси]<sup>P</sup>]<sup>P</sup>-ть
```

Глаголы в (21) либо вовсе невозможны, либо невозможны с интересующим нас значением префикса. Например, *перебросить* и *переспросить* в русском языке, конечно, существуют. *Пере-*, однако, не может получить в их составе дистрибутивную интерпретацию. *Перебросить* (через забор) содержит *пере-* с пространственно-направительным значением, которое иногда называют транслативным, а в образовании *переспросить* задействован репетитивный *пере-* ('задать вопрос еще раз'), который, будучи позиционно-ограниченным, свободно соединяется с перфективной основой.

Из обобщений в (11) и (17) легко выводятся и более общие предсказания по поводу дистрибутивного *пере*- как представителя класса СО-префиксов. Например, если мы хотим построить основу, в которой *пере*-находится над ПО-префиксом, между ними должен располагаться (в иерархическом смысле, конечно, а не в линейном) показатель вторичного имперфектива:

- (22) Дистрибутивный пере- поверх ПО-префикса

 - а. *[$nepe_{DISTR}$ [ΠO -префикс ...] P] P b. [$nepe_{DISTR}$ [- ωBa [ΠO -префикс ...] P] I] P

Запрет на (22а) непосредственно вытекает из (17): любому СО-префиксу необходима имперфективная основа, тогда как результатом присоединения ПО-префикса выступает перфективная. Ситуацию можно улучшить, проведя вторичную имперфективацию, как (22b). Пример этой возможности показан в (23), где дистрибутивный пере- располагается поверх комплетивного до-.

- (23) Я перебрал и $[nepe-[[\partial o-\partial e \pi]^P- b B a]^I]^P- \pi$ кучу карт. Самый лучший конечный результат получился именно на Live 5.1 (adsh.ukrweb.net).
- В (23) до- соединяется с первичным имперфективом дела-, затем имперфективируется, после чего добавляется дистрибутивный пере-. Аналогичные примеры с другими СО-префиксами показаны в (24):
 - (24) СО-префиксы поверх ПО-префиксов
 - а. У меня лежит несколько серий, и порой очень люблю [по-[[пере- $[c_{mamp}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}]^{P}$ - $[u_{Ba}]^{I}$
 - b. Не буду долго рассказывать, как и что я там [на-[[nepe-nuc]]^Pbiga¹]^P-л и что реализовал (homemediaserver.ru).
 - с. Засеребрило елки, сосны. Они будто заискрились в хрустальном убранстве Заметно $[3a-[[nod-ma]^P-usa]^I]^P$ -л павший снег (bylkov.ru).

Напротив, если мы хотим видеть ПО-префикс поверх дистрибутивного пере-, это можно сделать единственным способом — так, как показано в (25):

(25) [ПО-префикс [$nepe_{DISTR}$ - [непроизводная имперфективная основа I_1P_1P_1

Читатель может самостоятельно убедиться, что только такая конфигурация предохраняет ПО-префикс от преждевременного появления в основе показателя вторичного имперфектива. Если бы переділга- или любой другой СО-префикс присоединился к производной имперфективной основе, под СО-префиксом с неизбежностью возник бы показатель -ыва-, а ПО-префикс оказался бы над ним — в нарушение позиционного ограничения в (11). Это показано в (26). К нарушению (11) приводит и деривация в (27), где дистрибутивная основа имперфективируется перед присоединением ПО-префикса.

- (26) *[ПО-префикс [$nepe_{DISTR}$ [-ыва- [перфективная основа] P] I] P] P
- (27) *[ПО-префикс [-ыва- [$nepe_{DISTR}$ [непроизводная имперфективная основа [^I]^P]^I]^F

Реализация структуры в (25) иллюстрируется в (28):

(28) Прижал хвосты этим жуликам Сталин в свое время, но не всех [до- $[nepe-\partial agu]^P]^P-\pi$ (forums.drom.ru).

В полном соответствии с (25), к непроизводной имперфективной основе $\partial a b u$ - сначала присоединяется репетитивный n e p e-, а затем комплетивный ∂o -. Другие ПО-префиксы, расположенные поверх СО-префиксов, показаны в (29).

(29) ПО-префиксы поверх СО-префиксов

- а. Только $[no\partial [ha-\delta poca]^P]^P mb$ бы мусора побольше. Хороший такой игровой набор получился (phantoms.su).
- b. Спартак ничего хорошего не показал с Лучом,... пол-игры ходил пешком. Только во втором тайме немного $[no\partial-[3a-бera]^P]^P$ -ли благодаря Быстрову (betnotes.ru).
- с. Возможно, стоит внимательно $[nepe-[no-чита]^P]^P$ -ть инструкцию к DVD-рекордеру (e1.ru).
- d. Мы часто предпочитаем сексу обыденные занятия и радости дочитать книгу, доиграть в компьютерную игрушку, досмотреть фильм, $[\partial o-[no-cu\partial e]^p]^p-mb$ в ЖЖ (www.rulife.ru).

Кроме уже обсуждавшихся, дистрибутивный *пере*- дает еще одну прекрасную иллюстрацию различия СО-префиксов и ПО-префиксов. Как ясно из предшествующих примеров, о членстве префикса в каком-то из выделенных классов возможно осмысленно говорить лишь применительно к определенному значению. Дистрибутивный *пере*- — СО-префикс. Репетитивный *пере*- — ПО-префикс. Сцепленность значения префикса с его дистрибуцией хорошо видна на примере минимальной пары в (30):

(30) Дистрибутивный nepe- vs. репетитивный nepe-

- а. Вызванный мастер-открывальщик $[nepe_{DISTR}-[[om-\kappa p \omega]^P-\epsilon a]^1]^P$ -л все сейфы (там была проблема с переездом и утерей ключей) (wwwboards.auto.ru).
- b. И на Землю свалился не с Луны, а первые 25 лет жизни жил за счёт труда тех же трудяг, теорему Пифагора сам не $[[nepe_{REP}-[om-\kappa p_{bi}]^P]^P-ea]^I$ -л, заново колеса не изобретал (avanturist.org).

Как и предсказывает теория, дистрибутивный *пере*- в (30a) присоединяется после вторичного имперфектива (*откры- \rightarrow откры-ва- \rightarrow пере-открыва-),* и в результате возникает глагол СВ. Репетитивный *пере*- в (30b) сначала комбинируется с основой, и лишь затем основа имперфективируется (*откры- \rightarrow пере-откры- \rightarrow пере-откры- \rightarrow переоткры-ва-); продуктом деривации оказывается глагол НСВ.*

В этом месте, конечно, возникает вопрос, имеет ли такая ситуация последствия для решения проблемы семантического инварианта префиксов. Более или менее убедительные ответы на этот вопрос энергично предлагались в последние несколько десятилетий (о семантике *пере*- в этом контексте см., например, [Flier 1985/Флайер 2010; Paillard 1995; Кронгауз 1998]). Выскажемся осторожно: ни одно из обобщений, которые мы сделали до сих пор, не кажется несовместимым ни с идеей об инварианте, ни с идеей о

его отсутствии. Мы не видим интуитивно правдоподобного способа свести воедино дистрибутивный и репетитивный пере- (а кроме этих двух, у пере-, как мы знаем, есть и целый ряд других употреблений), однако не беремся доказать, что это невозможно. Во всяком случае, если предполагать, что семантика пере- и аналогичных префиксов сводима к инварианту, теория как минимум должна учитывать, что к различиям в семантике привязаны различия в дистрибуции, а как максимум — объяснять, как возникает эта привязка.

3. Дистрибутивный по-: левопериферийный префикс

Перейдем к обсуждению дистрибутивного по-. Как этот префикс встраивается в обрисованную выше систему? Мы утверждаем, что его дистрибуция описывается в терминах тех же ограничений, которыми мы оперировали до сих пор. Первое важное (и отмеченное в литературе) свойство префикса состоит в том, что он, подобно ПО-префиксам, не подвергает основы аспектуальной сегрегации:

(31) Дистрибутивный по- не имеет ограничений на формальную (им)перфективность основы.

Соответственно, мы встречаем его в комбинации практически со всеми возможными типами основ, как имперфективных, так и перфективных. Присоединение префикса к непроизводным имперфективам тривиально: эту возможность мы видим у глаголов типа побросать (вещи в беспорядке), померзнуть (о растениях), попадать (с полки) и т. п. Несколько вторичных имперфективов показано в (32а-с):

- (32) Дистрибутивный по- в комбинации со вторичной имперфективной основой
 - а. А то, что там вокруг мокрое все, так это я систему охлаждения ковырял, $[no-[[oб-лu]^P-вa]^I]^P$ -л все на хрен (forum.fiat-club.ru). b. Что-то у нас все $[no-[[зa-бoлe]^P-вa]^I]^P$ -ли, мало народу было, зато
 - три пары снова (shad666.beon.ru).
 - с. Я спрашивал, как быть с роутером, везде все $[no-[[nepe-nuc]^P]]$ ыва $]^1]^P$ -л, ничего не получилось (dgr.su).

Префикс в комбинации с перфективными основами представлен в (33)— (35). В (33) мы видим его поверх лексических префиксов, в (34) — поверх селективно-ограниченных и в (35) — поверх позиционно-ограниченных.

- (33) Дистрибутивный по- в комбинации с перфективной основой с лексическим префиксом
 - а. Тут к нам в город приезжал Артемий Лебедев... типа самый крутой мировой веб-дизайнер, $[no-[oб-лu]^P]^P$ -л грязью наши сайты (delphimaster.net).

- b. Да это Ющенко дурковал. Всё, что можно было хоть как-то прицепить к многовековой борьбе против москалей, $[no-[вы-mauuu]^P]^P$ -л (forum-tvs.ru).
- с. Утром они пошли по следу дикой мертвой коровы и набрели на остатки какой-то базы кто-то там все поразбил и кровью $[no-[нa-брызгa]^P]^P$ -л (newslab.ru).
- (34) Дистрибутивный *по-* в комбинации с перфективной основой с СО-префиксом
 - а. Мы тут с Аной $[no-[за-nрыга]^P]^P$ -лu, как зайцы, с мокрыми полотенцами дымищу разгонять.
 - b. Я, чтоб достать этот список, стока писем $[no-[nepe-nuca]^P]^P$ -n, инстанций обошел, а нашел его только в горсобрании у секретаря (mnogodetok.ru).
 - с. Пару минут в день по интернету $[no-[no-uma]^P]^P$ -л о вреде вакцин и все: разбираешься лучше любого профессора (medicina.kuzenus.ru).
 - d. У девочки вообще не было возможности купить себе баночку из новой коллекции долбаного японца. Приходит через полгода, а там раз — и нету больше этой баночки. А есть другие. Ему надоели старые и он новых [no-[на-вари]]^P]^P-л и поналивал (zloygal.livejournal.com).
- (35) Дистрибутивный no- в комбинации с перфективной основой с ПО-префиксом
 - а. Вот недавно опять $[no-[nepe-чита]^P]^P$ -л свой мегадневничок, и прям аж порадовался (diary.ru).
 - b. В итоге Авенжер приутих, оправился от потрясений, [no-[$\partial o-cmpou$] P] P -л флот и сейвил его в долгих PO (board.ogame.ru).
 - с. Девочки, что можно сделать с лепестками роз? Букетики уже $[no-[no\partial-вя]^P]^P$ -ли (vladmama.ru).

С точки зрения селективного ограничения в (31) дистрибутивный *по*ведет себя так же, как ПО-префиксы. Как обстоят дела с позиционным ограничением? В этом отношении ПО-префиксы — полная противоположность дистрибутивному *по*-: последний присоединяется только поверх вторичного имперфектива:

(36) Дистрибутивный *по*- присоединяются выше, чем показатель вторичного имперфектива -*ыва*-.

Чтобы увидеть это, используем тот же прием, что и с ПО-префиксами: создадим глагол, содержащий одновременно *по-* и показатель вторичного имперфектива и априорно допускающий две деривационные возможности:

- (37) Гипотетические деривации основы с дистрибутивным *по-* и вторичным имперфективом
 - а. основа \rightarrow *no*-основа \rightarrow [по-основа]-*ыва*
 - b. основа → основа-*ыва* → no-[основа-ыва]

В качестве исходной основы для этого эксперимента, подходит, например, *вылома*-, которая может и имперфективироваться (38a), и присоединять *no*- (38b).

- (38) Дериваты от основы вылома
 - а. Лично я не понимаю, как можно было не заметить, что трое заключенных $[[вы-лам]^P$ -ыва $]^I$ -юм пол камеры? («Известия», 2001.09.06).
 - b. $[\Pi o [вы-лома]^P]^P n$ все полы и повыкидывал нафиг (4pda.ru).

(38а-b) доказывают возможность первого деривационного шага в (39а-b), где показаны гипотетические пути к основе *повыламыва*-:

- (39) Гипотетические пути деривации основы *повыламыва* с дистрибутивным *по*
 - а. вылома- \rightarrow вылам-*ыва-* \rightarrow *по*-выламыва-
 - b. вылома- \to *по*-вылома- * \to повылам-*ыва*-

На следующем шаге мы пытаемся получить глагол *повыламывать* двумя способами — либо присоединяя *по*- к *выламыва*- в (39а), либо имперфективируя *повылома*- в (39b). В первом случае, когда деривация завершается префигированием, мы должны получить глагол СВ, во втором — глагол НСВ. Обследование выборки примеров с дистрибутивным *повыламывать* немедленно показывает долю имперфективного варианта — 0%. *Повыламывать* интерпретируется только перфективно, как в (40); на это же указывает его неграмматичность в составе аналитического будущего и конструкции с фазовым глаголом в (41а-b).

- (40) Это ещё в войну наши кулкиковские все плиты с полов $[no-[[вы-nam]^P-ывa]^I]^P-nu$, себе дворы умостили, чтоб ходить не грязно (А. И. Солженицын. Захар-Калита (1965)).
- (41) Перфективность основы повыламыва- с дистрибутивным по
 - а. *будет повыламывать
 - b. *начал повыламывать

Таким образом, второй шаг деривации в (39b) (по-вылома- * \rightarrow повылам-ыва-) невозможен, а значит, по- не способен существовать в конфигурации, когда он располагается ниже, чем -ыва-. Для дистрибутивного подопускается единственная возможность, которую мы наблюдаем в (39a): присоединение над показателем вторичного имперфектива.

В этом месте различия дистрибутивных *по-* и *пере-* (последний, как мы помним, относится к классу СО-префиксов) становятся особенно вопиющими. В качестве СО-префикса *пере-* способен соединяться с первичной имперфективной основой, создавать глагол СВ, а затем подвергаться вторичной имперфективации. Эти возможности иллюстрируются в (42) и (43а-b).

(42) стреля- \rightarrow *пере*-стреля- \rightarrow перестрел-*ива*-

- (43) Дистрибутивный пере- с последующей имперфективацией
 - а. Все взрывается, все горит, Герой [*nepe-стреля*] -л всех бандитов и спас от катастрофы мир (apaintball.ru).
 - b. На острове не было почти никаких полицейских, а убийца [[ne-pe-cmpen] $^{P}-uвa$] $^{I}-n$ всех, кто ему попадался (otvet.mail.ru).

Если обобщение (36) верно (а (39)—(41) убеждают нас именно в этом), такая же деривация должна быть невозможна для *по*-. После соединения *по*- с простым имперфективом образуется перфективный глагол, и если подвергнуть его вторичной имперфективации, -ыва- окажется выше, чем *по*-, что, как мы только что видели, недопустимо. Действительно: для (44а) не существует имперфективного аналога, ср. (44b). Постреливать возможен лишь как глагол так называемого прерывисто-смягчительного способа действия в (45).

- (44) Дистрибутивный по-: имперфективация невозможна
 - а. Собаки давно здесь не лаяли, их [*no-cmpeля*]^Р-*ли* партизаны, для которых собаки оказались не лучше полицаев (Василь Быков. На болотной стежке).
 - b. *... собак регулярно $[[no-cmpen]^P-uвa]^I-nu$ партизаны ...
- (45) Немцы не знали сил противника, залегли, *постреливали*, ждали подкрепления (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

Таким образом, (36) предсказывает принципиальную невозможность вторичной имперфективации дистрибутивных основ с *по*-. Насколько можно судить по примерам, где есть и *по*-, и *-ыва*-, предсказание в точности выполняется.

Следующее и самое существенное наблюдение по поводу дистрибутивного *по-* состоит в том, что он всегда расположен на левой окраине основы. В мультипрефиксальных основах *по-* присоединяется поверх любых других префиксов независимо от их статуса.

Например, мы регулярно обнаруживаем *по-* поверх кумулятивного *на*-(настолько регулярно, что некоторые исследователи даже предлагают рассматривать *пона*- как единый префикс):

- (46) Дистрибутивный по- поверх кумулятивного на
 - а. Вон в Америке сколько русских шпионов [*no-*[*на-лови*]^P]^P-*ли*, а все ихние соседи в один голос твердят, что, мол, нормальные американцы (gb.anekdot.ru).
 - b. $[\Pi o [[\mu a naв n]^P uв a]^1]^P nu$ кучу молодых людей, посадили в обезьянник и туда же настоящих убийц посадили, что будет? (kharkovforum.com).

Более того, как видно из (47), дистрибутивный *по-* возможен и одновременно с дистрибутивным *пере-*, причем *пере-* расположен внутри, а *по-* снаружи:

- (47) Дистрибутивный по- поверх дитрибутивного пере
 - а. $C \times 650$ мы провели уже почти год, набрались опыта, шишек, [no-[nepe-лома] P] P -ли кучу деталей (habrahabr.ru).
 - b. У меня два бампера и пороги находятся в Симферополе. Может, кто подскажет, как это все можно в Киев доставить? Не хочу, чтобы на обратном пути опять $[no-[[nepe-лам]^P-ыва]^1]^P-ли$ все (aveo.com.ua).

В (34)—(35) мы видели *no*- и поверх других СО- и ПО-префиксов. Однако мы никогда не встречаем никаких префиксов над дистрибутивным *no*-. Невозможны, например, глаголы в (48), полученные из (47a-b) изменением порядка *nepe*- и *no*- 3 :

- (48) Дистрибутивный пере- поверх дистрибутивного по
 - а. *пере-по-лом-али
 - b. *пере-по-лам-ыва-ли

То же самое верно и для любых других префиксальных комбинаций. В (49)—(50) показано несколько неудачных попыток построить СО- и ПО-дериваты от дистрибутивного глагола побросать (вещи в беспорядке).

(49) Глагол побросать в комбинации с СО-префиксами

а. *на-по-броса-ть

*по_{DLM}-по_{DISTR}-броса-ть

*пере-по-броса-ть

*за-по-броса-ть

b. *на-по-брас-ыва-ть

*по_{DLM}-по_{DISTR}-брас-ыва-ть

*пере-по-брас-ыва-ть

*за-по-брас-ыва-ть

В (49а) показано присоединение СО-префиксов прямо к дистрибутивной основе. (49b) свидетельствует, что ее имперфективация никак не улучшает положения.

(50) Глагол побросать в комбинации с ПО-префиксами

*под-по-броса-ть

*до-по-броса-ть

*пере-по-броса-ть

Как видно из (50), дистрибутивная основа *поброса*- не присоединяет и ПО-префиксов. Читатель может самостоятельно убедиться, что отрицательные результаты этого эксперимента воспроизводятся для любого дистрибутивного глагола с *по*-.

³ Отметим, что анализ префиксов *no-* и *nepe-* как средства выражения оператора DISTR (см. обсуждение в разделе 1) не предсказывает, будто их одновременное появление в основе невозможно. Разные вхождения оператора могут выбирать в качестве распределяемой сущности разные элементы предикации, например, множество индивидов, обозначаемое прямым дополнением, и множество интервалов, на которых ситуация реализуется во времени. Однако этот анализ определенно предсказывает, что порядок присоединения префиксов может быть любым — ограничениям на взаиморасположение попросту неоткуда возникнуть, — что вступает в непримиримое противоречие с фактами типа (48).

Означают ли (49)—(50), что ограничение на позицию в (36) должно быть переформулировано более радикальным образом — чтобы левопериферийный статус дистрибутивного *по*- был задан эксплицитно, как в (51)?

(51) Дистрибутивный *по-* размещается на левой окраине глагольной основы.

В отличие от (36), (51) утверждает, что *по*- находится не только выше, чем -ыва-, но и выше любого другого компонента основы. С концептуальной точки зрения переход от (36) к (51) специально для объяснения свойств *по*- нежелателен: в системе обобщений возникают два позиционных ограничения, несводимых друг к другу. Одно, для ПО-префиксов, сформулированное в (11), апеллирует к позиции показателя вторичного имперфектива, другое, в (51), сообразует дистрибуцию *по*- с иерархически наивысшей позицией в основе.

Однако более внимательный взгляд показывает, что замена (36) на (51) не только концептуально непривлекательна, но и излишня по сугубо эмпирическим соображениям. Левопериферийный характер дистрибутивного *по*- объясняется в уже имеющейся системе с опорой на (36) и без помощи (51). Для этого достаточно следующих двух рассуждений.

Первое рассуждение касается взаиморасположения дистрибутивного *по-* и ПО-префиксов. Причина невозможности (50) и аналогичных глаголов не может заключаться в аспектуальной селекции, так как дистрибутивный *по-*, как и ПО-префиксы, безразличен к виду основы. Следовательно, источник неграмматичности (50) связан с позиционными соображениями. Согласно (11), ПО-префиксы присоединяются ниже, чем *-ыва-*, как показано в (52a). В соответствии с (36), *-ыва-* присоединяется ниже, чем дистрибутивный *по-*, как в (52b):

(52) Взаиморасположение дистрибутивного *no*-, вторичного имперфектива и ПО-префиксов

```
а. ... [-ыва- ... [ ПО-префикс ... b. ... [ по<sub>DISTR</sub>- ... [-ыва- ...
```

Из (52a) и (52b) следует, что позиция любого ПО-префикса находится ниже, чем позиция дистрибутивного *по*-, а если это так, размещение последнего поверх первых неприемлемо. Это объясняет невозможность глаголов типа (50).

Второе рассуждение приводит нас к пониманию того, почему дистрибутивный *по*- располагается поверх СО-префиксов, а глаголы типа (49) неграмматичны. Предположим, что перед нами основа, к которой можно присоединить и дистрибутивный *по*-, и СО-префикс. Из-за селективного ограничения СО-префикса это может быть только имперфективная основа, как непроизводная, например, *стреля*(-*ты*), *прыга*(-*ты*) и т. д., так и вторично-имперфективная, например, *открыва*(-*ты*).

Попытаемся сначала присоединить СО-префикс, а затем *по*-, как показано в (53). На первом шаге возникает перфективная основа, которая совместима с *по*- в силу отсутствия у него аспектуальных ограничений. Присоединением *по*- мы получаем глаголы типа *попереломать* в (47), *позапрыгать* в (34a) или *понаоткрывать* в (54).

- (53) [основа] $^{I} \rightarrow [CO$ -префикс [основа] $^{I}]^{P} \rightarrow [no-[CO-префикс [основа] ^{I}]^{P}]^{P}$
- (54) Садиков и школ можно $[no-[\mu a-[[om-\kappa p \omega]^P-\epsilon a]^I]^P]^P$ -ть уйму, если экономика есть (www.boards.auto.ru).

Теперь рассмотрим альтернативный порядок присоединения СОпрефикса и *по-* в (54). После соединения *по-* с имперфективной основой на первом шаге деривации образуется перфективный глагол. Вследствие селективного ограничения (17), привязанного к СО-префиксам, добавление СО-префикса после этого становится невозможным:

$$(55)$$
 [основа]^I \rightarrow [no - [основа]^I]^P * \rightarrow [СО-префикс [no - [основа]^I]^P]^P

Исправить положение имперфективацией выражения $[no-[ochoba]^1]^P$ также невозможно, поскольку, как видно из (56), в такой конфигурации -ыва- находится выше дистрибутивного no-, что несовместимо с позиционным ограничением (36):

(56) [основа]
$$\rightarrow$$
 [no - [основа] l] p $^{*}\rightarrow$ [- $ыва$ - [no - [основа] l] p] l $^{*}\rightarrow$ [СО-префикс [- $ыва$ - [no - [основа] l] p] l

Так объясняется неграмматичность глаголов в (49) — причем независимо от того, есть ли в них показатель вторичного имперфектива.

Мы приходим к тому, что расположение дистрибутивного *по*- на левой окраине основы неизбежно при тех ограничениях, которые сформулированы в (11), (17) и (36), а специального ограничения в (51) не требуется.

Из этих рассуждений следует, что позиция дистрибутивного *по*- неотличима от позиции СО-префиксов. Рассмотрим две возможности. Первая схематически представлена в (57), где *по*-, располагающийся в позиции X, иерархически доминирует над СО-префиксами в позиции Y. В (58а-b) и *по*-, и СО-префиксы присоединяются в одной и той же позиции X.

- (57) Иерархическая асимметрия дистрибутивного *no* и СО-префиксов [XP] *no* ... [YP] СО-префикс ..., где X > Y
- (58) Иерархическая идентичность дистрибутивного *no-* и СО-префиксов а. [_{XP} *no-* ... [_{XP} CO-префикс ... b. [_{XP} CO-префикс ... [_{XP} *no-* ...

Как мы только что видели, (58b) невозможно по независимым соображениям: в такой конфигурации *по*- с неизбежностью оказывается ниже, чем вторичный имперфектив, в нарушение (36). Соответственно, даже если позиции *по*- и СО-префиксов иерархически идентичны, СО-префикс в любом случае обязан находиться ниже *по*-, как в (58a). В этом отношении гипотезы в (57) и (58a) делают абсолютно одинаковые предсказания, однако

(58а) имеет то очевидное преимущество, что предполагает меньшую структурную сложность глагольной основы. В этом месте в игру вступает лезвие Оккама, которое совершает решающий выбор в пользу (58а).

Таким образом, теория вбирает в себя дистрибуцию *по-*, по-прежнему опираясь на два параметра, по которым варьируют свойства префиксов: аспектуальная селекция и расположение по отношению к показателю вторичного имперфектива.

4. Заключение

Предшествующее обсуждение показывает, что морфосинтаксические свойства двух дистрибутивных префиксов радикально различны. Дистрибутивный *пере*- — СО-префикс, который нуждается в имперфективной основе, но в прочих отношениях свободно присоединяется в любой точке деривации. Дистрибутивный *по*- — левопериферийный префикс, позиция которого иерархически упорядочена по отношению к позиции вторичного имперфектива, однако не чувствительна к аспектуальным свойствам основы.

Эти наблюдения подводят нас к пониманию того, что появление в теории такой категории, как дистрибутивный СпД, в которую объединяются по- и пере-, скорее затемняет, чем проясняет истинную картину того, как устроена русская глагольная основа. Мы ожидаем, что дистрибуция по- и пере- должна быть если не идентична, то хотя бы близка, однако ожидание оказывается ложным. Единство этой категории могло бы поддерживаться семантическими соображениями, но, как мы видели в разделе 1, даже семантика вряд дает серьезные свидетельства в пользу «дистрибутивного СпД». Вывод напрашивается: в русском языке есть два независимых средства выражения дистрибутивности, каждое со своими характерными морфосинтаксическими свойствами и собственным значением.

В этой связи возникает более общий вопрос: имеет ли теория, признающая реальность «совершаемостей», эмпирические преимущества по сравнению с возможными альтернативами?

Большинство совершаемостей А. В. Исаченко содержит, как и дистрибутивная, глаголы, образованные с помощью более одного формального средства. Например, начинательная совершаемость — это не только глаголы с префиксом за-, но и глаголы с префиксом по-, такие как поплыть, полюбить, почувствовать или посыпаться. Единство начинательной совершаемости вызывает примерно те же сомнения, что и в случае с дистрибутивной: префиксы за- и по- имеют радикально различную дистрибуцию. За-, как мы видели выше, — внешний СО-префикс. По- — внутренний префикс, который не присоединяется ни к каким основам, кроме первичных имперфективных. В (59) мы видим начинательный по- в комбинации с сыпаться. В (60) сыпаться используется в том же значении 'приходить в негодность, утрачивать функциональность', однако проходит две дополнительные ступени деривации — присоединение лексического раз- и вторичную имперфективацию. После этого присоединение *по*- делается невозможным, и единственный способ получить инцептивный глагол — СО-префикс *за*-.

- (59) Сейчас любую поломку можно без проблем устранить на сервисе или вызвать эвакуатор, если автомобиль *посыпался* на трассе (wheels33.ru).
- (60) а. Ровер больше для охоты подходил.
 - Так загремел, [за-[[pac-сып]-a]]-л-ся весь... (garms.ru).
 - b. #Так загремел, *порассыпался* весь...

Если в (60b) глагол *порассыпа́ться* и можно проинтерпретировать, то не как аналог *зарассыпа́ться*, начинательно, а делимитативно или дистрибутивно — 'пришел в негодность в несколько этапов, осуществлявшихся в разное время'.

Как и в случае с дистрибутивными префиксами, остается непонятным, что сведение *по-* и *за-* в единую совершаемость дает нам для понимания дистрибуции того и другого помимо тривиальной констатации их семантической близости.

Пример другого рода — однократная совершаемость, для выражения которой используются префикс *c-* (*сжульничать*) и суффикс *-ну-* (*кольнуть*). Л. Янда и С. Дики [Dickey, Janda 2009] обосновывают анализ, согласно которому эти единицы в самом буквальном смысле представляют собой алломорфы одной морфемы. Аргументы Л. Янды и С. Дики сводятся к тому, что распределение *c-* и *-ну-* критически близко к дополнительному, причем сразу в двух отношениях: выбор алломорфа определяется, с одной стороны, морфологическим, а с другой — лексико-семантическим классом основы. Если это верно, то для однократной совершаемости места в теории опять не остается: ни для каких эмпирических обобщений это понятие не пригождается.

Таким образом, общий отрицательный ответ на вопрос о теоретической полезности понятия совершаемости, возможно, выглядит преждевременным. Однако опыт, который приносит нам сопоставление дистрибутивных *по-* и *пере-* (а также быстрый взгляд на другие совершаемости) трудно игнорировать. Совершаемости возникли в ту эпоху, когда размножение категорий рассматривалось как теоретическое достижение, а открытие новой категории давало шанс на научное бессмертие. Чтобы двигаться дальше к полному пониманию того, как устроен русский глагол, от этого наследия, возможно, придется со временем освободиться.

Литература

АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980.

Добрушина, Пайар (ред.) 2001 — Русские приставки: многозначность и семантическое единство / Под ред. Е. Р. Добрушиной, Д. Пайара. М., 2001.

Зализняк 2003 — Анна А. Зализняк. Способ действия // Энциклопедия «Кругосвет». 2003. http://www.krugosvet.ru/enc/umanitarnye_nauki/lingvistika/SPOSOB_DESTVIYA. Html.

Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.

Исаченко 1960 — А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Морфология. Братислава, 1960.

Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кронгауз (ред.) 2001 — Глагольные префиксы и префиксальные глаголы // Московский лингвистический журнал / Под ред. М. А. Кронгауза. № 5—1. М., 2001.

Кронгауз, Пайар 1997 — Глагольная префиксация в русском языке / Под ред. М. А. Кронгауза, Д. Пайара. М., 1997.

Татевосов 2009 — С. Г. Т а т е в о с о в. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. М., 2009. С. 92—156.

Татевосов 2013а — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и ее следствия. Заметки о физиологии русского глагола // Вопросы языкознания. № 3. 2013. С. 42—89.

Татевосов 2013b — С. Г. Т а т е в о с о в. Грамматика глагола и диалектное варьирование // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М., 2013. С. 759—771.

Флайер 2010 — М. С. Флайер. Синтагматические ограничения на русскую приставку пере- // М. С. Флайер. Избранные труды. Т. 1: Работы по синхронному языкознанию. М., 2010. С. 468—486.

Янда 2012 — Л. А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов // ВЯ. № 6. 2012. С. 3—47.

Babko-Malaya 1999 — O. Babko-Malaya. Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph. D. dissertation. Rutgers University. 1999.

Dickey, Janda 2009 — S. Dickey, L. A. Janda. *Xoxomнyл*, *cxumpuл*: The relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. Vol. 33. N_2 3. 2009. P. 229—248.

Endresen et al. 2012 — A. Endresen, L. A. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova. Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all? // Scando-Slavica. Vol. 58. N 2. 2012. P. 231—291.

Flier 1975 — M. S. Flier. Remarks on Russian verbal prefixation. Slavic and East European Journal 19. 1975.

Flier 1984 — M. S. Flier. Syntagmatic Constraints on the Russian Prefix *pere-* // M. S. Flier and R. D. Brecht (eds.). Issues in Russian Morphosyntax. Columbus, 1984.

Flier 1985 — M. S. Flier. The Scope of Prefixal Delimitation in Russian // The scope of Slavic Aspect. / M. S. Flier and A. Timberlake (eds.). Columbus, 1985.

Janda 2008 — L. A. Janda. Semantic Motivations for Aspectual Clusters of Russian Verbs. Ms, University of Tromsø. 2008.

Janda et al. 2013 — L. A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, 2013.

Landman 2000 - F. Landman. Events and plurality: the Jerusalem lectures. Dordrecht, 2000.

Lasersohn 1995 — P. L a s e r s o h n. Plurality, conjunction and events. Dordrecht, 1995. Link 1983 — G. L i n k. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice-theoretical approach // Meaning, use and interpretation of language / Rainer Bauerle, Christoph Schwarze, and Arnim vs Stechow (eds.). Berlin, 1983. P. 302—323.

Paillard 1995 — D. Paillard. Perestroïka. A propos du préverbe *pere*- en russe contemporain // Langues et langage. Problèmes et raisonnements en linguistique. Mélanges offerts à Antoine Culioli / J. Bouscaren et al. (eds.). Paris, 1995. P. 345—357.

Ramchand 2004 — G. R a m c h a n d. Time and the event: The semantics of Russian prefixes // Nordlyd 32-2. Special issue on Slavic prefixes. 2004. P. 323—366.

Romanova 2004 — E. Romanova. Superlexical vs. lexical prefixes. Nordlyd 32-2. 2004: Special issue on Slavic prefixes. P. 255—278.

Romanova 2006 — E. Romanova. Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. University of Tromsø. 2006.

Scha 1981 — R. Scha. Distributive, collective and cumulative quantification // Formal methods in the study of language / J. Groenendijk, T. Janssen, and M. Stokhof (eds.). Amsterdam, 1981. P. 481—512.

Schwarzschild 1996 — R. Schwarzschild. Pluralities. Dordrecht, 1996.

Svenonius 2004 — P. Svenonius. Slavic prefixes inside and outside VP // Nordlyd 32-2: Special issue on Slavic prefixes. 2004. P. 190—236.

Svenonius 2008 — P. S v e n o n i u s. Russian prefixes are phrasal // Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5 / G. Zybatow, L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer (eds.). Frankfurt am Main, 2008.

References

AG-80 — Russkaya grammatika. Moskva, 1980.

Babko-Malaya 1999 — O. Babko-Malaya. Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Ph. D. dissertation. Rutgers University. 1999.

Dickey, Janda 2009 — S. Dickey, L. A. Janda. *Хохотнул*, *схитрил*: The relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. Vol. 33. N_2 3. 2009. P. 229—248.

Dobrushina, Paillard (red.) 2001 — Russkiye pristavki: mnogoznachnost i semanticheskoye yedinstvo / Pod red. Ye. R. Dobrushinoy, D. Paillarda. Moskva, 2001.

Endresen et al. 2012 — A. Endresen, L. A. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova. Russian 'purely aspectual' prefixes: Not so 'empty' after all? // Scando-Slavica. Vol. 58. N 2. 2012. P. 231—291.

Flier 1975 — M. S. Flier. Remarks on Russian verbal prefixation. Slavic and East European Journal 19. 1975.

Flier 1984 — M. S. Flier. Syntagmatic Constraints on the Russian Prefix pere- // M. S. Flier and R. D. Brecht (eds.). Issues in Russian Morphosyntax. Columbus, 1984.

Flier 1985 — M. S. Flier. The Scope of Prefixal Delimitation in Russian // The scope of Slavic Aspect. / M. S. Flier and A. Timberlake (eds.). Columbus, 1985.

Flaier 2010 — M. S. Flier. Sintagmaticheskiye ogranicheniya na russkuyu pristavku pere- // M. S. Flier. Izbrannyye trudy. T. 1: Raboty po sinkhronnomu yazykoznaniyu. Moskva, 2010. S. 468—486.

Isačenko 1960 — A. V. Isačenko. Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovackim. T. 2. Morfologiya. Bratislava, 1960.

Janda 2008 — L. A. Janda. Semantic Motivations for Aspectual Clusters of Russian Verbs. Ms, University of Tromsø. 2008.

Janda 2012 — L. A. Janda. Russkiye pristavki kak sistema glagolnykh klassifikatorov // Voprosy Yazykoznaniya. № 6. 2012. S. 3—47.

Janda et al. 2013 — L. A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesset, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, 2013.

Krongauz 1998 — M. A. Krongauz. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika. Moskva, 1998.

Krongauz (red.) 2001 — Glagolnyye prefiksy i prefiksalnyye glagoly // Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal / Pod red. M. A. Krongauza. № 5—1. Moskva, 2001.

Krongauz, Paillard 1997 — Glagolnaya prefiksaciya v russkom yazyke / Pod red. M. A. Krongauza, D. Paillarda. Moskva, 1997.

Landman 2000 — F. Landman. Events and plurality: the Jerusalem lectures. Dordrecht, 2000.

Lasersohn 1995 — P. L a s e r s o h n. Plurality, conjunction and events. Dordrecht, 1995. Link 1983 — G. Link. The logical analysis of plurals and mass terms: a lattice-theoretical approach // Meaning, use and interpretation of language / Rainer Bauerle, Christoph Schwarze, and Arnim vs Stechow (eds.). Berlin, 1983. P. 302—323.

Paillard 1995 — D. Paillard. Perestroïka. A propos du préverbe *pere*- en russe contemporain // Langues et langage. Problèmes et raisonnements en linguistique. Mélanges offerts à Antoine Culioli / J. Bouscaren et al. (eds.). Paris, 1995. P. 345—357.

Ramchand 2004 — G. R a m c h a n d. Time and the event: The semantics of Russian prefixes. Nordlyd 32-2. 2004. Special issue on Slavic prefixes, P. 323—366.

Romanova 2004 — E. Romanova. Superlexical vs. lexical prefixes. Nordlyd 32-2. 2004. Special issue on Slavic prefixes. P. 255—278.

Romanova 2006 — E. Romanova. Constructing Perfectivity in Russian. Ph.D. dissertation. University of Tromsø. 2006.

Scha 1981 — R. Scha. Distributive, collective and cumulative quantification // Formal methods in the study of language / J. Groenendijk, T. Janssen, and M. Stokhof (eds.). Amsterdam, 1981. P. 481—512.

Schwarzschild 1996 — R. Schwarzschild. Pluralities. Dordrecht, 1996.

Svenonius 2004 — P. S v e n o n i u s. Slavic prefixes inside and outside VP. Nordlyd 32-2. Special issue on Slavic prefixes. 2004. P. 190—236.

Svenonius 2008 — P. S v e n o n i u s. Russian prefixes are phrasal // Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5 / G. Zybatow, L. Szucsich, U. Junghanns, R. Meyer (eds.). Frankfurt am Main, 2008.

Tatevosov 2009 — S. G. Tatevosov. Mnozhestvennaya prefiksaciya i anatomiya russkogo glagola // Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike / Pod red. K. L. Kiselevoy, V. A. Plungyana, Ye. V. Rakhilinoy, S. G. Tatevosova. Moskva, 2009. S. 92—156.

Tatevosov 2013a — S. G. Tatevosov. Mnozhestvennaya prefiksaciya i yeye sledstviya. Zametki o fiziologii russkogo glagola // Voprosy Yazykoznaniya. № 3. 2013. S. 42—89.

Tatevosov 2013b — S. G. Tatevosov. Grammatika glagola i dialektnoye varyirovaniye // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Po materialam yezhe-

godnoy Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya — 2 iyunya 2013 g.). Vyp. 12 (19). Moskva, 2013. S. 759—771.

Zaliznyak 2003 — Anna A. Zaliznyak. Sposob deystviya // Enciklopediya «Krugosvet». 2003. http://www.krugosvet.ru/enc/umanitarnye_nauki/lingvistika/SPOSOB_DESTVIYA.html.

Zaliznyak, Shmelev 2000 — A n n a A. Z a l i z n y a k, A. D. S h m e l e v. Vvedeniye v russkuyu aspektologiyu. Moskva, 2000.

Резюме

В статье предлагается анализ структуры глагольных основ с дистрибутивными префиксами *по-* и *пере-*. Показано, что несмотря на известное семантическое сходство, их морфосинтаксические свойства радикально различны. Дистрибутивный *пере-* представляет собой внешний селективно-ограниченный префикс в терминологии [Татевосов 2009], который присоединяется к первичной или вторичной имперфективной основе. Дистрибутивный *по-* — левопериферийный префикс, место которого в структуре основы соотнесено с позицией показателя вторичного имперфектива -ыва-. Дистрибутивный *по-*, однако, лишен аспектуальных селективных ограничений. Завершает статью обсуждение последствий, которые могут иметь наблюдения над дистрибутивными глаголами для теории совершаемостей (способов действия) в русском языке.

Ключевые слова: морфосинтаксис русского глагола, дистрибутивность, префиксация, имперфективация

SERGEJ G. TATEVOSOV

CRITICAL REMARKS ON THE DISTRIBUTIVE AKTIONSART

The goal of this paper is to propose an analysis of the structure of verb stems containing distributive prefixes *po*- and *pere*- in Russian. The paper argues that despite semantic similarities, the prefixes are radically different morphosyntacitcally. The distributive *pere*- is a selectionally restricted superlexical prefix [Tatevosov 2009] that requires a stem it combines with to be formally imperfective. The distributive *po*- is a left-peripheral prefix: its position is determined relative to the position of the secondary imperfective morpheme *-yva*-. Unlike *pere-*, *po*- imposes no selectional restriction on the stem. The concluding section of the paper discusses wider implications of the proposed analysis for a theory of Aktionsarten in Russian.

Keywords: morphosyntax of Russian verb, prefixation, distributivity, imperfectivization.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Lomonosov Moscow State University, 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Статья поступила 19.02.2013

Received on 19.02.2013

И. Б. ИТКИН

В ПОИСКАХ НУЛЕВОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СУФФИКСА

(Отглагольные существительные типа *звон*, *шум*, *шелест* в современном русском языке)*

В русском языке имеется сравнительно большая и хорошо выделимая группа глаголов II спряжения на -еть и -ать, обозначающих речевые действия и разнообразные звуки, — галдеть, звенеть, шелестеть, кричать, жужжать и т. д. (далее в работе они условно называются «звуковыми глаголами»). От некоторых из этих глаголов можно образовать бессуффиксальные производные мужского рода со значением имени действия, от других — нет (в этом случае их место занимают суффиксальные производные), ср. звон, шелест, крик, но *галд (галдеж), *жужж (жужжание). Как будет показано ниже, возможность / невозможность образовать от того или иного звукового глагола существительное данного типа определяется достаточно простым правилом. Ранее, насколько нам известно, соответствующая проблема в русистике не рассматривалась. Между тем, правило, о котором идет речь, не демонстрируя ничего необычного с точки зрения характерных для русского языка морфонологических закономерностей, представляет значительный интерес с точки зрения грамматической теории — по меньшей мере в двух ее аспектах.

Во-первых, одной из наиболее остродискуссионных проблем словообразования на протяжении многих десятилетий был и остается вопрос о целесообразности и критериях выделения нулевых словообразовательных суффиксов. Разумеется, этот вопрос имеет и прикладное значение — например, он важен для разработки принципов словообразовательной разметки текстов. По-видимому, существует три возможных подхода к описанию слов типа $\emph{бег}$, семантические и/или синтаксические особенности которых

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 52—64.

Илья Борисович Иткин, Институт востоковедения РАН / Школа «Муми-Тролль» / Высшая школа экономики (Москва).

^{*} Автор выражает искреннюю благодарность С. И. Переверзевой и В. А. Плунгяну за ценные замечания к первоначальной версии настоящей статьи, С. А. Бурлак и Л. Л. Федоровой за важные библиографические указания.

позволяют считать их производными и которые, однако, не имеют никаких материально выраженных показателей производности:

- 1) слова типа бег рассматриваются как содержащие нулевой словообразовательный суффикс: бег+Ø. Такой способ описания характерен, в частности, для «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 г. и для академической «Русской грамматики» 1980 г. [Грамматика-70: 142—143 и сл.; Грамматика-80, І: 218—226] (и в Грамматике-70, и в Грамматике-80 разделы, посвященные словообразованию, написаны В. В. Лопатиным и И. С. Улухановым). Своего рода комментарием к соответствующему разделу Грамматики-70 стала знаменитая статья Д. С. Ворта «Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании» [Ворт 1972]. Справедливо задавшись вопросом «Сколько в русском языке "нулевых" суффиксов и чем они отличаются друг от друга?» [Ворт 1972: 76], американский ученый впервые сформулировал чрезвычайно простые, четкие и содержательные правила морфологических и морфонологических преобразований, происходящих при образовании бессуффиксальных существительных от глаголов. В частности, для существительных ІІ склонения использование этих правил позволило Д. С. Ворту ограничиться введением всего двух нулевых суффиксов: несмягчающего (прилив, пуск, ход, визг, проезд, забор) и вызывающего переходное смягчение (плач, вопль) [Там же: 84]. По словам Д. С. Ворта, результатом его исследования явилось «максимально эксплицитное, экономное и естественное описание морфонологии нулевой аффиксации в современном отглагольном словообразовании имен существительных» в русском языке [Там же]. Знаменуя собой огромный шаг вперед в понимании устройства словообразовательных механизмов, это описание, как мы увидим дальше, является все же, так сказать, «чересчур экономным» — во многом потому, что его автор сознательно отвлекся от вопросов семантики;
- 2) слова типа бег рассматриваются как результат особой морфологической операции конверсии (в данном случае преобразующей исходный глагол бегать в отглагольное существительное); формальное обозначение этой операции, разумеется, может быть любым, или она может просто оговариваться. Убежденным сторонником такого подхода является, в частности, И. А. Мельчук [Мельчук 1975/1997: 51—52; 1997: 130 и др.], следующий в этом отношении за А. И. Смирницким [Смирницкий 1953] и рядом других лингвистов;
- 3) слова типа *бег* рассматриваются так же, как слова типа *снег*, т. е. их производность никак специально не отмечается. Так обстоит дело, в частности, в «Словаре морфем русского языка» [Кузнецова, Ефремова 1986: 579—583].

Как кажется, между подходами (1) и (2) невозможно обнаружить никаких значимых расхождений. Такая точка зрения, строго говоря, не является общепринятой; так, по мнению Д. С. Ворта, «разница между "нулевой аффиксацией" и "безаффиксным способом словообразования" не просто терминологическая. Первый термин означает, что морфонологические преобразования зависят от присутствия каких-то конкретных (хотя и нулевых) единиц (суффиксов); второй же термин показывает, что грамматика может быть — по крайней мере, отчасти — чисто процессуальная» [Ворт 1972: 76]. Мы не видим способа придать различию, о котором говорит Д. С. Ворт, какой бы то ни было содержательный смысл; об этом же убедительно свидетельствуют и многочисленные описания конкретных языковых явлений, выполненные в соответствии с подходом (1) и с подходом (2). Разумеется, все это не отменяет того обстоятельства, что время от времени в рамках той или иной грамматической теории один из этих подходов признается единственно приемлемым, а другой — принципиально недопустимым (ср., например, [Лопатин 1966]). Однако если говорить о реальных языковых фактах, едва ли возможно вообразить себе такой фрагмент словообразовательной системы, для которого «нуль-суффиксальное» описание не могло бы быть без труда преобразовано в «конверсионное» и наоборот (не случайно указанная статья В. В. Лопатина вызвала остроумные и по большей части вполне убедительные возражения Р. И. Лихтман [Лихтман 1968: 54—55]).

Совсем иначе обстоит дело с подходом (3). Поскольку этот подход более экономичен, его неэквивалентность подходам (1) и (2) и, соответственно, преимущество перед ними определяется таким фундаментальным принципом, как «бритва Оккама». Если же говорить о практической стороне вопроса, выигрыш на первый взгляд оказывается просто разительным: как известно, универсальных способов определить направление словообразовательной производности не существует, поэтому для огромного числа случаев неясно, например, следует ли считать некоторое существительное (скажем, *пила*) образованным от глагола (в данном случае — *пилить*), или глагол образованным от существительного, или же существительное и глагол являются равнопроизводными (относительно возможности этой последней трактовки см. замечание Д. С. Ворта, основанное на мнении А. А. Зализняка и завершающееся эмоциональным и в высшей степени показательным тезисом: «Вопрос о направленности русского словообразования нуждается, на наш взгляд, в коренном пересмотре» [Ворт 1972: 83, сн. 21]). Разные исследователи отвечают на этот вопрос по-разному (см., например, [Улуханов 2011: 22—34] с дальнейшей библиографией), привлекая самые разные дополнительные соображения, причем даже в рамках одной и той же работы принимаемые решения часто отличаются непоследовательностью. Между тем при подходе (3) соответствующая проблема просто не может возникнуть. Не исключает этот подход и некоторых содержательных обобщений: так, обратившись к «Словарю морфем русского языка», любой читатель может быстро получить ответ на вопрос «Какие русские существительные не имеют в своем составе материально выраженных суффиксов?».

Однако все несомненные достоинства подхода (3) могут быть перечеркнуты, если окажется, что по крайней мере в некоторых случаях между непроизводными и бессуффиксальными производными словами имеются какие-

либо устойчивые различия, так что, рассматривая слова типа *снег* и слова типа *бег* единым списком, мы теряем лингвистически значимую информацию. Именно так обстоит дело в русском языке — ср., в частности, различия в реализации мягкости конечного согласного основы, поведении беглого гласного и выборе ступени чередования $e \sim `o$ в таких парах, как море — помор, кудри — златокудрый, лоб (лба) — высоколобый, сто — сотый, дно — поддон (поддона), Лев (Льва) — Лёва, корабль — корабел и др. (первым указано непроизводное слово, вторым — производное) [Иткин 2007: 113—114, 223—224]: по-видимому, если рассматривать все вторые члены этих пар в соответствии с подходом (3), сколько-нибудь удовлетворительного объяснения их морфонологическому поведению дать невозможно. Изучение механизма образования бессуффиксальных потіпа actionis от звуковых глаголов позволяет пролить дополнительный свет на эту проблему.

Во-вторых, одной из важнейших особенностей словообразования по сравнению со словоизменением практически всегда признается его нерегулярность, наличие многочисленных лакун в тех «клетках» системы, которые в соответствии с действующими в языке закономерностями вполне могли бы быть заполнены (что нередко подтверждается появлением окказионализмов, раз за разом образуемых заново, но тем не менее не получающих статуса общеупотребительных лексем). Однако не менее существенным представляется и то обстоятельство, что для небольших, четко очерченных лексических групп степень регулярности той или иной словообразовательной модели может быть очень высокой — вполне сопоставимой со степенью регулярности если не парадигм склонения и спряжения, то таких «промежуточных» форм, какими в русском языке являются, например, страдательные причастия или сравнительная степень прилагательных: традиционно их образование скорее принято относить к словоизменению, но существуют и лингвисты, которые придерживаются противоположной точки зрения (см., в частности, [Плунгян 2003: 122—123, 212, 310]). Мы рассчитываем показать, что звуковые глаголы и образуемые от них абстрактные существительные как раз и составляют одну из таких групп.

Класс глаголов II спряжения на *-еть*, *-ать* единодушно трактуется исследователями как непродуктивный; Н. Е. Ильина даже указывает точное число входящих в него глаголов — 82 [Ильина 1980: 114]. Однако именно по отношению к звуковым глаголам такая оценка представляется не вполне оправданной; во всяком случае, составить по-настоящему исчерпывающий их перечень чрезвычайно трудно. Подборка Н. Е. Ильиной в этом смысле не выдерживает критики. Обращение к словарям А. А. Зализняка [Зализняк 2003] (далее — (Зал.)) и Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] (Ефр.) позволяет дополнить ее следующими глаголами:

```
— сверчать, скворчать, мурчать (все три — Зал., Ефр.);
```

[—] бухтеть (Зал.);

— *бунчать* (Ефр.; сопровождающая словарную статью помета «местн.», насколько можно судить, ничему не соответствует: в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) глагол *бунчать* встретился около 10 раз¹, причем в произведениях достаточно известных авторов — от Писемского до Петрушевской), *шкворчать* ~ *шкварчать* (Ефр.; в словаре Т. Ф. Ефремовой представлен именно значительно более редкий вариант *шкварчать*, по-видимому, обязанный своим существованием влиянию слова *шкварка*).

Кроме того, можно указать по крайней мере три глагола, не входящих в авторитетные современные словари, но известных практически каждому носителю современного русского языка: *гундеть* (6 примеров в НКРЯ, в том числе в произведениях Л. Кассиля и А. и Б. Стругацких), *трындеть* (чрезвычайно распространен в современном просторечии, также отмечен в НКРЯ) и *дундеть*.

Отдельного рассмотрения заслуживает глагол *нудеть*. В НКРЯ те формы этого глагола, которые не совпадают с соответствующими формами глагола *нудить*, встретились 6 раз (5 раз — *нудел*, 1 раз — *нудеть*), самый ранний пример относится к 1987 г. До последнего времени существование глагола *нудеть*, как правило, игнорировалось лексикографами; едва ли не впервые он был зафиксирован в недавнем издании словаря под редакцией Н. Ю. Шведовой [Шведова 2007: 530]. История глагола *нудеть* кажется вполне прозрачной: с морфологической точки зрения основанием для его появления послужила пропорция типа *гудит*: *гудеть* = *нудит*: ?, а с семантической — несомненная близость глагола *нудить* в значении 'ныть, докучать' к звуковым глаголам.

Помимо этого, представляет интерес следующий факт. Глагол *хрющать*, изобретенный Т. Л. Щепкиной-Куперник для перевода стихотворения Льюиса Кэрролла «Jabberwocky» (о лингвистических особенностях разных переводов этого стихотворения на русский язык см. специально [Панов 1975]), представлен в тексте в форме прошедшего времени («Зеленавки хрющали порой»), не дающей однозначной информации о типе его спряжения. Не будучи полноценным неологизмом, этот глагол тем не менее иногда шутливо или полушутливо употребляется в неформальном стиле общения, обозначая чаще всего какие-то негромкие повторяющиеся звуки приятного тембра. При этом глагол *хрющать* неизменно спрягается по образцу *верещать*, а не по образцу *вещать*, ср. примеры из Интернета: «Чисто мой Стасик — зеленавка и хрющит», «Где-то поблизости хрющат зеленавки», «...Все лошади волнуются, хрющат, бьют по загородкам...» (формы **хрющает*, **хрющают* не засвидетельствованы).

Таким образом, можно говорить о том, что в современном русском языке звуковые глаголы несомненно обладают продуктивностью, пусть и в ограниченной степени.

¹ Все статистические данные, касающиеся Национального корпуса русского языка, приводятся по состоянию на 10 февраля 2013 г.

С точки зрения семантики и устройства подпарадигмы инфинитива — прошедшего времени к звуковым глаголам примыкает глагол *реветь*, аномально образующий формы настоящего времени не по II, а по I спряжению².

Поскольку для основ некоторых звуковых глаголов характерны чередования согласных, правило, определяющее возможность / невозможность образования бессуффиксальных производных, удобно формулировать в терминах морфонологии; при этом, однако, оно не ориентировано ни на какую конкретную морфонологическую теорию и может быть без труда «пересчитано» на уровень фонологии или орфографии. Правило (далее — «ЗГ-правило») состоит в следующем: образование бессуффиксального производного от звукового глагола возможно, если основа глагола оканчивается на одиночный согласный (1) или сочетание c, s + согласный (2), и невозможно в противном случае (3).

Материал (подчеркнутые формы комментируются ниже):

- (1) греметь (гром), гудеть (гуд), звенеть (звон), звучать (звук), <u>зудеть</u> (<u>зуд</u>), кричать (крик), рычать (рык), <u>cuneть</u> (<u>cun</u> 'сипение'), скрипеть (скрип), <u>coneть</u> (<u>can</u>), стучать (стук), храпеть (храп), хрипеть (хрип), <u>шипеть</u> (<u>шип</u> 'шипение'), шуметь (шум), $\langle pesemb (pes) \rangle$;
- (2) <u>верезжать</u> (<u>верезг</u>), <u>верещать</u> (<u>вереск</u> 'верещание'), визжать (визг), <u>дребезжать</u> (<u>дребезг</u>), пищать (писк), свистеть (свист), трещать (треск), хрустеть (хруст), шелестеть (шелест);
- (3) бренчать, бунчать, бурчать, бухтеть, ворчать, галдеть, гундеть, дундеть, <u>жужжать</u>, журчать, кряхтеть, <u>молчать</u>, мурчать, пыхтеть, сверчать, скворчать, тарахтеть, трындеть, урчать, фурчать, фырчать, шкворчать, шуршать.

Исключения: брюзжать, дудеть, мычать, свиристеть.

Глаголы *нудеть* и *хрющать* не включены в общий список, поскольку первый из них является (пока) лишь редким вариантом к *нудить*, а второй — авторским изобретением. Заметим, впрочем, что окказионализм *нуд* 'нудеж, нытье' иногда встречается в разговорной речи и даже в имитирующих ее художественных (или по крайней мере претендующих на художественность) текстах, ср.: «я достал всех друзей / всех врачей своим нудом» (А. Плешаков. Прогреванье поможет [орфография и пунктуация автора. — *И. И.*]).

Комментарии:

— наличие у глагола *зудеть* «звуковых» значений хорошо засвидетельствовано лексикографически, ср., например, словарную статью **ЗУДЕТЬ**² в

² Спряжение глагола *реветь* по модели *ревлю* — *ревишь* — *ревит* и т. д. характерно для некоторых русских диалектов. Именно диалектным влиянием объясняется появление таких форм в литературных текстах; особенно часто они встречаются в произведениях Вас. Белова, ср., например: «— ...А что, Федор, там не ревит моя-то рыба, не слыхал в Подозерках-то?» («Привычное дело»).

[Ефремова 2000, I: 562]: «1. <... > Издавать однообразный звенящий звук. 2. <... > Назойливо повторять одно и то же, надоедать кому-л., приставая с чем-л.». Напротив, наличие таких значений у существительного зуд не отмечено ни в одном известном нам словаре. Между тем речь идет не более чем об очередной досадной лексикографической лакуне — в действительности «звуковое» употребление слова зуд распространено очень широко. Достаточно сказать, что все 5 примеров словосочетания комариный зуд, встретившиеся в НКРЯ, имеют значение 'комариное жужжание' (ср.: «Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет» (К. Г. Паустовский. Золотой линь)), хотя за пределами Корпуса, разумеется, можно найти сколько угодно примеров его употребления в значении 'жжение от комариных укусов';

- существительные *cun* 'сипение' и *дребезг* употребляются относительно редко;
- помимо специального значения 'болезнь носоглотки у лошадей', ныне малоупотребительного, существительное *can* иногда выступает и в значении 'сопение' ср. пример из НКРЯ: «Флорен с мопсами где-то внизу. Иногда только слышу их сап у меня под дверью» (В. П. Некрасов. Взгляд и Нечто);
- употребление существительного *шип* 'шипение' несколько затруднено омонимией с более частотным словом *шип* 'острый колючий выступ'. Однако, как показывает проверка, степень жесткости этого ограничения в действительности не слишком велика; по крайней мере, такие выражения, как *раздался шип*, *тихий шип* и особенно *змеиный шип*, широко представлены в текстах самой разнообразной тематики³. Таким образом, наблюдение, сделанное А. С. Пушкиным в знаменитом 31-м примечании к «Евгению Онегину»: «*Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипения*» (курсив Пушкина. *И. И.*), следует в целом признать вполне справедливым;
- существительное *верезг* употребляется исключительно редко (4 примера в НКРЯ, все не позднее первой половины XX в.);
- существительное вереск 'верещание' также употребляется чрезвычайно редко (многим говорящим оно вообще неизвестно), хотя считать его полностью вышедшим из употребления данные Интернета не позволяют, ср., например: «Недоверчивая Зики смерила нас подозрительным взглядом и потопала выяснять подлинность слов парня, когда из коридора раздался вереск Акари» (Орден охотников и хранителей «Shine of Freedom»). Причиной такой ситуации представляется опять-таки омонимическое отталкивание в данном случае с существительным вереск 'растение Calluna vulgaris'. Чрезвычайно интересно при этом, что современный русский —

 $^{^3}$ Ср. пример из авторского текста заметки известного современного лингвиста: «...[*М*]у́*тики* — разновидность уток, почти немые, издающие лишь негромкий шип» [Касаткин 2011: 295].

единственный славянский язык, в котором название вереска содержит согласный κ : все остальные языки указывают на праславянское *vers- [Фасмер I: 296]. Таким образом, можно думать, что современное русское вереск 'Calluna vulgaris' представляет собой контаминацию более раннего верес 'вереск' и вереск 'верещание' (объяснение происхождения κ в форме вереск, предлагаемое М. Фасмером, — прямое сопоставление с литовскими и латышскими формами, имеющими к тому же другое значение [Там же], представляется нам неубедительным)⁴;

- с фонетической точки зрения в исходе основы глагола жужжать представлено такое же [жж], что и у глаголов на -зжать, однако в данном случае различие в написании является закономерным отражением реального морфонологического различия. Об этом свидетельствует отсутствие у корня глагола жужжать даже на уровне окказионализмов алломорфа *жузг-;
- о принадлежности глагола *молчать* к числу глаголов речи см., в частности, [Кронгауз 1998: 232—233];
- причиной отсутствия в русском языке существительных * $\delta p n 3 2$ и * $\partial y \partial$, возможно, является существование бессуффиксальных имен, образованных от тех же корней, но относящихся к другому типу склонения и имеющих другое агентивное и инструментальное значение: $\delta p n 3 2 a$, $\partial y \partial a$. Звуковые глаголы, подчиняющиеся « 3Γ -правилу», подобных соотносительных существительных I склонения не имеют; единственное исключение составляет малоупотребительное слово $3y \partial a$ 'зануда, надоеда';
- отсутствующее в большинстве словарей (исключение ожидаемо составляет «Большой академический словарь» [БАС, 10: 533]) слово ^{??}мык, строго говоря, нельзя считать вовсе несуществующим. В НКРЯ эта лексема представлена несколькими десятками примеров (точную цифру указать затруднительно, поскольку не все контексты позволяют однозначно определить, идет ли речь о существительном или о междометии), однако большинство из них относится к достаточно давнему времени и явно ориентировано на создание деревенского колорита и имитацию «простонародной» речи; в современном литературном языке nomen action мык практически не представлено;

⁴ Ср.: «...[П]исец по бумаге поскрипывает, переворачивает листы, листом шелестит и пером верещит (думаю, что зловещее растение "вереск" происходит от верещания)...» (А. Белый. Петербург). Как видно, размышления героя романа «Петербург», вероятно, воспринимавшиеся его автором как упражнение в народной этимологии, имеют под собой некоторые научные основания.

трех (верезжать, верещать, дребезжать) — с той или иной степенью затруднительности, от одного (свиристемь) — не образуется вообще⁵.

В любом случае, даже если отказаться от предложенных нами частных объяснений неупотребительности существительных *брюзг, *дуд и *свирист и признать непоказательными все примеры со словом мык, степень регулярности «ЗГ-правила» все равно останется очень высокой: как было сказано выше, она вполне сопоставима со степенью регулярности некоторых областей системы словоизменения. Так, хотя многие звуковые глаголы с приставкой про- (прокричать, просипеть, прошипеть, пропищать, просвистеть и др.) являются «более или менее переходными», ср. [Зализняк 2003: 77], страдательные причастия образуются от этих глаголов с несравненно большими затруднениями (ср. ?? прокричанный, *прошипленный, *пропищанный и т. д.), чем бессуффиксальные потіпа астіопіз от их бесприставочных коррелятов. Наиболее существенно при этом, что третья, запретительная часть «ЗГ-правила» и вовсе не имеет ни одного исключения.

Как явствует из наличия п. 2, « 3Γ -правило» входит в группу морфонологических и морфотактических правил русского языка, для которых существенно разделение групп согласных на «легкие» (ведущие себя подобно одиночным согласным) и «тяжелые». При этом противопоставление «сочетания вида c, s + согласный vs. все прочие сочетания», с одной стороны, как кажется, не представлено в точности в таком формате ни в каких других правилах, с другой — вполне соответствует общим тенденциям. Так, сочетание cm объединяется с одиночными согласными абсолютно во всех правилах рассматриваемого типа, сочетания $c\kappa$, $s\partial$ и $s\varepsilon$ также нередко трактуются как «легкие». Кратко рассмотрим два примера.

⁵ Точнее, представляет собой очень редкий окказионализм, ср.: «Тут бормотание и ворчанье и урчание соседствовало со свистом, клокотаньем, бульканьем, журчаньем, с квохтаньем, с прищелкиванием языков, дробным свиристом, скулежом и воем, взвизгиваньем и выстрелами из мушкета, со сложными хроматическими гаммами, и порою слышалось нечто вроде клекотания квакш, затерявшихся во влажной глуби подлеска, в гомерическом говореньи» (У. Эко. Остров Накануне, пер. Е. Костюкович).

Существительные женского рода с неодносложной основой присоединяют диминутивный суффикс $-\kappa(a)$, если основа оканчивается на одиночный согласный, два одинаковых согласных, cm или $s\partial$, и «редуплицированный» вариант того же суффикса -ouk(a) в остальных случаях, ср. $\kappa oposka$, $\kappa omad ka$, $\kappa apem ka$, $\kappa omap ka$, $\kappa omap$

Интересно отметить, что противопоставление сочетаний *ст., ск., зг.* с одной стороны и *жж., лд., лч., нд., нч., рч., рш., хт.*— с другой представляет собой своего рода реликт так называемого «закона восходящей звучности», регулировавшего структуру консонантных групп в праславянском. Разумеется, в современном русском языке существительные, не имеющие материально выраженных суффиксов, могут оканчиваться на самые разные (с учетом заимствований — фактически на любые) сочетания согласных.

Подчеркнем, что сфера действия « 3Γ -правила» ограничена звуковыми глаголами и никоим образом не может быть распространена на глаголы II спряжения на -еть и -ать, имеющие другие значения. Среди этих глаголов nomina actionis, образованные в соответствии с « 3Γ -правилом», имеются только у блестеть (блеск), зудеть «болезненно чесаться» (зуд) и слышать (слух); можно отметить также редкие вис, дых, лет (< висеть, дышать, лететь). Глаголов с исходом на одиночный согласный, от которых такого рода производные не образуются, значительно больше: таковы по крайней мере болеть, велеть, глядеть, гореть, дрожать, кипеть, кишеть, лежать и сидеть; кроме того, имеется противоречащее п. 3 « 3Γ -правила» существительное смотр (< смотреть).

Таким образом, решение Д. С. Ворта, усматривающего один и тот же суффикс ($\{\emptyset\}$ -II, согласно его нотации) как в словах типа $\mathit{визe}$, так и в словах типа $\mathit{пуck}$, xod , $\mathit{пpoesd}$ [Ворт 1972: 84], представляется все же неоправданным. У нас есть все основания полагать, что nomina actionis типа $\mathit{зeoh}$, $\mathit{сmyk}$, $\mathit{ииум}$, $\mathit{пuck}$, $\mathit{шenecm}$ и т. д. представляют собой особую группу отглагольных существительных со значением имени действия, обладающую нетривиальными морфонологическими и семантическими свойствами. Наиболее удобным и, по всей видимости, наиболее адекватным способом отразить этот примечательный факт представляется приписывание всем словам этой группы нулевого словообразовательного суффикса, отличного от всех других нулевых морфем, которые могут быть выделены в современном русском языке.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Тт. I—XVII. М.; Л., 1950—1965.

Ворт 1972 — Д. У орт. Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании // ВЯ. 1972. № 6. С. 76—84.

Грамматика-70 — Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Тт. І—ІІ. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Ефремова 2000 — Т. Ф. Е ф р е м о в а. Новый словарь русского языка. Толковословообразовательный. В 2-х тт. М., 2000.

Зализняк 2003 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Ильина 1980 — Н. Е. Ильина. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Иткин 2007 — И. Б. И т к и н. Русская морфонология. М., 2007.

Касаткин 2011 — Л. Л. К а с а т к и н. Экспедиция в Молдавию // Рус. яз. в науч. осв. 2011. № 1(21). С. 293—296.

Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Лихтман 1968 — Р. И. Лихтман. Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? // ВЯ. 1968. № 2. С. 32—39.

Лопатин 1966 — В. В. Лопатин. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // ВЯ. 1966. № 1. С. 153—166.

Мельчук 1975/1997 — И. А. Мельчук. Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 15—58.

Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. І. М.; Вена, 1997.

ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. 5-е изд., испр. и доп. / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1989.

Панов 1975 — М. В. Панов. О переводах на русский язык баллады «Джаббервокки» Л. Кэрролла // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975. С. 239—248.

Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд., испр. М., 2003.

Смирницкий 1953 — А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21—31.

Улуханов 2011 — И. С. У л у х а н о в. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. 5-е изд., испр. и доп. М., 2011.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Тт. I—IV. М., 1986—1987.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

References

BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Tt. I—XVII. Moskva; Leningrad, 1950—1965.

Efremova 2000 — T. F. Yefremova. Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy. V 2-kh tt. Moskva, 2000.

Fasmer — M. Fasmer. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka. Tt. I—IV. Moskva, 1986—1987.

Grammatika-70 — Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1970.

Grammatika-80 — Russkaya grammatika. Tt. I—II. / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1980.

Ilyina 1980 — N. Ye. Ilyina. Morfonologiya glagola v sovremennom russkom yazyke. Moskva, 1980.

Itkin 2007 — I. B. Itkin. Russkaya morfonologiya. Moskva, 2007.

Kasatkin 2011 — L. L. K a s a t k i n. Ekspediciya v Moldaviyu // Rus. yaz. v nauch. osv. 2011. N 1(21). S. 293—296.

Krongauz 1998 — M. A. Krongauz. Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika. Moskva, 1998.

Kuznecova, Yefremova 1986 — A. I. Kuznecova, T. F. Yefremova. Slovar morfem russkogo yazyka. Moskva, 1986.

Likhtman 1968 — R. I. Likhtman. Sushchestvuyet li bezaffiksnyy sposob slovoobrazovaniya v russkom yazyke? // Voprosy Yazykoznaniya.. 1968. № 2. S. 32—39.

Lopatin 1966 — V. V. Lopatin. Nulevaya affiksaciya v sisteme russkogo slovo-obrazovaniya // Voprosy Yazykoznaniya. 1966. № 1. S. 153—166.

Melchuk 1975/1997 — I. A. Melchuk. Opyt razrabotki fragmenta sistemy ponyatiy i terminov dlya morfologii (k formalizacii yazyka lingvistiki) // Semiotika i informatika. Vyp. 35. Moskva, 1997. S. 15—58.

Melchuk 1997 — I. A. Melchuk. Kurs obshchey morfologii. T. I. Moskva; Wien, 1997

OSRYa — Orfoepicheskiy slovar russkogo yazyka. Proiznosheniye, udareniye, grammaticheskiye formy. 5-e izd., ispr. i dop. / Pod red. R. I. Avanesova. Moskva, 1989.

Panov 1975 — M. V. Panov. O perevodakh na russkiy yazyk ballady «Jabberwocky» L. Carrolla // Razvitiye sovremennogo russkogo yazyka 1972: Slovoobrazovaniye. Chlenimost slova. Moskva, 1975. S. 239—248.

Plungyan 2003 — V. A. Plungyan. Obshchaya morfologiya: Vvedeniye v problematiku. 2-e izd., ispr. Moskva, 2003.

Shvedova 2007 — Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vklyucheniyem svedeniy o proiskhozhdenii slov / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 2007.

Smirnickiy 1953 — A. I. Smirnickiy. Tak nazyvayemaya konversiya i cheredovaniye zvukov v angliyskom yazyke // Inostrannyye yazyki v shkole. 1953. № 5. S. 21—31.

Ulukhanov 2011 — I. S. U l u k h a n o v. Slovoobrazovatelnaya semantika v russkom yazyke i principy yeye opisaniya. 5-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2011.

Worth 1972 — D. Worth. Morfonologiya nulevoy affiksacii v russkom slovoobrazovanii // Voprosy Yazykoznaniya. 1972. № 6. S. 76—84.

Zaliznyak 2003 — A. A. Zaliznyak. Grammaticheskiy slovar russkogo yazyka: Slovoizmeneniye. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva, 2003.

Резюме

В статье рассматриваются закономерности образования бессуффиксальных nomina actionis от глаголов II спряжения на -еть и -ать, обозначающих различные речевые действия и звуки (галдеть, шелестеть, кричать и т. д.). Показано, что морфонологические ограничения, связанные с наличием-отсутствием на конце основы консонантного кластера, которыми регулируется возможность образования бессуффиксальных существительных от данной группы глаголов, специфичны именно для этого фрагмента русской словообразовательной системы; таким образом, наиболее адекватным способом описания этого явления должно быть признано введение особого нулевого словообразовательного суффикса.

Ключевые слова: словообразование, морфонология, нулевая аффиксация, конверсия, отглагольные существительные

ILYA B. ITKIN

IN SEARCH OF A ZERO DERIVATIONAL SUFFIX (Verbal nouns of the type 360H, wym, wenecm in modern Russian)

The present article is devoted to the regularities of the formation of suffixless nomina actionis derived from the Russian verbs of the second conjugation (with an infinitive ending in -emb or -amb) that denote different speech actions and sounds (eandemb 'to clamor', menecmemb 'to rustle', kpuyamb 'to shout', etc.). It is demonstrated that the morphophonological restrictions, which are connected with the presence vs. absence of a consonant cluster at the end of the stem and regulate the ability of suffixless nouns to be derived from the group of verbs in question, are specific for this fragment of the Russian derivational system only. Thus, it is the introduction of a special zero derivational suffix that should be accepted as the most adequate way of describing this phenomenon.

Keywords: word-formation, morphophonemics, zero affixation, conversion, verbal nouns.

Институт востоковедения РАН 107031, Москва, ул. Рождественка 12

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences 12 Rozhdestvenka, Moscow 107031, Russia

Статья поступила 23.04.2013

Received on 23.04.2013

M. B. AXMETOBA

ЕЩЕ РАЗ О СУФФИКСЕ -ЧАНЕ

(история одной полемики)*

Речь в статье пойдет о развернувшейся в отечественной печати второй половины XX в. полемике, в центре которой были названия жителей населенных пунктов (катойконимы), образованные при помощи суффикса -чане (-чанин, -чанка).

Увеличение продуктивности данного форманта в советский период, по сравнению с досоветским, — общее место в работах исследователей, обращавшихся к названиям жителей (например: [Голанова, Крысин 1974: 308; Левашов 1971: 55; 1973: 114; Потиха 1970: 191—192] и мн. др.). Причину этого (а равно и причину увеличения количества катойконимов как таковых) видят в развитии центральной и местной прессы, требующей порождения названий лиц по местности, образованных в том числе от «таких топонимов, от которых они раньше никогда не образовывались 1, (...) и от новых топонимов» [Суперанская 1979: 103].

Новые варианты такого рода, по наблюдениям языковедов, вступали в конкуренцию с традиционными, уже существующими, и нередко довольно успешно. Так, А. А. Дементьев в 1946 г. отмечал, что при наличии синонимичных форм харьковцы и харьковчане в «Новом полном справочном орфографическом словаре для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников» Я. С. Хомутова [1929] предлагается первый вариант, тогда как «живой язык и язык газет отдает предпочтение» второму [Дементьев 1946: 12]. О широком распространении таких названий в печати свидетельствует учебное пособие по русской морфологии И. Г. Голанова: «вместо старых ростовцы, харьковцы теперь более приемлемо: ростовча-

Мария Вячеславовна Ахметова, Российский государственный гуманитарный университет (Москва).

^{*} Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

¹ Имеется в виду самоименование с использованием субстантивированного прилагательного (наподобие «мы рязанские»), причем такие прилагательные в разговорной речи могли образовываться «от названий губерний и уездов, а отнюдь не от каждого топонима» [Суперанская 1979: 103—104].

не, харьковчане, полтавчане...» [Голанов 1963: 77]². По данным социолингвистического исследования, проведенного в начале 1970-х гг., употребление катойконимов на *-чане* было более свойственно лицам молодого возраста, имеющим среднее образование, и представителям гуманитарной интеллигенции [Голанова, Крысин 1974: 308].

Конкуренция вариантов стала предметом рефлексии; немало было тех, кто испытывал растерянность, задаваясь вопросом о выборе правильного варианта, либо недовольство. Результатом стала полемика о вариантах на *-чане* в общем русле ведшихся в отечественной печати дискуссий о культуре речи и «чистоте языка» (см. об этих дискуссиях: [Басовская 2011]). Пик полемики пришелся на 1950—1960-е гг., хотя в целом она не окончена по сей день. Впрочем, данная тема относилась к периферии дискуссий о культуре речи; показательно, что ни К. И. Чуковский, ни Л. В. Успенский, активно участвовавшие в этих дискуссиях, не высказывались ни «за», ни «против» названий на *-чане*, хотя им приходилось писать о разнообразии способов образования катойконимов [Успенский 1974: 385—389; Чуковский 1962].

Инициатива «борьбы» с данными вариантами принадлежала литераторам и публицистам. В 1953 г. писатель Ф. В. Гладков в статье «О культуре речи» затронул топонимическую тему в контексте «неуважения к благородным традициям народного и литературного словесного творчества» и «дурного влияния канцелярского и ведомственного жаргона»:

Окончания на цы, ки, чи преобладали до сих пор над древней формой чане, яне. Мы говорили и писали: харьковцы, ростовцы, псковичи, москвичи, тверяки, пензяки и т. д., а слова на чане, яне допускались (...) прежде всего в смысле племени. нашии и населения государственных территорий: киевляне, куряне — пережиток феодализма, как угасшее «москвитяне». Но сейчас только и говорят и пишут: харьковчане, ростовчане, горьковчане, краснодарчане. А один известный писатель, подавленный этой формой, отважился написать: «красноармейскчане» — трудно произносимое слово неимоверной длины. Этого не избежал и почтенный историк в курсе «Истории СССР»: вместо легкого и обычного слова «коломенцы» начертал: «коломничане» з и прибавил: «касимовчане». По этому стандарту надо уж писать и говорить: «москвачане», «пензачане», «саратовчане», «благовещенскчане»... все это звучит малограмотно. Надо учиться у народа и у классиков русской литературы звуковой экономии, музыкальности и выразительности слова. Канцеляристы и газетчики — сомнительные учителя русского языка. Плохо то, что писатели и языковеды подхватывают эти прелести и некритически узаконивают их, как норму (см. в той же академической «Грамматике» и в «Курсе» Булаховского) [Гладков 1953: 233—234].

 $^{^2}$ В издании 1967 г. вместо «более приемлемо» — «чаще встречается» [Голанов 1967: 81].

³ Возможно, неназванный историк опирался на «Курс русской истории» В. О. Ключевского, где встречается слово *коломничане* (см. соответствующую цитату в: [Бабкин 1964: 174]).

Требует комментария тезис о «некритическом узаконении» проблемного форманта. В морфологической части «Курса русского литературного языка» Л. А. Булаховского описываются в частности «суффиксы, обозначающие, откуда кто родом или где проживает», — «-ец, -овец, -ич, -як, -анин, -янин, -чанин: ленинградец, тамбовец, орловец, москвич, костромич, сибиряк, туляк, киевлянин, парижанин, курянин (к Курск), сумчанин (к Сумы)» [Булаховский 1935: 108]; фрагмент оставлен неизменным в последующих изданиях «Курса» (1936, 1937, 1938, 1940, 1952). Что касается академической «Грамматики русского языка», в ней суффиксы -анин (-янин) и -чанин указаны как служащие для образования слов, обозначающих «представителей социальных, национальных и территориальных коллективов», и приводятся примеры склонения слов гражданин и харьковчанин [Виноградов и др. 1952: 130].

Через три года тему продолжил писатель и академик С. Н. Сергеев-Ценский, высказав сентенцию, в данной полемике ставшую практически хрестоматийной и широко цитировавшуюся впоследствии:

...Тургенев был орловцем, а я на заре туманной юности — тамбовцем; теперь же мы с Тургеневым стали: он — орлов-чан-ин, а я, — можете представить себе, — тамбов-чан-ин! И я готов спросить кого угодно: не знаете ли, в какой бондарной мастерской сработаны эти неуклюжие «чаны»? [Сергеев-Ценский 1956: 200].

Наконец, поэт и публицист Б. Тимофеев (Б. Н. Тимофеев-Еропкин) несколько раз обращался к «энергичному наступлению суффикса "чан" на языковом фронте»:

В Москве живут москвичи, в Киеве — киевляне, в Минске — минчане, в Курске — куряне, в Омске — омичи, в Туле — туляки, в Одессе — одесситы, в Тамбове — тамбовцы и т. д.

Эти наименования существуют сотни лет... Однако за последнее время появилось стремление (усердно насаждаемое газетами и радио) «стричь всех под одну гребенку». Так появились «мурманчане», «свердловчане», «норильчане», «кировчане», «ковровчане» и т. д.

А почему не «мурманцы», «свердловцы», «норильцы», «кировцы», «ковровцы»? Ведь никто не говорит «саратовчане», «тамбовчане» 4 , «казанчане», «куйбышевчане», «калининчане»?! $\langle \ldots \rangle$

Если в доказательство правомерности формы «ростовчане» мне укажут на песню о «тачанке-ростовчанке», которая появилась недавно, то я сошлюсь на фамилию «Ростовцев», существующую столетия. Да и не вызвана ли в рассматриваемом примере «ростовчанка» необходимостью найти хорошую рифму на «тачанка»? (...) За самое последнее время появились еще и «полтавчане». Почему? Ведь сотни лет существовали «полтавцы». Доказательство? Думаю, что будет достаточно одной «Наталки-Полтавки».

⁴ Из того, что в ряд «несуществующих» слов включен катойконим *тамбовчане*, видно, что текст Сергеева-Ценского был Тимофееву неизвестен.

До какой нелепости можно дойти в этом направлении, показывают слова «муромчане» и «муромляне», которые появились как наименование жителей древнего города Мурома, хотя в народной памяти живет великий предок и земляк современных «муромчан» — славный богатырь Илья Муромец...

Давайте говорить правильно по-русски! [Тимофеев 1959: 196].

Этот пассаж был повторен Тимофеевым в статье в «Литературной газете» [Тимофеев 1960а] и в популярной книге о культуре речи [Тимофеев 1960b], выдержавшей несколько переизданий. Явное сочувствие этой идее звучит и в одной из рецензий на книгу, автор которой цитирует высказывание Сергеева-Ценского о «неуклюжих "чанах"» и резюмирует, ставя такие варианты в один ряд с другими речевыми «неправильностями»:

Б. Тимофеев вынужден еще раз поговорить в книге об этих «чанах». Он говорит об искажении пословиц и поговорок, о «модных» словечках, о фамилиях и именах, о канцеляризмах, о брани и чертыхании [Уразов 1961].

В 1958 г. в газете «Литература и жизнь» была опубликована статья «Неправомерные искажения», автор которой А. Беляева сетовала на распространение названий с «нагроможденным» суффиксом -чан: в противовес «гораздо более употребимому и подходящему по конструкции» -ец. В качестве аргументов приводились следующие:

Перебирая 30 слов названий областных русских городов РСФСР, за небольшими исключениями приходится употреблять суффикс ЕЦ, и, значит, нет никакого основания загромождать слова русского языка, чтобы у нас не получалось от Хабаровска — «хабаровчане» и т. д.

По этому вопросу есть и очень ясное указание в академической грамматике, в разделе «Словообразование имен существительных» в книге «Современный русский язык» под редакцией В. В. Виноградова.

Бесконтрольное пользование суффиксом ЧАН вводит какую-то сумятицу и разброд в нашу языковую практику. Например, говоря «мурманчане», трудно понять, о каком городе идет речь.

Где же тут корни в развивающемся русском языке, на что любят ссылаться охотники подобных словообразований? (...) [Беляева 1958].

В 1962 г. А. Беляева вновь выступила в «Литературе и жизни» со статьей «Вытеснение суффиксов»:

На страницах газет «опочане» встретились с «орчанами». Любопытно, кто узнает в орчанах жителей города Орска, а в опочанах — жителей города Опочки Псковской области?

А началось как будто с малого: «свердловчане», «горьковчане», как вариант еще возможный. Но когда появились «ковровчане», стало ясно, что творится что-то неладное. Я, много раз бывавшая в этом городе, никогда не слышала, чтобы жители Коврова называли себя «ковровчанами» — только «ковровцами». Так оно было и в литературном языке.

Сейчас появились совершенно невыговариваемые «мурманчане» и «никопольчане», «петропавловчане», «львовяне», «полтавчане» (неужели забыли «Наталку-полтавку»?). Жителей молодого Норильска успели уже окрестить «норильчанами»...

Беляева призвала к унификации названий жителей в пользу образованных при помощи «гораздо более употребительного и более удобного по конструкции» суффикса -*ец*, высказав пожелание, чтобы «в интересах чистоты русского языка» газеты начали «вытеснение суффикса -*чанин* там, где он неоправданно распространился» [Беляева 1962].

Таким образом, претензии к катойконимам на -чане сводились к следующим: новые варианты возникают под влиянием газет и канцелярского языка; они одновременно и излишне архаичны («пережиток феодализма»), и нетрадиционны; для них в языке уже существуют более достойные привычные альтернативы, в том числе закрепленные прецедентными онимами (Илья Муромец, Наталка Полтавка), наконец, они неузнаваемы, неудобны для произношения и просто плохи с точки зрения вкуса — «нелепы», «неуклюжи» и «малограмотны».

Лишь в одной из названных статей [Беляева 1958] содержалась ссылка на грамматику (впрочем, за «очень ясное указание» на необоснованность употребления таких катойконимов Беляева, по всей вероятности, приняла оценку В. В. Виноградовым в соответствующем труде типа образования лиц по местности при помощи суффикса -ец как продуктивного, а при помощи суффиксов -анин (-янин), -иянин и -чанин как малопродуктивного [Виноградов 1952: 97, 101—102]). В остальном же апелляции к грамотности отсылали не к грамматикам (а Гладков даже протестовал против «некритического узаконения» новых вариантов) и, разумеется, не к словарям (словарей названий жителей до 1964 г. не существовало, а общие толковые словари эту лексику систематически не фиксировали 5), а скорее к личному языковому чутью, обусловленному читательским и коммуникативным опытом авторов.

Разумеется, специалисты не могли не принять участия в дискуссии. Из работ, опубликованных до выхода первого словаря названий жителей [Бабкин 1964], скорее сочувственное отношение к позиции пуристов встречаем в морфологическом пособии И. Г. Голанова («понятно неудовольствие Ф. Гладкова по поводу образований типа ростовчании или С. Н. Сергеева-Ценского...» [Голанов 1963: 77]), а также в рецензии на книгу Тимофеева, автором которой был А. А. Реформатский, тогда возглавлявший сектор структурной и прикладной лингвистики в Институте языкознания АН СССР. В этой рецензии, в целом оценивающей многие утверждения Тимофеева как проявления дилетантизма, критика была разбавлена комплиментами по поводу ряда «точных и интересных наблюдений» — в том числе в отношении названий на -чане. Впрочем, очевидно, что здесь солидарность компетентного лингвиста Реформатского с самодеятельным лингвистом Тимофеевым была также обусловлена в первую очередь вкусом и личным языковым чутьем:

⁵ См. об этом: [Левашов 1966].

Вы очень удачно раскритиковали удручающее однообразие именования жителей всех городов с суффиксом -чане; как, действительно, нелепы ростовчане и харьковчане рядом с киевлянами, рижанами и ярославцами, тамбовцами! Хотя, слава богу, Илья Муромец еще не превратился в муромчанина, но костромичей уже успели перекрестить в костромичан (например, в «Путеводителе Москва — Астрахань», 1956, стр. 56), забыв об их соседях кинешемцах и даже о русской гордости: о гончих «костромичах», которые уж никак в костромичан не полезут! [Реформатский 1962: 80].

Высказывались и мнения «в защиту» суффикса -чане, также отталкивавшиеся от приведенных выше пуристических сентенций. В 1959 г. главный библиограф Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, историк и писатель Д. Н. Альшиц по поводу статьи А. Беляевой 1958 г. отметил, что газета «не впервые дает место дилетантским требованиям о запрещении "бесконтрольного" употребления тех или иных слов, оборотов, грамматических форм», сделав вывод, что «народный слух и вкус» закрепят лучшие языковые формы, и посоветовав авторам, прежде чем рассуждать о том, что грамотно или неграмотно, обращаться к словарям и школьным пособиям [Альшиц 1959]⁶.

Другой участник полемики, лингвист Э. И. Ханпира, суммировав мнения Сергеева-Ценского, Беляевой, Тимофеева и Альшица, сделал следующий вывод:

Здесь нельзя декретировать. Язык «сам» разберется. (...) Думается, что, покуда в языке идет сложный процесс отбора, не нужно ни чураться суффикса -*чанин*, ни забывать старых суффиксов -*ец*, -як и др. Не беда, если в наши дни рядом с «тамбовцем» будет «тамбовчанин», рядом с «тулячкой» — «тульчанка» [Ханпира 1961: 65—66].

Проблема нашла отражение и в статье «От редакции», предварявшей четвертый выпуск «Вопросов культуры речи» за 1963 г. (судя по подписи в примечаниях В. Г., ее автором был входивший в редколлегию издания В. П. Григорьев). Для иллюстрации идеи, что «"языковая политика" не может проводиться как догматическое применение раз и навсегда выработанной системы принципов» [От редакции 1963: 14], в статье приводилось несколько примеров, одним из которых было распространение в печати названий жителей на -чане. Статья содержала больше вопросов, чем ответов, отмечала отсутствие теоретической базы в отношении исследования оттопонимических дериватов, при этом однозначно критиковала поверхностные суждения пуристов:

Как относиться к формам *ростовчане*, *ковровчане*, *львовчане*, *норильчане* и т. п.? Чем вызвано «второе дыхание» старого суффикса? Действительно ли распространение его ничем не оправдано? Или здесь обнаруживаются

 $^{^6}$ Впрочем, совет был не слишком корректен, ввиду отсутствия в то время специальных словарей топонимической лексики.

какие-то неясные, еще не выявленные тенденции? Наконец, что делать «языковому политику», в каком направлении и как именно действовать? Эти вопросы не получают быстрого ответа у наших лингвистов. Естественно, что, не дождавшись научно обоснованных рекомендаций и не дожидаясь академически-бесстрастных справок, печать действует на свой страх и риск и осуществляет в этом вопросе ту «языковую политику», которую ей подскажет толковый или просто оперативный журналист, чаще всего в той или иной степени пурист. В результате — обычный, мало что говорящий, никого ни к чему не обязывающий вывод: «...думается (как часто эта глагольная форма создает иллюзию глубокомыслия. — $B. \Gamma.$), что в интересах чистоты русского языка наши газеты должны начать вытеснение суффикса -чанин там, где он неоправданно распространился» (ссылка на: [Беляева 1962]. — М. А.). Однако очевидно, что новообразования с суффиксом -чанин легко объяснимы общей тенденцией в развитии русской словообразовательной системы нашего времени — «усилением взаимооднозначных соотношений между грамматическими значениями и их обозначающими» (ссылка на: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 50. — *М. А.*). С этой точки зрения слова типа *ростовчане* вполне оправданы.

Но ответ на вопрос о том, что же здесь делать «языковому политику», не становится тем самым автоматическим определением, он требует комплексного исследования языковой и неязыковой ситуации.

Без хорошо поставленной «службы языка» и без «общего учения о механизме языковой эволюции» лингвисты не в состоянии своевременно оказывать помощь нашей печати в общем деле осуществления целенаправленной «языковой политики» [От редакции 1963: 16].

Иными словами, в статье было заявлено, что академическая наука не готова проводить однозначную «языковую политику» в данном отношении, высказываясь в пользу тех или иных вариантов.

Идея о том, что при наличии нескольких вариантов катойконимов правильным может быть лишь один, зачастую экстраполировалась и на заметно ощущавшуюся потребность в лексикографическом описании оттопонимических дериватов. А. А. Дементьев, по-видимому, одним из первых заявил о необходимости составления словаря «наименований жителей по местности, городу, стране, который бы давал указания, какое же слово употреблять: двинцы, двиняне или двинчане, витебляне или витебчане, вологодцы или вологжане, смоленцы, смоляне или смолныняне, финикийцы или финикияне, псковичи или псковитяне и т. д.» [Дементьев 1946: 12]. Автор статьи, опубликованной в «Новом мире» под инициалами Б. 3., отмечая, что «в последнее время окончание -анин стало своего рода поветрием», также высказывал надежду на появление такого рода справочника и даже предлагал обычным словарям «потесниться ради этих названий, хотя бы в пределах областных городов, имеющих историческое значение», например, за счет сокращения цитат-иллюстраций в толковом словаре Д. Н. Ушакова [Б. З. 1957]. Ономатолог В. А. Горпинич также говорил о потребности в словаре, «где был бы обоснован выбор основного варианта с точки зрения современного словоупотребления»: без такого словаря «выбор того или иного варианта будет, очевидно, носить субъективный характер» [Горпинич 1963: 127—128]. Иными словами, от словаря катойконимов ожидалась регулятивность.

Выход в свет в 1964 г. первого словаря названий жителей [Бабкин 1964], работа над которым велась в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР, не положил конца полемике, хотя отчасти перевел ее на новый уровень. Сам замысел словаря (служить не только справочником, но и собранием материалов для филологического анализа, например словообразовательных моделей [Там же: 5]) обусловил включение в него всех выявленных лексем без исключения, и зачастую для жителей одного населенного пункта приводилось несколько названий (хотя в таких случаях сначала приводились наиболее употребительные названия, затем — менее употребительные, затем — названия с пометами местн. и устар.). Такой плюрализм, явившийся результатом сознательного выбора составителей, которые напрямую заявляли, что словарь названий жителей не должен быть строго нормативным и рекомендательным (см. [Левашов 1966: 53]), не удовлетворял тех, кто обращался к словарю в поисках одного-единственного «правильного» варианта, и невозможность найти последний составляло основную претензию к лексикографам, в том числе со стороны противников вариантов на -чане, неизбежно сталкивавшихся с различными «чанами» на страницах словаря 7 :

Составители словаря, несомненно, сделали большое, полезное дело. Досадно только, что в ряде случаев они сами не имеют твердой позиции в определении названий; ведь ссылки на местные источники не всегда авторитетны $\langle \dots \rangle$ Гусевцы, гусевчане или гусяки? Как же правильно? На этот вопрос словарь ответа не дает. К сожалению, подобных случаев много [Таланов 1964: 286].

...Может быть, самое яркое в этом словаре — активное наступление новых наименований, рожденное нашей эпохой. $\langle ... \rangle$

«Старожилы» Красноярского края — туруханцы, минусинцы — заметно потеснены «новичками». Об руку шествуют игарчане и норильчане, еще не решившие, судя по приводимым примерам из местной прессы, как же им лучше все-таки называться: может быть, игарцами или норильцами? (...)

Может быть, новому словарю следовало быть более решительно-нормативным. У нас порой чересчур увлекаются образованиями на «-ане», «-чане»,

⁷ Обращает на себя внимание, что в словаре нашли отражение многие из вариантов, которые приводились пуристами в качестве примеров неграмотных или вовсе не существующих названий: горьковчане, ростовчане, орловчане, мурманчане, свердловчане, норильчане, кировчане, ковровчане, муромчане и муромляне, а также хабаровчане, о которых однозначно заявлял даже не являвшийся пуристом Э. И. Ханпира: «Не надо только "ейцев" или "хабаровчан" (выделено мной. — М. А.) с "казанчанами" и "рязанчанами"» [Ханпира 1961]). Слово харьковчане, также вызывавшее критику, нашло отражение в словаре названий жителей СССР [Бабкин, Левашов 1975].

и вот рядом с диксонцами появляется уродливое диксончане. Понятно, что при установлении каких бы то ни было языковых нормативов необходим максимум чуткости и такта по отношению к живому языку, но ведь и «служба языка» тоже существует недаром... [Кин 1965].

Знаете ли вы, что такое лермонтовчане, черноморчане, фурмановчане, петропавловчане? Думаете, что таких слов нет? Напрасно, загляните в «Словарь названий жителей (РСФСР)», изданный в Москве в 1964 г. под редакцией А. М. Бабкина. Там, помимо перечисленных, вы встретите еще и орловчан, и тамбовчан, и даже суздальчан и азовчан. $\langle \ldots \rangle$

...Бывают словари-нормализаторы и словари-регистраторы. Описанный словарь регистрирует употребление названий — и только. Для повышения культуры русской речи нужны словари-нормализаторы, дающие объяснительные и запретительные пометы и помогающие людям разобраться в существующих формах. До этой роли описанный словарь не поднялся, и пользоваться им следует очень осторожно [Суперанская 1966].

Схожий упрек, хотя и в более мягкой форме, А. В. Суперанская позднее высказывала в отношении следующего словаря названий жителей СССР:

Совершенно естественно, что стандартизация типов сообщений [в газетах] влечет за собой и стандартизацию средств выражения. Это проявляется, например, в экспансии суф. -чанин/-чане (комсомольчане, ковровчане), удобного своим единообразием, но нередко лингвистически и территориально неуместного. В тех случаях, когда обозначение жителя в местном диалекте реально отсутствует, образование с суф. -чане приобретает официальный характер. Как видно из всего сказанного, в настоящее время затруднена не только стандартизация, но и речевая нормализация катойконимов. Изданный в 1975 г. «Словарь названий жителей СССР» под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова включает в себя очень большой материал, много цитат, хорошую документацию. Но составители не решились сделать его строго нормативным [Суперанская 1979: 103].

Словари названий жителей РСФСР (1964), а затем СССР (1975) ввели в научный оборот значительный материал. Если до выхода этих словарей к образованию наименований жителей вне общей морфологической проблематики обращались единичные исследователи (например, [Горпинич 1963]), то со второй половины 1960-х гг. появился ряд работ, непосредственно посвященных закономерностям в образовании этих названий (например: [Арапов 1971; Кожин 1972; Голанова, Крысин 1974; Ковалёв 1978]), а данные о сочетаемости различных катойконимических формантов с основой нашли отражение в учебных пособиях [Морозова 1969: 17; Кожин и др. 1982: 26—27]. Дискуссионным остался вопрос о морфологической природе суффикса -чане: он рассматривался и как вариант суффикса -ане (-яне)⁸, и как самостоятельный формант⁹.

⁸ Например: «...Суффикс *чане* в русском языке не самостоятельная единица, а всего лишь вариант суффикса *ане* $\langle ... \rangle$. Это результат чередования конечных со-

Значительное количество выявленных лексикографами вариантов на -чане ¹⁰ стало явным свидетельством продуктивности и прочного утверждения в языке данного форманта. Примечательно, что многие исследователи, писавшие об этом форманте в 1960—1980-е гг., словно стремились реабилитировать его, непосредственно отталкиваясь от суждений Ф. В. Гладкова, С. Н. Сергеева-Ценского, Б. Н. Тимофеева-Еропкина и А. Беляевой; и создается впечатление, что пуристический протест против «неуклюжих "чанов"» во многом если не обусловил, то скорректировал направленность исследований соответствующего суффикса. Так, на основании цитируемых в словаре документов, относящихся к русскому средневековью, опровергалось мнение, что суффикс -чанин — это «ненужное новообразование» [Абдуллаев 1967: 70]. Главными доводами «в защиту» форманта были тезисы о тенденции современного русского языка закрепить за образованиями на -чанин значение 'житель города' при многозначности слов на -ец (например, кировеи — и житель Кирова, и рабочий завода им. Кирова, а кировча*нин* — только житель ¹¹ [Лопатин, Улуханов 1963: 17—18; Даниленко 1964: 86; Максимов 1965; Петровичева 1967b: 67; Панов 1968; Потиха 1970: 191—192; Люстрова 1972]) ¹², а также о продуктивности этого суффикса для образования названий в женском роде 13, в том числе если другие форманты неуместны в силу того, что создают ненужную омонимию либо не-

гласных основы: Бочки — бочане, Винница — винничане, Углич — угличане, сравните нарицательное полк — однополчане» [Суперанская 1966]; «В современном языке суффикс -анин выступает в своем варианте -чанин, явившемся результатом морфологического переразложения основы» [Даниленко 1964: 86]). В изданиях [Арапов 1971; Граудина и др. 1976: 288—289] образования на -анин и -чанин рассматриваются в едином контексте, а сам формант обозначается как -(ч)анин; по мнению М. В. Панова, суффикс -чанин — это -анин с интерфиксом -ч [Панов 1968: 119].

⁹ Например: «...Названия на *-чанин* образуются, как и названия на *-ец*, от основы прилагательного на *-ск(ий)*», в отличие от восходящего к древнерусскому языку суффиксу *-анин/-янин* от основы топонима [Левашов 1968: 61—65]. Ср. также о разграничении этих суффиксов в: [Никонов 1970: 26; Кожин 1972; Зализняк 1985: 111—112].

 10 Такие названия составили 11,9 % от всех приведенных в словаре 1964 г. названий в форме ед. ч. м. р. [Потиха, Гончарова 1966].

¹¹ Впрочем, отмечались курьезные случаи омонимии обратного рода, наподобие именования в районных газетах *горьковчанами* рабочих совхоза им. Горького и т. д. [Кривенко 1980: 99].

¹² По-видимому, первым идею об однозначности этих вариантов в качестве аргумента в их пользу высказал Э. И. Ханпира [1961].

¹³ По наблюдению Г. Ф. Ковалёва, не последнюю роль в распространении названий на *-чане* играет именно характерная для XX в. «тенденция к выравниванию в количественном отношении мужских и женских соответствий в названиях жителей, сопровождавшаяся бурным ростом названий, обозначающих женщин. Катой-конимы женского рода, догоняя в количественном отношении соответствующие им катойконимы мужского рода, подталкивают последние на качественные изменения» [Ковалёв 1978: 92—93].

благозвучный вариант (например, жительница Копейска — скорее *копей-чанка*, чем *копейка* [Петровичева 1967а]).

В монографии одного из составителей словарей названий жителей Е. А. Левашова целый раздел посвящен рассматриваемому суффиксу (примечательно его название «В какой мастерской сделан суффикс "-чанин"?» — прозрачная аллюзия на фразу С. Н. Сергеева-Ценского о «неуклюжих "чанах"», «сработанных» в бондарной мастерской) [Левашов 1968: 61—92]. Кроме историко-морфологического аспекта, а также стилистики (катойконимы, образованные при помощи суффикса -ец, принадлежат литературноразговорной речи, а при помощи суффикса -чанин — литературнокнижной [Там же: 66]), автор затронул и аспект культуры речи: распространение названий на -чане, нарушающее устоявшиеся традиции, обусловлено не «неосознанно-недоброй волей людей, лишенных чутья языка» и не тем, что «их употребляют не очень грамотные работники слова», а развитием языка 14 и по причине соответствия «живой и актуальной словообразовательной модели» [Там же: 71—73]. Вывод очевиден:

Итак, в какой же «мастерской» сработан новый патронимической суффикс *-чанин*? Он сделан в мастерской языка. И его судьба в руках мастера — народа-языкотворца [Там же: 73].

Необходимо отметить, что общим местом у авторов, придерживавшихся противоположных взглядов в отношении катойконимов на -чане, была необходимость уважения к речевой традиции; последняя, впрочем, воспринималась неоднозначно. Для пуристов существование на протяжении веков определенных вариантов означало исключительно ненужность новых (так, если уже есть ростовцы, то зачем новомодные ростовчане?); сторонники же «естественного развития» языка, признавая незыблемость ряда традиционных катойконимов, утверждали, что язык в конечном итоге «сам» отберет наиболее адекватные варианты, а наиболее неблагозвучные и тяжеловесные из них, скорее всего, не утвердятся. О последнем, пожалуй, наиболее явно говорил Е. А. Левашов, заявлявший одновременно и что суффикс -чане, нарушивший устоявшиеся традиции, «сработан в мастерской языка», и что «почти автоматически образуемые», пусть даже по продуктивным моделям, названия иногда «чужды тем, к кому они относятся» ¹⁵

¹⁴ Ср.: «Исследования последних лет укрепили мысль, что расширение позиций суффикса *-чанин* отвечает требованиям языкового прогресса. (...) Суффиксальное многообразие в оформлении названий жителей в прошлом; ныне главную работу выполняют два суффикса-работяги: *-ец* и его младший брат *-чанин*» [Левашов 1971: 55].

 $^{^{15}}$ «Местное население подчас пользуется своими, освященными веками и традициями названиями. Эти названия носят характер исключения из правил. И есть исключения, имеющие общеизвестный характер (приводятся примеры: пензяк, архангелогородец, смольнянин и др. — M.A.). $\langle \dots \rangle$ Как и всякие исключения, их приходится держать в памяти. Неправильно называть жителей того или иного села,

Таким образом, по мнению Левашова, «правильными» являются варианты, принятые и закрепленные в локальной речевой традиции. Вариативность же катойконимов свидетельствует о незавершенности развития «патронимической системы русского языка»; а конечный выбор относился Левашовым в более или менее отдаленное будущее:

Разные названия жителей одного и того же места — это реализация различных возможностей, предоставляемых языком. Поэтому при столкновении двух и более патронимических суффиксов невольно возникает их противоборство. И разрешит это противоборство только сам язык [Левашов 1968: 91—92].

Таким же общим местом было вытеснение вариантами на -чане синонимичных названий жителей с другими суффиксами (вне зависимости от отношения к этому). Однако, с одной стороны, это положение основывалось скорее не столько на реальных фактах (для выявления которых потребовался бы статистический анализ больших массивов газетных текстов, что в 1960-е годы было трудноосуществимо), сколько на личных ощущениях авторов. С другой стороны, катойконимы (если они не были устаревшими или не имели диалектно-разговорного характера) наделялись единым статусом: именование жителей в газетах представлялось как единое и для центральных, и для местных изданий. В частности, в учебном пособии по топонимике М. Н. Морозовой в качестве примера вытеснения названий на -еи вариантами на -чане приводились названия жителей Мурома: муромеи и муромлянин как «архаичные» против «нового» муромчанин [Морозова 1969: 17] — даже несмотря на то что в словаре [Бабкин 1964] указанные варианты даны в той же последовательности, т. е. в соответствии со снижением употребимости; вопрос же о предпочтениях жителей самого Мурома даже не ставился ¹⁶.

Интересными оказываются представления участников полемики об именовании и самоименовании (проблема, в контексте названий жителей очевидная). Роль именующего была закреплена за журналистом. Для противников названий на *-чане* эта фигура априорно представала в негативном свете, на журналистов возлагалась ответственность за насаждение одиозных вариантов. Критика журналистов была общим местом в советское время (см. цитаты, приведенные в начале статьи) и продолжала иметь место в 1990-е гг.:

города, местности — значит проявлять неуважение к традициям, к языку отцов, к людям» [Левашов 1968: 85, 91].

Эта идея была затем повторена в постсоветских переизданиях словаря названий жителей.

¹⁶ В действительности вариант *муромчане* (*муромчанин*, *муромчанка*) является типичным примером «экзонима»; в частности, в неофициальном гимне Мурома 1962 г. употребляется вариант *муромляне*, а в настоящее время этот вариант конкурирует с вариантом *муромцы*, тогда как *муромчане* безусловно отвергается (см. [Ахметова 2012]).

В последнее время с легкой руки журналистов приобрели популярность названия жителей с суффиксом -чанин. Если, например, Словарь названий жителей СССР (М., 1975) фиксирует в своих материалах два варианта, то можно не сомневаться, что работники средств массовой информации непременно выберут форму на -(ч)анин, хотя в самом Словаре отнюдь не всегда этой форме отводится первое место (...). Сомнительно, правда, что журналисты в каждом спорном случае сверяются с данными словарей (...). Скорее всего они полагаются на свое собственное разумение, и результатом его оказывается весьма модное сегодня пристрастие к именам типа белгородчане на месте давних и привычных белгородцев [Катлинская 1992: 46].

Мнению местных журналистов по поводу названий жителей уделяли внимание лишь единичные авторы. К примеру, Г. И. Петровичева приводит свидетельства о рефлексиях сотрудников местных СМИ:

Писатели и лингвисты спорят, быть или не быть суффиксу -чанин. А что скажут сами жители городов? И здесь наблюдается разноречивость мнений. Вот письмо зав. отделом культурно-массовой работы газеты «Вперед» А. Малыгина: «Газета "Вперед", — пишет он, — обращаясь к жителям Загорска (Московская обл.), называет их загорчанами. Считаем, что именно так, а не иначе (например, загорцы) и следует называть жителей Загорска». А газете «Путь Ильича» более по душе форма загорцы. Литсотрудник газеты «Орал онірі» («Приуралье») Б. Пышкин против суффикса -чанин: «...соседей наших, гурьевцев (г. Гурьев), почему-то в последнее время стали именовать гурьевчанами. Для нас и для самих гурьевцев это звучит чуждо, режет слух. Но так пишет вновь созданная газета "Западный Казахстан"... Почему, неизвестно. Себя краевые газетчики называют, между прочим, актюбинцами» (г. Актюбинск) 17. Ответственный секретарь газеты «Знамя труда» К. Хабибуллин сообщил нам, что жители города Коврова называются ковровчанами. Но в последние 2-3 года это название стало вытесняться другим — ковровцы ¹⁸. Так, городская газета уже давно называет жителей города ковровцами, а районная — ковровчанами. Как сообщает Ю. Тихомиров, жителей г. Лубны Полтавской области называют и лубенцами, и лубенчанами [Петровичева 1967b: 66].

Показательно, что выдержки из писем газетчиков приводятся Петровичевой, сторонницей «естественного отбора» вариантов языком, для иллюстрации продуктивности проблемного форманта:

В этих случаях название жителя не установилось твердо, дублетные, параллельные формы сосуществуют. И пусть объявлена тревога: нелепые «чаны» наводняют язык! Названия жителей с суффиксом *-чанин* упорно за-

¹⁷ Речь идет о Западно-Казахстанском крае с центром в Актюбинске (существовал в 1962—1964 гг. и включал в частности города Гурьев и Уральск; в последнем издавалась газета «Приуралье»).

 $^{^{18}}$ Если в соответствующем высказывании нет ошибки, то это ценный пример восприятия уже более традиционных вариантов как «агрессивных».

воевывают себе право на существование и кое-где даже теснят параллельные названия на -eu [Там же] ¹⁹.

В остальных случаях разделение сотрудников СМИ на неместных (в том числе московских) и местных, как правило, было неотчетливым. Даже вполне правомерный вопрос В. П. Даниленко (в целом склонной оправдывать названия на *-чане* особой семантической нагрузкой данного суффикса) о (не)совпадении самоименования жителей и их именования в газетах —

не подразумевает, кто именно проявляет «самодеятельность» — пишущие земляки именуемых жителей или сотрудники неместных изданий.

Для пуристов мнение местных журналистов (и шире — местных жителей вообще) могло априорно признаваться некомпетентным либо второстепенным, особенно если оно противоречило их собственным представлениям о культуре речи. Например, рецензент первого словаря названий жителей в качестве упрека лексикографам заявлял, что «ссылки на местные источники не всегда авторитетны» [Таланов 1964: 286]). А составители частотно-стилистического словаря вариантов, даже признавая, что нельзя оставлять без внимания желание жителей называть себя определенным образом оставлять без внимания желание этого фактора не стоит преувеличивать: «гораздо важнее, чтобы жителей "опознавали" все те, кто не живет на этой территории» [Граудина и др. 1976: 291]. Более того, в употреблении местными журналистами названий на *-чане* могло видеться лишь влияние моды:

¹⁹ Вообще отсутствие системы в употреблении катойконимов и конкуренция вариантов на *-цы* и *-чане* даже на страницах одного издания отмечались в середине XX в. неоднократно: «...Газета "Комсомольская правда" без всякой смысловой или стилистической дифференциации употребляет форму *полтавцы* и *полтавчане*, "Правда" печатает *гомельцы*, а "Труд" — *гомельчане*, "Правда Украины" жителей с. Грабов (Черниговская обл.) называет и *грабовцами*, и *грабовчанами*. В "Радянському спорті" в одной и той же статье встречается шесть раз форма *днепропетровцы* и два раза *днепропетровчане*» [Горпинич 1963: 127]; И. Г. Голанов упоминает употребление названий жителей Дмитрова *дмитровцы* и *дмитровчане* в одной статье из газеты «Ленинское знамя» (27 окт. 1963 г.) [Голанов 1976: 81], и т. д.

 $^{^{20}}$ В качестве иллюстрации приводится цитата из журнала «Неделя» от 17—23 июля 1970 г.: «...ровенчан (а не ровенцев, как иногда пишут в центральной прессе)».

Нарочитость, искусственность поползновений журналистов заменить традиционные названия житомирцы, кисловодцы, пятигорцы и т. п. на житомиряне, кисловодчане и т. д. нет-нет да и скажутся невзначай на их собственном словоупотреблении. Так, $\langle \ldots \rangle$ два разных имени — петрозаводцы и петрозаводчане — звучат в одной и той же передаче радиостанции «Маяк» (1990. 4 окт.), при этом первый вариант использует комментатор с радиостанции, а второй — местный журналист [Катлинская 1992: 51-52] 21 .

С другой стороны, наряду с фигурой нечуткого к языку газетчика на первый план могла выходить фигура именуемого — местного жителя, выражавшего свое негодование по поводу распространения «неправильных» вариантов в письмах в научные журналы и академические институты. Отношение к его мнению также было двояким. Сторонники «естественного отбора» языком вариантов старались разубедить авторов писем в обоснованности негодования. Например, С. Н. Борунова в ответе на письмо уроженца Витебска, «очень пожилого человека», который критиковал «распространившееся, по его мнению, в застойные годы название жителей Витебска витебчане» и ратовал «за старое — витебляне», обращается к словарю названий жителей, где такого рода названия широко представлены, и приводит аргумент о семантической однозначности суффикса -чане [Борунова 1995]. В то же время авторы, рассматривающие варианты на -чане как неприемлемые, выражали солидарность с возмущенными читателями (мнение которых априорно признавалось не частным, а отражающим мнение локального сообщества) и подкрепляли цитатами из их писем тезис о некомпетентности журналистов и чиновников (как местных, так и неместных):

Смешно тем, к кому эти названия непосредственно не относятся. А вот реакция лиц, поименованных таким образом: «Приехал к нам, — пишет товарищ А. из города Коврова, — корреспондент, ни у кого не спросил, а на другой день назвали нас по радио ковровчанами. Но ведь мы — ковровцы!..» [Суперанская 1966].

В редакцию журнала («Русская речь». — M. A.) регулярно приходят письма от простых смертных, которые противятся натиску извне и «ищут защиты» специалистов. В письмах обыкновенно содержатся два мотива. Вопервых, интуитивное ощущение, что под воздействием силы, действующей в обход и вопреки устоявшейся норме, нарушается традиция, и, во-вторых, настойчивое желание называться по старому, например, cmasponoльцы, а не cmasponoльцанe.

Вот выдержка из письма: «Мы, жители Ставрополя, многие годы назывались ставропольцами. Это такое наше "имя" употреблялось везде: в раз-

²¹ Результаты статистического анализа материалов петрозаводских газет с 1990-х гг. свидетельствуют о том, что именно вариант *петрозаводчане* прочно установился в локальном узусе, в то время как вариант *петрозаводцы* неупотребим [Ахметова 2013: 46—47].

говоре, в печати, в передачах по телевидению и радио. А вот года два—три тому назад оно как-то "ползуче" стало заменяться словом "ставропольчане"».

Именно вследствие того, что новая форма слова возникает не естественно, а как бы навязывается, никак не удается избежать разнобоя в словоупотреблении, что, конечно, особенно раздражает всех тех, кто с таким разнобоем сталкивается. Жители того же Ставрополя не без ехидства замечают, что один день они — ставропольцы, а другой — ставропольчане.
«Дело доходит до того, — пишут они, — что всевозможные рекламы, стенды и даже призывы на одной улице обращены к "ставропольцам", на другой
улице или в другом издании — к "ставропольчанам"». (...) В письмах же с
грустью вспоминаются обычные в 30-е, 40-е годы свердловцы, кировцы, самарцы, замененные сегодня свердловчанами, кировчанами и т. д. Еще недавно над жителями бывшего Куйбышева нависала угроза называться куйбышевчане, о чем они прямо говорили: «язык сломаешь».

Итак, общественное мнение вполне определенно склоняется к оценке производных на *-чанин* как нежелательных [Катлинская 1992: 46—47].

Кроме того, в ряде работ возникала более или менее абстрактная фигура компетентного специалиста в области культуры речи, который мог бы разрешить проблему вариантности и раз и навсегда объяснить, как правильно писать и говорить. Именно эта идея стояла за высказываниями многих из тех, кто критиковал составителей словарей названий жителей за отказ от нормативности. Некоторые авторы, видевшие в окончательном закреплении одного из вариантов актуальную задачу культуры речи, были склонны отдавать это закрепление на откуп не самого языка, а языковедов. Например, З. Н. Люстрова, старший редактор передачи Всесоюзного радио «В мире слов» и ведущая одноименной рубрики в журнале «Телевидение и радиовещание», отвечая на вопросы радиослушателей, многим из которых «этот суффикс (-чанин. — M. A.) не нравится», соглашалась с тем, что «названия, образуемые при помощи суффикса -eu, благозвучнее» и, хотя признавала, что призывы «выбросить» суффикс -чанин из языка «бессильны что-либо изменить в языковом развитии», видела задачу в исследовании закономерностей и тенденций развития языка с последующим построением на этой основе «системы рекомендаций и правил об употреблении в речи различных словесных и грамматических средств» [Люстрова 1972].

Наконец, иные авторы пытались выступать в роли такого рода специалистов, руководствуясь в первую очередь уже не соображениями вкуса, а именно закономерностями развития языка. Так, составители частотностилистического словаря вариантов, признавая уникальность суффикса -(ч)анин для образования катойконимов от ряда населенных пунктов, заявляли о недостаточном «удобстве» этого суффикса именно по причине того, что образованые при его помощи варианты существуют наряду с теми, которые образованы при помощи других формантов. По мнению авторов, суффикс -ец, в отличие от суффиксов -чанин и -анин/-янин, является предпочтительным, поскольку он «сохраняет большую часть основы исходного слова, что облегчает "узнавание"» (в качестве примеров приводятся пары

ливенцы—ливчане (Ливны), прокопьевец—прокопчанин (Прокопьевск) и т. д.) [Граудина и др. 1976: 290]. Наконец, своего рода программной работой в этом отношении является статья Л. П. Катлинской с показательным названием «И все-таки пятигорцы, а не пятигорчане!» [Катлинская 1992]. Перечислю основные аргументы против нежелательных, с точки зрения автора, вариантов на -чане и -ане/-яне:

- 1. Данные словаря [Бабкин, Левашов 1975] свидетельствуют о том, что таких вариантов в языке не более $10\%^{22}$, и многие из них при наличии вариантов на *-ец* отмечены пометой *устар*. (например, *белоозеряне* при *белозеруы*). При этом «наблюдения, не нуждающиеся в словарной поддержке», показывают, что именно при помощи суффикса *-ец* образовано большинство названий жителей столиц бывших союзных и автономных республик 23 .
- 2. Варианты на -ец стилистически нейтральны и по этой причине закреплены за официально-деловым стилем речи. Распространившаяся стараниями журналистов мода на суффикс -(ч)анин обусловлена заложенной в нем экспрессивностью. Последняя обусловлена поэтическими коннотациями, сложившимися в русском языке в отношении понятия «земля», поскольку исторически слова на -(ч)анин соотносимы с названиями места обитания некоторого социума (государства, владения князей и т. д.)²⁴. Однако соотнесенность таких «красивых» названий с именами собственными, «называющими не естественно-природную территорию, а ее административнохозяйственные участки (города, деревни, села, области, районы и т. д.)», зачастую неоправданна: «новомодные ногинчане (Ногинск), загорчане (Загорск) чересчур высокопарны, а какие-нибудь чеховчане или чкаловчане просто нелепы».
- 3. Образование катойконимов на *-анин* оправдано лишь в «довольно редких случаях, когда присоединению суффикса *-ец* к производящей основе препятствуют ее структурные особенности» (т. е. если основа оканчивается на *-ец*, *-ца*, *-цы*, *-цк*).
- 4. Роль тенденции к семантической специализации суффиксов, о которой заявляли исследователи, оправдывающие существование суффикса -чанин, преувеличена, поскольку русские суффиксы вообще полифункциональны, а удобство суффикса -чане для образований названий жительниц при неблагозвучности иных вариантов «вряд ли меняет что-либо по существу».
- 5. Рядовые носители языка, регулярно обращающиеся с письмами в редакцию «Русской речи», «проявляют вкус и языковое чутье» в большей степени, чем журналисты, и однозначно противятся распространению названий на *-чане*.

²² Цифры получены путем подсчета данных словаря по буквам А и Б.

²³ В их числе приводится в том числе этноним *тувинцы*.

 $^{^{24}}$ По этому поводу нельзя не вспомнить тезис Ф. В. Гладкова о таких названиях как о пережитке феодализма.

* * *

Таким образом, вопрос остался открытым, а к концу XX в. по отношению к названиям жителей с проблемным суффиксом установились две противоположные позиции.

Отдельную проблему составляет языковая реальность второй половины ХХ в., стоявшая за описанной в статье полемикой. Несмотря на многочисленные утверждения об экспансии суффикса -чане (и даже о полном вытеснении в печати образованными при его помощи катойконимами более традиционных вариантов), во многом эти утверждения делались, повторюсь, прежде всего на основании личных наблюдений авторов; в то же время исследователи, использовавшие для анализа катойконимов количественные методы, относились к этой идее скорее сдержанно. Так, Е. И. Голанова и Л. П. Крысин, проводившие массовое обследование употребления названий жителей на материале опросников, считали возможным говорить скорее о растущей продуктивности соответствующего форманта, чем о его безусловной экспансии [Голанова, Крысин 1974: 308], а М. В. Арапов на основании статистического анализа сочетаемости основы топонима с суффиксом катойконима (по данным словаря [Бабкин 1964]) сделал следующий вывод: растет лишь продуктивность суффикса -ец, в то время как доля вариантов на *-чане* «за последние годы $\langle ... \rangle$ в русском литературном языке не возросла, но, по-видимому, и не сократилась сколько-нибудь значительно» [Арапов 1971: 501—502]. Причину же полемики о названиях жителей Арапов видел в «борьбе суффикса -чане за свое исконное место» — с одной стороны, по причине распространения русского языка в районах с изначально нерусскоязычным населением, а с другой, на фоне увеличения употребительности в русском языке иноязычных топонимов, для основ которых сочетание с суффиксом -чане не слишком характерно [Там же]. Представляется, что разница в выводах не в последнюю очередь обусловлена источниковой базой (опросники в первом случае и материалы словаря во втором), а также различием во мнении относительно самого суффикса -чане (Голанова и Крысин рассматривали его отдельно от суффикса -ане, а Арапов — вместе с ним).

Некоторое представление о реальном словоупотреблении дает обращение к материалам Национального корпуса русского языка. В табл. 1^{25} представлены данные сравнения вариантов названий на *-чанин* и *-ец* от нескольких городов по трем временным периодам: XIX в. — 1920-е гг., 1930—1940-е гг. и 1950—1990-е гг.

Приведенные в таблице данные действительно демонстрируют тенденцию к увеличению в печати названий на *-чане* с середины XX в., даже несмотря на то что число документов, содержащих искомые лексемы, доволь-

²⁵ Цифры, приведенные в таблице, означают количество уникальных документов. Подсчет проводился вручную, документы с омонимичными лексемами исключались

Таблица 1

	XIX B. —	1930—	1950—
	1920-е	1940-е	1990-е
горьковчанин/горьковец	_	0/3	14/0
свердловчанин/свердловец	_	0/0	19/1
тамбовчанин/тамбовец	0/18	0/5	2/8
орловчанин/орловец	0/26	0/4	0/5
харьковчанин/харьковец	1/7	3/4	28/0
полтавчанин/полтавец	0/13	0/3	3/1
ростовчанин/ростовец	1/15	2/5	20/2
ставропольчанин/ставрополец	0/1	0/2	0/4
хабаровчанин/хабаровец	0/0	1/0	3/6
всего: -чанин/-ец	2/80	5/26	89/27

но невелико. Впрочем, эти данные не отражают тенденций к употреблению тех или иных вариантов в самих населенных пунктах; их выявление — дело будущего исследования.

Что касается современных местных предпочтений в употреблении катойконимов, выявить их возможно на основании статистического обследования больших корпусов газетных текстов ²⁶ и материалов Интернета. Материал, полученный в результате такого исследования, показывает, что в целом единообразие в усвоении той или иной модели в образовании названий жителей отсутствует; по данным анализа текстов местных газет за последние два десятилетия, в одних населенных пунктах прочно установился вариант на -чане (например, в Пятигорске пятигорчане, в Кирове кировчане, в Петрозаводске петрозаводчане и т. д.), а в других — вариант, образованный при помощи суффикса -еи или какого-либо другого форманта (см. об этом: [Ахметова 2013]). При этом полемика о вариантах названий жителей сегодня активно ведется на локальном уровне (в том числе в местной печати). В одних случаях локальное сообщество отстаивает устоявшийся в местной речевой традиции вариант, а мишенью критики становятся прежде всего журналисты центральных СМИ, «неправильно» именующие местных жителей 27. В других случаях спор ведется внутри самого локального сообщества (например, в Тамбове — между сторонниками более традиционного названия тамбовцы и более употребительного сегодня тамбовчане) 28. Эти споры представляют собой отдельную тему, выходящую за рам-

²⁶ Например, базы данных СМИ «Интегрум», включающей сотни миллионов документов из нескольких тысяч центральных и региональных источников.

 $^{^{27}}$ См., например, статью Ю. Сергеевой «Дорогие мои иркутчи» («Иркутский репортер», 23 июля 2011 г.).

²⁸ См., например, статьи И. Овсянникова «В Тамбове живут тамбовцы» («Тамбовская жизнь», 25 марта 1995 г.), Н. Веселовской «Жертвы передвижной огневой точки: еще раз о тамбовцах и тамбовчанах» («Город на Цне», 25 июня — 1 июля,

ки данной статьи (тем более, что в их центре оказываются названия жителей, образованные при помощи самых разных суффиксов), однако примечательно, что многие из аргументов участников полемики XX в. о суффиксе *-чане*, описанные выше, находят в этих спорах продолжение.

Литература

Абдуллаев 1967 — А. А. А б д у л л а е в. Давно ли появились *-чане*? // Русская речь. 1967. № 1. С. 69—70.

Альшиц 1959 — Д. Альшиц. Не тратьте время! // Вопросы литературы. 1959. № 11. С. 247.

Арапов 1971 — М. В. А р а п о в. Соотношение существительных со значением «название местности» и «название жителей данной местности» в современном русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1971. С. 469—504 [1-е изд.: М., 1967. 60 с.].

Ахметова 2012 — М. В. А х м е т о в а. Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей // Вопросы культуры речи. Вып. 11 / Отв. ред. А. Д. Шмелев. М., 2012. С. 289—295.

Ахметова 2013 — М. В. Ахметова. Вариантность названий жителей (по данным электронной базы СМИ «Интегрум» // Вестник РГГУ. Сер. «Филол. науки. Языкознание». Московский лингвистический журнал. Т. 15. М., 2013. С. 86-105.

Басовская 2011 — Е. Н. Басовская пресса — за «чистоту языка»: 60 лет борьбы. М., 2011.

Б. 3. 1957 — Б. 3. Кто живет в Омске? // Новый мир. 1957. № 9. С. 297—298. Бабкин 1964 — Споварь назраций жителей (РСФСР): Ок. 6.000 назв. / Пол ре

Бабкин 1964 — Словарь названий жителей (РСФСР): Ок. 6 000 назв. / Под ред. А. М. Бабкина. М., 1964.

Бабкин, Левашов 1975 — Словарь названий жителей СССР: Ок. 10 000 назв. / Под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М., 1975.

Беляева 1958 — А. Беляева. Неправомерные искажения // Литература и жизнь. 1958. 21 ноября. С. 2.

Беляева 1962 — А. Беляева. Вытеснение суффиксов // Литература и жизнь. 1962. 25 мая. С. 2.

Борунова 1995 — С. Н. Борунова. Витебляне, витебчане, витебцы // Русская речь. 1995. № 6. С. 66.

Булаховский 1935 — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Харьков, 1936.

Виноградов 1952 — Современный русский язык. [Вып. 2]: Морфология (Курс лекций) / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М., 1952.

Виноградов и др. 1952 — Грамматика рус. яз. / АН СССР; Ин-т языкознания / Ред. кол.: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. Т. 1: Фонетика и морфология. М., 1952.

Гладков 1953 — Ф. Гладков. О культуре речи // Новый мир. 1953. № 6. C. 231—238.

²—8 июля 2003 г.), В. Седых «О тамбовчанах и однополчанах, или Как нас теперь называть?» («Тамбовская жизнь», 2 апр. 2011 г.) и мн. др.

Голанов 1963 — И. Г. Голанов. Морфология современного русского языка. М., 1963.

Голанов 1967 — И. Г. Голанов. Морфология современного русского языка. Изд. 3-е. М., 1967.

Голанова, Крысин 1974 — Е. И. Голанова, Л. П. Крысин. Словообразовательные варианты наименований жителей и их социальное распределение // Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М., 1974.

Горпинич 1963 — В. А. Горпинич. Влияние структуры топонимов на словообразование наименований жителей населенных пунктов // Днепропетровский гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Научные записки. Т. 79. Вып. 19. Сб. работ филол. ф-та. Днепропетровск, 1963. С. 127—132.

Граудина и др. 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлин-ская. Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Даниленко 1964 — В. П. Даниленко. Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики русского языка. М., 1964. С. 77—92.

Дементьев 1946 — А. А. Дементьев. Суффиксы -е μ и -анин (-янин) // Русский язык в школе. 1946. № 5—6. С. 12—17.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Катлинская 1992 — Л. П. Катлинская. И все-таки *пятигорцы*, а не *пятигорчане*! // Руская речь. 1992. № 5. С. 46—53.

Кин 1965 — Л. К и н. Рассыпанная повесть. [Рец.] // Лит. газета. 5 окт. 1965. С. 1.

Ковалёв 1978 — Г. Ф. Ковалёв. Формант *чанин* в русских названиях жителей // Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. Воронеж, 1978. С. 89—96.

Кожин 1972 — А. Н. Кожин. О морфемном членении слов на «-чанин» // Русский язык в школе. 1972. № 5. С. 96—99.

Кожин и др. 1982 — А. Н. Кожин, О. А. Крылова, В. В. Одинцов. Функциональные типы русской речи: Учеб. пособие для студентов филол. спецтей ун-тов. М., 1982.

Кривенко 1980 — Б. В. К р и в е н к о. Язык и стиль районной газеты // Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды / Под ред. Д. Э. Розенталя. М., 1980. С. 65—114.

Левашов 1966 — Е. А. Лева шов. О патронимической лексике русского языка (nomina regionalia) и ее лексикографическом описании // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 46—55.

Левашов 1968 — Е. А. Левашов. «Москвичи и иных мест люди...» / Отв. ред. А. М. Бабкин. Л., 1968.

Левашов 1971 — Е. А. Левашов. Ростовчане, псковичи, кокчетавцы // Русская речь. 1971. № 5. С. 49—55.

Левашов 1973 — Е. А. Левашов. Названия лиц по местности в русских говорах и литературном языке // Диалектная лексика. 1973. Л., 1974. С. 113—121.

Лопатин, Улуханов 1963 — В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словообразование и культура речи // Русский язык в школе. 1963. № 4. С. 15—23.

Люстрова 1972 — [3. Л ю с т р о в а]. В мире слов // Телевидение и радиовещание. 1972. № 3. С. V.

Максимов 1965 — В. Максимов. О соотносительности суффиксов в русском языке // Русский язык в национальной школе. 1965. № 5. С. 77—79.

Морозова 1969 — М. Н. Морозова. Вопросы топонимики: Учеб. пособие по спец. курсу для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов. М., 1969.

Никонов 1970 — В. А. Н и к о н о в. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970. С. 5—33. От редакции 1963 — От редакции // Вопросы культуры речи. 1963. № 4. С. 5—21.

Панов 1968 — Русский язык и советское общество: социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Петровичева 1967а — Г. И. Петровичева. Живут ли «мамки» в поселке Мама? // Русская речь. 1967. № 6. С. 53—57.

Петровичева 1967b — Г. И. Петровичева а. О неуклюжих *-чанах* и словообразовательной норме // Русская речь. 1967. № 1. С. 65—68.

Потиха 1970 — 3. А. Потиха. Современное русское словообразование: Пособие для учителя. М., 1970.

Потиха, Гончарова 1966 — З. А. Потиха, Т. А. Гончарова. О названиях жителей РСФСР // Волгоградский пед. ин-т им. А. С. Серафимовича. Материалы XXI науч. конф. Волгоград, 1966. С. 274—276.

Реформатский 1962 — А. А. Реформатский. Так как же надо говорить? (Вместо рецензии на книгу Б. Н. Тимофеева «Правильно ли мы говорим?») // Русский язык в национальной школе. 1962. № 1. С. 78—83.

Сергеев-Ценский 1956 — С. Н. Сергеев-Ценский. Слово к молодым: Беседы о делах писательских // С. Н. Сергеев-Ценский. О художественном мастерстве. Симферополь, 1956. С. 186—223.

Суперанская 1966 — А. В. Суперанская. Что такое «чане». Неделя. 16—22 окт. 1966 г. (№ 43). С. 22.

Суперанская 1979 — А. В. С у п е р а н с к а я. Ономастическая стандартизация. Допустимость. Возможности. Ограничения // Восточнославянская ономастика: Исследования и материалы. М., 1979. С. 84—112.

Таланов 1964 — А. Таланов. [Рец. на: Словарь названий жителей (РСФСР). М., 1964] // Новый мир. 1964. № 8. С. 285—286.

Тимофеев 1959 — Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим? Из записной книжки писателя // Нева. 1959. № 6. С. 195—201.

Тимофеев 1960а — Б. Тимофеев. Язык и география // Лит. газета. 27 февр. 1960. С. 3.

Тимофеев 1960b — Б. Т и м о ф е е в. Правильно ли мы говорим? Заметки писателя. Л., 1960. [переизд.: Л., 1961; 2-е изд., перераб. и доп.: Л., 1963].

Уразов 1961 — И. У разов. Осторожно! Родной язык: [Рец.] // Огонек. 1961. № 44. С. 32.

Успенский 1974 — Л. В. У с пенский. Слово о словах. Имя дома твоего. Л., 1974

Ханпира 1961 — Э. X а н п и р а. Поговорим о нашей речи // Вопросы литературы. 1961. № 1. С. 63—72.

Хомутов 1929 — Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников / Сост. Я. С. Хомутов / Под ред. В. И. Гречанинова. М., 1929.

Чуковский 1962 — К. Ч у к о в с к и й. О складе и ладе // Лит. газета. 6 окт. 1962. С. 3—4.

References

Abdullayev 1967 — A. A. Abdullayev. Davno li poyavilis -chane? // Russkaya rech. 1967. № 1. S. 69—70.

Akhmetova 2012 — M. V. Akhmetova. Toponimicheskaya leksika: regionalnaya norma i dannyye slovarey // Voprosy kultury rechi. Vyp. 11 / Otv. red. A. D. Shmelev. Moskva, 2012. S. 289—295.

Akhmetova 2013 — M. V. Akhmetova. Variantnost nazvaniy zhiteley (po dannym elektronnoy bazy SMI «Integrum») // Vestnik RGGU. Ser. «Filol. nauki. Yazykoznaniye». Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal. T. 15. Moskva, 2013. S. 86—105.

Alshic 1959 — D. Alshic. Ne tratte vremya! // Voprosy literatury. 1959. № 11. S. 247.

Arapov 1971 — M. V. Arapov. Sootnosheniye sushchestvitelnykh so znacheniyem «nazvaniye mestnosti» i «nazvaniye zhiteley dannoy mestnosti» v sovremennom russkom yazyke // Problemy strukturnoy lingvistiki. 1971. Moskva, 1971. S. 469—504 [1-e izd.: M., 1967. 60 s.].

Babkin 1964 — Slovar nazvaniy zhiteley (RSFSR): Ok. 6 000 nazv. / Pod red. A. M. Babkina. Moskva, 1964.

Babkin, Levashov 1975 — Slovar nazvaniy zhiteley SSSR: Ok. 10 000 nazv. / Pod red. A. M. Babkina i Ye. A. Levashova. Moskva, 1975.

Basovskaya 2011 — Ye. N. Basovskaya. Sovetskaya pressa — za «chistotu yazyka»: 60 let borby. Moskva, 2011.

Belyayeva 1958 — A. Belyayeva. Nepravomernyye iskazheniya // Literatura i zhizn. 1958. 21 noyabrya. S. 2.

Belyayeva 1962 — A. Belyayeva. Vytesneniye suffiksov // Literatura i zhizn. 1962. 25 maya. S. 2.

Borunova 1995 — S. N. Borunova. Viteblyane, viteb
chane, vitebcy // Russkaya rech. 1995. No 6. S. 66.

Bulakhovskiy 1935 — L. A. Bulakhovskiy. Kurs russkogo literaturnogo yazyka. Kharkov, 1936.

B. Z. 1957 — B. Z. Kto zhivet v Omske? // Novyy mir. 1957. № 9. S. 297—298.

Chukovskiy 1962 — K. Chukovski y. O sklade i lade // Lit. gazeta. 6 okt. 1962. S. 3—4.

Danilenko 1964 — V. P. Danilenko. Imena sobstvennyye kak proizvodyashchiye osnovy sovremennogo slovoobrazovaniya // Razvitiye grammatiki i leksiki russkogo yazyka. Moskva, 1964. S. 77—92.

Dementyev 1946 — A. A. Dementyev. Suffiksy -ec i -anin (-yanin) // Russkiy yazyk v shkole. 1946. № 5—6. S. 12—17.

Gladkov 1953 — F. Gladkov. O kulture rechi // Novyy mir. 1953. № 6. S. 231—238. Golanov 1963 — I. G. Golanov. Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Moskva, 1963.

Golanov 1967 — I. G. Golanov. Morfologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 3-e. Moskva, 1967.

Golanova, Krysin 1974 — Ye. I. Golanova, L. P. Krysin. Slovoobrazovatelnyye varianty naimenovaniy zhiteley i ikh socialnoye raspredeleniye // Russkiy yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt socialno-lingvisticheskogo izucheniya / Pod red. L. P. Krysina. Moskva, 1974.

Gorpinich 1963 — V. A. Gorpinich. Vliyaniye struktury toponimov na slovo-obrazovaniye naimenovaniy zhiteley naselennykh punktov // Dnepropetrovskiy gos. un-t

im. 300-letiya vossoyedineniya Ukrainy s Rossiyey. Nauchnyye zapiski. T. 79. Vyp. 19. Sb. rabot filol. f-ta. Dnepropetrovsk, 1963. S. 127—132.

Graudina i dr. 1976 — L. K. Graudina, V. A. Ickovich, L. P. Katlinskaya. Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi: Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov. Moskva, 1976.

Katlinskaya 1992 — L. P. Katlinskaya. I vse-taki *pyatigorcy*, a ne *pyatigorchane*! // Russkaya rech. 1992. № 5. S. 46—53.

Khanpira 1961 — E. Khanpira. Pogovorim o nashey rechi // Voprosy literatury. 1961. № 1. S. 63—72.

Khomutov 1929 — Novyy polnyy spravochnyy orfograficheskiy slovar dlya korrektorov, naborshchikov, vypuskayushchikh i literaturnykh rabotnikov / Sost. Ya. S. Khomutov / Pod red. V. I. Grechaninova. Moskva, 1929.

Kin 1965 — L. Kin. Rassypannaya povest. [Rec.] // Lit. gazeta. 5 okt. 1965. S. 1.

Kovalev 1978 — G. F. Kovalev. Formant *chanin* v russkikh nazvaniyakh zhiteley // Metody i priyemy nauchnogo analiza v filologicheskikh issledovaniyakh. Voronezh, 1978. S. 89—96.

Kozhin 1972 — A. N. Kozhin. O morfemnom chlenenii slov na «-chanin» // Russkiy yazyk v shkole. 1972. № 5. S. 96—99.

Kozhin i dr. 1982 — A. N. Kozhin, O. A. Krylova, V. V. Odincov. Funkcionalnyye tipy russkoy rechi: Ucheb. posobiye dlya studentov filol. spec-tey un-tov. Moskva, 1982.

Krivenko 1980 — B. V. Krivenko. Yazyk i stil rayonnoy gazety // Yazyk i stil sredstv massovoy informacii i propagandy / Pod red. D. E. Rozentalya. Moskva, 1980. S. 65—114.

Levashov 1966 — Ye. A. Levashov. O patronimicheskoy leksike russkogo yazyka (nomina regionalia) i yeye leksikograficheskom opisanii // Sovremennaya russkaya leksikologiya. Moskva, 1966. S. 46—55.

Levashov 1968 — Ye. A. Levashov. «Moskvichi i inykh mest lyudi...» / Otv. red. A. M. Babkin. Leningrad, 1968.

Levashov 1971 — Ye. A. Levashov. Rostovchane, pskovichi, kokchetavcy // Russkaya rech. 1971. № 5. S. 49—55.

Levashov 1973 — Ye. A. Levashov. Nazvaniya lic po mestnosti v russkikh govorakh i literaturnom yazyke // Dialektnaya leksika. 1973. Leningrad, 1974. S. 113—121.

Lopatin, Ulukhanov 1963 — V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov. Slovoobrazovaniye i kultura rechi // Russkiy yazyk v shkole. 1963. № 4. S. 15—23.

Lyustrova 1972 — [Z. Lyustrova]. V mire slov // Televideniye i radioveshchaniye. 1972. № 3. S. V.

Maksimov 1965 — V. Maksimov. O sootnositelnosti suffiksov v russkom yazyke // Russkiy yazyk v nacionalnoy shkole. 1965. № 5. S. 77—79.

Morozova 1969 — M. N. Morozova. Voprosy toponimiki: Uchebnoye posobiye po spec. kursu dlya studentov-zaochnikov filol. fakultetov gos. universitetov. Moskva, 1969.

Nikonov 1970 — V. A. Nikonov. Etnonimiya // Etnonimy. Moskva, 1970. S. 5—33. Ot redakcii 1963 — Ot redakcii // Voprosy kultury rechi. 1963. № 4. S. 5—21.

Ot redakcii 1963 — Ot redakcii // Voprosy kultury rechi. 1963. № 4. S. 5—21.

Panov 1968 — Russkiy yazyk i soveckoye obshchestvo: sociologo-lingvisticheskoye

Panov 1968 — Russkiy yazyk i soveckoye obshchestvo: sociologo-lingvisticheskoye issledovaniye. Slovoobrazovaniye sovremennogo russkogo yazyka / Pod red. M. V. Panova. Moskva, 1968.

Petrovicheva 1967a — G. I. Petrovicheva. Zhivut li «mamki» v poselke Mama? // Russkaya rech. 1967. № 6. S. 53—57.

Petrovicheva 1967b — G. I. Petrovicheva. O neuklyuzhikh -chanakh i slovoobrazovatelnoy norme // Russkaya rech. 1967. № 1. S. 65—68.

Potikha 1970 — Z. A. Potikha. Sovremennoye russkoye slovoobrazovaniye: Posobiye dlya uchitelya. Moskva, 1970.

Potikha, Goncharova 1966 — Z. A. Potikha, T. A. Goncharova. O nazvaniyakh zhiteley RSFSR // Volgogradskiy pedagogicheskiy institut im. A. S. Serafimovicha. Materialy XXI nauch. konf. Volgograd, 1966. S. 274—276.

Reformatskiy 1962 — A. A. Reformatskiy. Tak kak zhe nado govorit? (Vmesto recenzii na knigu B. N. Timofeyeva «Pravilno li my govorim?») // Russkiy yazyk v nacionalnoy shkole. 1962. № 1. S. 78—83.

Sergeyev-Censkiy 1956 — S. N. Sergeyev-Censkiy. Slovo k molodym: Besedy o delakh pisatelskikh // S. N. Sergeyev-Censkiy. O khudozhestvennom masterstve. Simferopol, 1956. S. 186—223.

Superanskaya 1966 — A. V. Superanskaya. Chto takoye «chane». Nedelya. 16—22 okt. 1966 g. (№ 43). S. 22.

Superanskaya 1979 — A. V. Superanskaya. Onomasticheskaya standartizaciya. Dopustimost. Vozmozhnosti. Ogranicheniya // Vostochnoslavyanskaya onomastika: Issledovaniya i materialy. Moskva, 1979. S. 84—112.

Talanov 1964 — A. Talanov. [Rec. na: Slovar nazvaniy zhiteley (RSFSR). M., 1964] // Novyy mir. 1964. № 8. S. 285—286.

Timofeyev 1959 — B. Timofeyev. Pravilno li my govorim? Iz zapisnoy knizhki pisatelya // Neva. 1959. № 6. S. 195—201.

Timofeyev 1960a — B. Timofeyev. Yazyk i geografiya // Lit. gazeta. 27 fevr. 1960. S. 3.

Timofeyev 1960b — B. Timofeyev. Pravilno li my govorim? Zametki pisatelya. Leningrad, 1960. [pereizd.: Leningrad, 1961; 2-e izd., pererab. i dop.: Leningrad, 1963].

Urazov 1961 — I. Urazov. Ostorozhno! Rodnoy yazyk: [Rec.] // Ogonek. 1961. № 44. S. 32.

Uspenskiy 1974 — L. V. Uspenskiy. Slovo o slovakh. Imya doma tvoyego. Leningrad, 1974.

Vinogradov 1952 — Sovremennyy russkiy yazyk. [Vyp. 2]: Morfologiya (Kurs lekciy) / Pod red. akad. V. V. Vinogradova. Moskva, 1952.

Vinogradov i dr. 1952 — Grammatika rus. yaz. / AN SSSR; In-t yazykoznaniya / Red. kol.: V. V. Vinogradov, Ye. S. Istrina, S. G. Barkhudarov. T. 1: Fonetika i morfologiya. Moskva, 1952.

Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoy. Moskva, 1985.

Резюме

В статье рассматривается полемика второй половины XX в. о названиях жителей населенных пунктов, образованных при помощи суффикса -чане (-чанин, -чанка), в которой приняли участие лингвисты, писатели и публицисты. Одни участники полемики рассматривали данные названия как малограмотные или неоправданные с точки зрения культуры речи, другие оправдывали их как обусловленные актуальной тенденцией в развитии словообразовательной системы.

Ключевые слова: вариантность, культура речи, суффиксация, катойконимы.

MARIA V. AKHMETOVA

THE PROBLEM OF THE RUSSIAN SUFFIX -4AHE REVISITED (SURVEY OF THE DISPUTE)

In this paper we consider the dispute over Russian names for inhabitants of cities and regions formed with suffix -uahe (-uahuh, -uahka). The dispute took place in the second half of the 20th century and involved numerous linguists, writers and publicists. Some participants regarded these names as illiterate or unjustified in terms of speech culture, while others justified them as conditioned by current trends in the development of wordformation system.

Keywords: variability, culture of speech, suffixation, names for inhabitants of cities and regions.

Российский государственный гуманитарный университет 125993, г. Москва, Миусская площадь д. 6

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow 125993, Russia

Статья поступила 26.03.2013

Received on 26.03.2013

И. В. ЯКОВЛЕВА

РУССКИЕ КВАЗИСИНОНИМИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: КОНСТРУКЦИОННЫЙ ПОДХОД*

1. Постановка задачи

Данное исследование посвящено анализу трех групп предложных конструкций русского языка: 1) конструкций с глаголами речемыслительного действия (говорить о $Y_{\Pi p \in JL}$ / говорить про $Y_{Bин.}$); 2) конструкций с глаголами «горестного чувства» (скучать о $Y_{\Pi p \in JL}$ / скучать по $Y_{Дат.}$); 3) конструкций с глаголами контактно-направленного действия (бить в $Y_{Bин.}$ / бить по $Y_{Дат.}$). При сопоставлении двух конструкций в каждой из групп принято говорить об их синонимичности [Русская грамматика 1980: 29—38; Золотова 2001: 152, 178, 366, 374]. Действительно, взаимозамена двух конструкций в каждой группе возможна в большинстве случаев, однако, как показывают данные Национального корпуса русского языка, существуют употребления, которые подобную взаимозамену исключают.

1.1. Предложные конструкции с глаголами речемыслительного действия

Семантические различия между конструкциями с глаголами речемыслительного действия до настоящего времени не становились темой отдельного исследования, хотя сам глагол *говорить* довольно часто попадал в поле внимания исследователей. В работах, посвященных этому глаголу, обычно предметом исследования становились стилистические различия между рассматриваемыми конструкциями.

Так, в Академической грамматике о конструкции с предлогом *о* и предложным падежом говорится, что в ней «возникают отношения объектные или восполняющие» [Русская грамматика 1980: 29]. Конструкция с предлогом *про* и винительным падежом рассматривается как вариант конструк-

Ирина Владимировна Яковлева, Ульяновский государственный университет.

^{*} Исследование осуществляется при поддержке РГНФ (проект 11-34-00302a2 «Русские квазисинонимичные предложные конструкции»).

ции с предлогом о и предложным падежом [Там же: 38]. При этом различия в семантике двух конструкций не рассматриваются.

Г. А. Золотова описывает конструкцию с предлогом o и предложным падежом как сочетание «глаголов речемыслительного действия с делиберативной синтаксемой $o+\Pi pedn$., называющей содержание процесса речи, мысли» [Золотова 2001: 374]. Конструкция с предлогом npo и винительным падежом определяется как сочетание «глаголов речемыслительного действия с делиберативной синтаксемой npo+Buh.» [Там же: 366].

В исследованиях Московской семантической школы уделялось большое внимание семантике и сочетаемости знаменательных лексем — в том числе глагола говорить. Именно этому глаголу посвящена статья Анны А. Зализняк «Словарная статья глагола говорить» [Зализняк 1991]. В нашей статье мы можем опереться на структуру предложенных и обоснованных в указанном исследовании значений говорить. Анализ показывает, что из выделенных Анной А. Зализняк значений только три способны сочетаться с предлогами о и/или про. Это значения 'сообщать', 'иметь предметом обсуждения' и 'быть источником информации (свидетельствовать)' (см. ниже).

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под общим руководством Ю. Д. Апресяна [НОСС 2003: 1088—1095] семантика глагола говорить и его валентностные свойства описываются не изолированно, а как свойства глаголов определенного синонимического ряда. Глагол говорить (как и другие представленные в словаре лексемы) рассматривается только в одном из значений, порождающем определенный синонимический ряд, а именно, говорить как синоним глагола сообщать 1. Указывается, что глагол сообщать 1 отличается от глагола говорить тем, что он предполагает передачу не любой информации, а лишь информации о новых и актуальных событиях. Для нашей статьи более важным является вопрос о валентностных отношениях глаголов данного синонимического ряда, которые в НОСС подробно фиксируются: отмечается, что все глаголы ряда имеют валентности на участников с ролями субъекта, адресата и содержания сообщения. При этом, согласно НОСС, валентность на участника с ролью содержания, представляющая для нас в связи с вариативностью о/про особый интерес, выражается или предложно-именной группой о чем-либо или конструкцией о том, что + ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Между этими способами усматривается связь: в первом случае имя в предложном падеже вводит свернутое утверждение, которое может быть развернуто. Кроме того, согласно описанию НОСС, глагол сообщать имеет еще и валентность темы. Как и валентность содержания, она выражается предложно-именной группой о чем-либо, но при этом обязательно должна быть заполнена и валентность содержания с помощью прямого дополнения, придаточного предложения или прямой речи: Я уже сообщил об этом все, что знал.

Таким образом, возможность употребления предлога *про* при глаголах данного синонимического ряда в НОСС вообще не рассматривается, и,

следовательно, анализ семантических различий между сочетаниями с предлогами o и npo там не представлен.

Итак, ни в описаниях глагола говорить, ни в грамматических исследованиях по русскому языку не обсуждались семантические различия между конструкциями говорить о и говорить про. В тех работах, где они упоминались, они рассматривались как синонимичные. Однако, как показывают данные Национального корпуса русского языка, их взаимозамена возможна далеко не всегда. Действительно, если обратиться к тем из выделенных Анной А. Зализняк значений глагола говорить, которые способны сочетаться с предлогом о, — 'иметь предметом обсуждения или осмысления' (говорить 1, ср.: Маша говорила о жирафах), 'сообщать' (говорить 2, ср.: Письмо говорило о встрече) и 'свидетельствовать' (говорить 3, ср.: Отпечатки пальцев говорят о его участии в преступлении), — становится ясно, что первое значение реализуется также и в конструкции с предлогом про (говорила о / про жирафов), второе в подобной конструкции нежелательно, но возможно в разговорной речи (письмо говорило о / ²про встречу), а третье — невозможно (Это говорит о многом / *про многое).

1.2. Предложные конструкции с глаголами «горестного чувства»

Переходя к семантике конструкций с глаголами «горестного чувства», к которым в работе [Золотова 2001] отнесены глаголы *скучать*, *томиться*, *тосковать*, *горевать*, *грустить*, *плакать*, *тужить*, *печалиться*, *(со)жалеть*, нужно отметить, что, насколько нам известно, семантические различия между двумя указанными выше конструкциями также не становились темой отдельного исследования в русской грамматической традиции [Русская грамматика 1980; Золотова 2001]. Например, Г. А. Золотова описывает конструкцию с предлогом *по* и дательным падежом как сочетание «с объективно-каузативным значением при группе глаголов "горестного чувства"» [Золотова 2001: 152], в то время как конструкция с предлогом *о* и предложным падежом определяется как сочетание «глаголов "горестного чувства" с объектно-делиберативной синтаксемой *о*+*Предл.*» [Там же: 374].

В [НОСС 2003] из рассматриваемых нами глаголов «горестного чувства» отдельную словарную статью имеет глагол *плакать*, основное значение которого определяется следующим образом: «Х плачет = 'У человека Х, в результате потери им самоконтроля из-за сильного душевного переживания, текут слезы из глаз и при этом обычно прерывается дыхание, так что он издает специфические звуки'» [НОСС 2003: 762]. При этом указывается, что этот глагол имеет дополнительное «значение 'горевать', в котором обычно управляет предлогами (...) по или о» [Там же: 764]. В качестве синонимов данного глагола указываются глаголы рыдать, реветь 2, а в качестве аналогов — горевать, убиваться, всхлипывать, хныкать, голосить, выть, глотать слезы.

Одному из рассматриваемых нами предлогов посвящена статья Л. Л. Иомдина «Словарная статья предлога ПО» [Иомдин 1991]. Базовым значением предлога по считается пространственное значение 'в пределах области передвижения' (ходить по лесу). Конструкции Х по У-у Л. Л. Иомдин приписывает следующее значение: 'Y не имеет собственного значения и выражает объектную валентность предикатного слова X'. Относительно сочетаемости Л. Л. Иомдин отмечает, что в качестве X выступают глаголы и существительные типа тосковать, скучать, грустить, тоска, ностальгия и т. д. В статье отмечается существование синонимичной конструкции с предлогом о и существительным в предложном падеже, но проблема различий между этими двумя конструкциями не затрагивается.

Таким образом, в исследованиях, в которых обсуждаются глаголы «горестного чувства», конструкции $X\ V$ по $Y_{Дат}$, и $X\ V$ о $Y_{Предл}$ рассматриваются как синонимичные. Однако, как отмечалось выше, их взаимозамена возможна далеко не всегда.

1.3. Предложные конструкции с глаголами контактно-направленного действия

Что касается конструкций с глаголами контактно-направленного действия, самым употребительным из которых является глагол бить, необходимо отметить, что существует взгляд на значение данной лексемы, согласно которому этот глагол означает, что «процесс — дискретный и являющийся проявлением силы — облечен в пространственно-временную форму» [Добрушина, Меллина, Пайар 2001: 190]. Такая сила может воплощаться в трансформации, происходящей с объектом, на который она направлена: бить посуду. Согласно анализу авторов статьи, глагол имеет ограничения на класс объектов, способных выступать при нем в качестве прямого дополнения: занимать эту позицию могут только существительные, обозначающие объекты, которые могут подвергаться определенному воздействию при применении к ним силы. Объекты должны обладать восприятием или хрупкостью. Поэтому прямыми дополнениями при данном глаголе редко становятся имена, обозначающие такие объекты, о которых не ясно, что может с ними произойти: *бить стену, *бить барабан, *бить клавиши.

Но, как указывают авторы упомянутой работы, ситуация меняется при взаимодействии значения данного глагола со значением предлогов *по* и в: бить в стену / по стене, бить в барабан, бить по клавишам. Следствием такого взаимодействия является то, что действие сводится к жесту, связанному с определенной точкой попадания, но вопрос о воздействии на точку уже не вкладывается в семантику глагола. Предлоги в и по вводят точку попадания, причем эта точка попадания обладает иными свойствами по сравнению с подвергающимся воздействию объектом при переходном употреблении данного глагола. Так, в качестве предложного дополнения при глаголе бить могут употребляться слова, обозначающие часть тела или некоторые объекты, не претерпевающие изменений вследствие воз-

действия. При этом некоторые лексемы способны употребляться в сочетании с обоими предлогами (бить по стене / в стену), а некоторые обнаруживают тенденцию к сочетанию с определенным предлогом (бить в барабан, бить по клавишам). Однако семантические различия между конструкциями бить в и бить по до настоящего времени не становились темой отдельного исследования.

Так, в Академической грамматике отмечается существование управляемой формы винительного падежа с предлогом в, реализующейся, в частности, в таких сочетаниях, как ударить в стену, стучать в дверь [Русская грамматика 1980: 30]. Кроме того, отмечается, что существует форма дательного падежа с предлогом по, которая реализуется в таких сочетаниях, как стучать по стене, ударить по врагу, стрелять по окопам [Там же]. При этом различия в семантике двух конструкций не рассматриваются.

В «Синтаксическом словаре» Г. А. Золотовой конструкции с предлогом *по* и дательным падежом определяются как «связанные синтаксемы с объектным значением» [Золотова 2001: 152]. К группе глаголов, которые способны образовывать подобную конструкцию, относятся *бить*, *ударять*, *стучать*, *барабанить*, *стрелять* и т. п. Конструкции с предлогом в и винительным падежом рассматриваются как глагольные сочетания, в которых предмет или его часть понимается как «объект, локализующий контактно-направленное действие» [Там же: 178].

Семантика компонентов анализируемых конструкций разбирается также в работе [Всеволодова, Владимирский 1982], в которой группе в X_{Bun} приписывается значение 'финиш' [Там же: 96]. Форма в X_{Bun} предметных имен выступает при глаголах ударить, ткнуть, нанести удар, стрелять и др. Относительно формы по $X_{Дат}$ указывается только, что в этой форме актуализуется значение «пространство, совпадающее с путем движения лишь в какой-то своей части», которое «конкретизируется в двух подзначениях: 1) трасса — путь сообщения; 2) трасса — преодолеваемое пространство» [Там же: 112]: 1) Он шел по дороге; 2) Он шел по лесу.

Обратимся к исследованиям Московской семантической школы. Л. Л. Иомдин приписывает конструкции *X по Y-у* следующее значение: 'Y выражает валентность пациенса предикатного слова X' [Иомдин 1991: 95]. Относительно сочетаемости Л. Л. Иомдин отмечает, что в качестве X выступают глаголы и существительные либо с деструктивным значением (выпустить торпеду по крейсеру, палить по крепости из всех орудий, открыть огонь по штабам, залп по Зимнему), либо со значением физического воздействия (стукнуть кулаком по столу, дать по шее, схлопотать по физиономии). В статье отмечается существование синонимичной конструкции с предлогом в и существительным в винительном падеже, но проблема различий этих двух конструкций не рассматривается.

 малоупотребительны [?]бить в шею, [?]бить в мяч, *бить в клавиши, *бить в население, *бить в самолюбие, *бить в здоровье; и напротив, вполне приемлемы сочетания бить по шее, по мячу, по клавишам, по населению, по самолюбию, по здоровью, но недопустимы — *бить по боку, *бить по барабану. Итак, проблема, связанная с описанием данных синтаксических конструкций во многом сводится к выявлению ограничений, накладываемых на объект.

2. Ограничения на состав конструкции

2.1. Семантика предложных конструкций с глаголами речемыслительного действия

Проанализируем сочетаемость глаголов речемыслительного действия с точки зрения теории грамматики конструкций, предложенной Ч. Филлмором и П. Кеем [Fillmore, Kay, O'Connor 1988] и разрабатываемой А. Гольдберг [Goldberg 1995], М. Фрид, Дж. Эстманом [Fried, Östman 2004], Дж. Лейно [Leino, Östman 2005], Е. В. Рахилиной [Рахилина 2010] и многими другими исследователями. С точки зрения этой теории, конструкции являются особыми единицами языка, которыми носитель языка оперирует целиком — следовательно, конструкции обладают своей семантикой, которая определяет их синтаксическую структуру и семантические ограничения на заполнение мест. Конструкции образуются «не взаимодействием, а взаимопроникновением своих составных компонентов» [Рахилина 2010: 13], поэтому в каком-то смысле ни один из компонентов не имеет преимуществ перед другими. Таким образом, рассматривая сочетания говорить о и говорить про с позиции грамматики конструкций, мы должны учитывать не только собственно семантику глагола, но и информацию другого рода например, тип субъекта, семантическую роль, которую вводит предлог.

Мы предполагаем, что сочетания глагола *говорить* 1 с предлогами o и npo не всегда бывают синонимичными, поскольку предлоги o и npo вводят разные роли. Предлог o вводит роль memb сообщения, а предлог npo — две роли: роль memb сообщения и роль codepжания сообщения.

Роли темы и содержания здесь понимаются так же, как в «Новом объяснительном словаре синонимов» при анализе глагола *сообщать* и его синонимов. Этот анализ подробно пересказывался в разделе 1.1. Рассматриваемый нами материал подтверждает анализ, предложенный Ю. Д. Апресяном, однако нам кажется необходимым внести в него некоторые изменения. Так, нам удобнее рассматривать в качестве основной роль темы сообщения, а роль содержания сообщения считать в каком-то смысле дополнительной: по нашему представлению, содержание связано с какимлибо определенным, уже свершившимся событием, а тема безразлична к конкретной презумпции. Чтобы пояснить это положение, обратимся к сле-

дующей паре примеров и рассмотрим семантическую разницу, которая стоит за их противопоставлением:

- (1а) Расскажи о Париже.
- (1б) Расскажи про Париж.

В первом предложении из этой пары (с предлогом о) это может быть любая информация о Париже: о его истории, архитектуре, населении и т. д. Во втором речь скорее всего идет о каком-то определенном событии, так или иначе связанном с Парижем, например, о путешествии в Париж, совершенном адресатом, о его попутчиках или о том времени, когда адресат просьбы жил в Париже, но скорее всего не о городе вообще. Таким образом, в нашей терминологии, в первом предложении заполненной оказывается только валентность темы, а во втором — валентность темы и содержания.

Хорошей иллюстрацией здесь может служить и характерная фраза, свойственная детской речи:

(2) Я все про тебя (*о тебе) маме расскажу.

Здесь, также как и в примерах (1а) и (1б), имеется в виду какой-то конкретный, скорее всего негативный факт. Обратим внимание на то, что при этом в примерах (1 б) и (2) наблюдается характерный для предлога *про* сниженный регистр речи, связанный с тем, что подобное введение дополнительной (презумптивной) информации об обсуждаемом объекте скорее возможно в разговорной речи.

Теперь рассмотрим тип субъекта и (косвенного) объекта, возможные при глаголе *говорить* в различных значениях. И в конструкции с предлогом o, и в конструкции с предлогом npo при глаголе *говорить* l возможен только агентивный субъект; ср. следующие схемы:

```
1) Ггф подлежащее тета-роль агенс кат. ИГ пад. Им.
```

2)
$$\left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Gamma & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Gamma & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[\begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi &$$

Проанализируем некоторые примеры из НКРЯ с точки зрения предложенного выше анализа. В контексте (3) выражена не только валентность темы, заполненная местоимением ceбn, но и — в контексте скрытого противопоставления — валентность содержания, заполняемая из контекста: в целом в разговоре речь идет скорее не о собеседнике говорящего, а о третьем лице — о $ne\tilde{u}$:

(3) Говори про себя. \(\ldots \right) Лично я ее не уважаю. (И. Грекова)

В примере (4) валентность темы заполняется местоимением «которую», а валентность содержания — местоимением «она», при этом данное предложение явно имеет негативный подтекст:

$(4) \langle ... \rangle$ женщину, про которую говорят, про которую кричат «она».

Напротив, в сочетаниях не говоря о (*npo); говоря о ($^{?}$ npo); если говорить о стратегии ($^{?}$ npo стратегию); говорить о главном (*npo главное); говорить о чем-либо как о ($^{?}$ npo) заполняется только валентность темы, поскольку имеется в виду любая, а не какая-либо конкретная информация о предмете речи, как в примере (5):

(5) Можно ли сейчас говорить о (*про) русской школе дрессуры?

Напомним, что в русском языке имеются и другие глаголы, способные встраиваться как в конструкцию с предлогом о, так и в конструкцию с предлогом про. Это, во-первых, глаголы общей семантики, близкие по значению к глаголу говорить: сказать, рассказывать (в этом отношении по-казательно, что Анна А. Зализняк рассматривает глагол сказать как вариант глагола говорить); во-вторых, более специальные глаголы, конкретизирующие значение глагола говорить: лепетать, бубнить, бормотать, кричать, толковать, рассуждать, заикнуться, петь (ср. Она пела о любы — Она пела про любовь); в-третьих, глаголы, обозначающие представления о конкретном, скорее всего, уже свершившемся факте: знать, ведать, думать, помнить, напоминать, размышлять, задуматься, судить, спорить (ср. Они помнили об этом — Они помнили про это).

Интересно, что в русском языке есть близкие по значению к третьей группе глаголы, при которых употребление предлога *про* затруднено: *меч-тать*, *гадать*, *помышлять*, *подумывать*. По нашему мнению, это объясняется тем, что их тема соотносится с будущим, которое неизвестно, тогда как заполнение дополнительной валентности содержания сообщения (которая заполняется существительным с предлогом *про*) связано с каким-то определенным, уже произошедшим событием.

Другую важную группу глаголов, не способных встраиваться в конструкцию с предлогом *про*, составляют лексемы, которые, в силу того, что они характерны для официального стиля, не допускают отступления от предмета речи. Это глаголы *информировать*, *уведомить*, *известить*, *оповестить*, *утверждать*, *просветить*, *отчитаться*. Однако некоторые глаголы этой группы все же допускают употребление предлога *про* в разговорной речи, поскольку они, если так можно выразиться, находятся на периферии официального стиля. Это глаголы *сообщить*, *объявить*, *предупреждать*, *докладывать*, *заявить*:

(6) Маша сообщила о встрече / про встречу.

Как уже отмечалось выше, в HOCC, в большой степени ориентированном на норму, исключается возможность употребления *про* при таких глаголах, хотя, как показывают данные НКРЯ или Интернета, такое употребление вполне допустимо в разговорной речи. Возможность появления этих глаголов в конструкции с предлогом *про* позволяет представить эту конструкцию не как застывшую языковую единицу, а как живой и развивающийся способ передачи тонких оттенков семантики, распространяющийся на новые глагольные лексемы.

Наконец, еще одним глаголом, неспособным встраиваться в конструкцию с предлогом *про*, является глагол *свидетельствовать*. Этому, как нам кажется, тоже имеется семантическое объяснение, связанное с тем, что значение данного глагола описывает объективные сведения и поэтому не допускает введение какой-либо дополнительной (субъективной) информации о предмете речи, — а это, в свою очередь, делает невозможным характерное для конструкции с предлогом *про* заполнение дополнительной валентности содержания.

Следовательно, если анализировать семантический статус зависимого, синтаксически выраженного существительным с предлогами *о* или *про*, можно сказать, что в предложном падеже с предлогом *о* реализуется роль темы, а в винительном падеже с предлогом *про* — сложная роль темы и содержания.

Итак, относительно конструкций $X\ V\ o\ Y_{\Pi pedn.}$ и $X\ V\ npo\ Y_{Bun.}$ в ситуации возможности их варьирования можно сделать следующий вывод: субъект, как правило, является агентивным, способным выбрать, будет ли заполняться только валентность темы сообщения или валентности содержания сообщения и темы сообщения будут заполнены одновременно.

Теперь рассмотрим конструкцию с глаголом *говорить* 2 ('сообщать'), где варьирование o / npo представлено слабее. В этой конструкции субъект является неагентивным, но он ассоциируется с соответствующим агентивным субъектом:

(7) Письмо (Маши) говорило о встрече.

Здесь заполняется только валентность темы сообщения, поскольку неагентивный субъект не может сделать выбор между просто темой сообщения и темой с дополнительной валентностью содержания сообщения, следовательно, в эту конструкцию естественнее встраивается предлог o, так что она имеет следующий вид:

Однако тот факт, что неагентивный субъект в данном случае ассоциируется с определенным агентивным субъектом, уподобляет эту конструкцию близкой ей — с глаголом говорить I, и поэтому употребление предлога npo все-таки становится возможным в разговорной речи, при этом сама конструкция выступает как источник метонимического употребления:

(8) Письмо Маши [т. е. как бы Маша] говорило про встречу.

Приведенная схема конструкции разрешает постановку глаголов, которые допускают употребление неагентивного субъекта, ассоциирующегося с соответствующим агентивным, — при таких глаголах употребление про в принципе возможно, но нежелательно: сообщать, объявить, предупреждать, докладывать, заявить (Объявление на стенде сообщало о собрании — Объявление на стенде сообщало про собрание).

Теперь обсудим, какую разновидность конструкции представляет глагол говорить 3. Особенность этой конструкции в том, что в нее может встраиваться только неагентивный субъект, неспособный ввести дополнительную, субъективную информацию о предмете речи, следовательно, заполнение дополнительной валентности содержания сообщения невозможно. Поэтому в этом случае заполняется только валентность темы сообщения, ср.: Это говорит о многом. Таким образом, схема рассматриваемой конструкции должна иметь следующий вид:

Глаголом, близким по значению к глаголу *говорить* 3 и способным встраиваться в данную конструкцию, является глагол *свидетельствовать*:

(9) Обнаруженные улики свидетельствуют о том, что преступление совершил он.

Таким образом, можно заключить, что если на уровне поверхностного синтаксиса благодаря разнице в предлогах и предложном управлении отчетливо выделяются две конструкции на базе глагола говорить — с предлогом о и с предлогом про, то с точки зрения семантики мы имеем в общей сложности четыре разновидности о/про-конструкций, состав каждой из которых неслучаен, так что выбор составляющих и их наполнения не независимы друг от друга. Ключом для выделения этой группы конструкций и противопоставлений внутри нее служат выражаемые предлогами семантические роли темы и содержания.

2.2. Семантика предложных конструкций с глаголами «горестного чувства»

Сочетания глаголов «горестного чувства» с предлогами no и o не всегда бывают синонимичными, поскольку и в данном случае предлоги no и o вводят разные роли. Предлог o вводит роль темы сообщения, подлежащее при этом является агенсом. Что касается предлога no, то он вводит роль стимула, и подлежащее при этом является экспериенцером. Таким обра-

зом, схемы рассматриваемых конструкций X V no $Y_{Дат.}$ и X V o $Y_{Предл.}$ должны иметь следующий вид:

```
5) \left[ \begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Gamma & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] , \begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] \left[ \begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right] , \begin{matrix} \Gamma \varphi & \Pi & \Pi & \Pi \\ \Pi & \Pi & \Pi \end{matrix} \right]
```

(10) Я все время думаю о тебе, я скучаю по тебе, я не могу без тебя (Е. Радов. Змеесос. 2003).

(11) Долгими зимними вечерами я сажусь и горюю о том, как ужасны мои манеры (Н. Молок. Курить нельзя затягивать. Дым коромыслом на двух новых выставках // «Известия», 2002.02.11).

Мы предполагаем, что конструкция с предлогом *о* подразумевает бо́льшую произвольность или контролируемость действия, чем конструкция с предлогом *по*, и способность глагола встраиваться в ту или иную конструкцию связана со степенью произвольности выражаемого им действия. Попытаемся подтвердить наши предположения с помощью данных НКРЯ.

Для многих глаголов употребления с o и no нельзя считать равноправными.

Таблица 1 Употребление глаголов «горестного чувства» с предлогами по и о по данным НКРЯ

глагол	количество употреблений	количество употреблений	
1 1141 011	с предлогом <i>по</i>	с предлогом <i>о</i>	
скучать	231	14	
томиться	26	10	
тосковать	377	134	
плакать	75	101	
грустить	34	53	
горевать	8	62	
печалиться	1	21	
тужить	2	31	
(со)жалеть	0	166	

Кроме того, как показывает НКРЯ, два глагола из исследуемой нами группы имеют способность сочетаться с нехарактерным для глаголов «горестного чувства» предлогом *про*, типичным для глаголов речемыслительного действия: это глаголы *плакать* (1 употребление) и *жалеть* (1 употребление):

- (12) Одна все плачет про свои дела (В. Высоцкий. Роман о девочках. 1977).
- (13) Со стороны можно подумать, что иногда ты жалеешь про старое время.
 - Я всегда жалею про старое время, что оно вообще было на свете (А. Львов. Двор. 1981).

Как видно из приведенной таблицы, глаголы словно распадаются на две группы: одни тяготеют к сочетанию с предлогом по, другие — с предлогом о. К первой группе можно отнести глаголы скучать, тосковать и томиться, ко второй — сожалеть, печалиться, плакать, грустить, тужить, горевать. Глаголы первой группы томиться, скучать и тосковать выражают до известной степени неконтролируемое, непроизвольное действие. Для глагола томиться в НКРЯ найдено несколько нетипичных употреблений с о, целесообразно привести два таких контекста (14)—(15).

(14) В масонстве впервые будущий русский интеллигент опознает свою разорванность, раздвоенность своего бытия, и начинает томиться о цельности и тянуться к ней (Г. Флоровский, прот. Пути русского богословия. 1936).

В данном примере глагол *томиться* употребляется не в своем обычном значении, а в значении 'страдать от отсутствия чего-л'.

Пример (15) ниже представляет собой явный пример метафорического употребления: неполное соответствие профиля глагола профилю конструкции подчеркивается наличием обстоятельства внимательно, свидетельствующего о высшей степени произвольности действия:

(15) Сегодня он проснулся после полуночи и до утра внимательно томился— о том, что главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе (А. Платонов. Котлован. 1930).

Глагол *скучать* несколько лучше сочетается с предлогом *о* в силу своей употребительности. Приведем пример, который, думается, можно отнести на счет стилистического приема: дело в том, что конструкция *скучал о Наташе* употреблена почти сразу после *вспомнил о Наташе*:

(16) Но что были Данилову ее заботы, когда, вернувшись из Мадрида, он вспомнил о Наташе и об их свидании нынче вечером! Да и возле быка Мигуэля, казалось теперь Данилову, он скучал о Наташе (В. Орлов. Альтист Данилов. 1980).

Интересно отметить, что степень произвольности действия, выражаемого глаголом, накладывает незначительные ограничения на тип объекта. Глаголы *скучать* и *тосковать* семантически очень близки, однако последний, как уже говорилось, выражает несколько большую произвольность действия и оказывается ближе к глаголу *думать*, следовательно, допускает некоторую связь с будущим, а не только с прошлым:

- (17) Если бы мы умели так же тосковать о будущем, как о прошлом, — заметил Илья.
 - *Как можно тосковать о том, чего не знаешь?* (Е. Белкина. От любви до ненависти. 2002).

Чувство, выражаемое глаголом *скучать*, как правило, связано с событием, относящимся к прошлому, или с объектом, близким и хорошо знакомым говорящему, в то время как у глагола *тосковать*, как кажется, подобных ограничений нет:

(18) Многие разговоры проходили мимо Пал Егорыча, как встречные машины на трассе, а иные заставляли тосковать по чему-то неясному, что не случилось в его жизни и уж, верно, никогда не случится (О. Радзинский. Черная выбель. 1985).

Возможно, именно в связи с этим среди объектов при глаголе *скучать* гораздо больше существительных, обозначающих людей, животных, предметы, чем абстрактных существительных, а глагол *тосковать* гораздо лучше сочетается с абстрактными существительными, чем глагол *скучать*. Однако это различие в семантике двух глаголов не накладывает жестких ограничений на употребление конструкции и в рамках определенного контекста вполне может элиминироваться, при этом семантика конструкции в целом оказывается сильнее семантики одного из ее компонентов.

Вторая группа включает глаголы, которые тяготеют к конструкции с предлогом о: сожалеть, печалиться, плакать, тужить, грустить, горевать. Так, для глагола сожалеть в НКРЯ не найдено ни одного случая употребления с предлогом по, для глагола тужить — два, а для глагола печалиться — всего один:

(19) Так что когда сейчас печалятся по «старым песням о главном», не стоит забывать, что они, прелестные, составляли, дай Бог, десятую часть всего обильного музыкального материала (А. Беляков. Алка, Аллочка, Алла Борисовна. 1998).

Очевидно, что первые три глагола из данного списка, будучи семантически близкими к глаголам речемыслительного действия, подразумевают весьма высокий уровень произвольности действия. Именно для глаголов речемыслительного действия характерна сочетаемость с предлогом *про* наряду с предлогом *о*, и особенностям такого употребления посвящена, в частности, статья [Дубровина 2007], где показывается, что, в то время как

предлог *о* вводит только роль темы, предлог *про* может вводить дополнительную роль содержания. Что касается трех последних глаголов, необходимо отметить, что в целом они встречаются в обеих рассматриваемых конструкциях значительно реже, чем, к примеру, глаголы *скучать* и *тосковать*, и их тяготение к конструкции с предлогом *о* можно объяснить воздействием аналогии. Дело в том, что типичная для глаголов речемыслительного действия конструкция с предлогом *о* в целом оказывается значительно более частотной, чем конструкция с предлогом *по*, в которую способны встраиваться только глаголы «горестного чувства». Профиль глаголов *тужсить*, *грустить*, *горевать* частично совпадает с профилем конструкции с предлогом *о*, и они обнаруживают тенденцию встраиваться в эту конструкцию. Данный механизм метафорического расширения конструкции подробно рассмотрен А. Голдберг в работе [Goldberg 1995], в частности на примере знаменитой фразы *He sneezed the napkin off the table* («Он счихнул салфетку со стола»).

Способность глагола встраиваться в ту или иную конструкцию связана со степенью произвольности действия. Конструкция X_{azenc} V о Y_{mema} подразумевает бо́льшую произвольность или контролируемость действия, чем конструкция $X_{3\kappa cnepuenqep}$ V по Y_{cmumya} . Следовательно, для глаголов, выражающих непроизвольное действие, более характерна конструкция с предлогом no, а для глаголов, выражающих до известной степени произвольное действие, более характерна конструкция с предлогом o.

2.3. Семантика предложных конструкций с глаголами контактно-направленного действия

Возвращаясь к конструкциям с глаголами контактно-направленного действия, отметим, что, как было установлено выше, две рассматриваемые нами конструкции $X\ V\ e\ Y_{Bun.}$ и $X\ V\ no\ Y_{Дam.}$ различаются ограничениями, которые конструкция в целом накладывает на тип объекта. Конструкция $X\ V\ e\ Y_{Bun.}$ может рассматриваться как направительная конструкция, что определяется семантикой предлога. В качестве прототипической можно рассматривать конструкцию с семантикой направления: $e^{int}\ e^{int}\ e^{int}\$

Квазисинонимичная конструкция $X\ V\ no\ Y_{\ Jam.}$ не подразумевает направленности действия. В качестве прототипической может рассматриваться конструкция $xo\partial umb\ no\ necy$, содержащая представление о контакте, своеобразной обработке поверхности, в профиле которой нет направления движения. При этом $Y_{\ Jar.}$ рассматривается как конечный пункт, а не нечто, ведущее к полости (как в случае с предлогом g и существительным в винительном падеже), это поверхность или шнурообразный объект, полости не имеющий.

Если учитывать глаголы, близкие по значению к глаголу *бить*, такие как *стрелять*, *ударять*, *стучать*, *барабанить*, *колотить*, то мы имеем два подтипа конструкций: 1) конструкции с глаголами *бить*, *стрелять*, *ударять*, где представление о направленности действия и/или контакте является профилем; 2) конструкции с глаголами *стучать*, *барабанить*, *колотить*, где к представлению о направленности действия и/или контакте добавляется представление о звуке.

7)	Гф подлежащее		Ггф косв. доп.	
	тета-роль агенс		тета-роль цель	
	кат. ИГ	,	кат. ИГ	
	пад. Им.		пад. Вин.	

Проанализируем подробнее, какие ограничения конструкция $X V e Y_{Bun}$. накладывает на семантику своих компонентов. Поскольку Увин, в конструкции $X V \epsilon Y_{Bun}$ ассоциируется с плоскостью, закрывающей некую полость, которая и является своего рода «местом назначения», в данную конструкцию в качестве существительного, заполняющего вторую валентность, могут встраиваться следующие группы существительных: 1) существительные, обозначающие части тела и содержащие представление о полости, при этом их употребление в рассматриваемой конструкции подчеркивает резкость и направленность действия: в лицо, в глаза, в зубы, в нос, в живот, в ухо, в ладонь; 2) существительные, обозначающие предметы, полость за которыми функциональна: в стену, в стекло, в дверь, в окно (но не по окну), в створку шкафа; 3) существительные, обозначающие цель и направление, при этом глагол бить приобретает значение, близкое к значению глаголов стрелять, метить, которые подразумевают попадание в некоторую точку или множество точек, составляющих поверхность, и представление о полости уходит при этом на второй план: в суть, в «яблочко», в точку, в цель; 4) существительные, которые обозначают музыкальные инструменты, производящие звук за счет полости: в барабан, в набат, в колокол, в бубен. Самым типичным глаголом для рассматриваемой конструкции является глагол бить. В конструкции с глаголом стрелять возможны многие существительные, невозможные в конструкции с глаголом бить. Так, в конструкцию с глаголом стрелять могут встраиваться существительные, обозначающие части тела и не содержащие при этом представления о полости, поскольку предмет здесь концептуализируется не как плоскость, закрывающая полость, а как точка, из множества которых состоит плоскость (стрелять в руку, в ногу). По этой же причине в конструкции стрелять в Увин. возможны существительные, обозначающие предметы, полость которых не функциональна: в люстру, в мишень, в березу. Кроме того, в нее могут встраиваться существительные, обозначающие (группы) людей и животных: в людей, в демонстрацию. Глагол ударять семантически наиболее близок к глаголу бить, однако в конструкцию ударять в Үвин, могут встраиваться существительные, нетипичные для конструкции $X V e Y_{But}$ в целом. Это существительные, обозначающие (группы) людей / животных: Его вид и голос, чем-то подавленные, ударили в капитана навроде вони (О. Павлов); а также абстрактные существительные с чувственно-оценочной характеристикой: боль ударила в сознание (Ф. Горенштейн); ударить в честь Шефа (С. Юрский). Глагол ударить при этом приобретает значение 'вредить'. Однако такие употребления немногочисленны и явно являются периферийными, позволяя рассматривать данную конструкцию как источник метафорического употребления и подчеркивая резкость, направленность действия. Глаголы, которые кроме представления о контакте и направленности действия содержат представление о звуке (стучать, колотить, барабанить), употребляются в конструкции $X V \epsilon Y_{Bun}$ значительно реже, чем глаголы бить и ударять. Когда эти глаголы употребляются в конструкции $X V e Y_{Bun}$, представление о направленности действия в их семантике становится профилем, а представление о громком звуке отходит на второй план. Из этой группы глаголов самым нетипичным для рассматриваемой конструкции оказывается глагол барабанить. С этим глаголом в НКРЯ найден только один пример: барабанить в дверь. Это говорит о том, что представление о громком звуке в его семантике оказывается профилирующим, в то время как представление о контакте и направленности действия становится периферией.

В конструкцию $X V e Y_{Bun}$, как правило, неспособны встраиваться существительные, обозначающие: 1) объекты, не имеющие полости; исключение при этом составляет конструкция *стрелять в* Y_{Bun} , поскольку предмет концептуализируется не как плоскость, закрывающая полость, а как точка; 2) объекты, которые неспособны дать некий ответ изнутри или через которые невозможно или затруднено попадание в полость, следовательно, полость которых в данном случае не функциональна: *крыша*, *бокал*. Однако встречаются и периферийные примеры: *Дождь бил в крышу*. Такое употребление возможно, поскольку подчеркивается резкость и направленность движения.

Рассмотрим теперь, какие ограничения накладывает на семантику своих компонентов конструкция X V no $Y_{\mathcal{A}am}$. Как было отмечено выше, $Y_{\mathcal{A}at}$. в конструкции XV по $Y_{Дат.}$ заполняет валентность пациенса и ассоциируется с некоторой поверхностью, которая претерпевает некое действие. При этом конструкция в целом подразумевает нанесение данному объекту некоторого вреда. Соответственно, в конструкцию X V по Y_{Jam} могут встраиваться следующие классы существительных: 1) части тела, концептуализирующиеся как поверхность: по рукам, по уху, по животу, по паху, по лицу, по спине, по ногам, по зубам; 2) предметы, поверхность которых функциональна и доступна для воздействия: по столу, по камню, по подоконнику, по косяку; 3) существительные, которые обозначают концептуализирующиеся как поверхность детали музыкальных инструментов: по клавишам; 4) (группы) людей / животных: по левой творческой интеллигенции, по правонарушителям, по населению, по России; 5) абстрактные существительные, содержащие оценочную характеристику: по самолюбию, по престижу, по авторитету, по репутации; 6) абстрактные понятия: по здоровью, по последствиям, по причинам, по Конституции, по ВВП, по карману, по рынку. Самыми типичными глаголами для рассматриваемой конструкции являются глаголы бить и ударять. В конструкции с глаголом стрелять допустимы некоторые существительные, невозможные в конструкции с глаголом бить в его основном значении. В частности, в конструкцию с глаголом бить не могут встраиваться некоторые существительные, обозначающие постройки, поскольку их верхняя поверхность во многих случаях является труднодоступной для воздействия: 'замок, 'амбар (ср.: по конуре). Исключение составляет конструкция дождь бил по $Y_{\text{Дат.}}$, подчеркивающая движение сверху вниз. Однако данные существительные способны встраиваться в соответствующую конструкцию с глаголом стрелять и с глаголом бить в значении 'стрелять', поскольку $Y_{\text{Дат.}}$ в этом случае ассоциируется не с поверхностью, а с точкой попадания, кроме того, глагол стрелять вводит представление о резком, направленном действии. С другой стороны, существительные, которые обозначают части тела, концептуализирующиеся как поверхность, являются характерными для конструкции $X\ V$ по $Y_{Дат}$ в целом, однако по той же причине они не могут встраиваться в конструкцию *стрелять по* $Y_{\text{Дат}}$. Кроме того, поскольку конструкция X V по $Y_{\text{Дат.}}$ также подразумевает получение в результате контакта с поверхностью какого-либо громкого звука, глаголы, в семантике которых кроме представления о контакте содержится представление о звуке (стучать, барабанить, колотить), лучше встраиваются в данную конструкцию, чем в конструкцию $X V e Y_{Buh}$. Это представление о громком звуке реализуется также в таких метафорических употреблениях, как:

(37) Ей не на флейте надо чирикать, ей надо стучать по барабану (Г. Щербакова).

В конструкцию $X\ V$ по $Y_{\text{Дат.}}$ не способны встраиваться существительные, обозначающие: 1) части тела, которые не концептуализируются как

поверхность: бок, pom, zna3; 2) музыкальные инструменты, производящие звук за счет полости (в отличие от деталей музыкальных инструментов); 3) некоторые постройки, поверхность которых труднодоступна для воздействия: samok, ambap и т. п. Однако, как было отмечено выше, существуют и периферийные употребления, в которых подчеркивается движение сверху вниз, например: Дожов бил по ambapy. Исключение составляет также конструкция cmpensmb по Y_{Dat} .

Таким образом, две рассмотренные нами предложные конструкции с глаголами контактно-направленного действия X V θ Y_{Bun} . и X V no $Y_{Дam}$. имеют явные семантические различия, связанные с теми ограничениями, которые конструкция в целом накладывает на тип объекта. Дело в том, что в первой конструкции подструктурой Y_{Buh} . становится плоскость, закрывающая полость, а во второй конструкции $Y_{Дar}$. концептуализируется как поверхность. Этой особенностью и определяются классы существительных, способных встраиваться в ту или иную конструкцию.

3. Заключение

Подводя итоги нашего исследования, можно заключить, что анализ данных НКРЯ с позиций грамматики конструкций Ч. Филлмора позволяет выявить семантические различия между квазисинонимичными предложными конструкциями. Такие различия связаны с тем, что предлоги вводят участников с разными ролями, и это приводит к ограничениям, накладываемым конструкцией в целом на семантику своих компонентов.

Как мы показали, противопоставления между квазисинонимичными конструкциями с глаголами речемыслительного действия отнюдь не сводятся к стилистике: каждая из четырех конструкций, обнаруживаемых на семантическом уровне, имеет свое значение и накладывает определенные ограничения на заполнение мест в ней — например, только агентивный или только неагентивный субъект. Подобные различия между исследуемыми конструкциями во многом обусловлены тем, что предлоги о и про вводят участников с различными семантическими ролями. Предлагаемый подход позволяет также объяснить характерный для предлога про сниженный регистр речи.

Что касается конструкций с глаголами «горестного чувства», можно заключить, что конструкция с предлогом *о*, который вводит роль темы, подразумевает бо́льшую произвольность, контролируемость действия, чем конструкция с предлогом *по*, который вводит роль стимула. Способность глагола встраиваться в определенную конструкцию связана со степенью произвольности выражаемого им действия. По этой же причине, как мы видели, не всякий глагол, по своей семантике близкий к глаголам «горестного чувства», может встраиваться в ту или иную конструкцию. Таким образом, каждая из двух проанализированных конструкций имеет свое значение и накладывает определенные ограничения на заполнение мест в ней.

Две рассмотренные нами предложные конструкции с глаголами контактно-направленного действия $X\ V\ s\ Y_{Bun.}$ и $X\ V\ no\ Y_{Jam.}$ имеют явные семантические различия, связанные с выражаемыми предлогами семантическими ролями цели и пациенса. Это приводит к ограничениям, накладываемым конструкцией в целом на тип объекта: в первой конструкции подструктурой $Y_{Bun.}$ становится плоскость, закрывающая полость, а во второй конструкции $Y_{Jar.}$ концептуализируется как поверхность. Эти ограничения и определяют классы существительных, способных встраиваться в ту или иную конструкцию.

Таким образом, рассмотренные в работе квазисинонимичные предложные конструкции имеют явные семантические различия, определяемые теми ограничениями, которые конструкция в целом накладывает на семантику своих компонентов.

Литература

Всеволодова, Владимирский 1982 — М. В. Всеволодова, Е. Ю. Влади-мирский. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.

Добрушина, Меллина, Пайар 2001 — Е. Р. Добрушина, Е. А. Меллина, Д. Пайар. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М., 2001.

Дубровина 2007 — И. В. Дубровина. Семантика конструкций *говорить о* и *говорить про* // Научно-техническая информация. Сер. 2. 2007. № 4. С. 17—21.

Зализняк 1991 — Анна А. З а л и з н я к. Словарная статья глагола ГОВОРИТЬ // Семиотика и информатика. 1991. Вып. 32. С. 71—83.

Золотова 2001 — Г. А. 3 о л о т о в а. Синтаксический словарь. М., 2001.

Иомдин 1991 — Л. Л. И о м д и н. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. Вып. 32. 1991. С. 94—120.

НОСС 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2003.

Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Под ред. Е. В. Рахилиной. М., 2010.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Ch. J. Fillmore, P. Kay & C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language 64. 1988. P. 501—538.

Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch // Construction grammar in a cross-language perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2004. P. 11—86.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago, 1995.

Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability // Grammatical constructions: back to the roots. Amsterdam; Philadelphia, 2005. P. 191—213.

References

Dobrushina, Mellina, Paillard 2001 — Ye. R. Dobrushina, Ye. A. Mellina, D. Paillar. Russkiye pristavki: mnogoznachnost i semanticheskoye yedinstvo. Moskva, 2001.

Dubrovina 2007 — I. V. Dubrovina. Semantika konstrukciy *govorit o* i *govorit pro* // Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Ser. 2. 2007. № 4. S. 17—21.

Fillmore, Kay, O'Connor 1988 — Ch. J. Fillmore, P. Kay & C. O'Connor. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone // Language 64. 1988. P. 501—538.

Fried, Östman 2004 — M. Fried, J.-O. Östman. Construction grammar: a thumbnail sketch // Construction grammar in a cross-language perspective. Amsterdam; Philadelphia, 2004. P. 11—86.

Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A construction grammar approach to argument structure. Chicago, 1995.

Iomdin 1991 — L. L. I o m d i n. Slovarnaya statya predloga PO // Semiotika i informatika. Vyp. 32. 1991. S. 94—120.

Leino, Östman 2005 — J. Leino, J.-O. Östman. Constructions and variability // Grammatical constructions: back to the roots. Amsterdam; Philadelphia, 2005. P. 191—213

NOSS 2003 — Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka / Pod obshchim ruk. akad. Yu. D. Apresyana. Moskva, 2003.

Rakhilina 2010 — Lingvistika konstrukciy / Pod red. Ye. V. Rakhilinoy. Moskva, 2010. Russkaya grammatika 1980 — Russkaya grammatika. T. 2. Moskva, 1980.

Vsevolodova, Vladimirskiy 1982 — M. V. Vsevolodova, Ye. Yu. Vladimirskiy. Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke. Moskva, 1982.

Zaliznyak 1991 — Anna A. Zaliznyak. Slovarnaya statya glagola GOVORIT // Semiotika i informatika. 1991. Vyp. 32. S. 71—83.

Zolotova 2001 — G. A. Zolotova. Sintaksicheskiy slovar. Moskva, 2001.

Резюме

Данное исследование посвящено анализу трех групп предложных конструкций русского языка: 1) конструкций с глаголами речемыслительного действия (говорить о $Y_{\text{Предл.}}$ / говорить про $Y_{\text{Вин.}}$); 2) конструкций с глаголами «горестного чувства» (скучать о $Y_{\text{Предл.}}$ / скучать по $Y_{\text{Дат.}}$); 3) конструкций с глаголами контактнонаправленного действия (бить в $Y_{\text{Вин.}}$ / бить по $Y_{\text{Дат.}}$). Исследуемые конструкции часто рассматриваются как синонимичные, поскольку являются взаимозаменимыми в большинстве контекстов; однако, как показывают данные Национального корпуса русского языка, существуют употребления, исключающие подобную взаимозамену. Анализ данных НКРЯ с точки зрения грамматики конструкций показывает, что различия между конструкциями в каждой группе связаны с теми ограничениями, которые конструкция в целом накладывает на семантику своих компонентов.

Ключевые слова: русские предложные конструкции, глаголы речемыслительного действия, глаголы «горестного чувства», глаголы контактно-направленного действия, Грамматика конструкций, семантические роли.

IRINA V. JAKOVLEVA

RUSSIAN PSEUDOSYNONYMOUS VERB-PREPOSITION CONSTRUCTIONS: A CONSTRUCTION GRAMMAR APPROACH

This study focuses on three groups of Russian verb-preposition constructions: 1) constructions with "verbs of speech and thought": govorit' o Y_{Loc} / govorit' pro Y_{Acc} meaning 'to speak about Y'; 2) "verbs of sorrow" constructions: skuchat' o Y_{Loc} / skuchat' po Y_{Dat} meaning 'to miss Y'; 3) constructions with "verbs of directed contact": bit' $v Y_{Acc}$ / bit' po Y_{Dat} meaning 'to bang against Y'. Constructions in each group are often considered synonymous due to their interchangeability in most contexts. However, according to Ruscorpora data, there are contexts that prove this interchangeability impossible. Analysis of Ruscorpora data in terms of CxG reveals that the semantic differences between two constructions in each group are connected with the restrictions which the construction as a whole imposes on the semantics of its components. In this case such restrictions are brought about by the semantic roles of the prepositions.

Keywords: Russian verb-preposition constructions, "verbs of speech and thought", "verbs of sorrow", "verbs of directed contact", CxG, semantic roles.

Ульяновский государственный университет 432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42

Ulyanovsk State University, 42 Lva Tolstogo, Ulyanovsk 432017, Russia

Статья поступила 12.11.2012

Received on 12.11.2012

Ю. М. КУВШИНСКАЯ

СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ, ВЫРАЖЕННЫМ ИМЕННОЙ ГРУППОЙ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

(по данным НКРЯ за 2000—2010 гг.)*

В предложениях с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением, наблюдаются вариантные формы сказуемого: ед. ч. ср. р. или мн. ч. (На лекцию пришло/пришли пятьдесят человек; Большинство слушателей осталось/остались в зале). Принято говорить о грамматическом согласовании в случае выбора сказуемого ед. ч. (поскольку сказуемое согласуется в числе и роде с тем словом именной группы, которое стоит в Им.п. — «большинство» или числительное) и согласовании по смыслу — при выборе сказуемого мн. ч. (поскольку сказуемое соотносится с общим значением множественности) [Скобликова 2005: 175—179]. В западной научной традиции используются термины semantic/syntactic agreement [Corbett 1998 и др.].

В большинстве исследовательских работ и справочников по стилистике выделяется и рассматривается ряд условий, влияющих на выбор ед. или мн. ч. сказуемого [Горбачевич 1989; Гвоздев 1965; Скобликова 1971 (2005); Граудина 1976; Голуб 2008; Розенталь 2010; Солганик, Дроняева 2002; Бельчиков 2012]. Эти условия достаточно многочисленны и разнообразны, и их перечень в работах разных исследователей неодинаков. Очевидная необходимость упорядочить список условий и выявить степень влияния каждого из них привели исследователей к различным решениям.

Крупнейшая отечественная работа о согласовании принадлежит Е. С. Скобликовой, которая убедительно показывает, что определяющую роль в выборе формы сказуемого играют коммуникативные факторы, а именно статистический (в центре внимания говорящего находится количество, численность или иные признаки предметов) или иной характер вы-

Юлия Михайловна Кувшинская, Высшая школа экономики (Москва).

^{*} В данной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0228 «Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой или числовым оборотом, в современном русском языке», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012—2013 гг.

сказывания. «На самом деле тенденции, наблюдающиеся в выборе формы сказуемого, имеют прямую связь лишь с коммуникативной направленностью сообщения» [Скобликова 1969: 490]. Е. С. Скобликова пишет о конкретности, определенности, наглядности/отвлеченности, неопределенности подлежащего как признаке, обусловленном статистическим или иным характером высказывания. Именно семантика конкретности, определенности/неопределенности, отвлеченности, проявляющаяся через факторы контекста, а не сами эти грамматические, лексические факторы, по ее мнению, влияет на выбор сказуемого [Там же: 460—505].

Полностью соглашаясь с Е. С. Скобликовой в ее основных положениях, мы не можем не признать необходимости более детального изучения зависимости согласования от указанных семантических и коммуникативных факторов и более определенного и точного описания этой зависимости.

В связи с потребностью выявления степени влияния различных условий контекста представляются весьма важными предложенные В. З. Санниковым различение сильных и слабых факторов и идея грамматического чередования в зависимости от действия тех или иных слабых и сильных факторов [Санников 2008: 74—75, 148—164].

Наиболее существенные результаты в этом направлении были достигнуты Г. Г. Корбеттом, который приходит к выводу о том, что двумя главными факторами, определяющими характер согласования, являются одушевленность и порядок слов. Согласно результатам Г. Корбетта, при одушевленном подлежащем и прямом порядке слов (подлежащее предшествует сказуемому) выбор мн. ч. сказуемого намного более вероятен, чем при неодушевленном подлежащем, или при инверсии главных членов, или особенно — при одновременном наличии неодушевленного подлежащего и обратного порядка главных членов [Corbett 1998: 10—12: Corbett, Krasovitsky 2009: 112]. Корбетт предложил описание вариативности выбора форм сказуемого с помощью согласовательной иерархии, опирающейся на иерархию одушевленности и включающей в себя иерархию предикатов (подразумевая под типами предикатов глаголы определенных лексико-грамматических классов) [Corbett 1998: 17—19; Corbett 2004; Corbett, Krasovitsky 2009]. Однако, несмотря на существенное движение к предсказуемости выбора той или иной формы сказуемого, Корбетт отмечает, что пока невозможно безошибочно предугадать, какая форма будет выбрана в том или ином предложении; вариативность форм сохраняется: «The important claim is that at the level of the corpus the constraints of the Agreement Hierarchy will hold. But this constraint need not apply at the level of the individual sentence...» [Corbett 1998: 36].

Г. Корбетт в своих исследованиях основывается в том числе на результатах отечественных статистических и диахронических работ. Здесь необходимо выделить фундаментальную работу Л. К. Граудиной, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинской, написанную на материале советской художественной прозы и газет за период с 1960 по 1970 гг., в которой фиксируется частотное

соотношение ед. и мн. ч. сказуемого в предложениях с различными подлежащими с количественным значением (возглавляемыми словами «большинство», «ряд», «более ста» и др.) и описывается степень влияния тех или иных условий контекста на выбор формы сказуемого [Граудина 1976].

Историческое развитие согласования сказуемого с подлежащим, выраженным счетным оборотом, глубоко рассмотрено А. Е. Супруном в ряде работ, и более всего в докторской диссертации «Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи)» [Супрун 1965а]. А. Е. Супрун приводит ценнейшие статистические данные, касающиеся разных славянских языков — и более всего восточнославянских — в разные периоды [Там же: 524—577]. Чрезвычайно важным представляется положение А. Е. Супруна об употреблении сказуемого в форме ед. ч. ср. р. как выражении нейтрализации числительных в отношении к грамматическому числу и о маркированности форм мн. ч. сказуемого [Супрун 19656: 12—13].

Таким образом, к настоящему времени накоплены некоторые статистические данные о характере согласования сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением, описано множество условий контекста (факторов), способствующих выбору той или иной формы числа, предпринята попытка выделения наиболее влиятельных факторов [Скобликова 1969: 466—527; Corbett 1998], разработана шкала их соотношения с формой сказуемого (согласовательная иерархия) [Corbett 1998], описана в общих чертах динамика развития согласования на протяжении последних веков [Супрун 1965a: 524—577; Corbett, Krasovitsky 2009]. Однако изучение вариативности далеко от завершения. В частности, представляется, что интересно было бы уяснить различия вариативности в предложениях с разными типами подлежащего — количественно-именной группы и причины этих различий: требуется уточнить список факторов. влияющих на выбор числа, и детальнее выяснить причины и степень их влияния, а также характер их взаимодействия. Кроме того, представляется необходимым периодический мониторинг состояния вариативности форм сказуемого в рассматриваемых разновидностях предложений.

Исходя из вышесказанного, в настоящей работе предлагается попытка статистического описания согласования сказуемого с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением, в современной русской речи (за последнее десятилетие) на базе НКРЯ. Рассматривалась случайная выборка в общем корпусе за 2000—2011 годы. Целью исследования было выяснить современные тенденции развития вариативности, перепроверить и уточнить набор факторов, релевантных для выбора форм числа сказуемого; сопоставить характер согласования в предложениях с разными видами подлежащего.

Представляется, что данные НКРЯ за последнее десятилетие дают достаточно репрезентативную картину употребления форм сказуемого, поскольку здесь представлены разные речевые сферы (не только художественная литература). Кроме того, современная письменная речь, очевидно,

подвергается менее строгому редактированию и дает более надежную картину согласования, чем художественная литература и газеты советского периода, ставшие базой основных исследований по данной теме.

В работе рассматриваются предложения с подлежащим, выраженным:

- Именной группой, возглавляемой словом «большинство»: 1121 пример.
- Счетным оборотом (сочетанием количественного числительного с существительным в Р. п.): 894 примера и дополнительно 169 примеров в исследовании отдельных случаев.
- Счетным оборотом, включающим слово «проценты» (сочетанием количественного числительного со словом *проценты* в Р. п.): 330 примеров.
- Оборотом со значением неопределенного количества: 1408 примеров, среди которых со словом более 375 предложений, со словом менее 186 предложений, со словом около 539 предложений, со словом приблизительно 6 предложений, со словом примерно 65 предложений, со словом свыше 195 предложений, с препозицией существительного к числительному (на остановке стояло человек пять) 42 предложения.

В дальнейшем в таблицах мы будем условно обозначать эти разновидности предложений как «Большинство», «Счетные обороты», «Проценты», «Приблизительное количество».

Как показывает список рассматриваемых видов предложений, данная работа посвящена основным группам предложений с подлежащим, включающим количественное числительное, и предложениям с существительным большинство. Такой выбор конструкций объясняется их высокой частотностью в речи по сравнению с конструкциями с подлежащими, включающими другие количественные существительные или числительные. Грамматические различия подлежащих позволяют выявить специфику согласования в зависимости от грамматических и семантических свойств подлежащего (о влиянии свойств подлежащего на выбор формы сказуемого в целом см. [Скобликова 2005]). Кроме того, согласование в этих разновидностях предложений было описано предшествующими исследователями, и это позволяет статистически перепроверить выводы и выявить тенденцию изменения узуальной нормы.

Несомненно, для более надежных и интересных выводов необходимо исследовать также предложения с местоименными неопределенно-количественными числительными (несколько, сколько, столько и т. п.) и с существительными количественного значения (часть, ряд, меньшинство, множество и др.), однако это выходит за рамки данной работы.

Общие закономерности

В предложениях со словом «большинство» выбор множественного или единственного числа вероятен практически в равной степени, с небольшим

перевесом в пользу мн. числа: 44% (537) от общего числа примеров имели сказуемое в единственном числе, 56% (684) — во множественном.

В предложениях со счетным оборотом преобладают формы мн. ч. сказуемого. Множественное число употребляется более чем в два раза чаще, чем единственное. Общее соотношение форм ед. и мн. числа составляет 29%:71% (262:632)¹.

Такое же соотношение наблюдается в предложениях, в которых при подлежащем — счетном обороте есть слово «проценты»: сказуемое почти в два раза чаще употребляется в форме мн. ч., чем ед. ч. Общее соотношение форм ед. и мн. числа составляет 35%: 65% (116: 214).

В предложениях, сообщающих о приблизительном количестве предметов, напротив, сказуемое употребляется примерно в два раза чаще в форме ед. числа, чем в форме мн. числа. Общее соотношение форм ед. и мн. числа составляет 67% : 33% (944 : 464). Таблица ниже иллюстрирует постепенное изменение соотношения ед. и мн. числа от «счетных оборотов» к «приблизительному количеству».

Таблица 1

Соотношение форм ед. и мн. ч. сказуемого в предложениях с подлежащим, выраженным сочетанием со значением количества

Сказуемое		Под	ілежащее	
Число ска-	Счетные	«Проценты»	«Большин-	Приблизительное
зуемого	обороты		ство»	количество
Единст-	29% (262)	35% (116)	44% (537)	67% (944)
венное	2770 (202)	3370 (110)	4470 (337)	0770 (244)
Множест-	71% (632)	65% (214)	56% (684)	33% (464)
венное	7170 (032)	0370 (211)	3070 (001)	3370 (101)
Всего	100% (894)	100% (330)	100% (1221)	100% (1408)

Из этих данных видно, что в целом вероятность постановки сказуемого во мн. ч. наиболее велика, если количество предметов, называемое подлежащим, указано точно, конкретно (подлежащее выражено счетным оборотом). По мере возрастания неопределенности количества возрастает и вероятность употребления сказуемого в ед. ч. Противоположным полюсом явились предложения, в которых подлежащее называет приблизительное количество предметов: соотношение ед. и мн. ч. сказуемого оказалось практически противоположным соотношению в предложениях с точным указанием количества предметов. Между этими полюсами находятся предложения, в которых количество предметов определено в долевом соотношении. Здесь также при более конкретном указании доли — если подле-

_

¹ Здесь и в таблицах соотношение количества предложений со сказуемым ед. и мн. ч. дается в процентах, в скобках указывается собственно количество примеров соответственно со сказуемым ед. и мн. числа.

жащее представляет собой счетный оборот со словом «проценты» — вероятность постановки сказуемого во мн. ч. почти в два раза выше, чем вероятность ед. ч. сказуемого. При более общем указании доли — в предложениях со словом «большинство» — возрастает частота употребления формы ед. ч. сказуемого, формы ед. и мн. ч. становятся почти равноправны.

Следуя принципу иерархичности в отношении этих предложений, предложенному Γ . Корбеттом [Corbett 1998; Corbett, Krasovitsky 2009 и др.], можно было бы говорить о семантической иерархии «определенность — неопределенность количества», определяющей выбор формы сказуемого в зависимости от типа подлежащего:

Неопределенность — общая доля — конкретная доля — определенность

Вероятность форм ед. ч. сказуемого наиболее велика для левой части иерархии; вероятность форм мн. ч. сказуемого наиболее велика для правой части.

Представляется, что зависимость выбора формы сказуемого от семантики определенности/неопределенности, достаточно явная в примерах из НКРЯ, говорит о значительной роли этого фактора, убедительно описанного Е. С. Скобликовой [Скобликова 1969: 460—505], отмечаемого И. А. Мельчуком в качестве важного семантического фактора [Мельчук 1985: 373]. Неслучайно предложения с подлежащим, имеющим значение определенного/неопределенного множества, рассматриваются раздельно в [Бельчиков 2012].

Очевидно, определенность/неопределенность количества связаны со значениями наглядности, множества отдельных предметов / совокупности и абстрактности, на которые указывают многие исследователи и авторы справочников (о влиянии раздельности/совокупности [Мельчук 1985: 373; Розенталь 2010: 260; Голуб 2008: 372]; о развитии значения наглядного, конкретного количества и абстрактного значения числа у числительных [Супрун 19656: 14, 16]). Определенное количество и определенная доля наглядно представимы и скорее воспринимаются как множество предметов; неопределенное количество и общая доля, например, «большинство», в меньшей степени представимы наглядно и скорее воспринимаются как некая совокупность, обобщенное количество.

Факторы, влияющие на выбор формы числа сказуемого

Предварительные методологические замечания

1. Существуют такие факторы контекста, при которых преимущественно выбирается одна форма числа. Для указания их определяющего влияния мы, вслед за В. З. Санниковым, использовали понятие «сильный» фактор [Санников 2008: 152]. К сильным факторам мы будем относить такие, при которых чаще, чем в 80% примеров, выбирается одна и та же форма числа.

В то же время понятие «слабого фактора» оказалось уязвимым: трудно статистически указать границы, при которых можно говорить о действии слабого фактора в пользу той или иной формы числа, если общее соотношение форм ед. и мн. ч. в рассматриваемой разновидности предложений не равноправно. Если одна из форм числа употребляется в два раза реже другой, то условия, при которых эта форма выбирается равноправно с другой формой (в 50% случаев), будут, очевидно, существенным фактором в пользу этой формы. Для учета таких случаев мы ввели коэффициент частотности. Коэффициент показывает отношение частотности форм при данных условиях к средней частотности форм данного числа в рассматриваемой разновидности предложений и рассчитывается по формуле:

$$\mathbf{K}_{\text{ (коэффициент)}} = \mathbf{X}_{\text{ (доля форм числа при данных условиях)}}$$
 : $\mathbf{O}_{\text{ (средняя доля форм данного числа в рассматриваемой разновидности предложений)}}$

Например, если среднее соотношение форм ед. и мн. числа — 67%: 33%, но однородные сказуемые ставятся в ед. или мн. ч. в соотношении 50%: 50%, то коэффициент частотности форм мн. ч. у однородных сказуемых составит 50:33=1,5151, т. е. примерно 1,5. Иначе говоря, при наличии однородных членов сказуемое ставится в форму мн. ч. в полтора раза чаще, чем обычно в данной группе. Поэтому, несмотря на казалось бы одинаковую частотность форм ед. и мн. числа, необходимо признать, что при данном условии наблюдается тенденция к выбору мн. ч. сказуемого.

2. Факторы контекста, влияющие на выбор числа сказуемого, многообразны; среди них есть релевантные для всех предложений с количественным подлежащим, и релевантные для предложений с конкретным подлежащим. В данной работе мы рассмотрим только факторы, влияющие на выбор сказуемого во всех указанных выше разновидностях предложений. Большинство этих факторов уже рассматривалось исследователями, однако корпусной анализ позволил выявить и некоторые новые факторы или их аспекты. Так, оказалось, что составное глагольное сказуемое преимущественно употребляется во мн. ч. (см. раздел «Тип сказуемого»). До сих пор не учитывался такой фактор, как актуальное членение предложения, в то время как именно он позволяет, пусть и довольно приблизительно, но тем не менее описать и статистически оценить влияние «статистического характера высказывания», отмечавшееся Е. С. Скобликовой и другими исследователями (см. раздел «Актуальное членение предложения») [Скобликова 1969: 467—468; Граудина 1976: 28].

Одновременно с тем было важно статистически исследовать влияние указанных ранее исследователями факторов, чтобы определить, какие из них и в какой мере релевантны для предикативного согласования в современной русской речи.

3. Прежде чем перейти к рассмотрению факторов, влияющих на выбор сказуемого в предложениях с разными типами подлежащего, необходимо уточнить значение формы ед. ч. сказуемого. В целом ед. ч. сказуемого в

предложениях с подлежащим, выраженным количественно-именной группой, согласно устоявшемуся мнению, означает грамматическое согласование [Розенталь 2010: 257] и др. ² Это несомненно так в предложениях с существительным Им. п. ср. р. ед. ч. *большинство*.

В то же время в предложениях с подлежащим, включающим числительное, очевидно, сказуемое ср. р. ед. ч. не воспроизводит грамматические формы подлежащего, поскольку у числительного нет форм рода и числа. «Надо сказать, что формы единственного числа сказуемого при числительных в славянских языках обладают весьма специфическим характером. Это, по существу, не единственное число в полном смысле слова. Форма единственного числа в случаях, когда она встречается в словах родоизменяемых, неизменно связана с формой среднего рода. Использование формы среднего рода единственного числа сказуемого при числительных является, по-видимому, выражением того, что эти слова стоят вне категории грамматического рода и числа. Форма единственного числа используется в функции нейтрального, никакого числа. Форма множественного числа является маркированной...», — убедительно пишет А. Е. Супрун [Супрун 1965б: 13]. Е. С. Скобликова вводит понятие условно-грамматического согласования как такого способа, когда «зависимый компонент ...приобретает в русском языке наиболее «нейтральную» форму — единственного числа среднего рода» [Скобликова 2005: 176].

Таким образом, в предложениях с подлежащим, включающим в себя числительное, в случае выбора ед. ч. сказуемого мы видим не полноценное согласование, а скорее нейтрализацию грамматических значений.

1. Одушевленность

Одушевленность рассматривается Г. Корбеттом как один из двух основных факторов (наряду с порядком слов), от которых зависит выбор числа сказуемого в предложениях с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением [Corbett 1998]. В целом в предложениях с одушевленным подлежащим более вероятен выбор мн. ч. сказуемого, в предложениях с неодушевленным подлежащим — ед. ч. сказуемого (об этом также см. [Горбачевич 1978: 193; Голуб 2008: 371].

Данные НКРЯ за последнее десятилетие в целом подтверждают этот вывод, однако показывают, что фактор одушевленности по-разному проявляет себя в отношении разных видов предложений. Наибольшее влияние на выбор мн. ч.сказуемого одушевленность подлежащего имеет в предложениях со счетным оборотом и — незначительно меньшую — со словом «проценты». Здесь фактор одушевленности можно назвать сильным (соответственно в 85% и 83% предложений с одушевленным подлежащим сказуемое ставилось во мн. ч.).

 $^{^2}$ Г. Корбетт уточняет характер согласования, называя его syntactic [Corbett 1998].

Подлежащее соотносится с одушевленным предметом и выражено счетным оборотом:

Правду говорил Достоевский: где **соберутся три русских человека** — там скандал («Наш современник», 2004.06.15).

Подлежащее соотносится с одушевленным предметом и включает слово «проценты»:

Знаете ли вы, что **сорок процентов россиян страдают** различными заболеваниями, связанными с неправильным питанием? («Криминальная хроника», 2003.07.24).

В отличие от одушевленности, неодушевленность подлежащего в этих предложениях оказывает неодинаковое влияние на выбор числа сказуемого. Если в предложениях со счетными оборотами неодушевленность мало сказывается на форме сказуемого (частотность форм ед. ч. здесь незначительно превышает их долю в общем соотношении для этих предложений), то в предложениях со словом «проценты» неодушевленность является серьезным фактором: в 63% предложений с неодушевленным подлежащим, включающим слово «проценты», предпочтительной оказалась форма ед. ч. сказуемого. Учитывая то, что в среднем сказуемое в ед. ч. употребляется в предложениях со словом «проценты» в 35% случаев, т. е. примерно в два раза реже, чем сказуемое во мн. ч. (см. табл. 1), можно говорить о преимущественном влиянии неодушевленности на выбор ед. ч. здесь (коэффициент частотности ед. ч. составляет 63% : 35% = 1,8).

Фактор одушевленности подлежащего существенен и для предложений, сообщающих о приблизительном количестве:

Несмотря на морозную погоду, **около ста человек приехали** в село на юбилейную встречу («Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.06.01).

В предложениях с одушевленным подлежащим статистически мн. ч. сказуемого выбирается ненамного чаще, чем ед. ч. (в 53% предложений сказуемое ставилось во мн. ч.). Однако, учитывая, что в целом в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, сказуемое в два раза чаще принимает форму ед. ч., чем мн. ч. (см. таблицу ниже), можно говорить о том, что одушевленность заметно способствует выбору мн. ч. сказуемого (коэффициент частотности мн. ч. 53% : 33% = 1,6. Ср. в предложениях со счетными оборотами фактор одушевленности является сильным, в большинстве предложений с одушевленным подлежащим выбирается мн. ч. сказуемого, однако коэффициент в пользу форм мн. ч. составляет примерно 1,2).

В предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, как и в предложениях, сообщающих о процентах, заметное влияние на выбор числа оказывает неодушевленность подлежащего:

В композицию **входит свыше 70 сюжетных изображений** — тематических, портретов, пейзажей, орденов, эмблем и т. д. (М. Чегодаева. Соцреализм: Мифы и реальность (2003)).

Здесь она является сильным фактором: в 83% предложений с неодушевленным подлежащим была выбрана форма ед. ч. сказуемого (коэффициент 1,2).

Наименьшее значение одушевленность и неодушевленность подлежащего имеет в предложениях со словом «большинство»: независимо от одушевленности или неодушевленности подлежащего соотношение форм ед. и мн. ч. сохраняется близким к среднему соотношению для этих предложений, ед. и мн. ч. употребляются почти равноправно с небольшим пре-имуществом мн. числа. Однако влияние одушевленности обнаруживается в качестве дополнительного фактора, поддерживающего выбор мн. ч. сказуемого в тех случаях, когда есть другие факторы, способствующие постановке сказуемого во мн. числе. [Кувшинская 2011; 2012].

 Таблица 2

 Влияние одушевленности и неодушевленности на выбор числа сказуемого

Число сказуемого	Больш	инство		етные роты	Про	центы	Приблизительное количество		
CKasyCMOIO	Одуш.	Неодуш.	Одуш.	Неодуш.	Одуш.	Неодуш.	Одуш.	Неодуш.	
Единст-	42%	47%	15%	33%	17%	63%	47%	83%	
венное	(333)	(204)	(38)	(456)	(33)	(83)	(294)	(650)	
Множе-	58%	53%	85%	67%	83%	37%	53%	17%	
ственное	(454)	(230)	(211)	(226)	(166)	(48)	(327)	(137)	
Всего	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	
Beero	(787)	(434)	(249)	(682)	(199)	(131)	(621)	(787)	

Учитывая данные таблицы, а также то, что не все исследователи считают собственно одушевленность/неодушевленность влиятельным фактором (Е. С. Скобликова не признает существенной роли этого фактора, его не называют и Л. К. Граудина, В. А. Ицкович и Л. К. Катлинская в соответствующих разделах [Скобликова 1969: 492; Граудина 1976: 25—31]), приходится говорить о том, что этот фактор существенен не для всех разновидностей предложений. Наиболее значим он в тех предложениях, где выбор ед. ч. означает нейтрализацию грамматического значения числа и рода (в предложениях с подлежащим, включающим числительное). В этих случаях такой семантический фактор, как одушевленность, видимо, препятствует употреблению «нейтральной» формы, требуя от сказуемого маркированного мн. ч., особенно при прямом порядке слов (см. раздел ниже).

Влияние фактора одушевленности в тех предложениях, для которых он существенен, может быть описано следующим образом: одушевленность способствует выбору мн. ч. сказуемого. В предложениях с указанием определен-

ного количества (со счетным оборотом) одушевленность является сильным фактором. По мере ослабления определенности (в предложениях, сообщающих о конкретной доле («проценты») и о приблизительном количестве), при сохранении значимости фактора одушевленности, становится заметным действие фактора неодушевленности, способствующего выбору ед. ч. сказуемого.

Заметное влияние одушевленности	Влияние одушевленности и неодушевленности	Минимальное влияние одушевленности и неодушевленности
Предложения со счетными оборотами	Предложения со словом «проценты»	Предложения со сло- вом «большинство»
	Предложения, сообщающие о приблизительном количестве	

В то же время во всех группах предложений есть примеры, где описанная закономерность не соблюдается; при неодушевленном подлежащем сказуемое ставится во мн. ч., а при одушевленном — в ед. числе. В последнем случае в большинстве примеров действовали факторы, способствующие постановке сказуемого в форму ед. числа: инверсия главных членов, ср. Она помолчала и потом говорит: «Папу любит два человека?» (А. Геласимов. Чужая бабушка (2001)) или ед. ч. зависимого существительного в группе подлежащего, ср. В России уже четыре процента населения имеет доступ в Интернет... («Отечественные записки», 2003).

В тех предложениях, где при неодушевленном подлежащем ожидалось сказуемое в ед. ч., но стояла форма мн. ч. сказуемого, помимо других факторов, способствующих постановке сказуемого во мн. ч. (согласованное определение или определительное придаточное при подлежащем — см. далее), как кажется, имела значение коммуникативная направленность высказывания. В центре внимания говорящего находились не только и не столько количество, сколько другие признаки (называемые сказуемым или другими членами предложения).

Наряду с тем, что Пушкин оказался крепким орешком для скульпторов того времени, эти два конкурса выявили полную несостоятельность академической школы ваяния («Наш современник», 2004.06.15). В этом примере подлежащее входит в тему, а не в рему.

В штаб-квартире компании в Калифорнии установлены более пяти тысяч компьютеров, которые работают по созданной Брином и Пе-иджем уникальной системе поиска и обеспечивают пользователям Интернета доступ к более чем четырем миллиардам Интернетстраниц («Управление персоналом», 2004.11.15).

В статье предложены десять тем, конкретизирующих смысл понятия «автор» («Вопросы психологии», 2004.04.13). Здесь и в предыдущем примере подлежащее вместе со сказуемым входит в рему. (О влия-

нии коммуникативной организации высказывания на выбор числа сказуемого см. раздел «Актуальное членение», также [Соколова 1998].)

Согласованное определение при подлежащем

Согласованное определение при подлежащем рассматривается большинством исследователей как фактор, способствующий выбору мн. ч. сказуемого [Граудина 1976: 27; Горбачевич 1989: 193; Розенталь 2010: 258; Голуб 2008: 371].

В исследуемых предложениях возможны разные позиции определения: определение может относиться к зависимому существительному в группе подлежащего (Большинство вновь открываемых месторождений относится к мелким («Российский химический журнал», 2003)) или ко всей именной группе (Подавляющее большинство принципов российского гражданского процесса закреплено в Конституции («Арбитражный и гражданский процессы», 2003.04.28)) (о позиции согласованного определения см. также [Супрун 1965а: 485—486]). В первом случае во всех исследованных видах предложений наличие согласованного определения не оказывало существенного влияния на выбор числа сказуемого, при наличии определения к зависимому существительному приблизительно сохранялось общее соотношение форм числа сказуемого, характерное для этой разновидности предложений.

Во втором случае фактор согласованного определения оказывался достаточно влиятельным, однако его воздействие на выбор формы сказуемого зависело от препозитивного или постпозитивного положения по отношению к подлежащему.

Таблица 3

Наличие согласованного определения к группе подлежащего и выбор числа сказуемого

Число	Больш	инство	Счетные	обороты	Проп	енты	Приблизит.
							количество
сказу- емого	В препо-	В пост-	В препо-	В пост-	В препо-	В пост-	В пост-
CWIOTO	зиции	позиции	зиции	позиции	зиции	позиции	позиции
Единст-	58%	43%	8%	14%	0	41%	56%
венное	(84)	(30)	(5)	(5)		(5)	(20)
Множе-	42%	57%	92%	86%	100%	59%	44%
ственное	(60)	(39)	(57)	(31)	(18)	(7)	(16)
Daara	100%	100%	100%	100%		100%	100%
Всего	(144)	(69)	(62)	(36)		(12)	(36)

Рассмотрим те случаи, когда определение стоит в препозиции.

В предложениях со счетным оборотом и со словом *проценты* препозитивное согласованное определение ставится почти исключительно в Им. п. мн. ч.; сказуемое в этих случаях тоже стоит во мн. ч.

Беда в том, что другие двадцать процентов директоров ничего не умеют («Известия», 2002.08.28). В предлагаемой классификации первые три ступени отражают технический уровень мастера, последние две (9 и 10 даны) являются почетными, 8 и 9 даны предполагают наличие у их обладателя международного уровня компетенции («Боевое искусство планеты», 2004.06.10).

Ее **очередные три тома** были представлены в октябре на совместном заседании Наблюдательного, Попечительского и Общественного советов по изданию «Православной энциклопедии («Журнал Московской патриархии», 2004.02.23).

Если порядок слов в предложении является прямым, то постановка сказуемого в ед. ч. оказывается невозможной, за исключением предложений, в которых сказуемое выражено связкой «есть»:

Спетые два куплета «Хаз-Булата» — это и **есть** лирическая формульная тема, отсылающая к эмоционально-семантическому полю песни, подобно тому как традиционная формула отсылает к традиции («Отечественные записки», 2003).

Очевидно, препозитивное согласованное определение, выражая значение рода и числа, не допускает нейтрализации, и этим объясняется невозможность ед. ч. сказуемого.

При инверсии постановка сказуемого в ед. ч. возможна в исключительных случаях, к которым в нашем исследовании были отнесены случаи со связкой «есть» (3 л. ед. ч. глагола «быть») и один пример, в котором препозитивное определение стоит в Р. п. (о влиянии падежа определения см. ниже).

Сказуемое в ед. ч.:

В этом году на рижском шоу кроме неподвижных машин зрители смогут увидеть автомобильные чудеса света, а именно Lowrider Show—показ танцующих автомобилей и BigFoot Show—на нём впервые на территории бывшего СССР будет собрано целых пять «монстертраков», в том числе и единственный в мире биг-фут Lamborghini, чей проезд до Риги оплатила британская фирма Darts («Автопилот», 2002.09.15).

Сказуемое во мн. ч.:

На это ушли долгие семь лет³ («Народное творчество», № 6, 2003). А ведь всего месяц назад в бундестим верили всего жалкие семь процентов оптимистов («Советский спорт», 2006.06.26).

³ Этот пример интересен тем, что в нем благодаря введению препозитивного согласованного определения вместо обязательной для сообщений о протекании или расходе времени (типа «Прошло пять лет»; «На это ушло два часа») формы ед. ч. сказуемого употребляется форма мн. ч.

В предложениях со словом «большинство» препозитивное согласованное определение принимает форму ед. ч. и сказуемое чаще ставится в ед. ч. — очевидно, по причине грамматического согласования с подлежащим, поддержанного формой препозитивного определения:

Подавляющее большинство российских магнатов получает сверхприбыли на добыче или переработке сырья («Московский комсомолец», 2003.01.15).

Однако здесь возможна и иная форма сказуемого — мн. число.

Это значит, что, если референдум будет объявлен, то **подавляющее большинство жителей региона выступят** за объединение, выгодное для Тюменской области (А. Реут. Новая карта России // «Газета», 2003).

Таким образом, согласованное препозитивное определение к группе подлежащего поддерживает то значение числа, которое грамматически выражается ведущим словом группы подлежащего (большинство) — ед. ч., или то, которое определяется семантикой подлежащего, если ведущее слово не имеет грамматических форм числа (в предложениях со счетными оборотами) — мн. ч. Особенно важно то, что препозитивное согласованное определение при прямом порядке слов в предложениях со счетными оборотами (а также со словом «проценты») является фактором, ограничивающим действие любых других факторов и требующим обязательной постановки сказуемого во мн. числе.

Обратимся к случаям употребления согласованного определения в постпозиции к группе подлежащего.

В предложениях со словом большинство при постпозитивном определении соотношение форм ед. и мн. ч. сказуемого почти не изменилось по сравнению со среднестатистическим соотношением для этих предложений. Очевидно, постпозитивное согласованное определение не влияет здесь на выбор числа сказуемого:

Именно в таком ключе **были выполнены большинство садиков, представленных** на недавно завершившейся «Неделе садов» в Жуковке («Мир & Дом. City», 2003.08.15).

Не могу забыть, как Михаил Ардов — ссылаясь на подозрения Ахматовой — обвинил в осведомительстве органически неспособную к этому Наталью Ильину на том основании, что большинство реэмигрантов из Харбина, вернувшихся в СССР после окончания войны, было посажено, а она вот — не только не арестовывалась, но даже в Литинститут поступила («Новый Мир», 2003).

Статистически близкое соотношение форм ед. и мн. ч. сказуемого мы находим в выборке предложений, сообщающих о приблизительном коли-

честве (56% : 44%). Однако, учитывая то, что для них в целом характерно преимущественное использование сказуемого в ед. ч. (67% : 33%), необходимо признать, что здесь согласованное определение все же способствует постановке сказуемого во мн. числе. Коэффициент частотности мн. ч. (67% : 56%) составляет примерно 1,3.

Под этим общим названием издавна **были объединены более двадцати деревень**, **располагавшихся** по берегам Юксовского озера... («Наука и жизнь», 2009).

Что же касается предложений со счетным оборотом и со словом «проценты», то постпозитивное согласованное определение в них способствует постановке сказуемого во мн. ч. — очевидно, потому, что маркирует подлежащее мн. числом и использование нейтральной формы ед. ч. в сказуемом становится нежелательным.

В «ИЛ» представлены три прозаика, по нынешним меркам давно уж не молоденьких... («Известия», 2002.04.09).

Форма ед. ч. сказуемого возможна, особенно при инверсии, но встречается достаточно редко:

Для уменьшения дерева перебора при глубокой рекурсии рассматриваемся только два варианта, изображённых на рис. («Информационные технологии», N 8, 2004).

Влияние постпозитивного согласованного определения на выбор числа сказуемого зависит от падежа определения. Если определение стоит в Им. . (мн. ч.), ед. число для сказуемого оказывается недопустимым, по крайней мере при прямом порядке слов:

Но **две недели**, <u>отведенные на поиск компромисса</u>, ни к чему **не привели**, а у организационного комитета (так называемой «Координадоры»), выступавшего от имени недовольных граждан, создалось стойкое ощущение... («Бизнес-журнал», 2004.03.03).

Как уже рассказывала ГАЗЕТА, **около ста человек**, <u>возглавляемые депутатом Тульской облдумы Алексеем Березиным</u>, в марте **написали** заявления о выходе из партии («Газета», 2003).

Открывали фестиваль **три спектакля**, <u>поставленные Андреем Гончаровым в Театре им. Маяковского</u> («Вечерняя Москва», 2002.02.07).

Организацию и порядок деятельности прокуратуры $P\Phi$ в настоящее время **определяют три закона**, <u>принятые в 90-х годах</u> («Отечественные записки», 2003).

При инверсии в некоторых случаях возможно сказуемое в ед. ч., однако в рассматриваемой выборке сказуемое стояло в ед. ч. только в примерах с формой *есть* — 3-е л. ед. ч. глагола *быть*:

Факт второй: на отечественном ТВ есть только две игры, <u>придуманные</u> и сделанные у нас («Вечерняя Москва», 2002.02.07).

Очевидно, форма Им. п. мн. ч. согласованного определения в наибольшей степени грамматически указывает на формы подлежащего (поскольку происходит полное согласование), поэтому число такого определения оказывается весьма значимой характеристикой подлежащего, и именно со мн. ч. координирует форма сказуемого [Никунласси 2002: 38].

Интересно, что Е. С. Скобликова приводит пример со сказуемым ед. ч. и согласованным определением Им. п. мн. ч., квалифицируя его как несоответствующий норме:

«В следующем примере с точки зрения современного употребления единственное число вообще неуместно: ... Выложили свежие огурцы, хлеб, соль. Стояло два кувшина с водкой, заткнутые комками свежей травы /Вересаев. Воспоминания/. Если в группе подлежащего есть определение в форме именительного падежа множественного числа, то множеств. число сказуемого единодушно признается исследователями обязательным» [Скобликова 1969: 478].

Весьма существенно то, что влияние согласованного определения, требующего от сказуемого формы мн. ч., исследовательница связывает с Им. п. определения. В связи с этим важное свидетельство находим и у А. Е. Супруна, который указывает, что в современных восточнославянских языках «в некоторых случаях, возможно под влиянием формы существительного ... определение к сочетанию числительного с существительным имеет форму родительного падежа при именительном или винительном ... падеже числительного (...) Постпозитивное причастие, относящееся, по-видимому, тоже ко всему сочетанию «числительное + существительное», большей частью имеет форму им. п. мн. ч...; в некоторых случаях, однако, оно имеет форму родительного падежа мн. ч.» (выделено мной — Ю. К.) [Супрун 1965а: 486].

В рассматриваемой выборке согласованное постпозитивное определение в предложениях со словом *большинство* и в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, <u>преимущественно стояло в Р. п.</u>, а не в Им. п.; в предложениях со счетными оборотами, в том числе со словом *проценты*, количество употреблений в Им. и Р. пп. было почти одинаковым.

Таким образом, в современной речи постпозитивное согласованное определение при подлежащем, выраженном количественно-именным сочетанием, в целом чаще ставится в Р. п., в отличие от 60—70-х гг. ХХ в., когда оно преимущественно употреблялось в Им. падеже. Именно с этим, видимо, связано изменение роли определения в согласовании сказуемого с подлежащим.

Дело в том, что если определение стоит в P. п. (мн. ч.), то оказываются возможными обе формы сказуемого.

В результате в каждой региональной выборке **было выделено** по **пять факторов**, <u>объясняющих</u> 56,2% (Приморье) и 55,9% (Самара) вариаций («Вопросы психологии», 2004.12.14).

Таблица 4
Падеж согласованного постпозитивного определения
и выбор числа сказуемого

	Больш	инство	Счет обор	тные оты	Проц	енты	Приблизитель- ное количество		
Число сказу- емого	Согласованное постпозитивное определение		Согласованное постпозитивное определение		постпоз	ованное итивное еление	Согласованное постпозитивное определение		
CIMOI O	Им. п.	Р. п.	Им. п.	Р. п.	Им. п.	Р. п.	Им. п.	Р. п.	
Един- ственное	1 (со связкой есть)	29	1 (со связкой есть)	4	0	5	0	20	
Множе- ственное	0	39	16	15	6	1	2	14	
Всего	1	68	17	19	6	6	2	34	

Более четырех тысяч законодательных актов, <u>принятых региональными</u> властями, **было отменено** («Известия», 2003.07.08).

В обследовании также **участвовало свыше 40** экспертов, <u>отвечающих</u> за деятельность организаций розничной торговли в соответствующих <u>регионах</u> («Вопросы статистики», 2004.10.28).

В каждом из приведенных примеров можно экспериментально изменить форму сказуемого соответственно на мн. или ед. ч., и это не будет противоречить стилистической норме. Очевидно, определение, стоящее в Р. п., не совпадая в падеже с подлежащим, в целом меньше отражает его грамматические характеристики и в меньшей степени влияет на форму сказуемого.

Таким образом, в предложениях с подлежащим, выраженным количественно-именной группой, при наличии препозитивного согласованного определения выбирается обязательно (в предложениях со счетными оборотами) или с большей вероятностью (в предложениях со словом большинство) та форма числа сказуемого, которая выражена согласованным определением: мн. ч. в предложениях с числительными, ед. ч. в предложениях с большинство. Постпозитивное согласованное определение в Им. п. требует мн. ч. сказуемого, в Р. п. допускает форму как ед., так и мн. ч. сказуемого. Согласно статистике, при наличии постпозитивного определения сказуемое во мн. ч. выбирается немного чаще во всех разновидностях предложений, кроме предложений со словом большинство, где постпозитивное определение практически не оказывает влияния на согласование.

Определительное придаточное с союзным словом «который», относящееся к подлежащему

Определительное придаточное, относящееся к подлежащему, обычно рассматривается как условие, требующее постановки сказуемого во мн. ч.

[Горбачевич 1989: 193—194, Розенталь 2010: 258—259]. Согласно данным НКРЯ, определительное придаточное оказалось «амбивалентным» фактором: его наличие чрезвычайно усиливает присущую для конкретной группы предложений тенденцию. В тех предложениях, в которых наблюдалась слабая или сильная тенденция к постановке сказуемого во мн. ч., при наличии определительного придаточного сказуемое преимущественно ставилось в форму мн. числа. В предложениях, в которых чаще использовалось сказуемое ед. ч. (предложения, сообщающие о приблизительном количестве), при наличии определительного придаточного преобладали формы ед. ч. сказуемого.

Таким образом, **большинство стран** азиатского континента, **которые** рассматривались Минатомом как потенциальные экспортеры ОЯТ в Россию, **заявили**, что предпочитают иной вариант захоронения этих материалов («Известия», 2001.07.11).

Семьдесят процентов спортсменов, которых мы привезли в Осаку, выполнили те задачи, которые мы перед ними ставили, то есть получили медали или оказались в восьмерке сильнейших («Советский спорт», 2007.09.03).

Перед ребятами **стояли две коробки**, на одной из **которых** был изображён играющий ребёнок, символизирующий дошкольника, а на другой — держащий в руке портфель школьник (Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)).

Таблица 5
Наличие определительного придаточного к группе подлежащего и выбор числа сказуемого

Число сказуемого	Большинство	Счетные обороты	Проценты	Приблизительное количество
Единственное	5% (2)	19% (5)	15% (2)	84% (32)
Множественное	95% (19)	81% (22)	85% (11)	16% (6)
Всего	100% (17)	100% (27)	100% (13)	100% (38)

Отметим, что в тех группах предложений, где сказуемое преимущественно ставилось во мн. ч., редкие исключения сопровождались следующими условиями или сочетанием условий:

— В предложении есть инверсия главных членов:

Таким образом, **исключается большинство операций** над сигналом, **которые** могут приводить к возникновению «звона» («Геоинформатика», 2004.03.31).

— Местоимение который соотносится с существительным в ед. ч.:

В этой Думе бал правит серое послушное большинство, которое голосует по звонку из Кремля («Завтра», 2003.05.06).

— Сказуемое имеет лексические или грамматические особенности:

…поэтому предполагаем, что **существует** ещё **два пропластка**, для <u>которых</u> максимальная концентрация индикатора на добывающей скважине зафиксирована на 19-е сутки и на 40-е сутки («Геоинформатика», № 1, 2004)); — глаголы со значением бытия или наличия чаще ставятся в ед. ч. [Розенталь 2010: 261; Кувшинская 2012].

Но самое главное: сорок процентов работы, с которой он был списан, тоже было плагиатом («Комсомольская правда», 2006.07.19) — именная часть составного сказуемого представлена существительным singularia tantum.

В этой связи интересно, что в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, — единственная группа, в которой при наличии определительного придаточного преобладают формы ед. ч. сказуемого, — практически всегда сказуемое предшествует подлежащему, а также и определительному придаточному предложению.

Так, с 1861 по 1915 год из Российской империи выехало около четырех с половиной миллионов человек, из которых две трети переселились в <u>США</u> («Неприкосновенный запас», 2002.09.12).

В то же время инверсия не препятствует выбору мн. ч. сказуемого, однако форма мн. ч. сказуемого используется намного реже:

По этой программе сейчас работают около двадцати российских банков, условия которых практически не отличаются: валютный кредит составляет в среднем \$30 тыс. и выдается на 10 лет под 12—15% годовых («Известия», 2002.09.06).

В пользу значимости порядка слов для выбора формы сказуемого в этих предложениях свидетельствует единственный пример с прямым порядком слов в выборке предложений, сообщающих о приблизительном количестве. Сказуемое в нем стоит во мн. ч.:

Год назад в Москве более ста человек, которых закон лишил права на самооборону, погибли мучительной и унизительной смертью, захваченные вооружёнными сельскими жителями с Кавказа («Лебедь» (Бостон), 2003.10.26).

Напротив, в той группе предложений, где процент форм мн. ч. сказуемого наивысший — в предложениях со словом *большинство* — инверсия встретилась лишь в двух предложениях (сказуемое в них стояло в форме ед. ч. — см. примеры выше).

Таким образом, можно говорить о том, что определительное придаточное обусловливает преимущественный выбор мн. ч. сказуемого в предло-

жениях с прямым порядком слов; в предложениях с инверсией возможны обе формы сказуемого.

При этом остается неясным, почему в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, при наличии определительного придаточного наблюдается резкое увеличение частотности форм ед. ч. сказуемого.

Однородные сказуемые

Если в предложении с подлежащим, выраженным именной группой со значением количества, есть однородные сказуемые, то они заметно чаще ставятся в форму мн. ч., чем ед. ч. [Граудина 1976: 27; Горбачевич 1989: 193; Розенталь 2010: 259; Голуб 2008: 371—372].

Большинство людей покупают, просматривают и вскоре **бросают** или **оставляют** эти газеты на месте, где закончили читать, — в транспорте, в кафе и ресторанах, на бульварах и в скверах (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984—2001)).

Обоснованы и в настоящее время экспериментально изучаются две структуры способов учебной работы школьников, одна из которых включает мотивационный и операциональный компоненты, другая—ориентировочный, операциональный и аффективно-волевой («Вопросы психологии», 2004.04.13).

Более трехсот его фильмов, от двухминутных «Ангелов» до четырехчасового «Искусства видения», не просто вырабатывают грамматику и синтаксис нового киноязыка, но и определяют границы возможностей самого кино как выразительного средства («Искусство кино», 2003.06.30).

Естественно, что большинство таких акций разрабатывалось и финансировалось ЦРУ («Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29).

Таблица 6 Наличие однородных сказуемых и выбор числа сказуемого

Число сказуемого	Большинство	Счетные обороты	Проценты	Приблизительное количество
Единственное	28% (18)	0	(1)	50% (18)
Множественное	72% (47)	100% (23)	86% (7)	50% (18)
Всего	100% (65)	100% (23)	100% (8)	100% (36)

Тенденция к употреблению форм мн. ч. заметна во всех разновидностях предложений. Так, несмотря на то, что в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, статистически вероятность форм ед. и мн. ч. однородных сказуемых одинакова, коэффициент в пользу форм мн. ч. по сравнению со средним соотношением форм для этих предложений состав-

ляет 1,5. Тот же коэффициент для предложений со счетными оборотами — 1,4. В предложениях со словом «проценты» и со словом «большинство» коэффициент ниже, соответственно 1,32 и 1,29.

Представляется, что преимущественный выбор форм мн. ч. для однородных сказуемых обусловлен особенностями коммуникативной организации таких предложений. В этих предложениях однородные сказуемые, как правило, входят в рему. Таким образом, действия, состояния, признаки предметов — а не только количество предметов, не статистический результат — находятся в центре внимания говорящего. Поэтому при согласовании сказуемое по смыслу ориентировано не только преимущественно на числительное (или числительное с предлогом около, свыше и т. п.), но на всю группу подлежащего, в которой и семантически присутствует, и грамматически выражено значение множественности (подобной точки зрения придерживается Е. С. Скобликова, связывающая мн. ч. однородных сказуемых с конкретностью обозначаемого ими действия [Скобликова 1969: 483]). Кроме того, повышенное внимание к сказуемому (поскольку сказуемое входит в рему) вызывает стремление к точному согласованию сказуемого с подлежащим. В этих случаях естественным оказывается согласование по смыслу (во мн. ч.) — особенно в тех предложениях, где подлежащее включает в себя числительное, согласование с которым дает нейтральную форму сказуемого — ед. ч. ср. рода.

Однородные подлежащие

Однородные подлежащие, как и однородные сказуемые, способствуют выбору мн. ч. сказуемого [Граудина 1976: 27; Горбачевич 1989: 193; Розенталь 2010: 259; Голуб 2008: 371—372], хотя и в несколько меньшей степени. Даже в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, при наличии однородных подлежащих частотность употребления форм мн. ч. сказуемого выше обычного; коэффициент превышения нормы употребления мн. ч. составляет 1,27. Несколько иное соотношение обнаружилось в выборке со словом проценты, но в силу слишком малого количества примеров с однородными подлежащими данные об этой группе предложений трудно считать показательными.

Очевидно, несколько подлежащих, соотносимых с одним и тем же сказуемым, создают представление о множественности действующих лиц или предметов даже в тех случаях, когда каждое из них называет один предмет и стоит в ед. ч. — в предложениях с подлежащими, связанными сочинительной связью типа *Брат и сестра поехали в Тверь* (о согласовании сказуемого с подлежащим в таких предложениях см. [Розенталь 2010; Голуб 2008; Санников 2008; Согbett 2004: 195—201] и др.). Тем более значение множественности оказывается выражено в предложениях, где хотя бы одно из подлежащих называет некоторое количество предметов. Поэтому закономерно, что в этих предложениях преимущественно выбирается мн. ч. сказуемого.

 $\it Tаблица~7$ Наличие однородных подлежащих и выбор числа сказуемого

Число сказуемого	Большинство	Счетные обороты	Проценты	Приблизительное количество
Единственное	18% (7)	20% (4)	(4)	58% (45)
Множественное	72% (18)	80% (16)	(2)	42% (33)
Bcero	100% (25)	100% (20)	(6)	100% (78)

Тип сказуемого

Если сказуемое является <u>простым глагольным</u>, то во всех разновидностях предложений, сообщающих о количестве, оно ставится в ед. или мн. ч. в соответствии с общим соотношением форм ед. и мн. ч., характерным для данной разновидности.

Другие типы сказуемого предполагают выбор определенной формы сказуемого. Сказуемое преимущественно ставится во мн. ч., если оно является составным именным с именной частью, выраженной существительным или прилагательным, особенно полным [Скобликова 1969: 485; Corbett 1998: 17 и др.].

Из данного перечня **семь институтов являются федеральными госу- дарственными учреждениями** ($\Phi\Gamma$ У), два — федеральными государственными унитарными предприятиями ($\Phi\Gamma$ УП) («Лесное хозяйство», 2004.02.17).

Например, из 75 человек, поступающих в пятый класс, только **десять процентов** полностью **здоровы** («Комсомольская правда», 2007.11.19]

Большинство из них является поклонниками бога Шивы, однако довольно многие поклоняются богу Вишну («Пятое измерение», 2002).

Жертвами этих терактов стали свыше 250 человек («Зарубежное военное обозрение», 2004.11.29).

Это правило верно даже для предложений, сообщающих о приблизительном количестве, где в целом чаще встречается сказуемое в ед. ч. (см. пример выше). Что касается предложений, в которых именная часть сказуемого выражена прилагательным, то нужно отметить, что в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, преобладают сказуемые с кратким прилагательным в именной части, которые обычно имеют форму ед. ч., например: Уже в 1990 году тот же Вэлли открыл еще один тип молекулярного мотора, получивший название «динамина», а к 1995 году было известно уже около десяти различных моторов, каждый из которых переносил свой специфический химический груз для определенных, специфических целей («Знание — сила», 2003).

Если именная часть выражена <u>кратким страдательным причастием</u>, то во всех разновидностях, кроме предложений с со счетными оборотами, преобладали формы ед. ч. сказуемого (ср. об этом [Горбачевич 1989: 193]).

Через семь дней после процесса большинство обвиняемых было расстреляно («Неприкосновенный запас», 2003.07.14).

В 1908-м году им был организован «Салон» живописи, рисунка, скульптуры и архитектуры, где было представлено свыше 600 произведений русских мастеров, ушедших от академической рутины и безвкусия передвижников («Лебедь» (Бостон), 2003.08.04).

За последние полгода в Свердловской области **были проведены два семинара** для специалистов финансовых управлений из разных регионов страны («Computerworld», № 25, 2004).

Преимущественный выбор ед. ч. сказуемого, очевидно, объясняется тем, что предложения с кратким страдательным причастием представляют собой пассивную конструкцию. Подлежащее в них называет не субъект действия, а объект, поэтому смысловое согласование, при котором обычно выбирается форма мн. ч. сказуемого, здесь не так уместно, как в активных конструкциях (см. раздел об активных и пассивных конструкциях).

Если сказуемое является составным глагольным, то оно, как правило, требует постановки сказуемого во мн. ч. Даже в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, доля предложений с составным глагольным сказуемым во мн. ч. была немного выше, чем доля таких же предложений со сказуемым в ед. числе. Учитывая общее соотношение форм ед. и мн. ч. в этой разновидности, нужно отметить, что коэффициент в пользу форм мн. ч. составил 1,6.

Но в то же время из десяти тысяч советских писателей девять тысяч девятьсот девять продолжали существовать в атмосфере лжи (Владимир Молчанов. Консуэло Сегура. И дольше века... (1999—2003)).

Сорок богатых французов **не замедлили воспользоваться** этим предложением («Вокруг света», 2004.06.15).

Неудивительно, что **девяносто процентов нивхов предпочитают общаться** по-русски, из-за чего их язык и попал в списки вымирающих — наряду с множеством других («Новый регион 2», 2007.09.20).

Большинство россиян не хотят затрачивать интеллектуальных усилий, сидя у экрана телевизора, они хотят отдыхать и расслабляться после рабочего дня («Отечественные записки», 2003).

Можно предположить, что составное глагольное сказуемое чаще ставится во мн. ч. в силу прежде всего семантики вспомогательного глагола: модальные глаголы предполагают некоторую свободную волю субъекта

по отношению к действию, возможность или обязанность совершать или не совершать действие. Фазисные глаголы тоже указывают на способность и свободу субъекта самостоятельно регулировать ход процесса: начинать, продолжать, завершать. Даже если субъект действия неодушевленный, он выступает как источник непредсказуемой — отчасти свободной — активности (Снег перестал падать). Видимо, именно благодаря тому, что субъект действия при составном глагольном сказуемом мыслится как активный (или условно активный), в предложениях с подлежащим, выраженным количественным оборотом, предпочтительно мн. ч. сказуемого.

В тех предложениях с составным глагольным сказуемым мн. ч., в которых субъект действия был неодушевленным, его действие нередко было представлено метафорически и метонимически как действие живого существа:

Поэтому **двадцать пять домов продолжают** азартно **ждать**, набивая тем самым себе цену («Известия», 2002.05.19).

Полагаю, что с точки зрения статистики из десяти присоединившихся **стран две могут потерпеть** неудачу («Эксперт», 2004.12.20).

Наконец, стоит отметить, что в тех предложениях, где составное глагольное сказуемое ставилось в ед. ч., были факторы, грамматически или семантически способствующие употреблению сказуемого в форме ед. ч. или ослабляющие зависимость формы сказуемого от формы подлежащего (инверсия):

- подлежащее называло неодушевленный предмет,
- зависимое существительное в группе подлежащего стояло в ед. ч. или отсутствовало,
- наблюдалась инверсия главных членов,
- в центре внимания говорящего, в реме, находилось количество.

Сорок процентов <u>населения</u> **должно работать** по месту жительства (Труд-7, 2007.12.05).

Таким образом, до тех пор, пока не будет полностью исчерпан ресурс кремния, должно смениться еще пять-шесть поколений процессоров... («Computerworld», 2004.07.02).

Что же это за демократия, где есть такой антагонизм и **большинство должно опасаться и сторониться** меньшинства? (Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984—2001)).

Входить в такие помещения **или работать** в них **должно не менее двух человек** (Корабельный устав Военно-Морского Флота Российской Федерации (2001)).

Таблица 8 Тип сказуемого и выбор числа сказуемого 4

Число		Счеті	ные обс	роты		Приблизительное количество				
сказу- емого	ПГ	СГ	Прич.	Прил.	Сущ.	ПГ	СГ	Прич.	Прил.	Сущ.
Единст- венное	32% (228)	3% (3)	22% (22)	18% (8)	12% (2)	65% (668)	47% (23)	81% (228)	77% (23)	0
Множе-	68%	97%	78%	82%	88%	35%	53%	19%	23%	100%
ственное	(478)	(89)	(80)	(37)	(15)	(361)	(26)	(54)	(7)	(13)
Всего	100% (706)	100% (92)	100% (100)	100% (45)	100% (17)	100% (1029)	100% (49)	100% (282)	100% (30)	100% (13)

Число		Бол	тьшинс	ТВО		Проценты					
сказуе- мого	ПГ	СГ	ПГ	СГ	ПГ	СГ	ПГ	СГ	ПГ	СГ	
Единст-	44%	27%	61%	41%	13%	36%	10%	70%	8% (3)		
венное	(457)	(6)	(56)	(13)	(5)	(90)	(2)	(21)	070 (3)		
Множе-	56%	73%	39%	59%	87%	64%	90%	30%	92%		
ственное	(583)	(16)	(35)	(19)	(33)	(162)	(19)	(9)	(25)		
Распо	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%		
Всего	(1040)	(22)	(91)	(32)	(38)	(252)	(21)	(30)	(28)		

Инверсия

Порядок слов влияет на выбор формы числа сказуемого: если подлежащее предшествует сказуемому, то сказуемое чаще ставится во мн. ч., если же в предложении наблюдается инверсия главных членов, более вероятным становится выбор ед. ч. сказуемого [Граудина 1976: 29]. Е. С. Скобликова выделяет порядок слов как грамматический фактор, поддерживающий форму ед. ч. сказуемого [Скобликова 1969: 472]. Г. Корбетт считает порядок слов одним из двух важнейших факторов (наряду с одушевленностью), от которых зависит выбор формы числа сказуемого [Согbett 1998: 11—12; Corbett, Krasovitsky 2009: 112].

Представляется, что инверсия главных членов не столько требует формы ед. ч. от предиката (при инверсии весьма вероятна и форма мн. ч., например, в предложениях с подлежащим, выраженным счетным оборотом), сколько отчасти освобождает сказуемое от влияния грамматических форм

 $^{^4}$ Условные обозначения в таблице «Тип сказуемого и выбор числа сказуемого»: ПГ — простое глагольное сказуемое, СГ — составное глагольное сказуемое; Прич. — составное именное сказуемое с именной частью, выраженной кратким страдательным причастием; Прил. — составное именное сказуемое с именной частью, выраженной прилагательным; Сущ. — составное именное сказуемое с именной частью, выраженной существительным.

подлежащего, и поэтому допускается как ед., так и мн. ч. сказуемого. В то же время определенную роль играет и фактор ближайшего слова: формы сказуемого ориентируются в первую очередь на ближайшее к сказуемому слово из группы подлежащего. При инверсии эти слова — существительное ср. р. большинство, числительное или сочетание «предлог/сравн. степень + числительное», т. е. слова, не имеющие форм числа, а нередко и рода (а в случае обозначения приблизительного количества еще и поставленные не в Им. п., а в Р. п.). Поэтому сказуемое, либо грамматически согласуясь с существительным большинство, либо принимая «нейтральную» форму, ставится в ед. ч. ср. р.

С таким подходом вполне **согласно и большинство пожилых людей**, поскольку в свое время они точно так же переняли землю от своих предков и в ответ поддерживали их существование на минимально возможном прожиточном уровне («Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29).

От цинги **умерло девятнадцать человек**, заболевшие лежали совсем без сил. («Мурзилка», № 1, 2002).

Судебная система, которой и без этого **доверяет всего три процента** грузин, отгораживается от общества своеобразным «железным занавесом» («Известия», 2007.06.21).

В случае прямого порядка слов более вероятным становится согласование по смыслу, поскольку сказуемое стоит после всей группы подлежащего, в том числе после зависимого существительного, как правило, имеющего форму мн. ч.

Была глубокая ночь. **Большинство раненых спали** (В. Розов. Удивление перед жизнью (1960—2000)).

Он не учел, что день был воскресный и поэтому большинство казенных грузовых машин стояли на приколе (В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000).

Но не все знают, что **шестьдесят процентов россиян предпочли** бы городской квартире индивидуальный загородный дом («Известия», 2007.11.22).

Статистические данные показывают существенность типичного для тех или иных предложений порядка слов. Так, в предложениях со словом *большинство* и со словом *проценты* обычно встречается прямой порядок слов, и инверсия может рассматриваться как специальный прием, который используется говорящим с определенным намерением. В этих разновидностях предложений при инверсии значительно (в сравнении с обычным соотношением ед. и мн. ч. сказуемого) возрастает доля форм ед. ч. сказуемого: коэффициент превышения в пользу форм ед. ч. составляет 1,6 для обе-

их групп. При этом частотность употребления мн. ч. сказуемого при прямом порядке слов незначительно выше обычного.

Напротив, для предложений со счетным оборотом и для предложений, сообщающих о приблизительном количестве, весьма характерна инверсия. Количество примеров с инверсией в предложениях со счетными оборотами составляет 93%, в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, — 82%. Здесь примеры с прямым порядком слов представляют собой особые случаи, когда в связи с другими условиями контекста оказывается возможной лишь форма мн. ч. сказуемого:

Но **две недели**, отведенные на поиск компромисса, ни к чему **не привели**, а у организационного комитета (так называемой «Координадоры»), выступавшего от имени недовольных граждан, создалось стойкое ощущение, что правительство совершенно не собирается идти на какие бы то ни было уступки и просто тянет время («Бизнес-журнал», 2004.03.03).

Ежегодно **свыше 100 тыс. читателей** из Москвы и еще из 500 городов России **получают** у нас около миллиона экземпляров изданий и более 40 тыс. библиографических справок («Наука в России», 2003.04.30).

Таблица 9 Порядок слов и выбор числа сказуемого

Число сказу-	Больш	инство	Счетные	обороты	Проц	енты	Приблизительное количество		
емого	Инвер-	Прямой	Инвер-	Прямой	Инвер-	Прямой	Инвер-	Прямой	
CMOIO	сия	порядок	сия	порядок	сия	порядок	сия	порядок	
Единст-	72%	42%	42%	6% (21)	56%	44%	62%	16%	
венное	(58)	(479)	(241)		(44)	(72)	(878)	(66)	
Множе-	28%	58%	58%	94%	44%	56%	38%	84%	
ственное	(23)	(661)	(328)	(304)	(34)	(180)	(270)	(191)	
Всего	81	1140	545	325	78	252	1148	257	

Речевая сфера

Вопреки мнению многих исследователей о том, что грамматическое согласование (ед. ч. сказуемого) характерно для книжных стилей, особенно для официально-деловой речи, а смысловое (мн. ч. сказуемого) — для разговорной, бытовой речи [Граудина 1976: 30; Голуб 2008: 371, 373], данные НКРЯ за последнее десятилетие показывают несколько иной результат.

Очевидно, неверно было бы объединять книжные стили друг с другом, а также рассматривать их вместе с художественной речью. Из таблицы видно, что в художественной речи высока доля употребления сказуемого в ед. числе. Представляется, что это связано с распространенностью в худо-

жественной речи устойчивых конструкций, сообщающих о возрасте, о времени и др., например: *Ему было восемнадцать*; *Прошло три года*, где сказуемое ставится всегда в ед. ч. [Розенталь 2010: 260—261; Голуб 2008: 373; Кувшинская 2012]), — а также с тем, что в художественном тексте значительную долю может составлять разговорная речь.

В свою очередь, для разговорно-бытовой речи, как и для речи электронной коммуникации достаточно характерна постановка сказуемого в ед. ч. Причина этого видится в том числе в общей небрежности речи в этих сферах и в вытекающем из этого стремлении говорящих к нейтрализации грамматических показателей (ср. другие явления: использование Им. п. вместо косвенных в разговорной речи [Лаптева 2003]), а также в том, что в разговорной речи широко употребляются устойчивые конструкции, сообщающие о времени, возрасте, расстоянии и т. п. Надо, однако, отметить, что в исследуемом материале количество примеров из разговорно-бытовой речи было очень невелико; эта сфера требует дополнительного анализа.

Электронная коммуникация

— По соседству **случилось два пожара** — один за стеной, в результате чего у нас проломили потолок в гостинной и в ванной, а другой сегодня на втором... (Запись LiveJournal (2004)).

Прошло две минуты как прочитала ваше сообщение (Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)).

...вот а у меня практически **большинство моих снов сбывается** (Сны (форум) (2005)).

За год в лапшу **разбиваются четыре пары** (Наши дети: Подростки (2004) — электронный ресурс).

Публицистическая речь, примеры из которой составляли основной массив данных, отражает общее соотношение форм ед. и мн. ч. сказуемого для каждой группы предложений.

По сравнению с публицистикой в учебно-научной, производственной и официально-деловой речи соотношение частотности ед.и мн. ч. сказуемого либо остается приблизительно таким же, либо склоняется в сторону смыслового согласования, т. е. форм мн. ч. сказуемого (в предложениях со счетными оборотами, отчасти — в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве). Особенно заметна склонность к смысловому согласованию в официально-деловой речи. Во всех разновидностях предложений здесь доля форм мн. ч. сказуемого оказывалась выше, чем в общем соотношении ед. и мн. ч. в данной группе предложений. В большинстве разновидностей предложений частотность форм мн. ч. была заметно высока, ср. примеры ниже.

Учебно-научная речь

В комплекс включены пять алгоритмов для решения поставленной задачи («Информационные технологии», № 8, 2004).

По их данным, в таких высоко развитых странах и районах, как Сингапур, Тайвань, Япония, совместно с детьми **проживают свыше 70% пожилых** людей, а в Сингапуре — 85% («Проблемы Дальнего Востока», 2002.04.29).

В связи со спецификой организации учета в странах Содружества среди них можно выделить те источники данных, которые используют большинство стран («Вопросы статистики», 2004.11.18).

Большинство экспертов продолжает верить в то, что в существенном доказательство правильно (В. А. Успенский. Семь размышлений на темы философии математики (2002)).

Официально-деловая речь

В рамках проводимой широкомасштабной военной операции Израиля там продолжаются авиаудары в густонаселенных палестинских районах, гибнет мирное палестинское население, сносятся десятки жилых домов, в результате чего около двух тысяч палестинцев остались без крова («Дипломатический вестник», 2004.06.29).

И большинство делегаций проявили неготовность к обсуждению этого вопроса на текущей сессии, тем более что внесение проекта резолюции совпало по времени с рассмотрением темы Гуантанамо в Верховном суде США («Дипломатический вестник», 2004.05.25).

Заседания ревизионной комиссии считаются правомочными, если в них принимают участие два члена комиссии (Положение о ревизионной комиссии ОАО (2002)).

В отчетном периоде **были проведены два заседания** Правления Палаты (Отчет о деятельности XXXXXX за 1 полугодие 2004 года (2004)).

Представляется, что тенденция к смысловому согласованию в официально-деловой речи объясняется существующим в этой сфере общим стремлением к предельной точности и ясности выражения мысли. Поэтому говорящий стремится точно соотнести сказуемое с подлежащим, избегает нейтрализации значений и в ситуации вариативности форм сказуемого пользуется смысловым согласованием.

Активная и пассивная конструкция

В предложениях с подлежащим, выраженным именной группой с количественным значением, действует общее правило: если предложение представляет собой активную конструкцию, то сказуемое чаще ставится в форме

Tаблица 10 Речевая сфера и выбор числа сказуемого 5

Число		Сч	етные	оборо	ТЫ		Приблизительное количество					
сказу- емого	Офиц.	Науч.	Публ.	Быт.	Эл.	Худ.	Офиц.	Науч.	Публ.	Быт.	Эл.	Худ.
Ед. ч.	24% (24)	17% (35)	27% (140)	46% (11)	39% (25)	48% (52)	46% (11)	68% (138)	69% (646)	_	(4)	81% (146)
Мн. ч.	76% (77)	83% (170)	73% (380)		61% (39)	52% (56)	54% (13)	32% (63)	31% (347)			19% (35)
Всего			100% (520)			100% (108)	100% (24)		100% (993)		4	100% (181)

Число	Счетные обороты						Приблизительное количество					
сказу- емого	Офиц.	Науч.	Публ.	Быт.	Эл.	Худ.	Офиц.	Науч.	Публ.	Быт.	Эл.	Худ.
Ед. ч.	(4)	43% (83)	43% (356)	(4)	58% (43)	_	(5)	33% (92)	_	39% (17)	(4)	81% (146)
Мн. ч.	(3)	57% (109)	57% (468)	(5)	42% (31)		(4)	67% (187)	_	61% (27)	_	19% (35)
Всего	100% (7)	100% (192)	100% (824)	100% (9)	100% (74)		_	100% (279)	_	100% (44)	4	100% (181)

мн. числа; если предложение является пассивной конструкцией, то сказуемое чаще принимает форму ед. числа. Это хорошо согласуется с наблюдениями многих исследователей, показавшими, что выбор числа сказуемого зависит в том числе от того, говорится ли в предложении об активном действии или пассивном состоянии предметов [Граудина 1976: 28, 30; Розенталь 2010: 258, 262; Голуб 2008: 372], утверждением Г. Корбетта о влиянии одушевленности / неодушевленности и типа предиката на выбор формы числа сказуемого [Corbett 1998: 10—12; Corbett, Krasovitsky 2009: 112], поскольку активная конструкция, особенно с предикатом — глаголом активного действия — обычно предполагает одушевленное подлежащее (субъект активного действия), а пассивная конструкция часто имеет неодушевленное подлежащее. Так, в выборке предложений со словом большинство пассивные конструкции независимо от формы числа сказуемого имели преимущественно неодушевленное подлежащее; примеры с неодушевленным подлежащим составляли около 81% всех пассивных конструкций, на предложения с одушевленным подлежащим приходилось 19%.

⁵ Условные обозначения в таблице «Речевая сфера и выбор числа сказуемого»: Офиц. — официально-деловая сфера; Науч. — Учебно-научная и производственно-техническая сфера; Публ. — публицистическая сфера, Быт. — бытовая сфера, Электр. — электронная коммуникация, Худож. — художественная сфера.

Это связано с тем, что большинство исследований основано на биографическом анализе жизни одаренных людей, сумевших внести существенный вклад в развитие науки, культуры или искусства («Вопросы психологии», 2004.04.13).

Большинство авторов обращают внимание на то, что разброс в приросте стоимости произведений искусства значительно превышает таковой для финансовых активов... («Неприкосновенный запас», 2003.11.11).

Несколько особняком стоят в этом отношении предложения со счетными оборотами: процент употребления сказуемого в ед. ч. почти одинаково мал в активных и пассивных конструкциях, также и доля сказуемого мн. ч. почти одинаково велика в активных и пассивных конструкциях. Очевидно, экспансия форм мн. ч. достигает в этой разновидности предложений максимума (это показывает и общее соотношение форм ед. и мн. ч. сказуемого), и неактивность подлежащего, его роль объекта, а не субъекта действия, не является тем фактором, который мог бы воспрепятствовать выбору мн. ч. сказуемого.

Не учтенные в таблице примеры с предикатами, предполагающими, что субъект действия не совпадает с подлежащим, преимущественно демонстрируют выбор сказуемого в ед. числе:

На реконструкцию здания **потребовалось девять месяцев и 20 миллионов рублей** из федерального бюджета («Поиск», 2003.09.12).

Наша программа действительно требует инвестиций: на развитие спорта в отдельно взятой школе **нужно не менее 50—70 тысяч рублей** («Известия», 2001.07.23).

Число	Больш	инство		гные ооты	Проц	енты	Приблизительное количество		
сказу- емого	Актив-	Пассив-	Актив-	Пассив-	Актив-	Пассив-	Актив-	Пассив-	
CMOIO	ная	ная	ная	ная	ная	ная	ная	ная	
Единст-	41%	69%	21%	22%	29%	67%	56%	82%	
венное	(399)	(94)	(215)	(27)	(78)	(40)	(483)	(338)	
Множе-	59%	31%	79%	78%	71%	33%	44%	18%	
ственное	(578)	(43)	(795)	(95)	(193)	(20)	(385)	(75)	
Всего	977	137	1010	122	271	60	868	413	

⁶ Предложения со сказуемыми — глаголами *требоваться*, *приходиться*, *пона-добиться*, *уходить на что-то* и со словами *нужно*, *надо*, *необходимо*, *известно*, у которых нет валентности на агенс и для которых характерно «безличное» употребление во многих примерах из нашей выборки, не включались в противопоставление активных и пассивных конструкций.

Исходя из всего вышесказанного, можно в самом общем виде говорить о том, что в предложениях, где семантический субъект не совпадает с подлежащим, сказуемое преимущественно ставится в ед. ч., поскольку смысловое и грамматическое согласование сказуемого с подлежащим здесь затруднено.

Актуальное членение

В литературе отмечалось, что для выбора числа сказуемого имеет значение коммуникативное намерение говорящего: «стремление обратить внимание на действие (или характеристику) подлежащего» или «количественная сторона сообщения» [Граудина 1976: 28], статистический характер высказывания [Горбачевич 1989: 194]. Первостепенное значение коммуникативной направленности высказывания придает Е. С. Скобликова [Скобликова 1969: 65—505].

Детальное изучение влияния коммуникативной организации высказывания на выбор числа сказуемого не входит в задачи работы; тем не менее, мы попытались выяснить в целом зависимость выбора той или иной формы сказуемого от актуального членения предложения, прежде всего от того, какая именно часть высказывания входит в рему: только подлежащее (а может быть, даже только числительное или другое количественное слово) — не только подлежащее, но и определение к подлежащему, сказуемое и др. — вовсе не подлежащее, а сказуемое и другие члены предложения (подлежащее входит в тему).

Если подлежащее составляет рему высказывания, то сказуемое преимущественно ставится в ед. ч. В предложениях со счетными оборотами и со словом *проценты* доля форм ед. ч. в таких контекстах приближается к половине, т. е. по сравнению со средним соотношением форм ед. и мн. ч., частотность употребления форм ед. ч. сказуемого весьма высока. Коэффициент частотности ед. ч. составляет соответственно около 1,5 и 1,4.

Если подлежащее составляет тему, то сказуемое чаще (в предложениях со словом *большинство*) или преимущественно (в предложениях со счетными оборотами и в предложениях со словом *проценты*) ставится во мн. ч. Среди предложений, сообщающих о приблизительном количестве, оказалось очень мало — всего 2 — высказывания, где подлежащее входило в тему. Сказуемое в этих примерах стояло во мн. ч. В то же время статистика употребления форм ед. и мн. ч. сказуемого в высказываниях, в которых подлежащее полностью составляет рему или является лишь частью ремы, еще раз подтверждает, что вероятность форм ед. ч. сказуемого наиболее высока, если рему составляет только количественно-именное сочетание, эта вероятность снижается по мере включения в актуальную часть высказывания других компонентов.

Таким образом, можно говорить о шкале актуальности:

В рему входит обозначение количества предметов

В рему входят количество предметов и различные признаки предметов

В рему входит обозначение различных признаков предметов, но не входит обозначение количества

Вероятность форм ед. ч. максимальна на левом конце шкалы, минимальна — на правом конце шкалы.

Те разновидности предложений, для которых характерны или достаточно вероятны формы ед. ч. сказуемого, демонстрируют на левом конце шкалы наименьшую вариативность в выборе форм сказуемого: в предложениях, сообщающих о приблизительном количестве, и в предложениях со словом *большинство*⁷ форма ед. ч. сказуемого выбирается в 3 раза чаще, чем форма мн. числа. При движении по шкале вправо выбор форм ед. и мн. ч. сказуемого становится почти одинаково вероятен. Иначе говоря, влияние на выбор числа имеет прежде всего наиболее актуальная часть высказывания (рема).

Разновидности предложений, для которых в принципе характерно мн. ч. сказуемого, достигают минимальной вариативности на правом конце шкалы: в предложениях со счетными оборотами и со словом *проценты* мн. ч. сказуемого выбирается соответственно практически всегда или в 3 раза чаще. При движении влево соотношение форм числа сказуемого становится почти равным.

Таким образом, актуальное членение, взаимодействуя с семантикой подлежащего, усиливает принцип, обозначенный нами как «шкала определенности/неопределенности»: чем более определенным является количество предметов и чем большее внимание уделяется его различным характеристикам, тем вероятнее форма мн. ч. сказуемого и наоборот, чем менее определенным является количество и чем большее внимание уделяется самому количественному показателю, тем вероятнее форма ед. ч. сказуемого.

Подлежащее составляет рему:

Итак, представьте: в состав Ковровского городского совета входит восемнадцать депутатов («Криминальная хроника», 2003.07.24).

К тому же в Ирландии (где по закону требуется выносить такие решения на референдум) против приема новых членов выступило <u>большинство</u> избирателей («Известия», 2002.09.10).

Неожиданная победа действующего чемпиона, за которого, как ни крути, болеет <u>большинство зрителей</u>... («Формула», 2002.04.15).

 $^{^7}$ По отношению к предложениям, сообщающим о приблизительном количестве, трудно делать вывод о тех примерах, где подлежащее входит в тему, из-за их крайней малочисленности.

В рему входит не только подлежащее, но и сказуемое:

В 2001—2002 годах экономика черной металлургии США развивалась по сценарию, схожему с западноевропейским. Сокращение спроса привело к снижению выпуска стали. В итоге <u>более двух десятков</u> сталелитейных предприятий <u>оказались банкротами</u>, в частности, такие крупные, как Wheeling Pitsburg Steel Corp. и LTV Bethlehem Steel Corp («Металлы Евразии», 2003.09.01).

<u>Обоснованы</u> и в настоящее время экспериментально <u>изучаются две</u> <u>структуры</u> способов учебной работы школьников, одна из которых включает мотивационный и операциональный компоненты, другая — ориентировочный, операциональный и аффективно-волевой («Вопросы психологии», 2004.04.13).

Подлежащее входит в тему:

Мастер Воротников, прячась средь вагонов иль в крытом четырехоснике, иногда выпивал с этими мужиками и слесарей своих, братию чумазую, наставлял:

— Вы, ребята, присматривайтесь к этим мною сотворенным стахановцам, они ведь не все силой берут, кое-что и смекают. Опыт! Великое дело — опыт.

И присматривались, и многому подучились. **Два передовика** производства особое **расположение имели** к фронтовикам, закурить давали, когда и трояк взаймы отслюнявят от своих в горсть не вмещающихся получек (В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Досчитать до трех на нивхском языке— не простая задача, и простым 'раз-два-три' тут не обойдешься. Нивхские числительные звучат по-разному в зависимости от того, что считают: лыжи, лодки или связки вяленой рыбы. Всего в языке двадцать шесть способов счета. Неудивительно, что девяносто процентов нивхов предпочитают общаться по-русски, из-за чего их язык и попал в списки вымирающих— наряду с множеством других («Новый регион 2», 2007.09.20).

Существует еще ряд факторов, оказывающих значительное влияние на выбор числа сказуемого, но проявляющихся не во всех рассматриваемых разновидностях предложений. Так, сильным фактором в пользу форм ед. ч. сказуемого является ед. ч. зависимого существительного в группе подлежащего — 97% таких предложений имели сказуемое ед. ч. (Поскольку же подавляющее большинство общества — за исключением разве что когорты самых молодых в столице и крупных городах — не предвидит и не ищет перемен ни для себя, ни для страны, вектор интересов большинства переместился на то, что так или иначе уже есть («Неприкосновенный запас», 2003.03.16).

Преимущественно в ед. ч. ставятся некоторые глаголы-сказуемые (*требоваться*, *насчитываться*, *приходиться*, *иметься*, *остаться* и др.) [Кувшинская 2012].

Таблица 12 Актуальное членение предложения и выбор числа сказуемого

Число	Большинство		Счетные обороты		Проценты		Приблизительное количество ⁸	
сказу- емого	S ⁹ — рема	S — тема	S — рема	S — тема	S — рема	S — тема	S — рема	S — часть ремы
Един-	76%	42%	42%	3%	48%	26%	75%	42%
ственное	(63)	(433)	(253)	(9)	(63)	(52)	(177)	(62)
Множе-	24%	58%	58%	97%	52%	74%	25%	54%
ственное	(20)	(600)	(350)	(282)	(68)	(147)	(60)	(74)
Всего	100% (83)	100% (1033)	100% (603)	100% (291)	100% (131)	100% (199)	100% (237)	100% (136)

Сказуемое ставится только в ед. ч. в предложениях, сообщающих о возрасте, и преимущественно в ед. ч. в предложениях, сообщающих о времени, расстоянии, объеме — 86% предложений имели сказуемое в ед. ч. [Там же].

Сказуемое предпочтительно принимает форму мн. ч. в предложениях с числительными два, три, четыре — 78% примеров имели сказуемое мн. ч. (См. об этом также [Розенталь 2010; Голуб 2008; Супрун 1965а; Corbett, Krasovitsky 2009; Кувшинская 2012]). Однако в рамках данной статьи мы ограничились факторами, общими для всех групп предложений.

Заключение

Таким образом, предложения с подлежащим, выраженным разными количественно-именными сочетаниями, ведут себя по-разному в отношении выбора числа сказуемого. Принципиальное значение имеет определенность или неопределенность количества предметов, названная в подлежащем. По мере возрастания неопределенности количества возрастает и вероятность употребления сказуемого в ед. ч., и наоборот, по мере возрастания конкретности, определенности и наглядной представимости количества, названного в подлежащем, возрастает вероятность выбора мн. ч. сказуемого.

⁸ Анализ влияния актуального членения на выбор числа сказуемого проводился на базе одной группы предложений, с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием со словом более (В конкурсе участвовало более двухсот человек).

⁹ «S» в таблице означает «подлежащее».

Эта иерархическая шкала в целом сохраняется независимо от условий контекста. Так, при однородных сказуемых частотность форм мн. ч. в предложениях, сообщающих об определенном количестве, приближается к максимуму, в предложениях, сообщающих о неопределенном количестве, достигает половины. Материал НКРЯ подтверждает, что в предложениях, сообщающих об определенном количестве, одушевленность и активность подлежащего, а также прямой порядок слов, заметно способствуют выбору мн. ч. сказуемого. Напротив, неодушевленность, пассивность подлежащего, инверсия главных членов способствуют выбору ед. ч. сказуемого прежде всего в предложениях, сообщающих о неопределенном количестве предметов.

Однако при наличии некоторых условий контекста последовательность компонентов иерархии может меняться — т. е. согласование в некоторых видах предложений обнаруживает отклонения под влиянием тех или иных условий. В рамках нашего анализа это, очевидно, можно объяснить тем, что выбор числа сказуемого определяется не только семантическими, но и грамматическими причинами, поэтому в некоторых случаях грамматические факторы (например, согласованное определение в Им. п.) оказываются сильнее семантического признака определенности/неопределенности.

Исследование позволило сделать некоторые уточнения относительно закономерностей современного согласования: составное глагольное сказуемое преимущественно ставится во мн. ч.; вероятность выбора сказуемого ед. ч. возрастает, если в рему входит только подлежащее или только количественное слово из группы подлежащего. Кроме того, обнаружены тенденция к постановке сказуемого во мн. ч. в официально-деловой сфере; снижение влияния постпозитивного согласованного определения на выбор формы сказуемого, объясняющееся распространившимся употреблением согласованного определения в Р. п.; амбивалентность влияния определительного придаточного на согласование.

Литература

Бельчиков 2012 — Ю. А. Бельчиков. Практическая стилистика современного русского языка. М., 2012.

Гвоздев 1965 — А. Н. Г в о з д е в. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. Голуб 2008 — И. Б. Г о л у б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. М., 2008.

Горбачевич 1989 — К. С. Горбачевич. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989.

Граудина 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Кувшинская 2011 — Ю. М. Кувшинская. Единственное или множественное: к вопросу о форме употребления числа со словом «большинство» // Русский язык в школе. 2011. № 9. С. 55—61.

Кувшинская 2012 — Ю. М. Кувшинская. Согласование сказуемого с подлежащим, выраженным счетным оборотом // Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ: http://studiorum.ruscorpora.ru/stylistics/oboroty.html.

Лаптева 2003 — О. А. Лаптева 2003 — О. А. Лаптева 2003.

Мельчук 1985 — И. А. Мельчук. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien, 1985. С. 420—428.

Никунласси 2002 — А. Никунласси. О числе сказуемого при количественном подлежащем в русском и финском языках // Семантические проблемы русского языка. Таллинн, 2002. С. 33—45.

Розенталь 2010 — Д. Э. Розенталь. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 2010.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантикопрагматическом пространстве. М., 2008.

Скобликова 1969 — Е. С. С к о б л и к о в а. Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке. Дисс. ... на соискание ученой степени д. филол. наук. Куйбышев, 1969.

Скобликова 2005 — Е. С. С к о б л и к о в а. Согласование и управление в русском языке. М., 2005.

Соколова 1998 — Е. В. Соколова. О взаимосвязи коммуникативного задания высказывания и колебания координации подлежащего и сказуемого в формах числа // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. № 9. СПб., 1998. С. 36—42.

Солганик, Дроняева 2002 — Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. Стилистика современного русского языка и культура речи. М., 2002.

Супрун 1965а — А. Е. С у п р у н. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи). Дисс. ... на соискание ученой степени д. филол. наук. Л., 1965.

Супрун 19656 — А. Е. С у п р у н. Славянские числительные. (Становление числительных как особой части речи). Автореферат дисс.... на соискание ученой степени д. филол. наук. Л., 1965.

Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Bloomington, 1998.

Corbett 2004 — G. G. Corbett. Number. Cambridge, 2004.

Corbett, Krasovitsky 2009 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett, P. Williams. Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus. München; Berlin; Wien 2009. P. 109—121.

References

Belchikov 2012 — Yu. A. Belchikov. Prakticheskaya stilistika sovremennogo russkogo yazyka. Moskva, 2012.

Corbett 1998 — G. G. Corbett. Agreement in Slavic. Bloomington, 1998.

Corbett 2004 — G. G. Corbett. Number. Cambridge, 2004.

Corbett, Krasovitsky 2009 — A. Krasovitsky, M. Baerman, D. Brown, G. G. Corbett, P. Williams. Predicate agreement in Russian: a corpus-based approach // Diachronic Slavonic Syntax. Gradual Changes in Focus. München; Berlin; Wien 2009. P. 109—121.

Golub 2008 — I. B. Golub. Novyy spravochnik po russkomu yazyku i prakticheskoy stilistike. Moskva, 2008.

Gorbachevich 1989 — K. S. Gorbachevich. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1989.

Graudina 1976 — L. K. Graudina, V. A. Ickovich, L. P. Katlinskaya. Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov. Moskva, 1976.

Gvozdev 1965 — A. N. Gvozdev. Ocherki po stilistike russkogo yazyka. Moskva, 1965

Kuvshinskaya 2011 — Yu. M. Kuvshinskaya. Yedinstvennoye ili mnozhestvennoye: k voprosu o forme upotrebleniya chisla so slovom «bolshinstvo» // Russkiy yazyk v shkole. 2011. № 9. S. 55—61.

Kuvshinskaya 2012 — Yu. M. Kuvshinskaya. Soglasovaniye skazuyemogo s podlezhashchim, vyrazhennym schetnym oborotom // Problemy russkoy stilistiki po dannym NKRYa: http://studiorum.ruscorpora.ru/stylistics/oboroty.html.

Lapteva 2003 — O. A. Lapteva. Russkiy razgovornyy sintaksis. Moskva, 2003.

Melchuk 1985 — I. A. Melchuk. Poverkhnostnyy sintaksis russkikh chislovykh vyrazheniy. Wien, 1985. S. 420—428.

Nikunlassi 2002 — A. Nikunlassi. O chisle skazuyemogo pri kolichestvennom podlezhashchem v russkom i finskom yazykakh // Semanticheskiye problemy russkogo yazyka. Tallinn, 2002. S. 33—45.

Rozental 2010 — D. E. Rozental. Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoy pravke. Moskva, 2010.

Sannikov 2008 — V. Z. Sannikov. Russkiy sintaksis v semantiko-pragmatiche-skom prostranstve. Moskva, 2008.

Skoblikova 1969 — Ye. S. Skoblikova. Soglasovaniye i upravleniye kak sposoby sintaksicheskoy organizacii slov v russkom yazyke. Diss. ... na soiskaniye uchenoy stepeni d. filol. nauk. Kuybyshev, 1969.

Skoblikova 2005 — Ye. S. Skoblikova. Soglasovaniye i upravleniye v russkom yazyke. Moskva, 2005.

Sokolova 1998 — Ye. V. Sokolova. O vzaimosvyazi kommunikativnogo zadaniya vyskazyvaniya i kolebaniya koordinacii podlezhashchego i skazuyemogo v formakh chisla // Vestnik SPbGU. Ser. 2. Vyp. 2. № 9. Sankt-Peterburg, 1998. S. 36—42.

Solganik, Dronyayeva 2002 — G. Ya. Solganik, T. S. Dronyayeva. Stilistika sovremennogo russkogo yazyka i kultura rechi. Moskva, 2002.

Suprun 1965a — A. Ye. Suprun. Slavyanskiye chislitelnyye. (Stanovleniye chislitelnykh kak osoboy chasti rechi). Diss. ... na soiskaniye uchenoy stepeni d. filol. nauk. Leningrad, 1965.

Suprun 1965b — A. Ye. Suprun. Slavyanskiye chislitelnyye. (Stanovleniye chislitelnykh kak osoboy chasti rechi). Avtoreferat diss.... na soiskaniye uchenoy stepeni d. filol. nauk. Leningrad, 1965.

Резюме

В статье исследуются современные тенденции согласования сказуемого в числе и роде с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием со словом большинство или счетным оборотом, в том числе счетным оборотом, включающим слово проценты, а также счетным оборотом со значением приблизитель-

ного количества (со словами *около*, *более*, *свыше* и др.). В результате статистического анализа данных НКРЯ за первое десятилетие XXI в. автор приходит к выводу о зависимости числа сказуемого прежде всего от значения определенности/неопределенности количества у подлежащего. В ходе анализа уточняется набор факторов, влияющих на выбор формы сказуемого, исследуется характер влияния каждого из условий контекста.

Ключевые слова: согласование сказуемого с подлежащим в русском языке, количественно-именные сочетания, корпусные методы в лингвистике.

YULIA M. KUVSHINSKAYA

PREDICATE AGREEMENT WITH THE QUANTIFIER PHRASE IN RUSSIAN (According to the data of the National Russian Corpus for the period of 2000—2010)

This paper deals with the recent tendency in predicate agreement with the quantifier phrases containing numerals and the words *procenty* 'per cent', *okolo* 'about', *svyshe* 'greater than', *bolee* 'more than', *bolshinstvo* 'most of', etc. The analysis, based on the data of the Russian National Corpus for the period of 2000-2010, shows that the choice of number in the predicate depends primarily on the definite/indefinite meaning of the subject. The study specifies the range of significant influences on the choice of the verb form, as well as the nature of each influence in various contexts.

Keywords: predicate agreement in Russian, quantifier expressions, corpus methods in linguistics.

Высшая школа экономики 129272, Москва, ул.Трифоновская, 57 Higher School of Economics, 57 Trifinovskaya, Moscow 129272, Russia

Статья поступила 26.01.2013

Received on 26.01.2013

А. А. ГОРБОВ

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПАРАДИГМЫ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО *ПРОДАЖА**

Наблюдения за узусом, сложившимся на рубеже XX и XXI веков в русском литературном языке практически во всех сферах его функционирования, показывают, что абстрактные существительные — политика, архитектура, озабоченность, интуиция, продажа, формализм, стратегия, риск, обеспокоенность, сервис, ориентация, ответственного числа в таких контекстах, где еще в 1970—1980-е гг. использовались исключительно либо формы единственного числа того же слова, либо словоформы другой лексемы. На эту тенденцию впервые, по-видимому, обратил внимание В. Г. Костомаров [Костомаров 1994: 189—190]. Ср. ниже несколько характерных примеров употребления таких существительных в текстах конца XX — начала XXI в. ([НКРЯ]; в скобках после каждого примера указан год создания текста):

- (1) Комментаторы, являющиеся специалистами в экономических проблемах, предъявляют стандартный набор «макроэкономических обеспокоенностей» мировые цены на нефть, курс рубля, золотовалютные резервы, инфляция и т. д. (2000 г.).
- (2) Мы движемся сразу по нескольким направлениям исследований, разрабатываем разные *архитектуры* квантовых процессоров и смотрим, какие из них будут наиболее эффективными (2007 г.).
- (3) Такая логика исключала возможность «управляемой трансформации» и в то же время открывала уникальные политические возможности для осуществления либерализации декларативного и решительного, хотя как бы и вынужденного, сокращения полномочий и ответственностей государства в лице его центрального аппарата (2003 г.).

Андрей Андреевич Горбов, Санкт-Петербургский государственный университет.

^{*} Работа выполнена при поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-575.2012.6.

- (4) Без научной базы, включая многоуровневое районирование РФ, региональная политика может остаться конгломератом различных других *политик*, частных и случайных мер (2009 г.).
- (5) Абоненты МТС уже оценили преимущества онлайн тарификации мобильного Интернета и разговоров в роуминге, дополнительных *сервисов*, которые помогают сократить расходы (2011 г.).

В словаре [Ушаков 1935—1940] все существительные, употребленные в приведенных примерах в формах мн. ч., снабжены пометой «мн. нет». Слова иноязычного происхождения архитектура, политика и сервис, представленные в словаре [Крысин 2010], имеют в нем ту же помету. При этом употребление указанных существительных в форме мн. ч. не вызывает ощущения какой-либо неправильности, отклонения от нормы или исключительности, связанной с особой экспрессивностью.

Следует отметить, что приведенные примеры не являются единичными исключениями: рост употребления форм мн. ч. абстрактных существительных приобретает, как представляется, массовый характер. Ср., например, следующие случаи употребления таких форм в лингвистических работах последних лет, вызывающие некоторые сомнения в соответствии общелитературной норме, однако достаточно красноречиво иллюстрирующие наметившуюся тенденцию (характерно, что авторами текстов являются молодые лингвисты в возрасте до 30 лет):

- (6) Все удачные модели опираются на адекватные их задачам формализации (Н. А. Слюсарь. Грамматика и актуальное членение предложения: исследование на материале русского и ряда других языков: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. С. 36).
- (7) Как отмечалось в разделе 4.1, данность и тест «вопрос-ответ» две главные *диагностики* ремы, лежащие в основе большинства определений (Там же, С. 91).
- (8) Была разработана следующая классификация *семантик* ситуации (Д. П. Кирьянов. Вид зависимого инфинитива при матричных предикатах позволения/запрещения в русском языке. Курсовая работа студента третьего курса. СПб., 2012. С. 17.).

Таким образом, представляется, что на рубеже XX—XXI вв. числовые парадигмы многих абстрактных существительных в русском языке развиваются от потенциальной к реальной полноте $^{\rm 1}$.

¹ Согласно академической «Русской грамматике», существительные singularia tantum, употребляющиеся, как правило, только в ед. ч., практически не имеют системных ограничений на образование форм множественного числа, в связи с чем указывается, что эти слова «могут быть определены как существительные с потенциально полной парадигмой (ед. и мн. ч.)» [РГ-80: 473]. Под реальной полнотой числовой парадигмы существительного в настоящей работе подразумевается узуальность его форм как единственного, так и множественного числа.

Ввиду совпадения времени начала (или резкой активизации) данного процесса и резкой интенсификации влияния английского языка на русский в области лексики, анализ причин и механизмов этого процесса в настоящей работе основывается на предположении о том, что это влияние и явилось катализатором изменений, затронувших категорию числа существительных. Влияние английского языка, как уже отмечалось, не ограничивается прямым заимствованием лексики: важную роль играет и калькирование, в особенности семантическое. Именно оно, как представляется, приводит к запуску процессов изменений в области грамматики.

Для проверки изложенных гипотез необходимо, во-первых, на основании количественных данных корпуса убедиться в том, что в конце XX в. — начале XXI в. действительно имел место резкий рост доли употреблений форм мн. ч. рассматриваемых абстрактных существительных, и, во-вторых, найти предположительные источники такого роста в английском языке. Обнаружение этих источников не может, безусловно, служить неопровержимым доказательством влияния, однако в свете всеобщего признания резкого роста влияния английского (а не какого-либо другого) языка на русский является косвенным подтверждением высказанного предположения.

Ниже с опорой на данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ] предпринимается попытка решить поставленные задачи на примере анализа развития числовой парадигмы существительного *продажа*.

В словаре [Ушаков 1935—1940] статья «ПРОДАЖА» содержит помету *«мн.* нет»; иными словами, это слово можно было бы вслед за авторами «Русской грамматики» назвать «существительным с потенциально полной парадигмой». Однако и в [НКРЯ], и в сети Интернет можно обнаружить большое количество примеров употребления данного слова в формах мн. ч. Употребление таких форм особенно характерно для текстов начала XXI в., ср. примеры (17)—(26) ниже.

Предположение об изменении статуса числовой парадигмы существительного *продажа* подтверждается количественными данными, полученными на материале [НКРЯ] и представленными в таблице 1.

Как можно видеть, доля употреблений форм мн. ч. данной лексемы значительно изменялась с течением времени. Из приведенных данных следует, что в первое десятилетие XX в. существительное *продажа* имело реально полную числовую парадигму, хотя доля употреблений форм мн. ч. была весьма низкой. Однако во втором десятилетии XX в. она обнаружила тенденцию к росту, и в период с 1916 по 1920 г. приблизилась уже к 4%. Формы мн. ч. употреблялись в текстах различных типов и сфер функционирования, ср. следующие примеры из основного корпуса [НКРЯ] (в скобках указаны год создания и характеристики текста по номенклатуре НКРЯ):

(9) Ободренная успехом утренних *продаж*, я ответила, что на комиссию книг не даю, а продаю на наличные (1911—1916 гг., сфера функционирования — публицистика, нехудожественная, тип текста — мемуары, стиль — нейтральный, размер аудитории — большая).

Таблица 1 Доля употреблений форм мн. ч. существительного продажа (по данным [НКРЯ] на 10 января 2013 г.)

		Годы создания текстов						
	1901—	1906—	1911—	1916—	1921—	1926—	1931—	1941—
	1905	1910	1915	1920	1925	1930	1940	1950
Всего вхождений	234	321	210	210	200	434	312	217
Всего форм мн. ч.	3	4	4	8	0	2	2	3
Доля форм мн. ч.	1,28%	1,25%	1,90%	3,81%	0%	0,46%	0,64%	1,38%

		Годы создания текстов						
	1951—	1971—	1981—	1991—	1996—	2001—	2006—	
	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010	
Всего вхождений	426	269	320	563	1338	6681	760	
Всего форм мн. ч.	2	2	3	6	216	2373	245	
Доля форм мн. ч.	0,47%	0,74%	0,94%	1,07%	16,14%	35,52%	32,24%	

Пояснения к табл. 1:

- 1. Периоды создания текстов подобраны таким образом, чтобы выполнялись следующие условия: 1) продолжительность периода кратна 5 годам и составляет не менее 5 лет; 2) продолжительность периода равна 5 годам, если общее количество вхождений за этот период составляет более двухсот; в противном случае выбирается минимальная кратная 5 годам продолжительность периода такая, что за этот период в корпусе имеется не менее 200 вхождений рассматриваемой лексемы.
- 2. Ввиду критической важности параметра общего количества вхождений для использования предложенного критерия оценки полноты числовой парадигмы в исследовании использовались примеры из текстов как со снятой, так и с неснятой грамматической омонимией. В последнем случае точное определение грамматической формы проводилось для каждого вхождения отдельно. При этом общее количество примеров, полученное суммированием чисел, приведенных в графе «Всего вхождений», превышает реальное число обработанных текстовых примеров за счет вхождений, зафиксированных в текстах с приблизительным указанием времени создания: например, при указании в [НКРЯ] времени создания текста в виде промежутка «1992—2004» примеры из такого текста попадают сразу в 3 столбца приведенной таблицы «1991—1995», «1996—2000» и «2001—2005». Таким образом, несмотря на исключенную омонимию форм, количественные данные, представленные в данной таблице, не являются абсолютно точными и могут использоваться лишь как ориентировочные.

- (10) Сбор с аукционных *продаж* движимого имущества, производимых при участии городских аукционистов (ст. 2, п. 21), взимается в размере не свыше двух процентов с вырученной при продаже суммы (1917 г., сфера функционирования официально-деловая, нехудожественная, тема текста политика и общественная жизнь, тип текста положение, стиль официальный, размер аудитории средняя).
- (11) Мои книги все-таки продавались в Москве, и «Задруга» мне выслала деньги по этим *продажам*, а отчасти, может быть, в кредит за отданное ей продолжение ІІІ-го тома «Истории современника» (1920 г., сфера функционирования бытовая, нехудожественная, тема текста частная жизнь, тип текста письмо личное, стиль нейтральный, размер аудитории личная, большая).

В 1920-е гг. доля употреблений форм мн. ч. существительного *продажа* по сравнению с предыдущим десятилетием сократилась, и данное слово фактически перешло в разряд singularia tantum. Примеры употребления форм мн. ч. в текстах 1921—1925 гг. полностью отсутствуют, однако в текстах, относящихся к последующим периодам — с середины 1920-х до начала 1990-х гг. — незначительная доля форм мн. ч. появляется вновь. При этом для текстов, созданных в период с 1941 по 1950 год, этот показатель даже несколько превышает 1%, что, казалось бы, может свидетельствовать о новом изменении статуса числовой парадигмы. Возникает вопрос о том, действительно ли такое изменение имеет место. В этой связи особого внимания заслуживают именно случаи употребления мн. ч. рассматриваемой лексемы в текстах, созданных в промежуток времени с середины 1920-х до начала 1990-х гг.

В текстах, созданных за период с 1926 по 1990 год, в основном корпусе НКРЯ зафиксировано всего 12 вхождений форм мн. ч. рассматриваемого существительного². При этом оказывается, что 6 из 12 вхождений форм мн. ч. зафиксированы в текстах, авторы которых — Н. К. Рерих, Н. В. Устрялов, Г. И. Газданов, Г. С. Эфрон, А. А. Игнатьев, О. К. Чехова — после революции 1917 г. долгое время жили за границей, в иноязычной языковой среде. К этой категории относятся, в частности, и 3 примера употребления форм мн. ч. существительного *продажа* в текстах, созданных в период с 1941 по 1950 г., — 1 вхождение в тексте мемуаров графа А. А. Игнатьева

² Сумма чисел, показанных в графе «Всего форм мн. ч.» табл. 1 по всем временным интервалам с 1926 по 1990 г., равна 14. Как было отмечено выше (см. пояснение 2 к табл. 1), общее количество примеров, полученное суммированием чисел, приведенных в строке таблицы, может превышать реальное число обработанных текстовых примеров за счет вхождений, зафиксированных в текстах с приблизительным указанием времени создания, поскольку один и тот же текст попадает сразу в несколько временных интервалов. При укрупнении временных интервалов такие «повторные» вхождения исключаются.

(постоянно проживал за границей с 1912 по 1937 г.) и 2 вхождения в дневниках Г. С. Эфрона (родился, вырос и большую часть жизни провел за границей).

Кроме того, в таких текстах речь идет чаще всего — в 4 из 6 случаев — об особенностях жизни за границей, ср.:

- (12) Любят французы посудиться, и судебные тяжбы, как большие, так и малые, еще с королевских времен вошли в быт жителей этой страны не только при их жизни, но и после смерти. [...] А уж при *продажах* и покупках всегда можно или рисковать попасть под суд, или быть вынужденным к нему обратиться (автор А. А. Игнатьев, время создания текста 1947—1953 гг.).
- (13) Сегодня на повестке дня большое обсуждение перестройки и расширения наших помещений на Тенг-штрассе. В офисе я здороваюсь с моим компаньоном, директором по *продажам* и секретаршей по производству (автор О. К. Чехова, время создания текста 1973 г.).

Последний пример интересен употреблением как коллокации директор по продажам (в 1950-е—1980-е гг. соответствующая должность на советских предприятиях обычно называлась «начальник отдела сбыта»), так и экзотизма (на тот период времени) офис, не зафиксированного ни в одном нормативном словаре русского литературного языка, изданном в советский период, — единиц, сегодня прочно вошедших в русский язык.

В двух из 12 вхождений формы мн. ч. существительного *продажа* употреблено в составе композитов (широко употребительного *выставки-продажи* и окказионального, созданного по образцу первого, — *паркинги-продажи*), обозначающих место ведения торговли, ср.:

(14) Всё, что мы видели по бокам дороги, казалось нам картинками из американских кинофильмов: большие бензозаправочные станции, многочисленные мотели, паркинги-продажи автомобилей, рестораны МакДональдс, гостиницы Ховарда Джонсона, силосные башни ферм вдали (время создания текста — 1984—2001 гг.).

Вопрос о том, можно ли считать такой композит или его второй компонент манифестацией лексемы *продажа*, является спорным, так как в автономном употреблении слово *продажа* не может обозначать 'место ведения торговли'; множественное число второго компонента композита вызвано в данном случае только согласованием с первым компонентом. В отношении приведенного примера следует также заметить, что текст не имеет точной датировки, и его фрагмент, содержащий рассматриваемую форму, мог быть написан не в середине 1980-х гг., а уже в 1990-е гг. или даже в начале XXI в. Текст же, в котором зафиксировано вхождение композита *выставка-продажа* в форме мн. ч., имеет точную датировку: он создан в 1989 г., т. е. в самом конце рассматриваемого периода.

В трех из 12 примеров имеет место употребление формы множественного числа в экспрессивном неодобрительном значении в ряду аналогичных форм других существительных, например:

(15) Закон ограничивал поголовье скота в личной собственности крестьян, и в те годы в наших краях расцветал таинственный пустоцвет фиктивных дарений, *продаж*, покупок (1966 г., сфера функционирования — художественная; жанр художественной литературы — нежанровая проза; тип текста — повесть).

Употребление форм множественного числа в таком экспрессивном значении весьма характерно для существительных любых лексикограмматических разрядов (ср. хрестоматийное шолоховское *«молоки распивать»*³), а в приведенных примерах дополнительным катализатором выбора именно такой формы служит контекст других существительных, употребленных во множественном числе в том же ряду.

Таким образом, помета «мн. нет» в статье словаря [Ушаков 1935—1940], если ее понимать в смысле неузуальности употребления форм мн. ч. существительного продажа (за исключением неодобрительного экспрессивного значения) в русском литературном языке рассмотренного периода (середина 1920-х — конец 1980-х годов) представляется с точки зрения нормативной идеологии данного словаря абсолютно правомерной. В этот период парадигма существительного продажа была потенциально полной (реально дефектной).

Лишь один из 12 примеров может рассматриваться как «предвестник» скачка в развитии числовой парадигмы, произошедшего в 1990-е гг.:

(16) Годовые *продажи* продукции более чем вдвое превышают первоначальные инвестиции в сооружение предприятия (1988 г., сфера функционирования — учебно-научная, нехудожественная; тема — наука и технологии, бизнес, коммерция, экономика, финансы; тип текста — очерк; стиль — нейтральный, размер аудитории — очень большая).

В приведенном примере форма мн. ч. употреблена в том же (не зафиксированном словарями [Ушаков 1935—1940] и [МАС]) значении, что и в примерах (18) и (19), анализ которых см. ниже.

Как следует из данных табл. I, начиная с 1990-х гг. имеет место резкий рост доли употреблений форм мн. ч. рассматриваемого существительного

³ Реплика героя «Тихого Дона»: «Спасибо, мамаша, времени нету **молоки** распивать» — приводится в одном из основных учебников по современному русскому языку для филологических специальностей вузов в качестве примера, иллюстрирующего способность существительных, обозначающих «предметы, чуждые идее счета», образовывать формы множественного числа для создания стилистического эффекта, см. [Белошапкова 1997: 477].

продажа. К середине 2000-х гг. она превысила 30%. Немаловажно также, что этот рост имеет место на фоне значительного увеличения общего количества употреблений данной лексемы, что, по-видимому, отражает актуализацию значения, передаваемого ею в рыночной экономике, основанной на свободном предпринимательстве.

Естественно предположить, что как общий рост частотности существительного *продажа*, так и увеличение числа вхождений словоформ мн. ч. этой лексемы имеет место в первую очередь именно за счет употребления в текстах, относящихся к тематической группе «бизнес, коммерция, экономика, финансы». Такое предположение обусловлено резким ростом количества текстов данной тематики в связи с экономическими преобразованиями 1990-х гг.

Действительно, в ряду других лексем, характерных для текстов тематики «бизнес, коммерция, экономика, финансы», существительное *продажа* на рубеже XX—XXI веков является одним из «ключевых слов эпохи», т. е. «слов, обозначающих явления и понятия, находящиеся в центре социального внимания» [Земская 1996: 92].

Таблица 2 [НКРЯ]: существительное продажа в документах тематической группы «бизнес, коммерция, экономика, финансы» (по данным на 10 января 2013 г.)

		Годы создания текстов						
	1901—	1906—	1911—	1916—	1921—	1926—	1931—	1941—
	1905	1910	1915	1920	1925	1930	1940	1950
Всего документов	401	1239	867	2	12	139	21	7
по тематике	401	1239	807	2	1,2	139	21	/
Документов, по								
тематике, содер-	36	83	67	0	3	31	0	0
жащих лексему								
Всего вхождений								
лексемы в доку-	45	107	93	0	6	43	0	0
ментах по тема-	43	107	73	U	O	73		U
тике								
Доля вхождений								
лексемы в доку-								
ментах по тема-	19,23%	33,33%	44,29%	0	3,00%	9,91%	0	0
тике от общего								
числа вхождений								
Кол-во форм								
мн. ч. в докумен-	0	3	0	0	0	1	0	0
тах по тематике								
Доля форм мн. ч.								
в документах по	0	75,00%	0	0	0	50,00%	0	0
тематике от общего	U	/3,00%		U				U
числа форм мн .ч.								

	Годы создания текстов						
	1051	10=1				2001	2006
	1951—	1971—	1981—	1991—	1996—	2001—	2006—
	1970	1980	1990	1995	2000	2005	2010
Всего документов по тематике	54	4	40	80	633	3167	448
Документов, по те- матике, содер- жащих лексему	4	0	12	26	169	905	153
Всего вхождений лексемы в документах по тематике	9	0	17	59	370	2542	483
Доля вхождений лексемы в документах по тематике от общего числа вхождений	2,11%	0	5,31%	10,47%	27,65%	38,04%	63,55%
Кол-во форм мн. ч. в документах по тематике	0	0	1	4	135	1138	193
Доля форм мн. ч. в документах по те- матике от общего числа форм мн. ч.	0	0	33,33%	66,67%	62,50%	47,96%	78,78%

Пояснения к табл. 2:

- 1. Интервалы времени создания текстов соответствуют данным табл. 1.
- 2. Значение «Доля вхождений лексемы в документах по тематике от общего числа вхождений» представляет собой процентное отношение числа вхождений рассматриваемой лексемы в документах по тематике за соответствующий временной интервал (строка «Всего вхождений лексемы в документах по тематике» данной таблицы) к числу вхождений лексемы во всех документах за тот же период (табл. 1, строка «Всего вхождений»).
- 3. Значение «Доля форм мн. ч. лексемы в документах по тематике от общего числа форм мн. ч», указанное в последней строке таблицы, представляет собой процентное отношение общего числа вхождений форм мн. ч. в документах тематики «бизнес, коммерция, экономика, финансы» (строка «Кол-во форм мн. ч. лексемы в документах по тематике») к числу вхождений форм мн. ч. (табл. 1, строка «Всего форм мн. ч.») за тот же период времени.

Из приведенной таблицы видно, что доля употреблений лексемы *продажа* в текстах тематической группы «бизнес, коммерция, экономика, финансы» от общего количества употреблений этой лексемы на протяжении XX в. существенно менялась. Эта доля значительна в текстах, созданных до Октябрьской революции и в постсоветский период; в текстах советского периода этот показатель колеблется от нуля в непосредственно послереволюционный период и с 1931 по 1950 годы до 9,91% в период НЭПа (середина — конец 1920-х гг.). Направление изменения в принципе повторяет

направление изменения количества представленных в [НКРЯ] текстов «финансово-экономической» тематики — резкое общее падение в советский период и столь же резкий общий рост в 1990-е гг. при некотором росте в период НЭПа и (слабее) в 1960-е гг. Доля употреблений форм мн. ч. рассматриваемой лексемы в текстах данной тематики, созданных с 1991 по 2010 г., как и следовало ожидать, значительно превышает аналогичный показатель, общий для текстов всех тематических групп: 66,67% против 1,07% в текстах 1991—1995 гг., 62,5% против 16,14% в текстах 1996—2000 гг., 47,96% против 35,52% в текстах 2001—2005 гг. и 78,78% против 32,24% в текстах 2006—2010 гг. Это превышение особенно значительно в текстах, созданных в 1990-е гг., с последующим сокращением разрыва, что свидетельствует о выходе форм мн. ч. рассматриваемой лексемы за пределы специальной сферы употребления и их полном вхождении в начале XXI в. в общелитературный узус. Ср. следующие примеры употребления таких форм в текстах различных тематических групп (все примеры из НКРЯ):

- (17) В Минфине, однако, утверждают, что начало *продаж* ипотечных бумаг никак не связано с этим (2011 г., сфера функционирования публицистика, нехудожественная; тематика бизнес, коммерция, экономика, финансы; стиль нейтральный, размер аудитории большая).
- (18) Господин Ивая, который верил отнюдь не в духов, а в хороший урожай и высокие *продажи* своего табака, воспринял затею сына иронично, но отказать ему не сумел (2008 г., сфера функционирования художественная; жанр нежанровая проза; тип текста роман, стиль нейтральный, размер аудитории большая).
- (19) Но это никак не повлияло на *продажи*, в 1930 году 40 процентов всего продаваемого в США сыра было обработанным, или, говоря по-нашему, плавленым (2009 г., сфера функционирования публицистика, нехудожественная; тематика производство, легкая и пищевая промышленность; стиль нейтральный, размер аудитории большая).
- (20) Были проведены переговоры с представителями ООО «Союзавто Современные Технологии Строительства», которые затрагивали вопросы совместной разработки стратегии *продаж* в Северо-Западном регионе России (2003 г., сфера функционирования публицистика, нехудожественная; тематика наука и технологии, производство, горнодобывающая промышленность; стиль нейтральный, размер аудитории средняя).
- (21) [...] офисный служащий: менеджер по *продажам*, закупкам, логистике, экспорту, импорту, маркетингу, рекрутингу и ещё чёрт знает чему вот кто вершит судьбы мира, олицетворяет целесообразность и претворяет в жизнь все законы экономики (2008 г., сфера функционирования художественная; жанр фантастика; тип текста рассказ; стиль нейтральный, размер аудитории большая).

(22) Наш отдел *продаж* — уполномоченная структура по ведению отношений с гражданами в едином формате по условиям, которые заданы Жилсоцинфондом (2004 г., публицистика, нехудожественная; тематика — строительство и архитектура; тип текста — интервью; стиль нейтральный, размер аудитории — средняя).

В приведенных примерах следует обратить внимание на следующую особенность употребления словоформ мн. ч. существительного *продажа*: не все контексты допускают замену формы мн. ч. формой ед. ч. Такая замена, как представляется, возможна лишь в примере (17), где реализуется первое (по словарям [Ушаков 1935—40] и [MAC]) значение существительного *продажа* — «действие по глаг. продать—продавать» и при рассматриваемом отглагольном существительном присутствует актант, заполняющий валентность пациенса действия. В примерах (20), (21) и (22), где такой актант отсутствует, реализуется не фиксируемое в словарях значение 'сбыт продукции как направление коммерческой деятельности', и замена форм мн. ч. формой ед. ч. (например, в коллокациях *отдел продажа*, *менеджер по продажам*), абсолютно невозможна. Однако наличие пациентивного дополнения при существительном *продажа* в указанном значении делает употребление формы ед. ч. возможным наравне с формой мн. ч., ср. следующие примеры из НКРЯ:

- (23) ... начальник *отдела продажи* банковских продуктов банка «Возрождение»... (2003 г.).
- (24) ... руководитель *отдела продаж* инструментальных средств CSBI Михаил Крутиков. (2004 г.).
- (25) Главный менеджер по продаже медицинского оборудования фирмы... (2010 г.).
- (26) ... менеджер по продажам машин из Москвы с доходом \$800 (2007 г.).

Употребление формы ед. ч. вместо формы мн. ч. также затруднительно в контекстах примеров (16), (18) и (19), где реализуется еще одно не зафиксированное в словарях значение — 'количество проданных товаров, объем товарооборота', полученное посредством метонимического переноса от второго приведенного в словарях [Ушаков 1935—1940] и [МАС] значения — «торговля, товарооборот». Заполнение пациентивной валентности в таких случаях возможно (см. примеры (16) и (18)), однако даже при наличии пациентивного дополнения употребление формы мн. ч. отглагольного существительного остается предпочтительным, если не единственно возможным.

Таким образом, формы мн. ч. существительного *продажа* имеют следующие особенности: (1) в отличие от форм ед. ч., могут употребляться без пациентивного дополнения; (2) во многих случаях (хотя и не всегда) реализуют значения, не зафиксированные в нормативных словарях, однако ставшие в постсоветский период особенно актуальными, а именно — 'сбыт

продукции как направление коммерческой деятельности' и 'количество проданных товаров, объем товарооборота'. Употребление форм ед. ч. вместо мн. ч. возможно лишь в первом из этих значений и только при наличии у слова продажа пациентивного дополнения. В некоторых контекстах формы мн. ч. существительного продажа вытесняют употреблявшееся ранее существительное сбыт, что прежде всего характерно для коллокаций типа объем продаж / объем сбыта, отдел продаж / отдел сбыта, менеджер по продажам / специалист по сбыту и связано, по-видимому, с наличием у глагола сбыть, от которого образовано существительное сбыт, отрицательно коннотированного значения «устроить, пристроить куда-л., стараясь избавиться, отделаться от кого-л., чего-л.» [МАС].

Поскольку, как было отмечено выше, тексты экономической тематики в высокой степени подвержены влиянию английского языка, это влияние следует рассматривать в качестве возможного катализатора резкого изменения в развитии числовой парадигмы данного существительного *продажа*.

При анализе коллокаций, в которых лексема *продажа* употребляется в формах мн. ч., обращает на себя внимание тот факт, что они являются точными переводными эквивалентами английских коллокаций, в которых необходимо употребление формы множественного числа *sales* при невозможности формы ед. ч. *sale: отдел продаж,* ср. (22) = sales *department* (*sale department), менеджер по продажам, ср. (21) = sales manager (*sale manager), стрателия продаж, ср. (20) = sales strategy (*sale strategy), повлиять на продажи, ср. (19) = affect sales (*affect sale), высокие продажи, ср. (18) = high sales. Ниже приводятся примеры таких коллокаций из корпуса [СОСА] (поиск в корпусе соответствующих сочетаний с формой ед. ч. *sale*, как и следовало ожидать, результатов не дал):

- (27) Park married another defector and they had a son. His sister works in the *sales department*, and his brother has a delivery job for a company that makes bags and wallets.
- (28) In August, Bryan finally found a job as a *sales manager* of a new Verizon store in Lewistown.
- (29) They did no market research, had no high-level sales strategy.
- (30) People are having second thoughts about buying. You can't say it won't *affect sales*.
- (31) Ruete also wanted her Memoirs to score *high sales* to save her money for raising her children.

Примечательно также, что отмеченные выше незафиксированные в русских толковых словарях значения форм мн. ч. существительного *продажа* — 'сбыт продукции как направление коммерческой деятельности' и 'количество проданных товаров, объем товарооборота' — полностью соответствуют двум лексическим значениям, реализуемым в английском языке, согласно словарю [Oxford], только формами мн. ч.: "(sales): a quantity or amount sold" ('количество или объем проданного товара') и "(sales):

the activity or business of selling products" ('деятельность или предприятие по сбыту продукции').

* * *

Проведенный анализ показывает, что в развитии числовой парадигмы существительного продажа на протяжении всего ХХ в. и первого десятилетия XXI в. выделяются три основных периода, которые коррелируют с периодами в общественно-экономическом развитии страны. Первый период — приблизительно до середины 1920-х гг. — характеризуется наличием у данного существительного полной парадигмы переходного типа: формы мн. ч. употреблялись в текстах разных сфер функционирования и типов, однако доля этих форм была незначительной и составляла от 1 до 4%. Во второй период — с середины 1920-х до начала 1990-х гг. — этот показатель приближается к нулю, числовая парадигма утрачивает реальную полноту и рассматриваемая лексема перемещается в разряд «singularia tantum». В продолжение нескольких десятилетий формы мн. ч. употребляются практически только авторами, долгое время проживавшими вне России и/или в текстах, содержащих описания иностранных реалий. Начало третьего периода, который продолжается по настоящее время, ознаменовалось не только возвращением форм мн. ч. в узус, но и резким увеличением в 1990-е гг. доли их употребления до величин, позволяющих говорить о наличии у рассматриваемого существительного реально полной числовой парадигмы без каких-либо ограничений.

В текстах, созданных в первое десятилетие XXI века, на формы мн. ч. лексемы *продажа* приходится, по данным [НКРЯ], около 30% от общего числа ее употреблений, что значительно превышает аналогичный показатель для некоторых счетных предметных существительных (например, *стол*), полнота числовой парадигмы которых не подлежит сомнению.

Как показал анализ имеющегося материала, основным источником притока форм множественного числа рассмотренной в настоящей работе лексемы послужили тексты тематической группы «бизнес, коммерция, экономика и финансы», особенно подверженные влиянию со стороны английского языка. При этом обращают на себя внимание следующие факты: (1) формы множественного числа существительного продажа употребляются в коллокациях, являющихся прямыми переводными эквивалентами английских устойчивых словосочетаний; (2) существительное sale, являющееся переводным эквивалентом русской лексемы продажа, имеет в английском языке полную числовую парадигму; (3) только формы множественного числа существительного продажа способны помимо прочих значений выражать не зафиксированные в русских толковых словарях значения 'сбыт продукции как направление коммерческой деятельности' и 'количество проданных товаров, объем товарооборота', реализуемые в английском языке только формой мн. ч. sales и зафиксированные в словарях английского языка.

Таким образом, тот факт, что механизм семантического калькирования сыграл существенную, если не решающую роль в изменении статуса числовой парадигмы существительного *продажа*, можно считать доказанным.

Проведенный анализ, как представляется, достаточно наглядно иллюстрирует интуитивно ощущаемую тенденцию к реальному восполнению ранее лишь потенциально полных (реально дефектных) числовых парадигм абстрактных существительных в русском языке. Однако любые серьезные обобщения о наличии и причинах какой-либо тенденции развития грамматической системы языка на основании анализа лишь одной лексемы были бы преждевременными и безответственными. Для подтверждения имеющейся гипотезы, безусловно, необходим подробный анализ факторов, лежащих в основе изменения (при его наличии) числовых парадигм других высокочастотных абстрактных существительных, характерных для текстов тематических групп, подверженных контактным влияниям со стороны английского языка, — «бизнес, коммерция, экономика, финансы», «политика и общественная жизнь», «наука и технологии» и многих других.

Литература

Белошапкова 1997 — Современный русский язык: Учебник для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В. А. Белошапковой. М, 1997.

Земская 1996 — Е. А. З е м с к а я. Активные процессы современного словопроизводства. // Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996. С. 90—141.

Костомаров 1994 — В. Г. Костомаров. Языковой вкус эпохи. М., 1994.

Крысин 2010 — Л. П. К р ы с и н. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2010.

МАС — Словарь русского языка. Т. 1—4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1985.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/.

РГ-80 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. І.

Ушаков 1935—1940 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.

COCA — The Corpus of Contemporary American English. http://corpus.byu.edu/coca/. Oxford — Oxford dictionaries: http://oxforddictionaries.com/.

References

Beloshapkova 1997 — Sovremennyy russkiy yazyk: Uchebnik dlya filol. spec. vysshikh uchebnykh zavedeniy / Pod red. V. A. Beloshapkovoy. Moskva, 1997.

COCA — The Corpus of Contemporary American English. http://corpus.byu.edu/coca/. Kostomarov 1994 — V. G. Kostomarov. Yazykovoy vkus epokhi. Moskva, 1994. Krysin 2010 — L. P. Krysin. Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov. Moskva, 2010.

MAS — Slovar russkogo yazyka. T. 1—4 / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Moskva, 1985.

NKRYa — Nationalnyy korpus russkogo yazyka: http://www.ruscorpora.ru/.

Oxford — Oxford dictionaries: http://oxforddictionaries.com/.

RG-80 — Russkaya grammatika / Pod red. N. Yu. Shvedovoy. Moskva, 1980. T. I.

Ushakov 1935—1940 — Tolkovyy slovar russkogo yazyka / Pod red. D. N. Ushakova, T. 1—4. Moskva, 1935—1940.

Zemskaya 1996 — Ye. A. Zemskaya. Aktivnyye processy sovremennogo slovoproizvodstva. // Russkiy yazyk konca XX stoletiya (1985—1995) / Otv. red. Ye. A. Zemskaya. Moskva, 1996. S. 90—141.

Резюме

В статье рассматривается эволюция числовой парадигмы существительного *продажа*, имеющего в словаре под ред. Д. Н. Ушакова (М., 1935–1940) помету *«мн.* нет». Проведенный анализ подтверждает гипотезу о радикальном изменении тенденции развития числовых парадигм русских абстрактных существительных в последнем десятилетии XX века. Обсуждается гипотеза о влиянии английского языка как факторе, лежащем в основе этого изменения.

Являясь одним из «ключевых слов эпохи», существительное *продажа* представляется примером, наглядно иллюстрирующим имеющую место в современном русском языке общую тенденцию к восполнению ранее дефектных числовых парадигм.

Ключевые слова: отвлеченные существительные в русском языке, числовая парадигма, влияние английского языка.

ANDREY A. GORBOV

ON THE EVOLUTION OF THE PARADIGM OF THE NOUN ПРОДАЖА

This paper offers a case study of the noun $npo\partial a \pi a$ 'sale' (labeled no plural in Ushakov 1935–40), which confirms that the last decade of the twentieth century saw a crucial change in the development of Russian abstract noun number paradigms. The influence of English as a factor underlying this change is discussed. Being one of the "key words of the era", the noun $npo\partial a \pi a$ seems to represent a more general trend toward the replenishment of former singularia tantum number paradigms in modern Russian.

Keywords: Russian abstract nouns, number paradigm, influence of English.

Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Санкт-Петербург г., Университетская набережная, 11

Saint Petersburg State University, 11 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia

Статья поступила 15.03.2013

Received on 15.03.2013

Е. В. БЕШЕНКОВА

ПОЛИТИКА ОРФОГРАФИСТОВ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПИСЬМО

Работа нормализаторов в любой области языка определяется общими установками, на которые опирается лингвист при принятии того или иного спорного решения. Впервые для русской орфографии эти установки были в явном виде сформулированы Я. К. Гротом. Если кратко суммировать эти установки, то мы получим некоторую цельную систему взглядов на кодификацию письма, которую можно назвать позицией «здравого смысла». Однако эта позиция не была воспринята обществом в полной мере: в Академии готовилась реформа письма. В начале века эти реформы были осуществлены. В последующие десятилетия выходили словари и учебники, соответствующие проведенной реформе, но лишь в 1956 г. были утверждены общеобязательные правила. Наступил период, который теперь часто называют периодом «орфографической диктатуры», сменившийся, в свою очередь, современным более «либеральным» отношением к кодификации. Цель данной статьи — рассмотреть результаты воздействия на письмо разных подходов к определению норм и оценить позицию сегодняшних нормализаторов с этой точки зрения.

Позиция Я. К. Грота складывается из следующих положений:

1. Письмо изменяется. Письмо изменяется не по теории, а под воздействием множества факторов, иногда разнонаправленных.

«Правописание, как и всякое другое проявление умственной жизни, не остается неподвижным: оно развивается постоянно, но не по какой-либо заранее определенной теории, а под влиянием множества одновременно и последовательно действующих обстоятельств, пока наконец надолго остановится обычай, обращающийся в закон, так что вместо usus norma loquendi можно сказать и так: usus norma scribendi» [Грот 2010: 163—164]¹.

2. Тем не менее изменение письма можно и должно направлять, корректировать. Особенно требуется вмешательство, когда появляется два способа написания одного и того же слова.

Елена Виленовна Бешенкова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 166—180.

¹ Орфография изменена в соответствии с современными нормами.

«Тем не менее наука должна стремиться к уяснению оснований, по которым слова пишутся так или иначе, направлять и исправлять обычай, бороться с его произволом и вводить в письмо закон и единство, соглашая, насколько это возможно, противоречащие друг другу начала. Это особенно нужно, когда вследствие частных нарушений давнего обычая мало-помалу заведутся в некоторых случаях двоякие начертания. <... Разнообразие в письме потому предосудительно, что признаваемое одним за правильное, другому кажется ошибочным <... Язык есть достояние целого народа, одно для всех, и нет причин <... допускать разногласия в решении вопросов, на которые ответ должно искать в одних и тех же законах» [Там же: 166].

Говоря о недопустимости выбирать один из фонетических или грамматических бытующих вариантов, напр.: *кувырнуть* или *кувыркнуть*, *занавес* или *занавесь*, *заматерелый* или *заматорелый*, Грот пишет:

«Это, однако ж, не значит, что мы принимаем два способа *писать* слово, это только значит, что мы не переделываем языка, а допускаем и на письме обе существующие в нем формы, потому что не считаем себя вправе признавать во всех случаях только одну из них» [Там же: 354—355].

3. Грот считал идеалом единообразное написание.

«Слово должно иметь на письме такую же определенную, всеми признанную форму и всеми тотчас узнаваемую, какую оно имеет в живом языке: тогда только письменный образ слова вызывает непосредственно, без пособия звуковой его формы, заключающееся в нем понятие: вот почему важно единообразное написание» [Там же: 353].

4. Изменения следует проводить постепенно, не меняя основ письма.

«Но и её (науки о слове) двигатели могут улучшать правописание только тогда, когда в общем его характере соображаются с обычаем, довольствуясь постепенными и не слишком крутыми преобразованиями» [Там же: 164].

5. Успешность работы устроителей письма зависит от авторитетности науки. Приводя слова Дидро, составителя первого французского академического словаря, о наличии разнонаписаний при нетвердо установившемся написании, Грот пишет:

«При авторитете, который впоследствии приобрела во Франции принятая академическим словарем орфография, это замечание утратило там свою силу, но у нас, при отсутствии такого внешнего критериума, оно навсегда сохранит свою неоспоримую справедливость» [Там же: 166—167].

6. Однако избежать колебаний в написании принципиально невозможно.

«Но достигнуть полного единообразия, совершенного согласия орфографии всех пишущих никогда не удастся: письмо, как и самый язык, живет, развивается, имеет свою историю, и некоторое в нем колебание во всякий момент этой истории будет неизбежно» [Там же: 353—354].

7. К ошибкам и «разнонаписаниям» надо подходить без «педантизма». В первую очередь это относится к школе. Ошибки в школе надо делить на грубые и негрубые, объяснимые с языковой точки зрения.

«Поэтому и не стоит слишком смущаться кое-какими орфографическими разноречиями и относиться педантически ко всякому отступлению от того или другого признаваемого лучшим правописания. (...) Можно ли, например, ставить ученику в ошибку, когда он напишет жолтый вм. желтый или козак вм. казак» [Там же: 354].

Современники приняли далеко не все основополагающие положения Грота, как и не все конкретные рекомендации. Письмо оставалось в значительной степени вариативным. Реформы начала века сняли некоторый круг проблем, порождавших вариативность, но далеко не все. После утверждения общеобязательных правил в 1956 г., после выхода единого орфографического словаря, нормы которого также были обязательны для всех, включая составителей толковых, переводных и других словарей, орфографисты долгие годы проводили политику безвариативной нормы письма, постепенно унифицируя варианты, выравнивая написания не только слов, но и морфем, расширяя объем кодифицированного материала. В результате письмо стало менее вариативным, однако оставались области, в которых вариативное письмо сохранялось, причем не только в текстах, но и в словарях. Неизбежность существования вариантов обусловлена не только изменением языка и изменением письма, о чем писал Грот, но и внутренними дихотомиями и языка, и письма, которые во многом и объясняют разногласия и среди пишущих и даже среди кодификаторов.

И в начале социального сдвига конца XX века политика орфографистов все еще была направлена на закрепление системности. Это касалось и попыток ввести новые написания для целых классов слов, орфографических явлений и точечных изменений. Однако обществом не были приняты попытки ввести системные упорядочивания, предложенные в «Своде правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект» (М., 2000). Многие точечные изменения, проведенные в словаре, также принимаются с трудом. Так, слово зарянка с 1974, а слова разыскник, разыскной, геологоразведочный с 1991 г. введены в таком написании в ОС, т. е. уже более 20 лет назад осуществлена идея орфографистов убрать исключения из исключений, но до сих пор новые написания не прижились. Пришлось отказаться и от соответствующего правилу и довольно частотного написания *чаечий (производное от чайка, чаек) вместо зафиксированного в БЭС написания чаячий, которое, впрочем, закреплено в географических названиях (Чаячий остров). Введенные в 1991 г. в академический «Русский орфографический словарь» (РОС) мелочовка, плащовка, деланый, кремлинолог хоть и не вызывают бурных дискуссий, но трудно входят в жизнь. О сложностях перекодификации писал и Грот: «...ничего нет труднее, как удачно заменить нововведениями общепринятые начертания, да и как распространить поправки между тысячами людей, для которых старая привычка обратилась уже во вторую природу?» [Там же: 165].

Конец XX века поставил перед кодификаторами задачу не столько перекодифицировать имеющиеся написания, выравнивая систему, сколько кодифицировать новые слова, стараясь сохранить систему. Появились разные орфографические словари с различающимися рекомендациями написания новых слов. Это вполне объяснимо при том количестве заимствований, которые хлынули в язык. Авторы словарей стали фиксировать больше слов в вариативном написании. Это касается не только узкоспециальных словарей, но и нормативных словарей (см. напр., в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина 1998 г. чисто орфографические варианты: биллон — билон, бэдленд — бедленд, бэнди — бенди, гарига — гаррига, гуаява — гуайява...) [Крысин 1998]. Безвариативной нормы придерживался академический «Русский орфографический словарь». Однако при кодификации новых слов, только входящих в язык, еще колеблющихся и в написании и в грамматическом оформлении, обрастающих производными, авторы вынуждены были искать компромисс между системностью и отражением узуса. Ведь каждое новое слово в словаре, допускающее разное орфографическое оформление, — это капля на ту или иную чашу весов, определяющих степень системности письма. В поисках компромисса авторы то шли за узусом и закрепляли наиболее частотный вариант, даже если он противоречит правилу, то настаивали на соблюдении того или иного орфографического принципа, хотя на первый взгляд их логика может показаться непонятной.

Продемонстрируем этот тезис на примере слов с удвоенными / одиночными согласными в словах, которые восходят к словам с позиционно удвоенными согласными буквами в языке-источнике. Написание заимствованных слов не определяется какими-либо строгими правилами, однако и в этой области письма действует основной морфологический принцип, который требует единообразного написания морфем. Часто считают, что в иноязычных словах выделение морфем затруднительно и поэтому соблюдать этот принцип необязательно, но примеров разнонаписания иноязычных морфем не так много и в течение предыдущих десятилетий эти разнонаписания постепенно выявлялись и унифицировались. В узусе заимствования последнего времени характеризуются первоначальным сохранением удвоенных согласных, это справедливо и для слов с позиционным удвоением в языке-источнике. Однако по мере усвоения слова и появления словообразовательных производных увеличивается доля написания с одиночной согласной. Например, первоначально слово блогинг писалось преимущественно с двумя гг, сейчас написания равночастотны, но в производном блогосфера абсолютно преобладает написание с одной согласной г (аналогично для слов шопинг — равночастотны п и пп, телешопинг — больше п, шопингомания — почти только n), слово cnen(n-) чекер сегодня по данным Яндекса пишется в 10 раз чаще с одной буквой л, хотя в РОСе рекомендуется две буквы л; баннер при вариативном банерсброкер и баннерсброкер в узусе. В результате слова с позиционными буквенным удвоениями в языке-источнике в русском языке иногда пополняют список слов с разным написанием одной и той же морфемы (селинг при селлер, сплиттер — сплитсистема, сплит, роллер — ролики, контроллинг, контроллер — контроль, контролёр, тревеллинг — тревел-чек, спот — споттинг). Это, конечно, не укрепляет систему орфографии. Учитывая это, авторы словаря в некоторых случаях идут против узуса и рекомендуют написание с одной согласной. Однако доля таких слов незначительна. Так, последнее издание РОС включает 46 слов на инг, которые в языке-источнике имеют удвоенную согласную, среди них только для 11 слов предлагается написание с одной согласной (2 старых слова: слябинг, фитинг— и 9 слов введены после 1991 г.: блогинг (как и блог, блогер), канцелинг, пресс-клипинг, свопинг, спаминг (как и спамер, спамить), селинг (хотя бестселлер), трекинг, шипинг, шопинг (как и шоп, шопингомания), соответственно — 35 слов с удвоенной согласной (напр. баггинг, джиббинг, джоггинг, спеллинг (как и спеллер, спелл-чекер). Также дается около 60 слов на -ер с позиционно удвоенной согласной в языке-источнике, из них только 9 с одной согласной (аутригер, бутлегер, дебагер, клабер, мобер, форматер, сканер), а 51 - c удвоенной (напр. баннер, бебиситтер, бестселлер (хотя селинг), плоттер, роллер, стоппер). Таким образом, в данной области письма можно констатировать преобладание несистемного подхода к кодифицированию нормы.

Может быть, тезис Грота о необходимости, целесообразности сохранять и охранять системность русского письма устарел? Может быть, наше будущее в письме без правил, определяемом только традицией и словарем? Может быть, такое письмо будет более устойчивым? Или следует отказаться от безвариативного письма как идеала?

Ответить на эти вопросы позволяет анализ функционирования письма в тех областях, которые из-за той или иной дихотомии письма могут допускать двоякую трактовку и, соответственно, двоякое написание. Ниже мы рассмотрим несколько таких областей: 1) написание единиц на -o, -e в составе сложных существительных или словосочетаний, 2) правописание единиц на -o, -e (наречий или совпадающих с ними по форме первых частей прилагательных) с последующим прилагательным или причастиемприлагательным — и сравним их с функционированием области письма с четким правилом и однозначной трактовкой единиц.

Рассмотрим первый пример: написание единиц на -о, -е в составе сложных слов или словосочетаний (эхолокатор, кофемашина, эхо-волна, кофеавтомат). Для этих единиц возможна неоднозначная трактовка: либо это первая основа с соединительной гласной, либо это самостоятельное слово.

Возможность двойного понимания, ведущего к разному написанию, практически означает, что данный материал выключается из сферы действия правила как алгоритма, определяющего написание, и становится словарным. Действительно, орфографический словарь по-разному кодифици-

рует слова с одной и той же первой частью, напр. кофе...: кофеварка, кофезаменитель, кофемашина, но кофе-пресс, кофе-автомат, кофе-суррогат, кофе-брейк, кофе-пауза, кофе-порошок; эхо...: эхолокатор, эхокардиограмма, эхолокация, эхолот, эхопочта, эходефектоскоп, эхоконференция, эхоподавитель, эхоподавление, эхопроцессор, но эхо-волна, эхо-импульс, эхо-камера, эхо-метод, эхо-резонатор, эхо-сигнал (в РОС-3 введено изменение и все слова с эхо... даются в слитном написании). Слова данного типа могут неоднозначно трактоваться не только составителями словарей, но и носителями языка, что, естественно, приводит к появлению разных написаний. Однако интересен не столько сам факт появлений колебаний, сколько сложившаяся в узусе картина функционирования данной области письма без однозначной кодификации. В ней выделяются два полюса устоявшего написания (полюс устоявшегося слитного написания и полюс устоявшегося дефисного написания) и поле вариативного написания.

пишется слитно	пишется вариативно	пишется через дефис
эхолокатор эхокардиограмма эходальномер	эхо()почта эхо()конференция эхо()волна эхо()голограмма эхо()дефектоскоп эхо()процессор эхо()импульс	эхо-фраза
кофемашина	кофе()заменитель кофе()завод	кофе-пресс кофе-автомат кофе-порошок кофе-суррогат

Эта структура свойственна и многим другим областям орфографии, в которых есть основания применять два правила, дающие разные написания, т. е. функционирующих практически без правила. Но это не единственно возможная структура.

Рассмотрим правописания единиц на -o, -e — наречий или совпадающих с ними по форме первых частей прилагательных ² — с последующим прилагательным или причастием-прилагательным. Правописание таких единиц описывается двумя правилами: правилом о раздельном написании наречий с прилагательными и причастиями (активно действующее вещество) и правилом о дефисном или слитном написании сложных прилагательных с первой частью на -o, -e (сильнодействующее вещество). Однако четко различить первые части сложных прилагательных и наречия во многих случаях не представляется возможным, об этом писали многие исследователи. Так, в [Обзор 1965: 331] читаем: «...вся сложность заключается именно в том, что нет никаких структурных признаков для разгра-

² Подробнее см. [Бешенкова, Иванова 2012].

ничения сложного прилагательного с первым наречным элементом и словосочетания наречия с прилагательным». Языковая неоднозначность не дает возможности однозначно выбрать то или иное правило. Поэтому можно сказать, что данная область остается вне действия правил. При этом нет и всеохватывающей словарной кодификации, кроме того, данные словарей часто расходятся, что только усугубляет ситуацию.

Анализ реального письма (т. е. всех тех контекстов, которые выдают поисковики) и немногочисленных словарных рекомендаций показал, что при общей непредсказуемости написания первых наречных частей существует некоторая самоорганизация материала: для каждой такой первой части важны категориальные признаки второй части — относительное, качественное или отпричастное это прилагательное. И каждая первая часть посвоему решает, как ей писаться с тем или иным разрядом прилагательных. Приведем несколько примеров.

- активно 1) пишется через дефис с последующей частью относительным прилагательным, напр. активно-творческий, активно-емкостный, активно-индуктивный; 2) пишется раздельно с прилагательными-причастиями активно действующий.
- валентно 1) пишется через дефис с последующей частью относительным прилагательным, напр. валентно-силовое поле, валентнодистрибутивные закономерности, валентно-координационное состояние атомов, валентно-оптическая схема; 2) пишется через дефис с последующей частью качественным прилагательным, напр. валентно-нестабильные соединения, валентно-неустойчивое состояние; 3) пишется через дефис с последующей частью прилагательным-причастием, напр.: валентно-связанный, валентно-расщеплённые базисы, валентно-деформационные колебания, валентно-проводящая зона, валентно-ненасыщенные молекулы, валентно-насыщенные молекулы.
- **духовно** 1) пишется через **дефис** с последующей частью **относительным** прилагательным, напр. *духовно-исторический*, *духовно-нравственный*, *духовно-воспитательный*, *духовно-творческий*, *духовно-учебный*, *духовно-учительный*, *духовно-философский*; 2) пишется **раздельно** с последующим **качественным** прилагательным, напр.: *духовно бедный*, *духовно близкий*, *духовно богатый*, *духовно важный*, *духовно пытливый*; 3) пишется **раздельно** с прилагательным-**причастием**, напр.: *духовно насыщенный*, *духовно воспитанный*, *духовно опустошенный*, *духовно сосредоточенный*.
- остро 1) пишется слитно с последующей частью относительным прилагательным, напр. островоспалительный, острогнойный, острогротесковый, остродраматический, острозубчатый, острокомический, остроконкурентный, острокритический, остроленестковый, острополемический, острополитический, острополицистический, остропосихологический, остросатирический, остросюжетный,

острохарактерный; 2) пишется слитно с последующей частью — качественным прилагательным, напр.: остроактуальный, остродефицитный, остродискуссионный, острозаразный, острозасушливый, острозободневный, остроинфекционный, острокомбинационный, острокомедийный, остроконтрастный, остроконфликтный, остронасущный, остроритмичный, остросовременный, остротоксичный; 3) пишется раздельно с прилагательным-причастием, напр.: остро возникающее (состояние), остро диссонирующий, остро заточенный, остро интересующий, остро колющий, остро начинающийся, остро пахнущий, остро прогрессирующий, остро протекающий, остро рецидивирующий, остро развивающийся, остро возникающее (состояние).

В таблице приведены только способы написания:

первая	вторая часть —	вторая часть —	вторая часть —
часть	относительное прил.	качественное прил.	отпричастное прил.
активно	дефис		раздельно
валентно	дефис	дефис	дефис
духовно	дефис	раздельно	раздельно
остро	слитно	слитно	раздельно

Во многих случаях написание не было однозначным: очень велика доля слов с колебанием при преобладании какого-то одного варианта (грубо колотый чаще, чем грубоколотый, грубо отесанный чаще, чем грубоотесанный, активно действующий чаще, чем активнодействующий, государственно управляемый чаще, чем государственно-управляемый), но много и вариативных написаний с равночастотными вариантами (грубоочищенный и грубо очищенный). Много и случаев, когда слова в общем значении и слова в терминологическом значении при совпадении основ пишутся поразному (острозазубренная спирея — остро зазубренная цепь). Но тем не менее некоторая закономерность, позволяющая ввести если не системную, то хотя бы словарную кодификацию, прослеживается.

Бесконтрольное письмо в данной области функционирует как любая саморазвивающаяся система по законам соотношения хаоса и порядка: в любой такой системе хаос может частично упорядочиваться.

Сравним функционирование этих областей с функционированием областей с четким правилом. Рассмотрим функционирование слов с однозначно определяемой соединительной гласной. Анализ узуса, как он представлен в Интернете, показал, что абсолютное большинство слов, однозначно подпадающих под правило, пишется без колебаний согласно правилу. Из всего массива сложных слов с соединительными гласными колеблются в написании только слова из тех групп, которые можно назвать «группами риска». Для данного сегмента письма это слова-исключения или слова, похожие на них.

Первое исключение из данного правила составляют существительные, называющие сложные единицы измерения (напр., машино-место, самолето-место, самолето-вылет, вагоно-час, тонно-миля, канало-километр, нормо-смена, нормо-час, птице-место, ското-место, реакторо-год, судодень, судо-год, судо-рейс, судо-сутки, сило-час, сило-сутки, сило-рейс, кроме трудодень, трудочас). Проверка написания слов этой группы с помощью поисковых систем показала, что существенно колеблются в написании лишь два слова машино-место, самолето-вылет. Их колебания и даже преобладание слитного написания можно объяснить социальным фактором: они вышли из своей обычной сферы бытования делового языка в сферу общей лексики. Аналогично начинает вести себя и слово нормочас. По-видимому, этим же объясняется и кодифицированное написание исключений из исключений трудодень и трудочас.

Вторую группу исключений составляют отдельные слова: угро-финны, финно-угры, татаро-монголы, монголо-татары, греко-латинизм, славяно-русизм (и некоторые другие). По нашим наблюдениям, в узусе имеют вариативное написание слова, похожие на них по своему строению, т. е. содержащие основы со значением этнической принадлежности или идеологической характеристики (австро/венгры, индо/германцы, испано/американцы, греко/католики, иудео/христиане, австро/марксисты).

В таблице ниже приведены некоторые слова этой группы и относительные частотные характеристики их письменных вариантов по данным Яндекса (на ноябрь $2010 \, \Gamma$. — ноябрь $2012 \, \Gamma$.) и словарей 3 . Материал не является исчерпывающим, но возможные дополнения, как кажется, не изменят общей картины.

существительные	слитно	через дефис
австро/венгры	=	=
англо/австралийцы	=POC	<u></u> БЭС
англо/американцы		больше
англо/африканцы	больше	
англо/ирландцы		больше
англо/канадцы	<u>=</u> POC	<u>=</u> БЭС
англо/католики	=POC	=
англо/кельты		больше

³ Условные сокращения: РОС — Русский орфографический словарь (2-е изд.,. М., 2005); РОС3 — материалы к новому изданию РОС; ОС — Орфографический словарь русского языка (21-е изд., испр. и доп. М., 1991 и сл.); Уш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова; БЭС — Большой энциклопедический словарь: В 2-х тт. М., 1991.

Знак равенства «=» ставится также и в том случае, когда разница не превышает 25%. Данные неорфографических словарей, словарей до 1956 г. нельзя рассматривать как орфографическую кодификацию.

существительные	слитно	через дефис
англо/саксонцы	=OC.POC	=
англо/саксы	больше ^{OC,POC}	
англо/католицизм	=	=
армяно/католики	POC	больше
афро/азиаты	больше	
афро/американцы	больше ^{POC}	
афро/бразильцы	больше ^{РОС}	
афро/европейцы	=POC	=
афро/русский	больше ^{РОС}	
балто/славяне	=POC	=
галло/римляне		больше
германо/швейцарцы	=	
греко/католики	POC	больше
греко/римляне		больше
евро/азиаты	POC	больше
иберо/кавказцы		больше
иберо/римляне		больше
индо/германцы	больше	
индо/европейцы	больше ^{POC}	
индо/иранцы	больше	
индо/китайцы	больше	
испано/американцы	=	=
испано/римляне		больше
итало/римляне		больше
итало/швейцарцы	=	
иудео/христиане	POC	больше
римо/католики		больше
романо/германцы	=POC	=
романо/католики	POC	больше
сербо/хорваты	=POC	=
татаро/монголы		больше ^{РОС}
тибето/бирманцы		больше
тунгусо/маньчжуры	POC	больше
тюрко/монголы	POC	больше
тюрко/татары		больше
угро/русы	больше ^{РОС}	
угро/финны	Уш	больше ^{OC,POC}
финно/угры		больше ^{OC,POC}
франко/канадцы	=POC	=
франко/швейцарцы	=	=
шведо/финны		больше
11 слов чаще пишутся г		, 15 пишутся вариативно;
23 слова — чаще	е с дефисом, 3 из них вк	слючено в словарь

По таблице видно, что из 49 слов помимо трёх узаконенных исключений еще 18 слов пишутся чаще против правила. В 11 случаях написание чаще соответствует правилу. В остальных случаях написание в узусе вариативно без преимущества того или иного варианта (хотя 5 из них имеют давнюю словарную кодификацию). Показательно сравнение данных для слов англосаксы и англо/саксонцы. Оба слова давно фиксируются словарями в слитном написании, однако в узусе англосаксы чаще пишется слитно, а англо/саксонцы с приблизительно равной частотностью — и слитно, и дефисно. Вероятно, эта разница объясняется опять-таки сферой бытования: англосаксы больше употребляется в общих текстах, а англосаксонцы — в специальных. Данные словарной кодификации показывают, что в основном орфографические словари (ОС и РОС) придерживаются правила.

Таким образом, можно констатировать, что данная область кодифицированного письма с однозначно понимаемой структурой слова достаточно устойчива. Колебания наблюдаются в предсказуемых местах и довольно малочисленны (2 единицы измерения и 49 слов, выражающих этническую или социальную общность).

Другая картина складывается и в тех областях, которые имеют однозначную кодификацию, но эта кодификация — результат выбора одной из ветвей орфографической дихотомии. К такой области относится, например написание слов с приставкой на согласную и корнем, начинающимся на -u(или следующей приставкой us, uc). Здесь картина узуального письма аналогична той, которая характерна для зон без правил.

Правописание слов этого типа было установлено еще Гротом и на тех же основаниях построено в современных правилах. Это правило регулирует соотношение слогового принципа русской графики и морфологического принципа сохранения единообразия написания морфем. Однако, как отмечали и исследователи в 30-е годы и в 60-е годы, слова этого типа упорно не желают подчиняться правилу. Так, Н. А. Еськова в 1965 году писала: «Гротовские написания с ы прочно утвердились лишь в образованиях от русских корней и притом в употребительных словах (например, во многих словах с корнями -игр- и -иск-: разыграть, отыграться, подыскать и т. п. В образованиях от корней иноязычного происхождения, среди которых многие являются терминами, а также в редких и специальных словах с русскими корнями тенденция сохранить внешний вид морфемы приводила к написанию с и. Как отмечает С. П. Обнорский (1934), некоторые орфографические справочники 30-х годов рекомендовали написания типа без-

⁴ «Излишне также разлагать звук ы на ь и и в предложных словах и писать, напр. "предъидущий, возъиметь, безъименный". Этим разложением хотят как будто показать, что ы в таких случаях не есть коренная гласная; но понятно, что такое недоразумение невозможно» [Грот 2010: 273]. «Так напр. все уже пишут подымать, взыскать, сыскной, розыгрыш (вм. подъимать, взъискать). Сходно с этим следует также писать предыдущий, возыметь, безызвестный, безыменный)» [Там же].

инициативный, предиюльский, безиндукционный, обизвествленный, предистория, безидейный, безинтересный, обиностраниться» [Обзор 1965: 153]. Сегодняшняя практика письма также подтверждает это наблюдение 5 . В таблице ниже приведены данные Яндекса на 2011—2013 годы. Из этой таблицы видно, что есть область устойчивого узуального написания с начальным u корня, область устойчивого написания с ω и область вариантов 6 .

и корня	вариативное написание	ы корня
безиглый безиммунитетный безиндикаторный безиндикаторный безинструментальный безинформативный надинтегральный надиндекс подиздержаться отиллюстрировать	безызъянный и безизъянный безыллюзорный и безиллюзорный безындукционный и безиндукционный безынтегральный и безинтегральный и безисключительный и безисключительный и предынсультный и прединсультный и прединсультный	с корнями -игр-, -иск-, -им-, -имен- (имян), а также: безызвестный безыдейный безызлучательный безынициативный надындивидуальный подытегральный подытобызвествление обыностраниться сымпровизировать

Таким образом, мы видим, что два возможных отношения к нормированию письма — предписывающий и фиксирующий (дескриптивный) — приводят к двум разным моделям письма: в одной — система сохраняется, в другой — либо система разрушается, либо возникает ее неустойчивая самоорганизация.

При наличии системной кодификации жизнь и изменение письма не прекращается, не прекращаются испытания кодификации на прочность со стороны узуса, что приводит к появлению в написании и кодификации вариантов. Но варианты возникают в предсказуемых точках, и самое главное: сохраняется такая структура самого объекта, при которой возможно описание его с помощью правил, а не только с помощью словаря. Возникающая со временем необходимость уточнения правил или словарной кодификации не изменит самой системы.

При фиксирующем подходе, т. е. при отсутствии системной кодификации или при игнорировании ее, жизнь письма тоже не прекращается. Но

⁵ Такое «неподчинение» правилу может быть объяснено действием «беззаконной», «парадоксальной» фонемы (термины И. Г. Добродомова), гортанной смычки, возникающей, на стыке приставки или предлога на согласную и корня или слова на гласную, на стыке двух гласных. См. подробнее [Щербакова 2006].

⁶ Кроме того встречаются, хоть и очень редко написания с ъ после приставки, напр.: безъидейный, безъизносный, безъинерционный, надъиндивидуальный, предъ-июльский, подъизбица.

главная особенность результирующего положения вещей — невозможность системного описания. Поэтому в одних случаях остается только фиксировать статус-кво, создавая огромные словари с большой долей вариативного написания. Причем это вариативное написание реагирует на сиюминутную моду. Сегодня модно писать слова с дефисом или вообще раздельно — частотнее станут варианты с дефисом, придет мода на слитное написание — частотнее станут слитные написания. За время существования той или иной моды какие-то слова прибьются к тому или иному берегу, но в целом картина сохранится. В других случаях даже словарная кодификация оказывается затруднительной. В одном таком случае нам удалось выявить в некоторой степени самоорганизованную систему. Обнаруженная упорядоченность системы, как бы ни была ее степень незначительна, показывает, что бесконтрольное письмо функционирует по принципу частичной упорядоченности хаоса. В любой саморазвивающейся системе, живущей по законам соотношения хаоса и порядка, хаос частично упорядочивается, но лишь на время. Степень организованности, временная ее длительность зависит и от внутренних факторов и от внешних условий функционирования системы. К внешним условиям для письма относится социальная стабильность или нестабильность, степень кодифицированности и отношение общества к кодификации. Политика орфографистов сегодня во многом определяется этими внешними условиями и во многих случаях работает против системности.

Литература и источники

Бешенкова, Иванова 2012 — Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. О написании препозитивных единиц на -о, -е с прилагательными (сильнодействующее и активно действующее вещество) // Русский язык в культурно-историческом измерении. Посвящается 200-летию Я. К. Грота. Тезисы III международной конференции «Культура русской речи». М., 2012. С. 40—44.

БЭС — Большой энциклопедический словарь. В 2-х тт. М., 1991.

Грот 2010 — Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Изд. 5-е. Цитируется по изд.: М., 2010.

Крысин 1998 — Л. П. Крысин (ред.). Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.

Обзор 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965.

 ${
m OC}$ — Орфографический словарь русского языка. 21-е изд., испр. и доп. М., 1991 и сл.

РОС — Русский орфографический словарь. 2-е изд., М., 2005; 4-е изд., М., 2012. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект. М., 2000. Уш. — Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935.

Щербакова 2006 — Л. А. Щербакова. Гортанный смычный согласный. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

References

BES — Bolshoy enciklopedicheskiy slovar. V 2-kh tt. Moskva, 1991.

Beshenkova, Ivanova 2012 — Ye. V. Beshenkova, O. Ye. Ivanova. O napisanii prepozitivnykh yedinic na -o, -e s prilagatelnymi (silnodeystvuyushcheye i aktivno deystvuyushcheye veshchestvo) // Russkiy yazyk v kulturno-istoricheskom izmerenii. Posvyashchayetsya 200-letiyu Ya. K. Grota. Tezisy III mezhdunarodnoy konferencii «Kultura russkoy rechi». Moskva, 2012. S. 40—44.

Grot 2010 — Ya. K. Grot. Spornyye voprosy russkogo pravopisaniya ot Petra Velikogo donyne. Izd. 5-e. Citiruyetsya po izd.: Moskva, 2010.

Krysin 1998 — L. P. Krysin (red.). Tolkovyy slovar inoyazychnykh slov. Moskva, 1998.

Obzor 1965 — Obzor predlozheniy po usovershenstvovaniyu russkoy orfografii. Moskva, 1965.

OS — Orfograficheskiy slovar russkogo yazyka. 21-e izd., ispr. i dop. Moskva, 1991 i sl. ROS — Russkiy orfograficheskiy slovar. 2-e izd., M., 2005; 4-e izd., Moskva, 2012.

Shcherbakova 2006 — L. A. Shcherbakova. Gortannyy smychnyy soglasnyy. Diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2006.

Svod pravil russkogo pravopisaniya. Orfografiya. Punktuaciya. Proyekt. Moskva, 2000. Ush. — Tolkovyy slovar russkogo yazyka pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1935.

Резюме

Письмо является саморазвивающейся системой. Тем не менее, авторы словарей и кодификация правил могут в некоторой степени влиять на направление развития этой системы. В статье показывается, что два возможных отношения к нормированию письма — предписывающий (прекриптивный) и фиксирующий (дескриптивный) — приводят к двум разным моделям письма. В одной сохраняется системность письма. Сохраняются и дихотомии письма, приводящие к колебаниям этой системы. Именно наличие внутренних противоречий системы позволяет ей развиваться. В другой системность либо разрушается, либо возникает неустойчивая самоорганизация. Такое письмо функционирует по принципу частичной упорядоченности хаоса. В любой саморазвивающейся системе, живущей по законам соотношения хаоса и порядка, хаос частично упорядочивается, но лишь на время. Степень организованности, временная ее длительность зависит и от внутренних факторов и от внешних условий функционирования системы. К внешним условиям для письма относится социальная стабильность или нестабильность, степень кодифицированности и отношение общества к кодификации. Политика орфографистов сегодня во многом определяется этими внешними условиями и во многих случаях работает против системности.

Ключевые слова: системность письма, политика орфографистов, самоорганизация системы, орфографические варианты.

ELENA V. BESHENKOVA

DIFFERENT APPROACHES TO CODIFICATION AND THEIR IMPACT ON THE WRITING SYSTEM

Although Russian spelling is a self-actualising system, it may be influenced to some extent by codification and authorial dictionaries. The paper shows that the two possible approaches to spelling codification, i.e., prescriptive and descriptive, lead to two different models of writing. The first approach maintains the systematic character of spelling, as well as the dichotomies, leading to fluctuations in the system. The other approach destroys the system as such, though unstable self-organization may occur in some cases. In any self-developing system, resting on a balance of chaos and order, chaos can be partially organized, but only for a while. The degree of organization, time and its duration depend on internal factors and external conditions of the system. The external conditions for the latter are: social stability or instability, the degree of codification and the attitude of society towards codification. Orthographic policy today is largely determined by these external conditions and in many cases works against systemic character of Russian spelling.

Keywords: systemic character of spelling, policy of linguists, self-organizing systems, spelling variants.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 119019, Москва, Волхонка 18/2

Статья поступила 20.02.2013

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Received on 20.02.2013

Е. Р. ДОБРУШИНА

НОРМА-КОДИФИКАЦИЯ ПРОТИВ НОРМЫ-ИНТУИЦИИ, ИЛИ ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ С «ИХНИЙ» *

Прилагательное *ихний*, находящееся за рамками литературного языка, в XXI веке все чаще появляется в речи носителей языка, в целом соблюдающих основные кодифицированные нормы, и все меньше «режет ухо» каждому следующему поколению. Здесь, в основном на базе данных Национального корпуса, будет представлен обзор того, как функционирует эта лексема в художественных и публицистических тестах с XIX века до наших дней ¹. Цель обзора — исследование взаимоотношений лексемы с литературной нормой в двух ее измерениях — как кодификации и как узуса ².

1. Ихний и ейный с евоным

Лексема *ихний* является просторечным изменяемым аналогом притяжательного (лично-притяжательного в другой терминологии) неизменяемого местоимения *их*. Источником вхождения этой лексемы в просторечие традиционно считаются диалекты. Суффиксальные *ихний* и *ихный* наряду с

Добрушина Екатерина Роландовна, Свято-Тихоновский православный университет (Москва).

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 181—204.

^{*} Исследование выполнено в рамках проекта описания русской корпусной грамматики «Русграм» (http://rusgram.ru), и автор выражает благодарность организациям, поддерживающим этот проект: РГНФ (14-04-00264) и Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», проект «Развитие корпусной грамматики русского языка».

¹ Автор выражает искреннюю признательность Г. И. Кустовой, Д. В. Сичинаве, С. Н. Новожилову, А. Б. Летучему и анонимному рецензенту — всем тем, чьи советы и соображения, высказанные на этапе создания статьи, были очень важны.

² На настоящий момент выделение этих двух аспектов языковой нормы стало практически общепринятым, ср., например, тезис Л. П. Крысина: «...в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла — широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц» [Крысин 2006: 297].

другими адъективными притяжательными лексемами третьего лица (евоный, ейный, еёный, евошный и др.) распространены во многих диалектах, например в псковских. Так, И. Д. Сидоренская пишет: «В псковских говорах литературные формы притяжательных местоимений 3-го лица почти не употребляются, они заменяются суффиксальными новообразованиями» [Сидоренская 1960]. Но в диалектах суффиксальные формы множественного числа типа ихный используются в одном ряду с формами единственного числа типа ейный. Между тем в современной «окололитературной» речи формы типа ейный отсутствуют и, в отличие от ихний, однозначно всеми носителями воспринимаются как грубо просторечные. В Основном корпусе Национального корпуса русского языка при 3056 вхождениях слова ихний форма ейный зафиксирована в 253 вхождениях⁴, а евоный — 15 раз, то есть формы единственного числа суммарно составляют менее 10% по отношению к формам множественного. При этом евоный и ейный используются в современных художественных и газетных текстах исключительно в качестве имитации диалектов или просторечия. Соответствующая традиция для современных текстов, по-видимому, начинается с А. П. Чехова; так, из 15 использований ейный в устном и газетном корпусах 6 представляют собой цитирование или перефразирование предложения ейной мордой начала меня в харю тыкать из рассказа «Ванька Жуков».

Таким образом, один из заслуживающих анализа вопросов — вопрос о том, почему форма множественного числа много привлекательнее и естественнее для носителей литературного языка, чем «формы родов».

2. Ихний и грамматические значения

Общеизвестно, что преимущество склоняемых форм по отношению к литературным ezo, $e\ddot{e}$, ux — в следовании модели изменяемых прилагательных типа $mo\ddot{u}$ или $cso\ddot{u}$ и в отсутствии омонимичности с падежами личного местоимения. Специфическое же свойство склоняемых форм в наличии двух грамматических сем числа: одна выражена корнем и является частью лексического значения, но все же воспринимается скорее как грамматическое супплетивно выраженное несловоизменительное (словоклассифицирующее) значение (наподобие числа у s и s и s и s и s вы

³ Основной Корпус Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) на данный момент объединяет художественные, публицистические, научные, религиозные, эпистолярные и др. тексты с XVIII века до наших дней.

⁴ В диалектах функционируют и другие подобные формы, см. полный перечень в [Волк 2013]; из них в НКРЯ зафиксирована только форма *еёный* в одном вхождении: в пьесе Иосифа Бродского 1990 года «Демократия» в контексте, явно имитирующем диалектную речь.

раженная окончанием, словоизменительная, согласовательная. Два грамматических числа — это уникальное свойство личных местоимений 1-го и 2-го лица; удвоение семы «род» за счет корня и окончания имеет место в прилагательных типа женский, но такие прилагательные не производят впечатление грамматического супплетивного рода, поэтому удвоение в них не кажется столь специфичным, сколь удвоение обозначения числа в наши или ихние. Адъективные формы от женского и мужского местоимений в единственном числе обладают тем же свойством по отношению как к числу, так и к роду, ср. два числа и два рода внутри формы ейный — «нечто, грамматически мужского рода, одно, принадлежащее лицу женского пола, одной». Форм с двумя удвоенными характеристиками в литературном языке не существует, так как адъективные, то есть согласующиеся по роду притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица не имеют несловоизменительного рода, а имеющие несловоизменительный род притяжательные местоимения 3-го лица не имеют адъективных форм. Возможно, одна из причин большей лояльности литературного языка к суффиксальной форме множественного числа, чем к формам родов, в том, что у нее удваивается только одна характеристика, а не обе.

3. *Ихний* и конкуренция генитива с притяжательными прилагательными

Появление и вхождение притяжательного местоименного прилагательного ихний в диалекты как альтернативы формы родительного падежа их проходило за XVII—XVIII века (см. ниже, раздел 7.1), то есть за тот период, за который в литературном языке прошел противоположный процесс по отношению к неместоименным прилагательным типа материн и отщов. Речь идет о переносе основной нагрузки по выражению принадлежности с притяжательных прилагательных (материн платок) на формы родительного падежа (платок матери). Ср.: «История развития категории принадлежности заключается в постепенной смене основных способов и средств выражения принадлежностного значения: господствовавшие в древнерусский период притяжательные прилагательные стали стилистически ограниченным, периферийным средством, тогда как родительный принадлежности, малоупотребительный в древности, активизировался и является основным средством выражения принадлежности в современном русском литературном языке» [Логунова 1984]. И там же: «было установлено, что процесс смены притяжательных средств происходил постепенно, на про-

вы — это несловоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе двух противопоставленных рядов, организуемых морфологическими формами разных слов... Категория числа у личного местоимения oh — в отличие от местоимений a, mb, mb и bb — это словоизменительная морфологическая категория, выражающаяся в системе противопоставленных рядов форм...».

тяжении XVI — XVII — XVIII вв.» Следует уточнить, что вытеснение древнерусских притяжательных прилагательных состоялось не для всех из них: те, которые образованы от «фамильярных личных имен первого склонения» [Копчевская-Тамм, Шмелев 1994: 225], то есть такие как Петин, мамин, бабушкин, активно функционируют в современном языке, и «во всех посессивных контекстах употребляются по крайней мере не реже (а то и чаще), чем формы генитива, ср.: Машины глаза и глаза Маши, мамин борщ («сваренный мамой») и гори мамы и т. п.» [Плунгян 2011: 240].

Процесс замещения падежными формами прошел лишь для неместоименных прилагательных, а местоимения, напротив, полностью победили в конкуренции с родительным падежом: мой платок, но не *платок меня. Ср: «Выражение отношений притяжательности между предметом и лицом или коллективом, группой лиц синтаксически закреплено за формой родительного падежа имени существительного единственного и множественного числа (родительный владетеля). В этом отношении нет соответствия между собственно притяжательными и местоименными прилагательными (ср. употребление мой, твой, свой, наш, ваш в притяжательном значении и отсутствие значения принадлежности у родительного: меня, тебя, себя, вас, нас)» [Виноградов 1986: II.1.§ 1].

Таким образом, тенденции литературного языка в области способов выражения значения притяжательности оказались противоположными для прилагательных и местоименных прилагательных: первые сдали позиции родительному падежу, сосуществуя с ним, но на заведомо меньших правах, вторые, безусловно, остаются единственным способом, не допуская для местоимений «родительного владетеля». По формулировке В. А. Плунгяна, «древнеруская притяжательная форма фактически играла роль дополнительного элемента падежной парадигмы имени», а «в современном языке эти функции постепенно оказались переданы генитиву» [Плунгян 2011: 240], между тем притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица по-прежнему остаются своеобразным вариантом «владетельного падежа» для личных местоимений.

Выражение в литературном языке посессивности через омонимичную генитиву форму *их* противостоит ситуации с 1-м и 2-м лицами и является, повидимому, еще одним следствием связанной с особенностями референции «меньшей местоименности» третьего лица. Итак, литературный язык обращается с третьим лицом в притяжательной функции как с существительным, а не как с местоимением; тем самым омонимичность притяжательного и родительного *их* является закономерным свойством этой формы, скорее плюсом, чем минусом, и этим, возможно, отчасти объясняется высокая степень сопротивляемости литературного языка экспансии прилагательного *ихний*.

4. Ихний — функционирование в текстах: взгляд в целом

Общая картина существования лексемы *ихний* в текстах, вошедших в Корпус, такова. В основном корпусе находится 3056 вхождений, в газет-

ном — 126, в поэтическом — 67. Первый пример относится к 1817 году, последний к 2012 г. На созданном при помощи сервиса НКРЯ графике распределения по годам первый пик приходится на 1850—1860 годы, основной пик — на 1870—1890 годы, следующие, меньшие, на 1925—1935, 1953—1963, еще меньший на 1975—1995, затем следует падение и в XX век уходит довольно низкий уровень, равный тому, с которого начинался подъем в середине 40-х гг. XIX века.

Разумеется, почти всегда форма включена в речь героя или рассказчика, а не в текст от автора. В большинстве художественных произведений встречается не чаще, чем 1-2 раза. Всегда, даже в тех текстах, где используется несколько раз, находится в конкуренции с притяжательным ux, которое безусловно выигрывает. Например, в первых 5 главах «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского (1886 г.) 3 вхождения uxний (два в репликах героев, одно в авторской речи, но связанной с мыслями героини) и 9 притяжательных ux (а также 21 личное ux).

 $Puc.\ 1.$ График распределения прилагательного uxhuu по годам по отношению к общему числу всех словоупотреблений (частота на миллион словоформ) 6 .

В «Очарованном страннике» Н. С. Лескова (1881 г.), удобном тем, что практически все повествование ведется устами одного героя, на 5 вхождений *ихний* приходится 15 притяжательных *их* (а также 90 личных *их*). В очерке И. А. Бродского «Путешествие в Стамбул», повествование в ко-

⁶ График сделан при помощи сервиса НКРЯ (разрешение 3). По вертикали на графике отображено отношение количества употреблений *ихний* во всех формах к общему количеству словоформ, отраженных в текстах Основного корпуса НКРЯ за этот временной период, то есть **частота на миллион словоформ, называемая «ірт»**. Подробнее см. об этом «Инструкцию для пользователя Национальным корпусом» на Образовательном портале НКРЯ «Студиорум» (http://studiorum.ruscorpora.ru).

тором ведется от лица автора в автобиографическом духе, на 4 uxний приходится 11 притяжательных ux (и 10 личных ux).

5. Ихний и ихный

Что касается соотношения твердого варианта *ихный* с мягким, то, видимо, в окололитературном языке сразу был более распространен мягкий. В НКРЯ для *ихный* находим всего шесть примеров XIX века и два XX века — один, имитирующий речь XIX века, второй — диалектную. Интересно, что в произведениях А. Ф. Писемского много мягких употреблений (94 употребления на 17 рассказов) и только два твердых. Можно предположить, что твердые служат характеристикой более неграмотной речи, чем мягкие, так, в рассказе «Тюфяк» *ихный* соседствует с *наверситет*:

— Лиза писала, что приедет и с мужем сюда совсем на житье; а Паша уж месяца с три как приехал из Москвы; он, слава Богу, все **ихные** там экзамены кончил хорошо; в **наверситете** ведь он был (А. Ф. Писемский. Тюфяк (1850)).

Употребленные же Писемским мягкие прилагательные иногда производят впечатление даже не речевой характеристики, но авторской речи:

Остановился он на этот раз на квартире, как и всегда, у одного бедного приказного, который уже несколько десятков лет ко всему **ихнему** роду чувствовал какую-то рабскую преданность, за которую вознаграждаем был каждогодно несколькими пудами муки и еще кой-чем из домашнего запаса (А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)).

Тем не менее, несмотря на регулярное использование *ихний*, не ясно, входило ли слово в речь писателя или было лишь литературным приемом: в имеющихся в НКРЯ личных письмах А. Ф. Писемского (объем 10732 слов) на 7 употреблений притяжательных *их* не приходится ни одного *ихний*. С другой стороны, объем писем составляет менее 10 процентов от объема художественных текстов. Но, во всяком случае, нет сомнений в том, что мягкий вариант для писателя более естественен, чем твердый.

6. Дериваты от ихний: наречие и субстантиваты

Прилагательное *ихний* не только само пытается войти в язык, но и вводит в него свои дериваты — наречие и субстантивированные формы, для которых невозможны литературные альтернативы от *их* и которые поэтому менее режут ухо, настроенное на соблюдение запрета формы *ихний*, хотя, безусловно, относятся к разговорной или сниженной речи.

6.1. По-ихнему

Наречие *по-ихнему* начинает регулярно использоваться в литературных текстах в речи героев с 30-х годов XIX века, в 90% случаев в значении «на чужом языке»:

Когда он окружен был нашею цепью со всех сторон, то переводчик (по-ихнему, толмач) кричал ему... (Н. В. Симановский. Дневник 2 апреля — 3 октября 1837 г., Кавказ (1837) // «Звезда», 1999).

Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю **по-ихнему** и перевёл его ответ (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)).

В этом значении наречие до сих пор весьма распространено, так, в газетном корпусе имеется 13 вхождений, из которых только 3 не относятся к иностранному языку или культуре, а означают что-то типа 'по их мнению', 'по их желанию' (вышло не по-ихнему). В Основном корпусе 314 вхождений с дефисом и 20 без него.

Антонимичное просторечное или игровое *по-нашенски* тоже вполне живое: 54 вхождения в Основном корпусе, начиная с Загоскина (1829) и кончая Диной Рубиной (2008—2009), 30 в газетном. Используется наречие и в значении 'на нашем языке', и нередко в значении 'так, как это делаем мы', часто с выраженной положительной оценкой (*Вот это по-нашенски*!, зажигать по-нашенски).

6.2. Ихние, то есть «не наши»

- Ф. И. Буслаев в 1858 году приводит пример диалектного, псковского и тверского, существительного *иханец*, означающего 'человек, принадлежащий к их семейству или обществу' [Буслаев 2013: 118] и образованного от формы родительного падежа. В литературном языке подобных существительных нет, но, нуждаясь в выражении значения 'не наш, чужой', особенно по отношению к нескольким (многим) лицам, язык с XIX века до наших дней изредка использует субстантивированное *ихние*, а для одного лица сочетание *из ихних*:
 - А много ль **ихних** было? Нечего греха таить, **ихних** было помене, примерно человек двадцать или тридцать. И вы дали себя перевязать и пересечь, как бабы! (А. К. Толстой. Князь Серебряный (1842—1862)).
 - ... он хоть и был дома, но я не пошел к нему, т. е. не велел о себе докладывать, потому что у него была в этот час пирушка по случаю проводов кого-то из ихних (И. С. Аксаков. Письма к родным (1849—1856) (1849—1856)).
 - ... родные как бы умилостивляли меня, они не хотели расстаться с надеждой, что вот все-таки один из ихних выучится на адвоката, или

на инженера, или на доктора и озолотит и выведет из холуйского звания свое племя... (А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)).

Из УВД Вологодской области сообщили, что человек, похожий на Черепкова, появлялся недавно в Вологде. Местная братва донесла, у когото из ихних он деньги отобрал (В. Громов. Компромат для олигарха (2000)).

Судя по тому, что в наше время хироманта встретишь чаще, чем квалифицированного читателя, и что писатель из серьезных низведен до положения полусумасшедшего, в ближайшую пору, как видно, добра не жди. А все потому, что наших-то повыбили в германскую и гражданскую да основательно их поморили большевики. В результате одни ихние остались как генотип, а наших теперь нужно днем с огнем отыскивать на развод; те самые ихние остались, которые продают оружие противнику, слыхом не слыхивали про русский Серебряный век и вообще произошли от противоестественного мезальянса между конокрадом и бобылем (В. Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003).

6.3. Ихнее в сравнительном контексте

Со второй половины по 70-е годы XIX века в момент пика использования слова *ихний* появляются примеры на субстантивированное употребление среднего рода в контексте сравнения: *лучше ихнего*, *больше ихнего*, *прежде ихнего*, то есть перефразирующееся в 'чем у них'/'чем они', а также *с ихнее*, то есть 'столько, сколько они':

Ничем, слава Богу, не отягощены; не только, Сергей Васильевич, в наших местах, поближности, но даже во всем уезде идет слава о ваших мужиках: никто лучше ихнего не живет... (Д. В. Григорович. Переселенцы (1855—1856)).

...тогда в нас уверует и впервые откроет нас, как когда-то Америку, Европа. Но для того надобно, чтобы мы **прежде ихнего** открыли сами себя и чтоб интеллигенция наша поняла, что ей нельзя уже более разъединяться и разрывать с народом своим... (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II (1877)).

— A вот вы c ихнее повоюйте, тогда будете рассуждать, кто вы, радист или связист (Γ . Я. Бакланов. Пядь земли (1959)).

Конечно, эти примеры существуют на фоне много более частых аналогичных «больше / не меньше / лучше и др. нашего» и с наше, с мое, с твое.

Парнишкой был, а понял: животные — они **больше нашего** мучаются (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)).

6.4. Ихняя взяла

Притяжательные прилагательные в разговорной речи регулярно используются как субстантивированные женского рода в идиоматизированной конструкции типа *наша взяла*. Таких примеров с местоимениями первого и второго лица в Корпусе суммарно около 140 (63 с *наша*, 38 с *ваша*, 20 с *твоя* и 15 с *моя*), они более или менее равномерно распределены от 70-х годов XIX века до современности. Встречаются и несколько более ранних использований, так что, видимо, в устной речи выражение появилось гораздо раньше, ср.:

Кажется, над нами сбылась народная поговорка: «**Наша взяла**, а рыло в крови» (С. П. Жихарев. Записки современника (1806—1809)).

Из неизменяемых притяжательных *его, ее, их* в такой конструкции находим лишь два использования *его взяла. Ихняя взяла* также обнаруживается только два раза в последней трети XX века:

Хотел сам уйти, а вытолкали. Нехорошо, **ихняя взяла**. Вот ведь как можно замучить простого человека из-за его совершенно справедливого замечания (Е. Попов. Вкус газа (1970—2000)).

Видимо, в третьем лице выражение не прижилось; так, в «естественном корпусе» Интернет при помощи поисковых систем близко к поверхности находится лишь один пример из нарочито стилизованного под жаргоннопросторечный текста 1993 года: Короче, если бы ихняя взяла, то на Большой Зоне прокапал бы коммуно-фашистский беспредел.

7. История лексемы ихний

По результатам анализа функционирования лексемы *ихний* в русском литературном языке XIX—XXI века можно предположить следующие этапы ее истории:

7.1. <u>Первый этап</u>: появление прилагательного *ихний* в языке художественной литературы в первой половине XIX века в качестве характеристики «деревенской» речи.

В словаре русского языка XI—XVII вв. самый ранний пример для слова *ихний* ('мест. То же, что ихъ') датируется 1690 г. (*стати намъ за ихнею порукою*), тогда как пример притяжательного *ихъ* ('В знач. притяж. мест. Принадлежащий им') — шестью веками раньше (1076 год) [Словарь РЯ XI—XVII вв. 1979: 357—358]⁷. В диалекты форма тоже входит не так уж и рано, возможно в течение XVIII века, ср.: «В псковских говорах суффик-

 $^{^{7}}$ Также в этом словаре зафиксирована форма *ихниный* («съ ихниными таварыщу») с аналогичным *ихний* толкованием, найденная в тексте 1574 года.

сальные формы притяжательных местоимений появляются, видимо, довольно поздно, так как в письменных памятниках XVII века они еще не нашли отражения, хотя в различных деловых документах, оформляющих куплю-продажу, в дарственных грамотах очень часто встречаются притяжательные местоимения 3-го лица. Эти формы отмечены в псковских говорах уже при первых обследованиях. Так, Д. К. Зеленин в «Описании рукописей Архива РГО» (Пг., 1916) отмечает формы *явон* и *явоный* вместо его в «Этнографических сведениях о приходе погоста Тейлова Псковского уезда» за 1856 г.» (см. в [Сидоренская 1960]).

В художественных текстах, по данным Корпуса, форма появляется в первой половине XIX в. как способ речевой характеристики героя, говорящего просторечно. Самый ранний пример в Корпусе из пьесы А. С. Грибоедова «Студент» 1817 года, затем по одному примеру 1820 и 1825 годов, и с 30-х гг. употреблений становится много. Весьма часто форма используется для обозначения одного лица, к которому обращаются «на вы», то есть в контекстах, где современное литературное местоимение было бы скорее *его*, чем *их*:

Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-дескать **ихние**, а мы искони Ваши, — и отроду того не слыхивали (А. С. Пушкин. Дубровский (1833)).

— Пунцовое, барышня, к вам не в пример больше идет, да и **ихний** любимый цвет пунцовый (И. И. Панаев. Барышня (1844)).

Примерно половина употреблений связана с описанием «иностранного» или «вражеского» в ситуации военного конфликта:

«Кто перешел?» — «А пан Андрий». — «Куда перешел?» — «Перешел на их сторону, он уж теперь совсем ихний» (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1835—1841)).

Видимо, появившись в XVII веке и распространившись за XVIII, к началу XIX прилагательное стало столь частым в нелитературной речи, что оказалось востребовано литературой для речевых характеристик, а затем, продолжая распространяться в просторечии, к 30-м XIX в. годам стало стандартным при воспроизведении разговорной речи в прозе, а затем и в поэзии. Первым поэтом, судя по Корпусу, был Катенин, дважды использовавший прилагательное в «Инвалиде Гореве» в 1835 (Выучил ихний язык, принялся за грамоть и пять верст до ихней деревни), а вторым был Н. А. Некрасов.

7.2. <u>Второй этап</u>: «Мягкое» вхождение лексемы в речь некоторых образованных людей во второй половине XIX века и, возможно, их готовность принять ее как допустимую.

⁸ См. [Зеленин 1916].

Как видно из приведенного выше графика, резкий скачок частотности формы приходится на промежуток с конца 50-х до конца 90-х годов XIX века. В этот период форма появляется не только в репликах героев и в стилизованных под народные текстах, типа сказки «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, но и, хоть и много реже, в авторской речи внутри вполне выдержанных литературно текстов:

Мы оба затихли после ухода Кати, и вокруг нас всё было тихо. Только соловей уже не по-вечернему, отрывисто и нерешительно, а поночному, неторопливо, спокойно, заливался на весь сад, и другой снизу от оврага, в первый раз нынешний вечер, издалека откликнулся ему. Ближайший замолк, как будто прислушался на минуту, и еще резче и напряженнее залился пересыпчатою звонкою трелью. И царственноспокойно раздавались эти голоса в ихнем чуждом для нас ночном мире (Л. Н. Толстой. Семейное счастье (1859)).

Наречие по-ихнему также часто фигурирует в тексте от автора:

Благо кулазы есть, а ямуды — искусные моряки, бесстрашно переплывающие на этих узких и длинных лодках (по-ихнему: теймуль) нередко бурливое море с восточного его прибрежья даже к Мешедессеру, вблизи которого находится основанная Надир-Шахом колония авганцев, помогающих своим единоверцам в грабежах (П. И. Огородников. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее (1873), НКРЯ).

Впрочем, точно определить, является ли лексема для употребившего ее в авторской речи писателя естественной или все же остается приемом, обозначающим сниженный тип речи, практически невозможно⁹, поэтому

⁹ Показательно, что в интернетной статье, обсуждающей форму ихний с целью доказать, что «табу нестрогое» [Расширение нормы] (обращение: январь 2013), приводится 8 цитат из классиков XIX века, но из них, на самом деле, все, кроме одной (из Писемского), по всей видимости, представляют собой не авторскую, но осознанно оформленную как сниженная речь героев: «Слово ихний сравнительно частое — оно употребляется у: А. С. Пушкина («Слышно, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову — потому что мы-декать ихние, а мы искони Ваши, — и отроду того не слыхивали». — Дубровский), Н. В. Гоголя («Ты возьми ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, как делывали покойнику барину, а после перетри и выколоти хорошенько». — Мёртвые души), А. Ф. Писемского («История любви ихней подвигалась весьма медленно.»), Ф. М. Достоевского («Я тебе книжки ихние покажу: все у них потому, что "среда заела", — и ничего больше!» — Преступление и наказание), С. Т. Аксакова («И отпустил он дочерей своих, хорошиих, пригожиих, в ихние терема девичьи». — Аленький цветочек), Л. Н. Толстого («А ихний, говорит, как бумага белый; ни синь пороха не пахнет». — Война и мир), А. П. Чехова («Приказчик ихний проезжали, это точно...» — Степь), А. И. Куприна («Сашка играл им ихние рыбацкие песни...» — Гамбринус).

очень ценным становится свидетельство из грамматики Ф. И. Буслаева 1858 года: «Притяжательное ихный, столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный» [Буслаев 2013: 118].

В качестве обоснования приемлемости *ихний* для классиков XIX века часто используется цитата из «Дневников писателя» Ф. М. Достоевского, так как, исходя из жанра и содержания текста, кажется естественным предположить, что это именно авторское употребление, а не речевая характеристика героя:

И никогда союз России не ценился бы выше, как теперь, в Европе, никогда еще она не могла себя с большею радостью поздравить с тем, что она не старая Европа, а новая, что она сама по себе, свой особый и могучий мир, для которого именно теперь наступил момент вступить в новый и высший фазис своего могущества и более чем когда-нибудь стать независимою от прочих, ихних, роковых вопросов, которыми старая, дряхлая Европа связала себя! (Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1877. Год II (1877)).

Известно, что не все классики XIX века считаются создателями образчиков литературной нормы; так, Л. В. Щерба предлагал искать норму не в произведениях Толстого и Достоевского, относящихся к авторам, у которых «будет слишком много отступлений от нормы, отступлений, всегда оправданных содержанием, но понятных лишь как отступления от нормы и ее несомненно подразумевающих» [Щерба 1939: 10], но в произведениях Горького, Чехова, Короленко, Тургенева, Гончарова и др. Из перечисленных Л. В. Щербой писателей активно использовали *ихний* как речевую характеристику героев Чехов (25 вхождений в НКРЯ), Короленко (14 вхождений) и Тургенев (17 вхождений).

Подчеркну еще раз, что у очень многих писателей этого периода — Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Куприна, Чехова, Короленко, Тургенева, Писемского и др. — форма *ихний* нередко встречается в речи героев, но не так много примеров, дающих основания предполагать, что слово было допустимо для писателей в нейтральной письменной речи.

- **7.3. Третий этап:** трактовка формы как просторечной в нормативной научно-справочной литературе XX века, возможно, не соответствующая языковой интуиции многих носителей литературного языка.
- В. И. Чернышев в 1914—1915 гг., говоря о «притяжательном ихный», скорее свидетельствует об узусе, чем постулирует норму, но, тем не менее, формулирует довольно определенно: «Теперь можно положительно считать его не вошедшим в общее и свободное обращение, хотя оно и нередко встречается у авторов, обыкновенно с мягким окончанием» [Чернышев 1970: 545]. Несколько позже, в советскую эпоху с ее нормализаторским подходом, было принято вполне определенное решение об официальном статусе

лексемы в «советском языковом стандарте» (формулировка из статьи [Живов 2005]). В словарях [Ушаков; Ожегов] и в [МАС] форма дается как просторечная, в [БАС] как разговорная, в [Грамматика 1980] упоминается мимоходом как просторечная ¹⁰. Еще в 30-х годах появляются употребления, в которых форма рефлектируется автором в качестве неправильной:

Юрию уже известно (а познакомились они вчера в полночь), что штабс-капитан возвращается из отпуска в Николайштадт, что гарнизон там мал и служба однообразна, что чухны вообще сволота, а ихние (он так и сказал — ихние) девки безобразны... (Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932)).

Тем не менее, в течение трех первых четвертей XX века заведомо есть квалифицированные носители языка, использующие слово в личной письменной речи публицистического, мемуарного или эпистолярного типа:

Во всяком случае, ничего другого специально о стихах Вознесенского я сказать не могу: если мне и нравится **ихняя** содержательность, а порою и форма, то есть целый ряд всяких «но», при которых я не могу закусить удила и понестись (К. И. Чуковский. Леонид Андреев (1919—1958)).

Секрет Полпашкина: он однажды напугал зависимых немного от него людей. А дальше — он их лишь попугивал и они все больше пугались его, и удивлялись: откуда это сила у Полпашкина. А сила его из **ихнего** страха (А. П. Платонов. Записные книжки (1928—1944)).

Учит его какой-то спившийся художник С. Киров; я, шутя, называю его «Киров с нами» — учит за еду: скармливают этому художнику овсянку, которую получают для собаки **ихней**... (Вс. В. Иванов. Дневники (1940—1948)).

Целую обеих, и привет **ихним** детям: Ляльке [Злобиной] и Борьке [Шра-гину] (Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966—1970)).

Всю жизнь использовал форму в прозе, в том числе в написанной от первого лица, очерковой, биографической, И. Бродский:

Классическая поэзия (рифмы, метр etc.) дает возможность формального резерва: других рифм, другого метра. Модернисты с ихним verse libre пленники плоскости (И. А. Бродский. Азиатские максимы (Из записной книжки 1970 г.) (1970)).

В. Маяковский не сомневался, используя форму даже в стихотворениях для детей:

¹⁰ Ср. в [Грамматика 1980: 542]: «К разряду местоименных прилагательных относятся также просторечные слова *таковский*, *ихний*, *нашенский*, *вашенский*. Эти слова находят отражение в языке художественной литературы».

Даже **ихнее** дитя ростом с папу с нашего (В. В. Маяковский. Что ни страница, — то слон, то львица (1926)).

Можно предположить, что в период до 70-х годов строгая норма, уверенно запрещающая эту форму, противоречит интуиции многих. Так, в 60-х гг. форма обсуждается на страницах газет и журналов, в частности, появляются статьи писателя, переводчика и автора двух научнопублицистических книг о русском слове А. К. Югова, защищающие лексему как нормативную [Югов 1960; 1962]; сам писатель использует эту форму в романах регулярно, в том числе в авторской речи, правда, эта речь всегда может быть трактована, как связанная с мыслями героя:

Ругнувшись вполголоса, Арсений Тихонович Шатров сердито глянул на обоих своих гостей, как будто **ихняя** в чем-то была вина, и отшвырнул ноябрьскую подшивку газеты «Речь»: вся сплошь, вся сплошь — в пролысинах цензурных изъятий! (А. К. Югов. Шатровы (1966)).

Но проходит еще 10—15 лет, и постепенно интеллигенция свыкается с официальной нормой. Расхождения между нормой-кодификацией и нормой-узусом нередки, но обычно кодификация отстает от нормы-узуса: «Неадекватность кодификации литературной норме объясняется... ретроспективностью кодификации, ее ориентацией на образцы, хронологически удаленные от современности» [Ицкович 2012: 12]. Удивительно, что в данном случае кодификация победила (по крайней мере, на какой-то период времени), то есть сначала — в 30-х годах — обогнала узус, а затем постепенно — к середине 70-х — подчинила его себе. Предполагаю, что примерно к последней четверти XX века интуитивное восприятие формы ихний культурным носителем языка становится гораздо более отрицательным. В 1976 году словарь вариантов формулирует: «В строгой деловой, научной и публицистической речи уместно употреблять нейтральную литературную форму их. Вариант ихний практически используется в художественной литературе, где он употребляется обычно как средство речевой характеристики персонажа...» [Граудина 1976: 251].

7.4. <u>Четвертый этап</u>: принятие нормы носителями литературного языка в последней четверти XX века и превращение лексемы в один из самых известных маркеров «некультурной» речи.

7.4.1. «Слова "ихний" в русском языке нет».

«У потребление встречающегося ненормативного варианта *ихний* вместо *их* недопустимо», — таков безоговорочный вердикт Д. Э. Розенталя в конце 90-х [Розенталь 1999: §170]. Не менее жестко формулирует И. Б. Голуб, подчеркивая отсутствие вариативности в рамках культурной речи: «Некоторые варианты местоимений представляются грубым искажением литературной нормы: ентот, кажинный, евонный, ихний, составители словарей их не приводят даже с ограничительными пометами.

... Резко сниженные, просторечные варианты местоимений не представляют угрозы для культуры речи, так как не конкурируют с литературно правильными в условиях обычного контекста: выбор вариантов при употреблении местоимений не вызывает трудностей у говорящих» [Голуб 1997: § 5.4.4].

На рубеже 60-х годов, когда появились первые справочники Д. Э. Розенталя, формулировка была гораздо более мягкой: «Стилистически выделяется употребление просторечного притяжательного местоимения ихний», — между тем, аналогичные формы родов были запрещены категорически: «Только для речевой характеристики персонажа возможно использование сугубо просторечных форм евонный брат, ейная сестра, иха изба, ихо гумно, ихи кони» [Былинский, Розенталь 1961: 231—214]. Итак, за 40 лет, прошедшие с 1961 до 1999 г., форма ихний поменяла статус: стала уже не просторечной, стилистически выделенной, но настолько же недопустимой, насколько и ейный с евонным.

Далеко не все речевые явления, отмечаемые словарями как просторечные и изымаемые редакторами и корректорами из текстов, оказываются общеизвестными в качестве просторечных. Между тем форма ихний ближе к концу XX века делается показательным признаком плохой речи, наряду с такими явлениями, как ненормативное ударение в презенсе глагола звонить или использование бесприставочного глагола ложить. Ср. перечень образчиков подлежащего корректуре в рекламе услуги «работы с текстами» на современном сайте: «Типичные морфологические ошибки — употребление слов в несуществующей или несоответствующей контексту словоизменительной форме (пример: рельса, царящийся, ихний, ложит, яблоков)» 11. Доказать это затруднительно, но кажется весьма вероятным, что ни К. И. Чуковский, ни А. П. Платонов, или Вс. В. Иванов, или Ю. Даниэль, или И. Бродский не воспользовались бы ни в письменной (авторской), ни в устной речи ни одной из форм, перечисленных в только что приведенной цитате. Кроме формы ихний, разумеется. Таким образом, можно предположить, что эта форма по отношению к интуиции носителей литературного языка, вопреки словарям, попала в список самых ярких проявлений неграмотной речи позже других — в начале последней трети или четверти XX века. Теперь же форма регулярно используется в художественных и газетных текстах как резко отрицательная речевая характеристика, — по-видимому, гораздо более резкая, чем для авторов XIX века. Во второй половине XIX века форма в устах персонажа скорее была знаком разговорной речи, возможно, иногда в рамках литературного языка, в XX веке — знаком нелитературной речи. Для XXI века форма служит в примитивных художественных и публицистических текстах стандартным приемом демонстрации самого низкого культурного уровня персонажа. Ср.:

¹¹ Сайт: «Знаки препинания», http://www.znaki-pr.ru/correct.html. Обращение: январь 2013.

— Это кто? — удивилась я. — Подружка ихняя. — Чья? — переспросила я, подавив в себе желание строго сказать: «Слова «ихняя» в русском языке нет, нужно говорить: «Их подруга» (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)).

Некоторые чиновники плохо владеют отечественным языком. Говорят: «средствА», «ложить», «ихний». Это наши депутаты Законодательного собрания, политики (А. Александрова. Южноуральские чиновники плохо владеют родным языком // Новый регион 2, 2011.02.03).

7.4.2. Ихний — «заграничный». Обсуждая историю ихний в последней четверти XX века, отмечу еще, что примерно в конце третьей четверти века — накануне падения железного занавеса — она оказалась довольно популярна в относительном значении типа «заграничный» в ситуации противопоставления с «незаграничным». В таких употреблениях форма воспринимается как осознанно игровая, мысленно или эксплицитно закавыченная, и, по-видимому, используется в том числе теми, кто ощущает ее как ненормативную:

...обменял квартиру маленькую двухкомнатную на большую трехкомнатную, обставил её привозной мебелью и оборудовал «ихней» техникой... (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)).

Далее *ихний* в значении *заграничный* становится все более популярным: чем ближе к нашему времени, тем чаще появляются такие употребления, особенно в газетных текстах. Больше, чем в половине случаев, форма закавычивается, что подтверждает осознание ее выраженно ненормативного статуса:

В Москве я пошел к главной редакторше «Пионера», Ильиной. ... Вид у нее был чужой, деловой, **«ихний»**, но интонации и голос приятные, почти домашние (А. Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)).

— Мужики, вы не поверите: **ихний** доллар в точности как наш бакс! (Коллекция анекдотов: новые русские (1991—2000)).

Не позволим, дескать, заменить нашего доброго Зайчика **ихним** Микки Маусом (Д. Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001).

Теперь дежурная сестра могла, не вставая с места, видеть сводные данные о каждом больном и своевременно ставить врача в известность о малейших изменениях. Как в кино из «ихней» жизни (В. Валеева. Скорая помощь (2002)).

Спецслужбы иррациональны, они подчас руководствуются не интересами, а эмоциями. Какой смысл был гнать Сахарова в Горький? Сидел бы в Москве, давал бы интервью западным журналистам — все равно «ихнее» радио глушили (Г. Сидорова. Новая маска олигарха (2003) // «Совершенно секретно», 2003.02.06).

Быть чиновником-бизнесменом — совсем не то что бизнесменом, думающим о политической карьере... Олигарх-министр — наш разведчик, олигарх-бизнесмен — «ихний» шпион (ЮКОС — что дальше? Ходорковский и «кремлевская доля» (2003) // «Газета», 2003.07.07).

Я был бы плохим русским филологом, если бы здесь не заметил, что «наш Улисс» появился в печати на девять лет раньше «**ихнего**» (В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

Но ещё жальче, что всю свою критику советско-российской интеллигенции госпожа Холина строит на противопоставлении нашей и **ихней** эстрадной музыки (Д. Драгунский. Смоляное чучелко (2011) // «Частный корреспондент», 2010).

* * *

Итак, за 70 лет, прошедшие от сформулированного в 30-х годах запрета до конца XX века, общественное мнение по отношению к *ихний* оказалось окончательно сформировано и норма-кодификация совпала с интуицией. Прилагательное в «незакавыченной» форме исчезло из авторской речи владеющих литературной нормой и стало использоваться в двух различных функциях: яркого маркера некультурной речи и игрового относительного прилагательного, означающего «заграничный, не такой, как в России».

7.5. Пятый этап, современный: слово остается в списках признанных маркеров плохой речи, но норма-интуиция снова расшатывается, по крайней мере для относительного значения.

Такие наблюдения трудно доказать, но создается устойчивое впечатление, что в последние несколько лет *ихний* стало все чаще проскальзывать в речи представителей интеллигенции, в том числе старшего поколения, в том числе тех, кто 20 или 10 лет назад не сказал бы так никогда, тех, кто уверен, что использовать слово вне кавычек нельзя. Будучи остановленными на этом слове, информанты объясняют, что это было сказано не всерьез, что это шуточное, игровое употребление, но при этом не спорят с тем, что не заметили этой собственной шутки, пока им не указали на нее. Примеры для тех случаев, где говорящего удалось поймать на слове:

Не пойду в столовую, мне **ихняя** еда надоела (40 лет, женщина, Москва, филолог-литературовед, преподаватель вуза, речь квалифицированная (2012)). Трактовка информанта: «Это, конечно, было в шутку, но я даже и не заметила, что так сказала. У студентов это слово меня сильно раздражает».

Я-то эту страничку **ихнюю** с Сашиной помощью сделала, но многие наши преподаватели совсем с компьютером дела иметь не могут и помочь им некому (75 лет, женщина, Москва, математик, преподаватель вуза, речь квалифицированная (2012)). Речь идет о личной интернет-

страничке, сделать которую администрация вуза обязывает каждого преподавателя. Трактовка информанта: «Разве я так сказала? Это случайно, я так никогда не говорю».

Да надоели мне уже все эти ихние обновления, некогда мне ждать, по-ка установятся (45 лет, мужчина, Москва, физик, научный работник, речь квалифицированная (2013)). Речь идет о часто используемой компьютерной программе, изготовители которой временами вынуждают пользователей волей-неволей устанавливать обновления. Трактовка информанта, обладающего выраженным интересом к фактам языка, а также эрудицией и самоконтролем в этом отношении: «Да, я знаю, я нарочно так сказал, как бы в кавычках. Я так иногда говорю, потому что как-то выразительнее получается. Я часто что-то неправильное в шутку использую. Например, девушка, продававшая мясорубку, сказала "если там что-то застриёт", и я потом некоторое время часто так говорил: "застриёт" вместо "застриет". Или иногда употребляю деепричастия типа "Я уже поемши". Но "застриет" и "поемши" я, конечно, больше чувствую как шутку, чем "ихний", в смысле, они мне много больше слух режут и я в большей степени нарочито их произношу».

Каш во Вьетнаме, конечно, никаких не едят, только рис этот ихний (38 лет, женщина, Москва, математик, преподаватель вуза, речь квалифицированная (2012)). Трактовка информанта: «Да, я нарочно так сказала, так забавнее звучит».

Итак, слово снова используется культурными людьми, но на фоне уверенного знания о его «сниженности». Такое использование естественно скорее для значения, которое с большой долей приближения можно истолковать так: 'характерный для ряда лиц (как правило, ряда плохо определенного, с размытыми границами), от которых говорящий отмежевывается, поскольку для него (и/или тех, к кому он себя причисляет) характерно иное'. Это значение соответствует одному из «классических» переносных значений третьего лица, проявляющегося как в значении местоимения *они*, так и в значении неопределенно-личных предложений: «референция производится к «посторонним», к лицам, из числа которых исключается протагонист» [Шмелев 2002: 176].

Подобное значение прилагательного можно обозначить ярлыком «отчужденный». Оно встречается гораздо реже, чем «заграничный» и, по всей видимости, скорее характерно для XXI века; вот примеры из Газетного корпуса:

Нет, вот мне скажите, кому кроме москвичей с **ихними** охренительными ценами, такой номинал нужОн? (О. Иванова. Пермь может появиться на десятитысячной купюре // Новый регион 2, 2009.09.22).

Она работала в чайном магазине и мечтала жить в Китае. (Это при ихнем-то перенаселении!) (Ю. СНЕГИРЁВ, А. МЕШКОВ. Пришла весна, запели птицы, а нам приспичило жениться! // Комсомольская правда, 2005.03.30).

8. Поссессивное и относительное значения ихний

Значение русских притяжательных местоимений очень широко. В. А. Плунгян причисляет русский язык к тем, в которых посессивность становится чем-то вроде обозначения максимально общего «отношения одного объекта к другому» (ср. [Seiler 1983]) и объединяет четыре большие группы значений: «обладания, родства и социальных связей, мереологии, предикатно-аргументных отношений» [Плунгян 2011: 238]. Так, его книга может в зависимости от контекста означать «книга, принадлежащая ему (или временно у него находящаяся)», «книга, которую он в данный период читает», «книга, о которой он любит рассуждать», «книга, им подаренная», «книга, им написанная» [Там же: 239] и др. Все это, безусловно, посессивные значения, так как за его скрывается конкретный референт. Все ли эти значения можно счесть «значением принадлежности», не так очевидно, но для анализа семантики ихний существенно противопоставление «посессивное значение» vs. «относительное значение», поэтому дискуссию о притяжательности в узком смысле можно оставить за рамками обсуждения.

Посессивное значение — как прилагательных, так и форм родительного падежа — отличается от относительного в первую очередь наличием конкретной референции: «Обычно считается, что относительное прилагательное с поссессивным значением обозначает нереферентного обладателя: так, сочетание детская одежда может, в частности, обозначать тип одежды, свойственной или подходящей детям вообще (по размеру, фасону и т. п.), а одежда детей скорее будет соотноситься с конкретной одеждой конкретных детей, хотя это лишь тенденция, а не жесткое правило» [Там же: 240].

Современные «окололитературные» употребления *ихний* как в значении «заграничный», так и в значении «отчужденный» предполагают референцию не к конкретным лицам, а к широкому неопределенному кругу лиц («нереферентный обладатель»), то есть несут не собственно-поссессивное, а относительное значение. Подсчет типов значений *ихний* для рандомной выборки из 100 вхождений газетного корпуса НКРЯ, являющегося примером современных тенденций, дает следующее распределение:

- относительное значение 86%: «заграничный» 74 (см. раздел 7.4.2), «из чужого лагеря» 8 (см. пример ниже), другие «отчужденные» 4 (см. примеры в разделе 7.5);
- поссессивное значение 10%: «как речевая характеристика» 8 (см. пример ниже), неясного статуса 2 (см. пример ниже);
- метаязыковые употребления (примеры плохой речи) 5% (см. пример из раздела 7.4.1).

Пример для относительного значения «из чужого лагеря»:

Ни на что я, мол, не претендую, ничего мне не надо в **ихнем** мире криминала, живу себе тихо, по-семейному (М. Попов. Гусь с яблоками // Труд-7, 2001.06.14).

Пример для поссесивного значения «как речевая характеристика»:

Мы **ихний** номер машины записали и в милицию сообщили,—гордо сообщают бдительные бабульки (Ю. Шалимова, А. Родкин. Нашли убийц «девятой жертвы маньяка» // Комсомольская правда, 2003.07.23).

Пример для поссесивного значения неясного статуса:

А не отменить ли для будущих политиков обязательное среднее образование, чтобы успокоить **ихних** одноклассников? (О. Жадан // Труд-7, 2000.06.29).

Для менее современной выборки распределение было бы другим; так, все 4 употребления *ихний* из написанного от имени автора очерка И. Бродского «Путешествие в Стамбул» (1985), соседствующие в нем с 11 притяжательными употреблениями *их*, имеют достаточно конкретную референцию, чтобы счесть их поссессивными: намотанного вкруг ихних чресел; с ихними восхитительными, медью обитыми ящичками; ихних безымянных правоверных создателей (о зданиях); доказательств несравненной ихней правоты. Но И. Бродский, используя ихний в «авторской» речи, следует традиции середины XX века, когда жесткого запрета на слово в интуиции носителей языка не было.

* * *

Итак, норма складывается из того, что зафиксировано в словарях и справочниках, с одной стороны, и из коллективной интуиции — осознанной или неосознанной — носителей литературного языка, проявляющейся в узусе, с другой. Слово ихний отвергнуто нормой-кодификацией с момента появления словарей советской эпохи (то есть начиная со словаря Д. Н. Ушакова, вышедшего в 1935—1940), что же касается интуиции, то, судя по узусу, вплоть до последней четверти XX века многие «профессиональные» носители языка воспринимали его как допустимое. В конце века интуиция, видимо, под влиянием длительного давления официальной нормы, начала совпадать с кодификацией и слово стало неприемлимым практически для всех. Сейчас же, в XXI веке, снова идет процесс освобождения интуиции, наблюдается потребность в использовании слова в относительном (не посессивном) значении, но на этот раз происходит это на фоне твердого осознания ненормативности слова, в результате чего оно проскальзывает вопреки желанию или в качестве языковой игры. В посессивном значении прилагательное ихний остается в данный момент строго за рамками допустимого в литературном языке, но в относительном слове ихний язык нуждается настолько, что культурные носители языка вольно или невольно, в реальных или мысленных кавычках или без них, шутя или случайно, но продолжают его использовать, полностью отдавая себе отчет в его крайней ненормативности. Представляется, что процесс вхождения слова в относительном значении в литературный язык будет продолжаться и, возможно, рано или поздно приведет к «семантически обусловленному» 12 функционированию вариантов ux и $uxhu\ddot{u}$ в пределах нормы.

Литература

БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М.; Л., 1950—1965.

Буслаев 2013 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Этимология. М., 2013.

Былинский, Розенталь 1961 — К. И. Былинский, Д. Э. Розенталь. Литературное редактирование. 2-е изд. М., 1961.

Виноградов 1986 — В. В. Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М., 1986.

Волк 2013 — В. С. Волк. Адъективные дериваты притяжательных местоимений в русском языке. Дипломная работа. На правах рукописи. МГУ 2013.

Голуб 1997 — И. Б. Голуб. Стилистика русского языка: Учеб. пособие. М., 1997.

Грамматика 1980 — Русская грамматика / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1—2.

Граудина 1976 — Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Живов 2005 — В. М. Живов. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки, 2005. № 2. 175—200.

Зеленин 1916 — Д. К. Зеленин. Описание рукописей ученаго архива императорского РГО (Российского Географического Общества). Пг., 1916.

Ицкович 2012 — В. А. Ицкович. Очерки синтаксической нормы. М. 2012.

Копчевская-Тамм, Шмелев 1994 — М. Н. Копчевская-Тамм, А. Д. Шмелев. Алешина с Машей статья (о некоторых свойствах русских «притяжательных прилагательных») // Scando-Slavica. Т. 40. 1994. 209—228.

Крысин 2006 — Л. П. Крысин. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 294—311.

Логунова 1984 — Н. В. Логунова. Средства выражения принадлежности в русском языке XVII века. Автореферат диссертации. Л., 1984.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961. Т. 1.

Ожегов — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1949.

Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

¹² О высокой устойчивости в рамках нормы вариативности, поддержанной семантикой, см. в работах Л. П. Крысина; например: [Крысин 2006].

Расширение нормы — Проект «Орфовики». Расширение нормы. http://orthowiki.kalan.cc/wiki/.

Розенталь 1999 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

Сидоренская 1960 — И. Д. Сидоренская. Некоторые наблюдения над словообразованием неличных местоимений в псковских говорах // Доклады на конференции по региональной лексикографии, 29—31 марта 1960 г. в г. Псков. С. 9—16. Сайт «Новости краеведения Пскова» http://druzhkovka-news.ru/pskovskie-govory-4/10/.

Словарь РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII веков. Т. 6. М., 1975—1994

Ушаков 1935 — Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935.

Чернышев 1970 — В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи: Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М., 1970.

Шмелев 2002 — А. Д. Шмелев. Русский язык и внеязыковая действительность, М., 2002.

Щерба 1939 — Л. В. Щерба. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. 1939. № 1. С. 10-21.

Югов 1960 — А. Югов. О мнимой стилистике // Нева. 1960. № 5. С. 194—206. Югов 1962 — А. Югов. Против жёлтых билетов // Нева. 1962. № 1. С. 179—182.

Seiler 1983 — H. Seiler. Possession as an Operational Dimension of Language. Language Universals Series. Vol. 2. Tübingen, 1983.

References

BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 1—17. Moskva; Leningrad, 1950—1965.

Buslayev 2013 — F. I. Buslayev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Etimologiya. Moskya, 2013.

Bylinskiy, Rozental 1961 — K. I. Bylinskiy, D. E. Rozental. Literaturnoye redaktirovaniye. 2-e izd. Moskva, 1961.

Chernyshev 1970 — V. I. Chernyshev. Pravilnost i chistota russkoy rechi: Izbrannyye trudy: V 2 t. Moskva, 1970. T. 2.

Golub 1997 — I. B. Golub. Stilistika russkogo yazyka: Uchebnoye posobiye. Moskva, 1997.

Grammatika 1980 — Russkaya grammatika / Otv. red. N. Yu. Shvedova. Moskva, 1980. T. 1—2.

Graudina 1976 — L. K. Graudina, V. A. Ickovich, L. P. Katlinskaya. Grammaticheskaya pravilnost russkoy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovarya variantov. Moskva, 1976.

Ickovich 2012 — V. A. Ickovich. Ocherki sintaksicheskoy normy. Moskva, 2012.

Kopchevskaya-Tamm, Shmelev 1994 — M. N. Kopchevskaya-Tamm, A. D. Shmelev. Aleshina s Mashey statya (o nekotorykh svoystvakh russkikh «prityazhatelnykh prilagatelnykh») // Scando-Slavica. T. 40. 1994. 209—228.

Krysin 2006 — L. P. Krysin. Yazykovaya norma v proyekcii na sovremennuyu rechevuyu praktiku // Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 4. Problemy yazykovoy normy / Otv. red. L. P. Krysin. Moskva, 2006. S. 294—311.

Logunova 1984 — N. V. Logunova. Sredstva vyrazheniya prinadlezhnosti v russkom yazyke XVII veka. Avtoreferat dissertacii. Leningrad, 1984.

MAS —Slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Moskva, 1957—1961. T. 1.

Ozhegov — S. I. Ozhegov. Slovar russkogo yazyka. Moskva, 1949.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.

Rasshireniye normy — Proyekt «Orfoviki». Rasshireniye normy. http://orthowiki.kalan.cc/wiki/.

Rozental 1999 — D. E. Rozental, Ye. V. Dzhandzhakova, N. P. Kabanova. Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu. Moskva, 1999

Seiler 1983 — H. Seiler. Possession as an Operational Dimension of Language. Language Universals Series. Vol. 2. Tübingen, 1983.

Shcherba 1939 — L. V. Shcherba. Spornyye voprosy russkoy grammatiki // Russkiy yazyk v shkole. 1939. № 1. S. 10-21.

Shmelev 2002 — A. D. Shmelev. Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitelnost. Moskva, 2002.

Sidorenskaya 1960 — I. D. Sidorenskaya. Nekotoryye nablyudeniya nad slovo-obrazovaniyem nelichnykh mestoimeniy v pskovskikh govorakh // Doklady na konferencii po regionalnoy leksikografii, 29—31 marta 1960 g. v g. Pskov. S. 9—16. Sayt «Novosti krayevedeniya Pskova» http://druzhkovka-news.ru/pskovskie-govory-4/10/.

Slovar RYa XI—XVII vv. — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vekov. T. 6. Moskva, 1975-1994.

Ushakov 1935 — G. O. Vinokur, B. A. Larin, S. I. Ozhegov, B. V. Tomashevskiy, D. N. Ushakov. Tolkovyy slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva, 1935. T. 1.

Vinogradov 1986 — V. V. Vinogradov. Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove). 3-e izd., ispr. Moskva, 1986.

Volk 2013 — V. S. Volk. Adyektivnyye derivaty prityazhatelnykh mestoimeniy v russkom yazyke. Diplomnaya rabota. Na pravakh rukopisi. Moskva, MGU 2013.

Yugov 1960 — A. Yugov. O mnimoy stilistike // Neva. 1960. № 5. P. 194—206.

Yugov 1962 — A. Yugov. Protiv zheltykh biletov // Neva. 1962. № 1. P. 179—182.

Zelenin 1916 — D. K. Zelenin. Opisaniye rukopisey uchenago arkhiva imperatorskogo RGO (Rossiyskogo Geograficheskogo Obshchestva). Petrograd, 1916.

Zhivov 2005 — V. M. Zhivov. Yazyk i revolyuciya. Razmyshleniya nad staroy knigoy A. M. Selishcheva «Yazyk revolyucionnoy epokhi» i nad processami, kotoryye Selishchev ne uspel opisat // Otechestvennyye zapiski, 2005. № 2. S. 175—200.

Резюме

В статье на большом корпусном материале отслеживается история функционирования местоименного прилагательного *ихний* в русском языке (XIX—XXI вв.). и его конкуренции с притяжательным неизменяемым «*ux*». Выделяются разные периоды с точки зрения восприятия носителями языка нормативного статуса этого слова. Неполное отторжение лексемы *ихний* литературным языком автор связывает не столько с наличием лакуны в системе местоименных прилагательных, сколько с развитием у *ихний* непритяжательных значений.

Ключевые слова: местоимения, русский язык, языковая норма, корпусная лингвистика, семантика, грамматика.

EKATERINA R. DOBRUSHINA

CODIFIED NORM VS. INTUITIVE NORM, OR TWO CENTURIES WITH *UXHUЙ*

The paper based on the Russian National Corpus analyzes the usage of the pronominal adjective $uxhu\ddot{u}$ 'their' as compared to the possessive invariable pronoun ux 'their' in Russian throughout the $19^{th} - 21^{th}$ centuries. According to native speakers' perception of its normative status several periods are discerned. We argue that the incomplete rejection of the lexeme $uxhu\ddot{u}$ in Standard Russian is explained by non-possessive meanings that the word $uxhu\ddot{u}$ has developed, rather than by a gap in the pronominal adjective system.

Keywords: pronouns, Russian language, Standard Russian, corpus linguistics, semantics, stylistics, grammar.

Свято-Тихоновский православный университет 115184, Москва, Новокузнецкая улица, 23-Б, стр. 5

St. Tichon's Orthodox University, 23-Б/5 Novokuzneckaya Str., Moscow 115184, Russia

Статья поступила 13.05.2013

Received on 13.05.2013

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ИМПЕРФЕКТИВЫ С СУФФИКСОМ -*ЫВА-/-ИВА-*В СЕВЕРНОРУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ*

1. Как показали летописи Южной Руси, в Киевской и Галицко-Волынской диалектных зонах суффикс имперфективации -ыва-/-ива- был уже вполне продуктивным в раннедревнерусскую эпоху. В Киевской летописи XII в. (КЛ) и Галицко-Волынской летописи XIII в. (ГВЛ) имперфективы на -ыва-/-ива- свободно образуются от самых разных основ, варьируясь с имперфективами на -а-, — столь широкое образование -ыва-имперфективов сейчас представлено только в северо-восточных русских говорах (архангельских, вологодских), с системой которых эта южнодревнерусская система обнаруживает сходство (см. подробнее в работе [Шевелева 2010]).

Ранняя продуктивность суффикса -ыва-/-ива- в южных диалектах Древней Руси подтверждается данными и других памятников киевского и галицко-волынского происхождения — как оригинальных, так и переводных. На сегодняшний день старейший обнаруженный пример имперфектива с суф. -ыва-/-ива- принадлежит заключительной части Изборника 1076 г., содержащей выписки из поучений отцов церкви, — статье о вреде пьянства. Эта статья (14.31 — см. [Изборник 1076, I: 75, 79]) «составлена из отрывков гомилии Василия Великого Против упивающихся», при этом отсутствие славянских параллелей (см. [Там же: 79]) позволяет предполагать, что перевод ее восточнославянский:

Вълаганть оубо си въ болъдни тажьный: глава оубо правъ пръбывати не можеть: съмо и овамо пръкланающти са на рамъ: съни оубо тажьци и дъли <u>отагъчиважть</u> отъ оупиванию (Изборник 1076, л. 266).

Перед нами имперфектив с суф. *-ива-* **отыгъчивати** к перфективу **отыгъчити**, тоже, кстати, засвидетельствованному в Изборнике 1076 г. (**отыгъчить**, л. 161 об.).

Таким образом, можно считать бесспорно доказанным, что в эпоху старейших вост.-слав. памятников XI в. модель имперфективации на -ыва-/-ива-

Мария Наумовна Шевелева, Московский государственный университет.

^{*} Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»).

уже была в употреблении в южнодревнерусских диалектах. Следовательно, вполне вероятно, что она была здесь известна и в предшествующую, т. е. дописьменную эпоху.

Единичные примеры имперфективов на -ыва-/-ива- из начальной части ПВЛ (оумыкиваху оу воды дбил Введ., Лавр., л. 5; привлзывати църь обертывающи въ платки малы нитъкою поверзывающе 946 г., Лавр., л. 17—17 об. — с разночтениями по старшим спискам), относительно которых в свое время П. С. Кузнецов высказывал предположение, что они могли быть свойственны и протографу летописи [Кузнецов 1959: 188], теперь с гораздо большей вероятностью могут быть возведены к раннему времени 1.

В XII в. в Киевской и Галицко-Волынской Руси модель имперфективации на -ыва-/-ива- уже явно продуктивна. Об этом, как уже говорилось, свидетельствует прежде всего КЛ, известная богатым отражением разнообразных черт живого языка, — в КЛ зафиксирован 41 имперфектив с суффиксом -ыва-/-ива- в 63 употреблениях: въскладывають 1175 г., л. 210; замысливають 1150 г., л. 144 об.; оставливаю 1146 г., л. 121; понуживати 1155 г., л. 172 и др.; нараживающи 1176 г., л. 211 об.; подъоучиваю 1128 г., л. 108 об.; оуттиваю 1146 г., л. 125 и др.; оуправливаше 1171 г., л. 195 об.; оукаривахуть 1159 г., л. 177 и др. (см. подробно: [Шевелева 2010: 203—212]).

Несомненным подтверждением принадлежности этих -ыва-/-ива- имперфективов киевскому источнику XII в., а не какому-нибудь позднейшему переписчику оказывается (помимо представленности -ыва-глаголов во всех списках КЛ без разночтений, что само по себе можно считать доказательством их принадлежности первоначальному тексту летописи) тот интересный факт, что в Суздальской летописи (СЛ) за XII в. имперфективы на -ыва-/-ива- представлены только в чтениях, совпадающих с КЛ и восходящих к общему с КЛ южнорусскому источнику XII в. (см. подробнее: [Шевелева 2010: 212—214]). Этот факт подтверждает принадлежность -ыва-имперфективов в КЛ исконному тексту летописи и, соответственно, киевской диалектной системе XII в. При этом вопрос о том, в какой мере они были свойственны северо-восточной системе XII в., остается открытым (см. об этом ниже).

Продуктивность модели имперфективации на -ыва-/-ива- в южной части древнерусской территории XII в. (киевской и галицко-волынской) засвидетельствована не только летописными источниками. При этом, оценивая данные источников, надо иметь в виду, что имперфективы на -ыва-/-ива-имели разговорный характер и проникновение их в церк.-слав. тексты могло сдерживаться.

¹ Приведенные примеры относятся к фрагментам, добавленным, согласно реконструкции А. А. Шахматова, к тексту Начального свода конца ХІ в. составителем ПВЛ ([Шахматов 1908: 97—133]; см. об этом также: [Гиппиус 2001]). Однако -ыва-имперфективы есть и в других чтениях ПВЛ, возможно восходящих и к ХІ в., ср. в рассказе о вокняжении Владимира в Киеве: пристраиваисл противу битсл 980 г. (Ипат., л. 30 — читается по всех старших списках ПВЛ).

Два примера встречаются в Сказании о Борисе и Глебе (СкБГ) по списку Успенского сборника (Усп. сб.) кон. XII в. [Силина 1987: 199—200] — памятнике киевского происхождения, происхождение же рукописи связывают либо с киевской, либо с северо-восточной зоной [Усп. сб. 1971: 26], ср.: и яко услыша стыи Борисъ начать тельмь оутьрпывати ослабевать, цепенеть и лице него все слезъ испълнисна (СкБГ, Усп. сб., л. 9а) — в более позднем списке Сильвестровского сборника XIV в. (Сильв. сб.) (новгородского происхождения) находим в этом чтении имперфектив на -а-: ... начать теломь оутерпати (СкБГ, Сильв. сб., 61 об.); ср. в рассказах о чудесах Романа и Давида в том же списке Усп. сб.: огнь ишьдъ оть гроба и зажьже нозъ него и искочивъ начать повъдати и нозъ показывана свою дружинъ опаленъ и ожъженъ (СкБГ, Усп. сб., 19а).

Как показало исследование А. А. Пичхадзе, имперфективы на -ыва-/-ивавстречаются во многих киевских и галицко-волынских переводах XII в., особенно они употребительны в Толкованиях Никиты Ираклийского на 16 слов Григория Богослова (по данным В. Б. Силиной, 41 пример [Силина 1987: 202]), Пчеле (възискывати, въскладывати, въстъргывати, исправливати, прикладывати, оугашивати и др.) и Истории Иудейской войны (въскладывати, въстъргывати, выдавливати, зарачиватисл, опасыватисл, отъръзывати, погубливати, прилъпливати, съставливати и др.) [Пичхадзе 2011: 151—152]. Показательно, что в Житии Феодора Студита (ЖФСт), сохранившегося в раннем списке Выг. сб. XII в. юго-западного происхождения, тоже зафиксировано довольно много имперфективов на -ыва-/-ива-: по данным В. Б. Силиной (по материалам картотеки СДРЯ XI—XIV вв.), 9 примеров — больше, чем во всех других памятниках по рукописям XII в. (въкушивая 57 л. об., помазывая л. 145 об., показываеть л. 124 об., поръкывающе л. 157 об., съказываеть л. 164 и др. [Силина 1987: 199—200]), о русизмах перевода ЖФСт см. [Пичхадзе 2011: 37—39].

При этом в некоторых других ранних др.-рус. переводных памятниках имперфективы на -ыва-/-ива- встречаются редко или не зафиксированы совсем: так, их нет в Александрии и в Житии Андрея Юродивого (ЖАЮ), перевод которого связан с Новгородом [Там же: 151]. Отсутствие -ыва-имперфективов в ЖАЮ особенно значимо, поскольку язык этого перевода отличается широким отражением некнижных черт и новгородских диалектных особенностей на всех уровнях (см. [Молдован 2000: 91—105, 149—155; Шевелева 1996; 2007]).

Таким образом, последние исследования показали, что в Киевской и Галицко-Волынской зонах суффикс имперфективации -ыва-/-ива- был продуктивен уже в раннедревнерусскую эпоху. Однако в отношении других диалектных зон, и прежде всего северной части древнерусской территории, картина остается не вполне ясной. Как уже говорилось, современная система северо-восточных русских говоров в области средств имперфективации обнаруживает сходство с этой южнодревнерусской системой, что наводит на мысль о возможности сохранения здесь древнерусского арха-

изма. Однако, даже если это архаизм, вряд ли он был общедревнерусским: данные о существовании на древнерусской территории ранних диалектных различий, связанных с -ыва-моделью имперфективации, указывают на то, что ситуация была более сложной (см. об этой проблеме: [Шевелева 2010: 212, 237—239]). Необходимо более полное обследование материалов севернорусских источников др.-рус. эпохи — как северо-восточных, так и северо-западных (новгородских).

В работе [Шевелева 2010] исследованы данные северо-восточной Суздальской летописи XII — нач. XIV вв. (СЛ) и московской Никоновской летописи (НЛ) за период втор. четв. XV в. — перв. пол. XVI в. — летописей, связанных с диалектной зоной северо-востока и Центра, где суффикс имперфективации -ыва-/-ива- получает наиболее широкое распространение. Как показала НЛ, московская система средств имперфективации втор. пол. XV — XVI вв. уже близка к современной русской литературного типа — с широкой употребительностью -ыва-имперфективов (особенно некоторых наиболее частотных глаголов) и при этом с определенным распределением -ыва-(-ива-) и -а- моделей по глагольным основам, что отличает ее от систем южнодревнерусской и современной северо-восточной архангельского типа, для которых характерна более свободная вариативность моделей на *-ыва-(-ива-)* и *-а-* [Шевелева 2010: 223—230, 237—239]. Такая система, очевидно, уже складывается в Центре в XV—XVI вв. на базе более архаичной системы с вариативностью моделей имперфективации. Но какова была система в северо-восточных говорах древнерусской эпохи, во многом остается неясным — как уже говорилось, данные СЛ XII—XIII вв. показали в отношении имперфективов на -ыва-/-ива- очень «скромный» результат (см. [Там же: 212—215]). Для прояснения ситуации необходимо расширить круг обследованных летописных памятников.

В настоящей работе исследуется употребление имперфективов с суф. -ыва-/-ива- в новгородских и северо-восточных летописях, включающих изложение событий XII—XVI вв.: Новгородской I летописи старшего и младшего изводов (НІЛ), Новгородской II летописи (НІІЛ), Новгородской IV летописи (НІVЛ), Типографской летописи (ТЛ), Никоновской летописи (НЛ) за XII—нач. XV в.

Имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в новгородских летописях

2. В новгородских берестяных грамотах суффикс имперфективации -ыва-/ -ива- фиксируется с XII в. К XII в. относится один пример в грамоте № 794 (втор. пол. XII в.): *ци ти пъц*[ь]не кназь к8пьцѣ надѣливати [Зализняк 2004: 217, 320]. Еще один, причем более ранний пример отмечен в написании -ьва- в грамоте № 959 (пер. пол. XII в.): съказъвалъ — однако это может быть и отражением особого диалектного развития суффикса имперфективации, характерного также для белорусского языка [Зализняк, Янин 2007: 9—10] см. также [Шевелева 2010: 203, 206, 239]. Обратим внимание,

что грамота № 959 не содержит никаких признаков древненовгородского диалекта [Зализняк, Янин 2007: 9], в отличие от грамоты № 794, отражающей яркие новгородские диалектизмы (см. [Зализняк 2004: 320—321]).

В грамотах XIII—XIV вв. число примеров имперфективов на -ыва-/-ива-несколько растет: оурекываются 'договариваются' и осоу[л] ивати в грамоте № 600 первой половины XIII в. явно новгородского происхождения — содержащей яркие древненовгородизмы [Зализняк 2004: 217, 471]; сказываи в грамоте № 358 сер. XIV в. — письме новгородского посадника Онцифора Лукинича [Там же: 217, 549—552]; прикажзивании в грамоте № 99 сер. XIV в. — письме к тому же Онцифору Лукиничу о поставках рыбы [Там же: 217, 552—553] и приказыван, приказываю в грамоте № 519 рубежа XIV—XV вв., представляющей собой написанное в соответствии с официальным стандартом завещание, хотя и отражающей (с коррекцией) черты древненовгородского диалекта [Там же: 217, 652—654].

Как мы видим, и в поздних новгородских берестяных грамотах примеров имперфективов на *-ыва-/-ива-* остается немного.

Еще 2 примера зафиксировано в тверской грамоте № 5 рубежа XIII— XIV вв.: *переписываете*⟨-*ть*⟩ и *сотесываете*⟨-*ть*⟩ — эта грамота явно бытовая, но по диалектным особенностям имеет отличия от древненовгородских, поскольку отражает близкий (тоже северо-западный), но все же не тождественный новгородскому диалект [Зализняк 2004: 271, 569].

Как отмечает А. А. Зализняк, «[о]сновной для берестяных грамот всё же остается древнейшая модель — с суффиксом -*a-*/-*A*-» [Зализняк 2004: 217] — модель имперфективации на -*ыва-*/-*ива*- начинает распространяться, но расширение ее употребления отмечается только к XV в. [Там же].

В новгородских пергаменных грамотах XIII—XIV вв. тоже встречаются имперфективы на -ыва-/-ива-, но преимущественно в стандартных формулах. Например, в Договорной грамоте Новгорода с вел. князем Ярославом Ярославичем 1264 г.: *а грамоты ти кнже <u>не посуживати</u>* [Хрест.: 53] — в более поздних вариантах того же текста может заменяться на не посужати (Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Яросл. Ярославичем 1270 г., Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Мих. Ярославичем 1304—1305 гг., Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Мих. Ярославичем 1307—1308 гг., Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Александром Михайловичем 1326—1327 гг., Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Мих. Александровичем 1371 г. и др. [ГВНП: 12, 15, 17, 20, 28, 30]), зато в более поздних вариантах могут появляться другие -ыва-имперфективы: ты грамоты отымати, а старые оправливати (Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Яросл. Ярославичем 1270 г. [ГВНП: 12]), а приставов (ти) не приставливати (Дог. грам. 1270 г., Дог. грам. 1304—1305 гг., Дог. грам. 1307—1308 гг., Дог. грам. 1371 г., Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Василием Васильевичем 1435 г. [ГВНП: 13, 16, 17, 20, 30, 36]). Последняя формула особенно употребительна, хотя тоже встречается с заменой на -аимперфектив: а приставов не приставляти (Дог. грам. Новгорода с вел. кн. Александром Михайловичем 1326—1327 гг. [ГВНП: 28].

В духовных грамотах: (а) свою женоу <u>приказываю</u> игоуменоу Варламоу и всеи братьи (Дух. завещ. новгородца Климента до 1270 г. [Хрест.: 55] — ср. ту же формулу в берестяной грамоте № 519, также представляющей собой завещание (а дъти свои <u>приказываю</u> Василию Жсифовицю и Максиму Василиювицю), см. выше.

Поскольку нормы стандартного древнерусского языка деловых документов ориентированы не на древненовгородский диалект, а, очевидно, на киевский [Зализняк 2004: 5; Живов 2004: 70—71], встретившиеся в такого рода текстах -ыва-имперфективы вполне могут восходить и к киевской традиции — надежным свидетельством существования этих образований в местном говоре их считать нельзя.

Обратимся к данным новгородских летописей.

2.1. В **Новгородской I летописи старшего извода** (Синодальный список XIII—XIV вв.) (**НІЛст**) засвидетельствовано всего 4 примера имперфективов с суффиксом *-ыва-/-ива-* по представленности *-ыва-*образований НІЛ резко отличается от южнорусских КЛ и ГВЛ с их высокой употребительностью глаголов на *-ыва-/-ива-* (ср. выше: КЛ — 41 *-ыва-*имперфектив в 63-х употреблениях). При этом, как известно, НІЛ носит далеко не книжный характер и в этом отношении вполне сопоставима с КЛ и с ВЛ в составе ГВЛ, новгородские диалектные особенности в НІЛ отражаются очень широко.

Все имеющиеся в НІЛст примеры имперфективов на *-ыва-/-ива-* принадлежат записям XIII в.

Три из этих 4-х примеров связаны с деятельностью одного и того же летописца — летописца архиепископа Антония, которому атрибутируется ведение НІЛ за период 1211—1226 гг. и вставка в летопись Повести о взятии Царьграда фрягами (ПВЦ) под 1204 г. [Гиппиус 1996: 9, 22—23; 2006: 215 и др.; 2009]. Первый из названных примеров встречается в ПВЦ, включенной в новгородский владычный свод по инициативе архиепископа Антония, незадолго перед этим вернувшегося из Царьграда [Гиппиус 1996: 9, 23; 2009: 187], — ПВЦ имеет скорее всего неновгородское, возможно южнорусское происхождение [Творогов 1987: 353]. Ср. пример имперфектива на -ива-: ...на иныхъ же кораблихъ исъциниша порокы и лъствица, а на инъхъ замыслиша съвъшивати бъчькы чересъ градъ, накладены смолнины, и лучины зажъгъше пустиша на хоромы, якоже и пръже пожъгоша градъ (НІЛст, л. 68 об. — то же чтение свъшивати сохраняется и в младшем изводе, л. 128, см. об этом ниже).

Еще один пример мы находим в рассказе о приходе татар на Русь и битве на Калке под 1224 г., т. е. о южнорусских событиях: и та доумавше много о собе, яша ся по поуть. И поклона дъла и молбы кнзь половьчьскыхъ и начаша вое пристраивати кождо свою власть. И поидоша съвъкоупивъше землю всю роусскоую противоу татаромъ (НІЛст, л. 97). Традиционно считалось, что летописная повесть о битве на Калке имеет южно-

русское происхождение (см. [Буланин 1987: 346—347]), однако, как показал В. А. Кучкин, этот рассказ составлен новгородским летописцем по возвращении архиепископа Антония из Перемышля в Новгород в 1225 г., рассказ основан на устных сведениях, которые могли быть собраны в Галицком княжестве в период пребывания Антония епископом в Перемышле, позднее литературно обработан и включен в летопись ([Кучкин 2003: 74—75], см. также [Гиппиус 2009: 194—195]) — есть все основания считать пространный рассказ о Калкской битве записанным со слов вернувшегося из Южной Руси архиепископа Антония (см. [Гиппиус 2009: 195]). Показательно, что в рассказе о битве на Калке сочетаются традиции киевского и новгородского летописания — и в стилистике, и на собственно лингвистическом уровне (ср. яркие новгородизмы рекл, союз око — стандартные формы роусьской земли Д. п. и др.). Очевидно, что летописец архиепископа Антония был знаком с южнорусской летописной традицией и испытал ее влияние — см. об этом [Гиппиус 2009: 184—185, 194].

Третий пример имперфектива на -ива- в части того же летописца архиепископа Антония читается под 1215 г. в рассказе о конфликте князя Ярослава Всеволодовича с Новгородом, последующее развитие которого привело к распре между князьями и к битве на Липице в 1216 г.: Ирославоу же бы $^{\varepsilon}$ весть на Тържькъ и изгошиша твърдь. а поути $\ddot{\omega}$ Новагорода вси засекоша и р \overline{t} коу Тьхв \overline{t} рию. \overline{a} в Новьгородь въсла \widehat{p} .моу \widehat{t} новгородьць *Мьстисла* проваживать из Новагорода (НІЛст, 1215 г., л. 82 об.). Это уже рассказ о новгородских событиях, однако по развернутости и стилистике он заметно отличается от лаконичной манеры новгородских погодных записей — это практически отдельная повесть с элементами риторики, речами персонажей и т. д. Как показал А. А. Гиппиус, именно в статьях летописца архиепископа Антония «в повествование НІЛ впервые входит героическая топика воинских повестей с патетическими речами персонажей, риторическими обращениями к аудитории и т. д.» [Гиппиус 1996: 25; см. также 2006: 183—193]. Эта стилистика воинских повестей, безусловно инновационная для новгородского летописания, тоже имеет в своих истоках синтез традиций новгородской и южнорусской, с которой летописец архиепископа Антония, несомненно, был хорошо знаком: об этом свидетельствует и наличие в его статьях пассажей, явно заимствованных из Киевской летописи XII в., — именно киевская летописная традиция (включая ПВЛ или Начальный свод кон. XI в.) с ее развернутыми повестями стала для летописца архиепископа Антония источником образцов, на которые он ориентировался в стереотипах описания, устойчивых формулах, в моделях построения фраз и оборотов и т. д. [Гиппиус 2009: 184—185, 190]².

² По данным А. А. Гиппиуса, именно с летописца архиепископа Антония в НІЛст «начинается» позднедревнерусская эпоха: количество фонетических и морфологических позднедр.-рус. форм у него особенно велико [Гиппиус 1996: 25]. Не связано ли это и с воспринятым летописцем влиянием южнорусской традиции?

Таким образом, оказывается, что все 3 примера -*ыва*-имперфективов в записях летописца архиепископа Антония входят в состав как раз таких развернутых повестей, одна из которых (ПВЦ) является вставным текстом.

4-ый, и последний в НІЛст, пример имперфектива на -ива- принадлежит записи пономаря Тимофея — летописца архиепископов Спиридона и Далмата, ведшего летопись на протяжении 1226—1274 гг. и упоминающего о себе под 1230 г. (л. 113) [Гиппиус 1992; 1996: 22—23; 2006: 214—215; 1997: 8—12]. Этот пример встречается в статье за тот же 1230 г., где летописец упоминает себя, в непосредственно следующей после этого упоминания записи — рассказе о страшном голоде в Новгороде: Что бо рещи и//ли что глаголати о бывшеи на нас от бога казни. Яко инии простая чадь ръзаху люди живыя и ядяху, а инии мьртвая мяса и трупие обръзающе ядяху, а друзии конину, псину, кошкы: нъ тъхь осочивъше, тако творяху, овъихъ огнемъ ижгоша, а другыхъ осъкоша, иныхъ извъшаша; инии же мьхь ядяху, ушь, сосну, кору липову и листь ильмь, кто что замысля; а инии пакы злии человъци почаша добрыхъ людии домы зажигати, кде чююче рожь, и тако разграбливахуть имение ихъ, въ покаяния мѣсто злое; и горияиши того быхомъ на зло, а видяще предъ очима нашима гневъ божии: мьртвьци по у(ли)чамь и по търгу и по мосту по великому от пьсь// изедаемы, оже не можаху погръбати (НІЛст, 1230 г., л. 113 об.). В этом насыщенном риторикой и достаточно книжном описании новгородского бедствия (мы сознательно привели развернутый контекст) ярко проявляются характерные особенности летописной манеры Тимофея, существенно отличающейся от традиционного новгородского летописания предшествующих частей НІЛ: полная назидательных отступлений, основанных на библейских цитатах, книжных элементов на разных уровнях, летопись Тимофея, как показал А. А. Гиппиус, в значительной степени опирается на киевскую традицию Начальной летописи, прямые заимствования из которой обнаруживаются в его записях [Гиппиус 1996: 25—26; 1997: 9—10; 2006: 214 и др.]. И именно в таком риторически насыщенном описании трагических событий у Тимофея употребляется имперфектив на -ива- разграбливахуть. Интересно, что в младшем изводе НІЛ по Комиссионному списку на месте этого имперфектива читается простой бесприставочный глагол грабяще (л. 154), но зато чуть выше в том же контексте на месте -а-имперфектива *трупие обръзающе ядяху* (см. выше) в младшем изводе читается -ыва-имперфектив трупие обръзывающе ядяху (л. 154; HIVЛ обръзываху, л. 133, см. об этом ниже) — очень вероятно, что в оригинале владычной летописи (об отношении обоих изводов НІЛ к «официальному экземпляру» новгородской владычной летописи см. [Гиппиус 2006: 123]) в обоих случаях читались имперфективы на -ыва-/-ива-.

Таким образом, у пономаря Тимофея имперфектив (или два имперфектива?) на -ыва-/-ива- оказываются связаны с литературной традицией, восходящей к киевскому летописанию. Стилистически сходные контексты, включающие имперфективы на -ыва-/-ива-, встречаются и в Киевской ле-

тописи, ср., например: не токмо простьцемь но и мнихомь и игуменомь и ервемь безьмл твь сыи мчтль другымь члвкомь головы порвзывата и бороды. а другымь шчи выжигаше и назыкы вырвзывата. другына же распинаше по ствнв и муча немилостивнв (КЛ, 1172 г., л. 197 об.); и тако оучрв//жаше всю бра то а в Лазореву субботу вси Печераны взимаше и по все манастыре зваше. а во ины бни въ сре и в па ткь оутвшиваше бра то Печерьскую (КЛ, 1168 г., л. 189 об.). В КЛ -ыва-/-ива- имперфективы употребляются и в близких к живому языку, и в насыщенных риторикой контекстах (см. [Шевелева 2010: 203—211]). Новгородский летописец Тимофей, видимо, воспринимает эти образования как принадлежность риторически изысканной летописной традиции.

Таким образом, редкие случаи имперфективов на -ыва-/-ива- в НІЛст обнаруживаются в наиболее «литературных» фрагментах летописи — и все они оказываются связанными с традицией киевского летописания. Обратим внимание на то, что в записях за XII в. имперфективов на -ыва-/-ива-нет вообще. Нет их и во всей части, переписанной вторым писцом рукописи, — с 1234 г. до 1330 г. [Гиппиус 1996: 4], т. е. в части, включающей записи со второй трети XIII в. по вторую треть XIV в. Второй писец Синодального списка НІЛ, как показал А. А. Гиппиус, в значительной степени унифицировал графико-орфографические и морфологические особенности оригинала в соответствии со своими нормативными представлениями [Гиппиус 1996: 16], но вряд ли он вмешивался в сферу -ыва-имперфективов, поскольку в младшем изводе НІЛ в записях за этот период, а также за весь XIV в. имперфективов на -ыва-/-ива- тоже нет (см. ниже).

2.2. В **Новгородской I летописи младшего извода (НІЛмл)**³ из 4-х представленных в старшем изводе *-ыва-*имперфективов читается только один — в ПВЦ: *а на иных замыслиша свышвати бочкы чресы град накладены смолы* (НІЛмл, л. 128 — ср. выше такое же чтение в НІЛст, л. 68 об.).

В двух случаях младший извод заменяет имперфективы с суф. -ыва-/-ивана другие образования, ср.: а въ Новгородъ въсла \widehat{p} . му^ж новгородьць Мьстисла проваживать из Новагорода (НІЛст, 1215 г., л. 82 об.) — Мьстислава провади(ти) из Новагорода (НІЛмл, 1215 г., л. 136);

в повести о битве на Калке: И начаша вое <u>пристраивати</u> кождо свою власть (НІЛст, 1224 г., л. 97) — и начаша вои <u>совокупляти</u> коиждо свою область (НІЛмл, л. 144).

В одном случае — в рассказе пономаря Тимофея о голоде в Новгороде под 1230 г. — замена на простой бесприставочный глагол представлена в Комиссионном списке при сохранении -ыва-имперфектива или замене -ыва-> -ева- в других списках: и тако разграбливахуть имение ихъ въ по-каяния мъсто злое (НІЛст, л. 113 об.) — и тако грабяще имъниа их

 $^{^3}$ Младший извод НІЛ исследован от начала собственно новгородской летописи до конца памятника, т. е. с 1115 г. до середины XV в.

(НІЛмл, Комис. сп., л. 154), в списке А. — разграблеваху, в списке Т. сохраняется разграбливаху [см.: НІІЛ ст. и мл. изводов]. При этом, как уже отмечалось выше, в том же контексте в младшем изводе обнаруживается еще один -ыва-имперфектив, отсутствующий в старшем: а инии мертвое трупие обръзывающе ядяху (НІЛмл, л. 154 — читается во всех списках младшего извода).

Как показал А. А. Гиппиус, оба извода НІЛ независимо восходят к общему протографу — новгородской владычной летописи (см. [Гиппиус 1996: 6; 2006: 123], о создании младшего извода НІЛ см. [Гиппиус 2011]⁴). В рассказе Тимофея под 1230 г., как мы уже говорили, в оригинале скорее всего читались оба -ыва-имперфектива (см. выше) — один из них сохранился только в младшем изводе. Однако в большинстве случаев в ходе редактирования младшего извода -ыва-имперфективы устранялись.

В записях второй половины XIII—XIV вв. в НІЛмл имперфективов на -ыва-/-ива- нет совсем. Два примеры обнаруживаются в записях XV в.

Первый из них — в рассказе о чумовом море 1417 г., охватившем многие русские города. Этот рассказ стилистически напоминает риторически напряженное описание голода у пономаря Тимофея, при этом он включает явно устойчивые стереотипы, встречающиеся и в северо-восточных летописях при описании моровых поветрий и подобных бедствий:

И како могу сказати ту бъду страшную и грозную, бывшую в весь (явно неправильно понятое сесь, в списках AT - ceu)⁵ морь; како туга живым по мертвыхь, понеже умножищася умерших въ градъх и селех, темже едва успъваху живии мертвых опрятывати (списки АТ — опрятовати), на всякъ день умираху толко, яко не успъваху погръбати их (НІЛмл, 1417 г., л. 248 об.). В части списков младшего извода имперфектив опрятывати заменен на опрятовати, но при этом сохранен в НПЛ (л. 53) и НГУЛ (л. 279) — см. ниже. Та же стандартная формула описания морового бедствия встречается в северо-восточных летописях под разными датами, ср. в Типографской летописи (ТЛ): и бысть моръ великъ и страшенъ, не оуспъваху бо живіи мертвыхъ опрятывати, въздъ бо мрътвіи (ТЛ, 1364 г., л. 173 об.). Интересно, что при описании мора 1417 г. в ТЛ эта формула как раз не представлена, ср.: И толь великъ бысть моръ, яко живіи не оуспъваху мръ/твыхъ погребати (ТЛ, 1417 г., л. 250—250 об.) — свидетельство того, что составитель младшего извода НІЛ воспроизводил именно устойчивую формулу, а не конкретную запись.

⁴ А. А. Гиппиус предлагает датировать создание младшего извода НІЛ 1397 г.: «мы полагаем, что именно в 1397 г. путем переписки и частичного редактирования ветхого официального экземпляра новгородской владычной летописи был создан протограф младшего извода Н1, в дальшейшем пополнявшийся погодными записями и несколько раз копировавшийся» [Гиппиус 2011: 30].

 $^{^{5}}$ Непонятое новгородским летописцем местоимение *сесь*, характерное для говоров северо-востока и Центра, косвенно подтверждает предположение о северо-восточном источнике этого описания.

Последний пример -ыва-имперфектива в НІЛмл читается в рассказе об «усобной рати» в Новгороде 1418 г. — тоже событии исключительно драматическом, рассказе эмоционально напряженном и довольно книжном: И начаша звонити по всему граду, и начаша людие сърыскывати съ обою страну, акы на рать, в доспъсъх на мость великыи (НІЛмл, 1418 г., л. 250).

Таким образом, оказывается, что в НІЛ имперфективы на *-ыва-/-ива*-появляются в наиболее «литературных» частях текста, связанных преимущественно с традицией летописания Южной и Северо-Восточной Руси.

Приведем в итоге полный список имперфективов с суф. -ыва-/-ива-, представленных в обоих изводах НІЛ (знак «—» означает отсутствие соответствующего чтения):

			Старший	Младший
			извод	извод
обръзывати	обрѣзывающе	1230 г.	_	л. 154
опрятывати	мертвых опрятывати	1417 г.	_	л. 248 об.
пристраивати	начаша вое пристраивати	1224 г.	л. 97	_
проваживати	проваживатъ из Новагорода	1215 г.	л. 82 об.	_
разграбливати	разграбливахуть	1230 г.	л. 113 об.	(только Т. сп.)
съвъшивати (ПВЦ)	съвъшивати бъчькы	1204 г.	л. 68 об.	л. 128
сърыскывати	начаша людие сърыскывати	1418 г.		л. 250

2.3. Новгородская ІІ (Архивская) летопись (НІІЛ) представляет собой извлечения из новгородских сводов без соблюдения хронологической последовательности, одни и те же статьи иногда повторяются и записи за один и тот же год оказываются разбросанными по разным частям рукописи [НІІЛ: 5]. Летопись содержит записи о событиях с 911 г. по 80-е гг. XVI в., однако статьи за XVI в. в ней преобладают. В основе НІІЛ лежит, видимо, летописец Лисицкого монастыря [Там же], см. также [Зиборов 1989: 51], о котором летопись сообщает дважды: под 1450 г. (написана бысть сия книга льтописець во обители пречистеи Рожества на Лисьи гори..., л. 147 об.) и под 1572 г. в известии о знакомстве (очевидно, владыки) с летописцем Лисицкого монастыря (а служил того дни// в манастыри на Лисьи горь обидню и смотрил в манастыри книгы литопистца церковнаго, а сказывал, что литописець Лъсицкои добри сполна, ажо не сполна развие написано в льтописць в Льсуцкомь владыкы Навгороцькые, не вси сполна писаны..., л. 147 об.—148). Архивский список кон. XVI — нач. XVII в., видимо, копирует ведшиеся в монастыре погодные записи без приведения их в хронологический порядок.

Памятник этот еще нуждается во всестороннем исследовании, в том числе лингвистическом. Обращает на себя внимание насыщенность рукописи диалектизмами во всех выделяемых издателями почерках — и фонетическими, и морфологическими. Ср. яркие диалектные формы именного склонения: при игумене Ионы (л. 18 об.), в ствы в каменои (л. 50 об.), на

Софъискои стороны (пл. 49 об., 129 об.), в земскои избы (п. 48), со вторника к середы (п. 176 об.), ко владыкы (п. 145), с Москв привхаль (п. 178 об.), с Лисьи гор (п. 164), у святого Никите (п. 143); Т.мн. на -ам: иконамь церковь украси (п. 15 об.); ср. многочисленные случаи мены b/u (см. в примерах выше), переход 'а > 'е: а крест не снели, колоколов не снели (п. 13 об.) — ср. чуть выше: а креста с церкви каменои не сняли (п. 13 об.), а перенели (пожар) у Лубяници (п. 78) и др.; ср.в рефлексах сочетаний гласных с плавными: иибе гром и молониа (п. 74), аки молонья (пл. 108 об., 109 — 2х), от молоньи (п. 84) и др., Перемскои умеръ владыко (п. 89), злотом верхъ устрои (п. 69 об.), обложена злотом (п. 105 об.) — ср. в том же контексте золота, золоту, золочену (п. 105 об.) и др.

Имперфективы с суф. -ыва-/-ива- встречаются в НПЛ только в записях за XVI в. и один пример в записи за XV в., восходящей к НПЛ младшего извода (опрятывати 1417 г. — см. выше в НПЛмл). Всего в НПЛ зафиксировано 13 имперфективов на -ыва-/-ива- в 22-х употреблениях. Приведем их полный список (совпадающее с НПЛмл чтение выделено жирным).

вписывати	не вписы(а)ваешь	1572 г., л. 151
докладывати	послашадокладывати	1549 г., л. 17
закладывати	монастыря закладывати	1560 г., л. 41 об. и л. 83 об.
наказывати	наказывалъмолити Бога	1568 г., л. 33
описывати	описывали	1572 г., л. 130
опрятывати	мертвы опрятывати	1417 г., л. 53
осматривати	чюдотворца осматривал	1572 г., л. 41
перекопывати	столпы перекопывати	1571 г., л. 46 об.
переписывати	переписывали колокола	1571 г., л. 46
подписывати	грамотподписывати	1572 г., л. 151 об.
	ваших грамот не потписывати	Там же
покаивати	покаивати тѣх людеине велѣли	1572 г., л. 38
сказывати	сказывают	1542 г., лл. 5 об., 6, 7 — 2х,
		7 об.—2х
	сказывал	1572 г., л. 148
	сказывала	1572 г., л. 140
спрашивати	спрашивал	1572 г., л. 38

Как и в московских летописях XVI в. (ср. данные в [Шевелева 2010: 223—225]), самым употребительным здесь оказывается глагол *сказывати* (9 употреблений), ср. приведенную выше запись о Лисицком летописце под 1572 г., ср. также развернутый рассказ со слов немецких купцов о зем-

⁶ Надо учитывать, правда, что рукопись содержит много описок, в том числе пропусков букв. Заметим, однако, что с тем же Лисицким монастырем связан старший список ЖАЮ кон. XIV в. (Тип. № 182), содержащий большое число нестандартных написаний сочетаний гласных с плавными, отражающих их диалектную рефлексацию (см. [Шевелева 1996; 2007]).

летрясении в Италии под 1542 г., в котором многократно употребляется формы сказывают: И они сказывають// прочь поъхали оттуды да как побъжали в кароблех к иным городом и в которои ди прибъжать, а они сказывають во многих городах в тои день трус был... Да они же сказывают в ть поры в Турскои земли был город именимъ Волонихиа, тамо шахония родятца, а на тот же город пришел трус в тои же день страшен добри...(НПЛ, 1542 г., л. 7—7 об.) и др.

Остальные имперфективы на -ыва-/-ива- тоже встречаются в некнижных контекстах — как в составе относительно устойчивых формул, так и в совершенно свободном употреблении, ср.: ваших грамот не потписывати (1572 г., л. 151 об.); А государь царь опосле молебнов наказываль архиепископу и всему праваславному крестиянству молити бога о своемь царскомь здравье (1568 г., л. 33); ...и послаша о томъ к Москвъ к царю и к митрополиту Мокарьи докладывати (1549 г., л. 17) — ср.:

...а в ть поры в Новьгороде и по всьмь городам и по во[ло]стем на государя брали веселых людеи да и медвъди описывали на государя сев весны, у кого скажут (1572 г., л. 130); Да того же мъсяца февраля 8 в пяток приъхали в Новгород из Борович от святаго Якова, чюдотворца осматривал Трифон священник, да Поссникъ священник, да диякон Семен...(1572 г., л. 41) — ср. чуть выше в той же записи простой бесприставочный глагол: посылал владыка Леонид из Новагорода...//...смотрити чюдотворца Якова мощеи (1572 г., л. 40 об.—41); ср. также в одном контексте с простым бесприставочным глаголом: И отцемъ духовным пока(ка)ивати тьх людеи знаменных не велъли, а учнеть которыи свещеник тъхъ людеи (и) каяти, бояръ не доложа, ино тъхъ священиковъ велъли жещи с тъми же людми з болными (1572 г., л. 38, рассказ о чумовом море).

Единственный пример, где *-ыва-*имперфектив встречается в НІІЛ в книжном контексте, — это запись 1417 г., восходящая к НІЛмл: *не успъваху живыи и мертвы опрятывати* (1417 г., л. 53) — ср. выше в НІЛмл, см. там же об этой устойчивой формуле описания моровых бедствий.

Таким образом, по данным НІІЛ, в XVI в. имперфективы на *-ыва-/-ива*-в Новгороде уже свободно представлены в живом употреблении, при этом в записях предшествующего периода их практически нет — относительно древнерусской эпохи НІІЛ, в сущности, подтверждает картину, восстанавливаемую по данным НІЛ.

2.4. Новгородская IV летопись (HIVЛ) — памятник сложной текстологической истории и состава, соединяющий новгородское и общерусское (московское, северо-восточное) летописание, — как полагают, новгородская переработка свода митрополита Фотия 1418 г., впоследствии в Новгороде продолженная [Клосс 2000 и др.]. Младшая редакция HIVЛ доходит до сер. XV в.

Имперфективы с суф. -ыва-/-ива- встречаются в HIVЛ не так уж редко (20 глаголов в 23-х употреблениях), однако большая часть этих примеров принадлежит записям, восходящим к другим источникам.

Приведем полный список имперфективов на -ыва-/-ива- из HIVЛ (младшей редакции); совпадающие с другими исследованными нами летописями чтения выделены жирным:

въпрашивати	начаша кличющи въпрашивати	1382 г., л. 225
(=TЛ)	(О нашеств. Тохтамыша)	1002 1., 11. 223
въскладывати	лжу въскладываа	1342 г., л. 180 об.
въспрашиватися	съ старци не въспрашиваешься	1408 г., л. 271
1	(Посл. Едигея)	,
заколачивати	5 пушокъ желѣзомъ заколачивалъ	1471 г., л. 307
измолвливати	молитву раздрѣшенуюизмолъвливаху	1352 г., л. 189
	(О мору Псковском)	
обр ъ зывати	обрѣзывахоу (НІЛмл: обрѣзывающе)	1230 г., л. 133
(=НІЛмл)		
опрятывати	не оуспъвахоу живыи мертвыхъ	1417 г., л. 279
(=НІЛмл, =НІІЛ)	опрятывати	
осваиватися	не восхощешьосваиватися	1408 г., 271 об.
(=НЛ под 1409 г.)	(Посл. Едигея)	
оцъпънивати	колѣні ми изнемогають, а руцѣ	1380 г., л. 271 об.
	очипѣнівають (О Кулик. битве)	
перепытывати	начаша перепытывати Немъчкои рати	1342 г., л. 181
(=Пск.1л.,		
=Пск.3л.)		
починивати	починіваше городъ каменны	1361 г., л. 194
	Оръховьскаго города починівати	1386 г., л. 236
появливатися	начаша появливатися поганіи	1380 г., л. 216 об.
(=ТЛ)	Измалтянъ в полъ (О Кулик. битве)	
премолвливати	начатъ премолъвливати люди	1240 г., л. 145 об.
(=ГВЛ)	(О Батыевой рати)	
придвигивати	городы своа придвигивающи	1323 г., л. 170
(=Пск.1л.,		
=Пск.3л.)		
приказывати	приказываю дътемъ своимъ	1352 г., л. 187,
(=ТЛ,=НЛ)	(True mane Manuscrus Charles)	
	(Дух. грам. Магнуша Свейск.)	л. 188;
(=ТЛ, =НЛ)	А душу свою приказываю	л. 188; 1406 г., л. 263
	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана)	1406 г., л. 263
	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ	,
припроваживати	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском)	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189
(=ТЛ, =НЛ)	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ тъхъ спрятывающепогръбаху	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати (=Пск.1л.,	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ тъхъ спрятывающепогръбаху (О мору Псковском)	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133 1352 г., л. 190
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати (=Пск.1л., =Пск.3л.) срыскиватися	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ тъхъ спрятывающепогръбаху	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати (=Пск.1л., =Пск.3л.) срыскиватися (=НІЛмл)	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ тъхъ спрятывающепогръбаху (О мору Псковском) начаша людіе срыскиватисяна мостъ великіи	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133 1352 г., л. 190 1418 г., л. 283 об.
(=ТЛ, =НЛ) припроваживати разграбливати (=НІЛст) спрятывати (=Пск.1л., =Пск.3л.) срыскиватися	А душу свою приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати (О мору Псковском) тако разграбливаху и имъніе ихъ тъхъ спрятывающепогръбаху (О мору Псковском) начаша людіе срыскиватисяна мостъ	1406 г., л. 263 1352 г., л. 189 1230 г., л. 133 1352 г., л. 190

Как мы видим, 13 из этих 23-х примеров оказываются точно совпадающими с другими летописными источниками, т. е. не порождены составителем HIVЛ.

К НІЛ восходят оба имперфектива из рассказа пономаря Тимофея о голоде в Новгороде 1230 г. (обръзывахоу, разграбливахоу, л. 133 — о НІЛ см. выше), а также сохраняются оба -ыва-имперфектива, представленные в статьях XV в. младшего извода (не оуспъвахоу живыи мертвыхъ опрятывати 1417 г., л. 279; и начаша людіе срыскиватися съ обоихъ странъ, аки на рать, в доспъсъхъ на мость великіи 1418 г., л. 283 об. — ср. выше в НІЛмл).

Один пример в рассказе о приходе Батыя на Русь в 1240 г. совпадает с ГВЛ — рассказ этот южнорусского происхождения: *Батыю же вземию градъ Куевъ и слышавшю емоу о Данилъ*, яко въ Оугрехъ есть, и поиде самъ к Володимерю, и прииде к городу къ Колодяжню, и постави порока 12, и не може разбити стъны, // и начатъ премолъвливати люди (НІVЛ, 1240 г., л. 145—145 об.) — ср. в ГВЛ: и не може разбити стъны. и начатъ перемолъвливати люди (ГВЛ, 1240 г., л. 265).

Несколько -*ыва*-имперфективов читаются во вставных текстах северовосточного происхождения и совпадают с ТЛ и/или НЛ.

Ср. в Повести о приходе Тохтамыша к Москве: *и приъхаша не вси польци къ граду*, начаша кличющи <u>въпрашивати</u>, въпиюще и глаголюще... (НІVЛ, 1382 г., л. 225) — ...и начаша <u>въпрашивати</u>, кличюще: «Есть ли здъ в городъ великии князь Дмитреи» (ТЛ, 1382 г., л. 213);

в Повести о Куликовской битве: И бысть въ шестую годину дні начаша <u>появливатися</u> поганіи Измалтянь в поль (НІVЛ, 1380 г., л. 216 об.) — так же в ТЛ, л. 206 об.;

в Послании Едигея великому князю московскому Василию Дмитриевичу: ...или пакы не восхощешь не тако чинити или <u>осваиватися</u>, ино ся робятити, како ти ся пошлина въдати, како ти во улусъ семь княжити? (НІVЛ, 1408 г., л. 271 об., контекст с порчей текста) — ср. в НЛ под 1409 г.: Аще ли ты не возхощеши тако чинити, но <u>осваиватися</u> восхощешь, ино ти ся робятити и бъгати (НЛ, 1409 г., 210)⁷:

во вставных духовных грамотах — Магнуша, короля Свейского, под 1352 г.: А приказываю дътемъ своимъ и братьи своеи и всеи свъискои земли...(НІVЛ, л. 187, =л. 188) — так же: ТЛ, 1352 г., л. 169 об., л. 170 об.; НЛ, 1352 г., лл. 224, 225 —

⁷ В том же Послании Едигея Василию московскому в НІVЛ воспроизводятся и итеративные образования с суф. -ыва- (хотя тоже с некоторыми искажениями и пропусками в контексте), ср.: ...ни князеи ни старбишихъ бояръ ни меншихъ ни оного (НЛ — иного) еси не присылывалъ (списки А. Н. присылалъ). Тако ся то царство миноуло, и потомъ Шадибикъ 8 лѣтъ царствовалъ: оу того еси такожде не бывалъ, ни сына ни брата ни с которымъ словомъ не посылывалъ (список Н. посылалъ) (НІVЛ, 1408 г., л. 271) — так же в НЛ, 1409 г., 210 (о приставочных итеративах см.: [Шевелева 2010: 228—230; 2012: 161—164]).

и митрополита Киприана: *А душу свою и домъ святыя Богородица <u>при-казываю</u> о Святьмь Дусь возлюбленному сыноу своемоу великому князю Василию Дмитриевичю всеа Руси (HIVЛ, 1406 г., л. 263) — так же: ТЛ, 1406 г., л. 242 об.; НЛ, 1407 г., 196.*

Интересно, что некоторые из -ыва-имперфективов НІVЛ, не отмеченные в приведенном выше списке как совпадающие с исследованными нами летописями, читаются в составе тех же вставных текстов, т. е. явно восходят к одной из версий того же первоисточника, ср. в Повести о Куликовской битве: И рече к собъ Мамаи: «...власи ми растерзаются...//...языци наши связаются... колъни ми изнемогають, а руць очитьнівають (НІVЛ, 1380 г., л. 217 об.) — книжный риторический контекст, отсылающий к цитате; в Послании Едигея вел. князю Василию московскому: И ты ся съ старци не въспрашиваешься: что добро было прежде сего, а того не дъешь нынь (НІVЛ, 1408 г., л. 271).

Особенно интересным оказывается совпадение чтений с -ыва-имперфективами в HIVЛ с псковскими летописями. Такие случаи обнаруживаются в статьях 1323 г., 1342 г. и 1352 г. Ср.: Приидоша Нъмци ратью къ Псковоу въ кораблехъ и в лодьяхъ, на конехъ; стояше 18 дніи, пороки быоще, городы своа придвигивающи, а біющи стъноу (HIVЛ, 1323 г., л. 170) — городы свои придвигивающи (Пск.1л., л. 24 об.), городы своя придвигивающи (Пск.3л., л. 14); ...и поъхаша въ Грамъское болото и начаша перепытывати Немъчкои рати (HIVЛ, 1342 г., л. 181) — а князь Ольгердъ и Кестутии осташася взади с своими Литовники и со псковичи в малъ дружинъ и поъхаша въ Грамъское болото и начаша перепытывати Немецькоя рати (Пск.1л., л. 29 об.), нача перепытывати немецкиа рати (Пск.3л., л. 24);

ср. в рассказе о море в Пскове в 1352 г.: а иніи же веледушьнѣи, всь страхъ смертныи отъ сердець своихъ отринувше, ти бѣс сумнѣніа мертвеца, или сироты, или оубогиа небрегоми, тѣхъ спрятывающе, износяще погрѣбаху и память по нихъ творяще проскурою и слоужбами (НІVЛ, 1352 г., л. 190, ср. выше в НІЛ и НІVЛ в сходном контексте мертвыхъ опрятывати 1417 г.) — тѣх съпрятываючи, износяще погребаху (Пск.1л., 1352 г., л. 30 об.), тѣхъ спрятывающе износяще, погребаху (Пск.3л., 1352 г., л. 33 об.).

При этом в том же рассказе «О мору Пьсковскомъ» 1352 г. в НІVЛ употребляются еще 2 -ыва-имперфектива, не находящие соответствия в псковских летописях, ср.: поповъ бо не можаху проводиті по единому изъ дворовъ, за множество оумирающихъ не оуспъющимъ бо имъ, но веляху комуждо мертвыа своа на церковныи дворъ припроваживати; об нощь бо оумершимь оутръ обръташеся до 30 или боле скопится оу единои церкви, а всемъ тъмъ единъ проводъ, отпъвахоу надгробную пъснь, токмо душевную молитву раздръшеную комуждо особъ измольвливаху...(НІVЛ, 1352 г., л. 189) — ср. Пск.1л.: на церковныи дворъ возити, ...молитвоу раздрешеноую комоуждо особь измольвляхоу (л. 28 об.), Пск.3л.: на церковныа дворы провадити, ...молитвоу раздръшеную комуждо особъ измольвляхуть (л. 32).

Подобный случай обнаруживается и в статье 1342 г. — в НІVЛ читается имперфектив на -ыва-, не находящий соответствия в летописях псковских, ср.: И Плесковици отвъръше Новагорода и великаго князя Рускаго, и послаша послы въ Видбескъ къ Олгерду Гедиминовичю, князю Литовскому, помочи прошать, а на Новгородъ // лжу въскладываа: «братья наши Новгородци не помагають намъ...» (НІVЛ, 1342 г., л. 180—180 об.) — ср.: ...послаша послове в Витебско ко князю Ольгерду помощи прошати, ркущи тако: братия наша новогородцы нас повергли, не помагають намъ (Пск.1л., под 1341 г., л. 28 об.); И по томъ псковичи нагадавшеся, послаше пословъ в Витебъскъ къ князю Олигерду Гедиминовичю...помочи прошати: братья наша новогородци нас повръгли, не помогають намъ (Пск.3л., 1341 г., л. 20). Как мы видим, в псковских летописях отсутствует весь оборот а на Новгородъ лжу въскладываа, ср. имперфектив въскладывати в сходном употреблении в КЛ: на него чъсть воскладывають (КЛ, 1175 г., л. 210).

Таким образом, в записях псковских событий, совпадающих с псковскими летописями, в HIVЛ имперфективов на -ыва-/-ива- оказывается больше, чем в самих псковских летописях. Как мы знаем, в псковских летописях -ыва-имперфективы вообще немногочисленны — они гораздо менее употребительны, чем в московских летописях XV—XVI вв., что позволяет видеть за этим различие диалектных систем: в Пск.2л. имперфективов на -ыва-/-ива- нет совсем, в Пск.1л. и Пск.3л. они встречаются либо в записях второй половины XV-XVI вв., где можно предполагать московское влияние, либо в общих чтениях Пск.1л. — Пск.3л. за XIV в. (см. [Шевелева 2010: 231—236]). Именно эти совпадающие в Пск.1л. — Пск.3л. записи XIV в. читаются и в HIVЛ, причем даже с большим количеством -ыва-имперфективов в тех же статьях.

Обратим внимание, что в Пск.2л. в записи за 1352 г. нет подробного описания псковского мора, которое мы видели в Пск.1л. — Пск.3л. — HIVЛ и в составе которого представлено 3 -ыва-имперфектива в HIVЛ и один из них в летописях псковских (см. выше), — статья 1352 г. здесь крайне лаконична, но содержит при этом важнейшую для нас информацию об источнике пространного описания морового бедствия в Пскове: Бысть морь золь въ Π сков \dagger и по селомь и по всеи земли хракотныи, <u>о семь про</u>страннъ обрящеши написано в Рускомъ льтописци (Пск.2л., 1352 г., л. 175 об.). Таким образом, это описание псковского мора восходит к Русскому летописцу, т. е. к южнорусской летописи! Совершенно очевидно, что и стилистически оно очень напоминает известные нам по южнорусской и северо-восточной традиции описания моровых и прочих бедствий, которым в своей летописной манере следовал новгородский пономарь Тимофей (см. выше). Имперфективы на -ыва-/-ива- в этой статье имеют южнорусские истоки, при этом HIVЛ их сохранила лучше, чем летописи псковские.

Есть все основания предполагать, что и записи за 1323 г. и 1342 г. (в псковских летописях 1341 г.), совпадающие в HIVЛ — Пск.1л. — Пск.3л.,

восходят к тому же южнорусскому источнику: в псковских летописях в них представлено два -ыва-имперфектива, в HIVЛ на один больше. Вполне понятно, что относящееся к речи псковичей нелестное замечание а на Новгородъ лжу въскладывая (HIVЛ, л. 180—180 об.) псковские летописцы должны были устранить.

Таким образом, -ыва-/-ива- имперфективы в псковских известиях НІVЛ восходят не к псковским, а к общерусским летописям, в истоках своих — к южнорусскому летописцу. Тот же южнорусский источник имеют эти записи в Пск.1л. и Пск.3л., чем и объясняется, очевидно, некоторое количество имперфективов на -ыва-/-ива- в совпадающих чтениях Пск.1л. — Пск.3л. за XIV в. 8, — для самих псковских летописей и для псковской диалектной зоны вообще модель имперфективации на -ыва-/-ива- была мало характерна (см.: [Шевелева 2010: 231—237, 239]).

Возвращаясь к списку -ыва-имперфективов НІVЛ, мы обнаруживаем, что почти все они восходят к южнорусским или северо-восточным источникам. Исключение составляют только 2 глагола в 3-х употреблениях — починивати и заколачивати, представленные в местных записях, ср.: а в Новъгороди починіваше городь каменны и вземие серебро оу святеи Софы, владычня Моисъе[ва] скоплениа (НІVЛ, 1361 г., л. 194); и Новгородии прислаша Василья Кузмина Оръховьскаго города починівати (НІVЛ, 1386 г., л. 236); А перевътника Оупадыша Новгородци казниша, занеже перевъть держаль на Новъгородь и хотъль зла Великому Новуграду съ своими единомысленики: 5 пушокъ желъзомъ заколачиваль, отъ того мзду вземъ отъ злоначалнаго бъса (НІVЛ, 1471 г., л. 307).

Интересно, что в продолжении HIVЛ по списку Дубровского (HIVЛд), представляющей новгородский свод 1539 г., составленный, видимо, по указанию архиепископа Макария (будущего митрополита) и объединяющий новгородское и московское летописание [Лурье 1989: 52—54], наиболее употребительными уже оказываются самые частотные в московских летописях XVI в. -ыва-глаголы, но при этом -ыва-имперфективы фиксируются и в записях новгородского происхождения, в том числе тот же глагол починивати (см. выше под 1361 г. и 1386 г.) и глагол поновливати (понавливати), ср.: Того же льта мьсяца априля начаша поновливати храмь святую Пятницу на Торговои сторонь, в началь Московскои гость Дмитреи Ивановъ сынъ Сыркова, и с нимъ христолюбивыи людие... И егда начаша в лъвомъ крилъ церьковномъ починивати, понеже преже были голбци во крылехъ, и начаша голбъцы разрушати, яко бы церкве пространство имъти, и начаша помостъ взрывати, и ту обретоша сокровище отъ много лѣтъ сокровѣнно... (НІУЛд, 1524 г., л. 399); ...того дни боголюбивыи архиепископъ церковь свяща честное ея Знамение, понеиже (так) церкви то*го лъта понавливали* (HIVЛд, 1528 г., л. 403).

⁸ О проблеме первоначального источника этих имперфективов на *-ыва-/-ива-* в совпадающих чтениях Пск.1.л. — Пск.3л. за XIV в., требующей текстологического исследования, см.: [Шевелева 2010: 232, 236 — примеч. 17].

Ср. употребление самого частотного в летописях XVI в. -ыва-имперфектива сказывати в местных записях (ср. выше о НПЛ): ...понеже токмо едины 3 поприща отъ града стоитъ въ версе езеро ръкомое Илмирь, и в него впадаютъ, сказываютъ пръжнии человъци, до трею сотъ рекъ великихъ и малыхъ...(НІVЛд, 1528 г., л. 405 об.) и др. 9

Таким образом, в записях HIVЛ до второй половины XIV в. имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- связаны исключительно с южнорусской и северо-восточной летописной традицией; в кон. XIV—XV вв. появляются редкие примеры свободного употребления -ыва-имперфективов в «обычных» новгородских записях, хотя преимущественная связь их с летописанием Северо-Восточной Руси сохраняется. Только в XVI в., очевидно, имперфективы на -ыва-/-ива- утверждаются в новгородском летописании в свободном употреблении.

2.5. Итак, данные НІЛ старшего и младшего изводов, НІІЛ и НІVЛ вполне согласуются друг с другом. Эти данные указывают на то, что в древнерусскую эпоху для новгородского летописания имперфективы на -ыва-/-ива- воспринимались как элемент южнорусской, позднее — северовосточной летописной традиции, им даже приписывалась, очевидно, определенная связь с риторическими «литературными» стереотипами описания (моровых и прочих бедствий, военных конфликтов и т. д.). Только в XVI в. -ыва-имперфективы употребляются в новгородских летописях совершенно

⁹ Всего в продолжении НІVЛ по списку Дубровского с 1447 г. по 1539 г. зафиксировано 6 имперфективов на *-ыва-/-ива-* в 21 употреблении. Список их таков:

понавливати (поновливати)	начаша поновливати храмъ	1524 г., л. 399
	церквипонавливали	1528 г., л. 403
починивати	начашапочинивати	1524 г., л. 399
приказывати	приказываю (Дух. грам. вел. кн.	1462 г., лл. 342,
	Bac. Bac.)	346 об.
	приказывалъ есмь (Там же)	1462 г., л. 346 об.
	приказываю (О преставл. вел. кн.	1533 г., 420 об., 421
	Вас. Ив.)	
	начаприказывати (Там же)	1533 г., л. 419 — 2х
	приказываешь (Там же)	1533 г., л. 424
прикладывати	повълеприкладывати	1533 г., 415 об.,
	(О преставл. вел. кн. Вас. Ив.)	416 - 2x
	нача прикладывати (Там же)	1533 г., лл. 416, 417
	прикладывати масть (Там же)	1533 г., л. 421 об.
сказывати	сказываетъ	1493 г., л. 389 об.
	нача сказывати	1528 г., л. 403
	сказываютъ	1528 г., л. 405 об.
	сказываяся	1528 г., л. 406
спрашивати	нача его князь велики спрашивати	1528 г., л. 402

свободно — в «обычных» местных записях, отражая, по всей видимости, их свободное употребление в диалектной системе.

Таким образом, есть все основания предполагать, что в отношении продуктивности суффикса имперфективации -ыва-/-ива- южнодревнерусская система отличалась от новгородской. В Новгороде модель имперфективации на -ыва-/-ива- в XII в. была известна (см. данные берестяных грамот, примеры НІЛ), но не была продуктивна, в Киеве же и в Галицко-Волынской Руси она была в это время уже вполне продуктивна, и потому новгородские летописцы (как и составители официальных договоров) воспринимали, очевидно, эти образования как характерный признак «киевского» языка. Еще в XIV в. -ыва-имперфективы, видимо, были для новгородцев характерной принадлежностью северо-восточных повестей и сказаний, хотя в местном новгородском диалекте они тоже набирали продуктивность, но все-таки уступали в этом отношении Ростово-Суздальской земле (см. ниже).

Еще раз обратим внимание на показательное отсутствие -ыва-имперфективов в раннем переводе северо-западного происхождения — ЖАЮ (см. выше). По-видимому, в нач. XII в. (о датировке перевода ЖАЮ см.: [Молдован 2000]) -ыва-модель имперфективации была еще для Новгорода нехарактерна или только начинала появляться. Вспомним в связи с этим о нехарактерности -ыва-модели для псковской диалектной системы (см. [Шевелева 2010: 231—237]). Вероятно, последующее распространение -ыва-имперфективов и рост их продуктивности в Новгороде идет от восточноновгородских говоров, по многим признакам близких северовосточным. В XVI в. продуктивность и широкая употребительность имперфективов на -ыва-/-ива- в диалекте Новгорода несомненны.

Имперфективы с суффиксом -ыва-/-ивав северо-восточных летописях

3. Обратимся к северо-восточным летописям. Как уже говорилось выше, в работе [Шевелева 2010] представлены данные заключительной части НЛ (с 1425 по 1558 г.), свидетельствующие о высокой продуктивности суффикса -ыва-/-ива- в диалектной системе говоров Центра и близости этой системы к современной русской литературного типа, а также данные СЛ XII — начала XIV вв., отразившие лишь единичные примеры -ыва-имперфективов в записях, не восходящих к южнорусскому источнику (см.: [Шевелева 2010: 212—215, 223—230], см. выше 1.). При этом в деловых документах Северо-Восточной Руси XIV в. имперфективы на -ыва-/-ива-уже, несомненно, широко употребительны. Вопрос состоит в том, с какого времени модель имперфективации на -ыва-/-ива- в этой диалектной зоне продуктивна, какова здесь была ситуация в раннедревнерусскую и позднедревнерусскую эпоху.

Рассмотрим данные северо-восточных летописей за XII—XV вв.

3.1. Типографская летопись (**Т** Λ) представляет ростовское летописание — в основе её лежит ростовский владычный свод 80-х гг. XV в. [Шахматов 1938: 284—301; Лурье 1976: 210—223; Лурье 1989: 63—64; Клосс 2000a]¹⁰.

В ТЛ имперфективы на *-ыва-/-ива-* представлены начиная с записей XII в., хотя в летописи в целом они не слишком многочисленны. Всего здесь зафиксировано 17 *-ыва-*образований в 21 употреблении. Приведем их полный список (знаком ● отмечены основы, представленные производными существительными; жирным выделено только совпадение с ранними летописями XII в.):

въпрашивати	начаша въпрашивати кличюще	1382 г., л. 213
	(Пов. о нашеств. Тохтамыша)	
в(ъ)складывати	древо вскладывають на него	1318 г., л. 157 об.
	(Убиен. Мих. Тверск.)	
въспрашивати	нача же Олгердъ въспрашивати	1368 г., л. 177
выставливати	ересь выставливати	1162 г., л. 114 об.
	(О Леоне, еп. Ростовском)	
домучиватися	домучивается (сп.П. домучиватися)	1484 г., л. 281 об.
	'добиваться посредством пыток'	
насаживати	сулицыне насаживаны бяху	1377 г., л. 189
• опрашивати	опрашиванію (О Митяе)	1354 г., л. 199
опрятывати	не оуспъваху бо живіи мертвыхъ опрятывати	1364 г., л. 173 об.
подписывати	почата бысть подписывати церковь	1161 г., л. 144
	подписывати подъ сына своего	1419 г., л. 252 об.
поръзывати	человъкомъ головы поръзываа (О Федорце)	1169 г., л. 116
пор ъ зывати (=КЛ, =СЛ)	человъкомъ головы поръзываа (О Федорце)	1169 г., л. 116
	человъкомъ головы поръзываа (О Федорце) почаша появливатися окаанніи Измалтянъ	1169 г., л. 116 1380 г., л. 206 об.
(=КЛ, =СЛ)		
(=КЛ, =СЛ)	почаша появливатися окаанніи Измалтянъ	
(=КЛ, =СЛ) появливатися	почаша появливатися окаанніи Измалтянѣ (О Кулик. бит.)	1380 г., л. 206 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися	почаша появливатися окаанніи Измалтянѣ (О Кулик. бит.) прекладываа листы	1380 г., л. 206 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158 1352 г.,
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянъ (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.) приказываю (Дух. грам. Магнуша Свейск.)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158 1352 г., лл. 169 об., 170 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати приказывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянъ (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.) приказываю (Дух. грам. Магнуша Свейск.)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158 1352 г., лл. 169 об., 170 об. 1406 г., л. 242 об. 1354 г., л. 199
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати приказывати • распытывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.) приказываю (Дух. грам. Магнуша Свейск.) приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) распытыванію (О Митяе)	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158 1352 г., лл. 169 об., 170 об. 1406 г., л. 242 об.
(=КЛ, =СЛ) появливатися прекладывати приказывати • распытывати сказывати	почаша появливатися окаанніи Измалтянь (О Кулик. бит.) прекладываа листы (Убиен. Мих. Тверск. в Орде) приказываше къ кнеини и къ сынома своима (Убиен. Мих. Тверск.) приказываю (Дух. грам. Магнуша Свейск.) приказываю (Дух. грам. митр. Киприана) распытыванію (О Митяе) сказывають	1380 г., л. 206 об. 1318 г., л. 156 об. 1318г., л. 158 1352 г., лл. 169 об., 170 об. 1406 г., л. 242 об. 1354 г., л. 199 1493 г., л. 297

Важно обратить внимание на хронологическое распределение этих образований.

 $^{^{10}}$ ТЛ исследована с начала записей за XII в. до конца памятника.

В части XII в. в ТЛ представлены 4 примера имперфективов на *-ыва-/-ива-*, причем в записях местных (ростовских, владимирских) событий — вспомним, что в НІЛ в части XII в. *-ыва-*имперфективов нет совсем (см. выше).

Старейший в ТЛ пример читается под 1161 г.: Того же льта почата бысть подписывати церковь в Володимери златовръхаа, а кончана августа 31 день (ТЛ, 1161 г., л. 114) — в СЛ эта запись читается с -ыва-имперфективом только в Р.А. списках, ср. в Лавр.: Почата бы писати (РА подписывати) \widehat{qp} кы Володимери Золотоверхана. а конча//на августа въ $\widehat{.n}$. (СЛ, 1161 г., л. 117 об.—118).

Следующий пример — под 1162 г. в рассказе о ростовском епископе Леоне, изгнанном из Суздаля князем Андреем Боголюбским. Этот рассказ читается и в КЛ, однако совпадающей в КЛ и ТЛ оказывается только его первая часть, ср.: В льто 6670 выгна князь Андры епископа Леона изъ Соуждаля и братію свою погна Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, и моужи отца своего передние (...) Леона же епископа возврати опять, покаався оть гръха того, но в Ростовь, а в Соуждаль емоу не дасть съдъти.// И дръжавъ его 4 мъсяци въ епископіи и нача просити оу него отъ Воскресеніа Христова до Всъхъ святыхъ ясти мяса в среду и в пятокъ. Епископъ же повель ему единоу праздноу средоу и пятокъ, а прочие добрt хранити (ТЛ, 1162 г., л. 114—114 об.) — текст совпадает в КЛ (1162 г., л. 185 об.—186); после же этих слов текст рассказа ТЛ отличается от КЛ (КЛ кратко сообщает об уходе Леона из Ростова и приходе его в Чернигов, а потом в Киев к Ростиславу, а ТЛ содержит подробный рассказ об осуждении ереси Леона и о походе его в поисках оправдания в Царьград) — именно в этой заключительной части рассказа в ТЛ представлен -ыва-имперфектив, отсутствующий в КЛ: Сей же Леонъ начать и ересь выставливати, не ясти мясь во Господьскый праздникы, на Рожество Христово и на Крещеніе, аще боудеть в среду или в пятокъ (ТЛ, 1162 г., л. 114 об.).

Еще два имперфектива на -ыва-/-ива- читаются в рассказе 1169 г. «О Федорце бѣлом клобоучкѣ», изгнанном из Владимира и Ростова (начало: Того же лѣта чюдо сътвори Богъ и святаа Богородица новое въ Володимери градъ: изгна Богъ и святаа Богородица злаго и пронырливаго Феодора... ТЛ, 1169 г., л. 115 об.). Этот рассказ читается и в КЛ (под 1172 г.), и в СЛ (под 1169 г.), при этом один -ыва-имперфектив (порѣзывая) представлен во всех названных летописях, второй — в ТЛ и КЛ, в СЛ же ему соответствует имперфектив на -а-, ср.: ...и игоуменомъ и ерѣомъ безмилостивъ сыи мучитель, инѣмъ человѣкомъ головы порѣзываа (=КЛ, 197 об., =СЛ, 119 об.) и бороды, а другымъ очи выжигаа и языкы оурѣзываа (КЛ вырѣзываю, 197 об., СЛ оурѣзаю, 119 об.) и ины распинаа по стѣнѣ и моуча немилостинно, хотя восхытити отъ всѣхъ имѣніе (ТЛ, 1169 г., л. 116). При такой картине скорее всего в первоначальном тексте рассказа -ыва-имперфективы читались в обоих случаях — скорее всего, именно ТЛ их лучше всего сохраняет.

Таким образом, имперфективы на -ыва-/-ива- в части ТЛ за XII в. представлены в записях северо-восточных известий, но при этом большинство из них совпадает с чтениями южнорусской КЛ. Как известно, в основе КЛ и владимирско-суздальского летописания, отразившегося в СЛ и впоследствии в ТЛ, лежит общий южнорусский источник — Летописец Переяславля Южного [Приселков 1996: 110—117; Лурье 1987: 243], но при этом исследователи отмечают сложность взаимоотношений и взаимные влияния южнорусского и владимирско-суздальского летописания в XII в. [Шахматов 1938; Приселков 1996: 108—125; Лурье 1996: 266 (примеч. 61 и др.); Лурье 1987: 243]. Вопрос о первоначальном южнорусском или северо-восточном источнике этих чтений с -ыва-имперфективами неясен — он требует текстологического исследования, но обратим внимание на то, что по крайней мере в 2-х случаях исконное чтение, видимо, сохранено именно в ТЛ.

В записях ТЛ за XIII в. имперфективов на -ыва-/-ива- не встретилось совсем.

Больше всего -ыва-имперфективов приходится в ТЛ на часть XIV в.: здесь отмечено 13 примеров, причем как в составе уже известных нам повестей и вставных грамот (О Куликовской битве, О нашествии Тохтамыша на Москву, в Духовной грамоте Магнуша, короля Свейского, — см. выше соответствующие примеры в HIVЛ сравнительно с ТЛ, а также в повести об Убиении Михаила Тверского в Орде, в повести О Митяе), так и в других записях.

Ср. в повести Об убиении Михаила Тверского в Орде: Егда же безаконніи они стражи в нощи забивахоу в тои же колодъ роуцъ его, но ни тако престааше пъти псалт[ы]рь, единъ бо отрокъ его седяше предъ нимъ, прекладываа листы ему, а онъ прележно глаголаше (ТЛ, 1318 г., л. 156 об.); и многа словеса изрече досадна на него и по семъ рече: «Въдаа боуди, Михаиле, такъ царевъ обычаи, аще боудеть емоу гнъвъ, хотя отъ // своего племени, то такоже древо вскладывають на него...» (ТЛ, 1318 г., л. 157—157 об.) и др.

Ср. в рассказе о походе Ольгерда Литовского в союзе с тверским князем на Дмитрия Ивановича Московского: *Нача же Олгердъ въспрашивати изъиманыхъ:* // «Гдъ есть князь великыи съ силою своею?» (ТЛ, 1368 г., л. 177);

ср. также в рассказе о военных событиях 1377 г. — страдат. причастие от -ыва-основы: Они же ополошишяся и не въ бреженіи хожаху, доспѣхы своа въскладаху на телѣгы, а иные в соумы, а оу иныхъ и сулици еще не насаживаны бяху (в сп. Пуб. XVII в. ненасажены), а щиты и копіа не приготовлены...(ТЛ, 1377 г., л. 189).

В составе повести О Митяе по ТЛ мы находим производные от -ываимперфективов существительные: *Царь же и патреархъ много истязаша* Пимина и соущихъ с нимъ. Бывшу бо собору и <u>опрашиванію</u> многу и истязанію и <u>распытыванію</u> бывшю, и изволивше сице, яко поставити Роуси Пимина митрополитомъ (ТЛ, 1354 г., л. 199).

Все эти статьи местного происхождения — по всей видимости, в XIV в. в ростово-суздальской земле имперфективы на -ыва-/-ива- вполне продук-

тивны и употребительны, при этом в летописи они встречаются в контекстах разной степени книжности.

В части же за XV в. -ыва-имперфективов в ТЛ становится меньше: здесь отмечено всего 4 примера, один из которых принадлежит уже известной нам духовной грамоте митрополита Киприана под 1406 г. (приказываю — см. выше, 2.4.), и еще один в разночтениях с порчей текста (в описании пыток, которым татары подвергли церковного ключаря во Владимире: ...на сковрадь пекоша его, за ногты щипы биша и ногы проръзавъ (Т. проръзыва — видимо, вместо исконного проръзывая) оу коней волочахъ (так) (ТЛ, 1410 г., л. 246) — ср. выше в описании пыток под 1169 г. глаголы поръзывая и оуръзывая (ТЛ, л. 116).

Остальные примеры XV в. читаются в летописных записях, не отличающихся книжностью, причем в известиях московского (великокняжеского) происхождения, ср.: Князь же великіи послаль и поима ихь всёхь человѣкь болиихь с тридцать житье ихь да ихь домы пограбити велѣль и повелѣ ихь моучити на Ивановѣ дворѣ на Товарковѣ Гречневику подъячему, а домучивается (П. домучиватися) оу нихь того обговору, чѣмь ихь обговорили (ТЛ, 1484 г., л. 281 об.); В лѣто 6927 князь великіи Василей Дмитреевичь восхотѣ подписывати (П. подписатиі) подъ сына своего [Василія брата своего] меньшаго Костянтина, князь же Костянтинь не восхотѣ сотворити воли его... (ТЛ, 1419 г., л. 252 об.); А все то погорѣ единого полудни, а лѣтописець и старые людие сказывають: какъ Москва стала, таковъ пожаръ не бывалъ (ТЛ, 1497 г., л. 297).

По-видимому, именно с XV в. -ыва-имперфективы стали восприниматься как маркированно некнижные образования, чего не было в древнерусскую эпоху, — этим объясняется уменьшение их употребительности в $T\Pi$ за XV в. сравнительно с XIV в.

3.2. В московской **Никоновской летописи** (НЛ) за XII — первую четверть XV в. (по 1424 г.) число имперфективов на *-ыва-/-ива-* на протяжении исследуемого периода растет.

Части XII в. здесь принадлежит всего один пример, читающийся также в КЛ и СЛ и восходящий к их общему южнорусскому источнику, — однако обратим внимание, что это запись северо-восточного известия, ср.: Въ третіи же убо день бысть молва и мятежь во градт Владимерт оть болишхъ и до менишхъ людей Володимерцовъ; пріидоша бо вси на княжь дворъ со оружіи глаголюще: «господине княже! мы за тебя главы своя съкладываемъ и кровь проливаемъ..., а ты враги своя и наши держиши просто...» (НЛ, 1177 г., 5) — ср. за та головы свои съкладываемъ нынт ворогы свои держишь просты (КЛ, 1177 г., л. 213 об.); за та головы свот складываемъ. а ты держишь ворогы свот просты (СЛ, 1177 г., л. 130 об.). Ситуация оказывается такой же, как в отношении -ыва-имперфективов в известиях за XII в. в ТЛ — восходят ли они к владимирскому или киевскому первоисточнику, остается неясно (см. выше, 3.1.).

В части XIII в. в НЛ отмечено 6 глаголов на -ыва-/-ива- в 7-ми употреблениях, и что очень важно — здесь есть записи местных северо-восточных известий, ср.: Того же лѣта быша знаменіа мѣсяца марта 25, на Благовѣщеніе, въ полутра явися надъ солнцемъ мѣсяць якоже трехъ дней, и начя наполниватися вборзѣ, и не доиде наплъненіа своего якоже трехъ дней, и наиде на него облакъ черленъ, и, постаявъ на немъ мало, съступи, и бысть паки малъ мѣсяць якоже трехъ дней, и начя такоже наплъниватися... (НЛ, 1214 г., 66); Того же лѣта почата бысть подписывати церковь святыа Богородица въ Суздали потщаніемъ епископа Митрофана... (НЛ, 1230 г., 100) — ср. та же формула в ТЛ под 1161 г. (см. выше, 3.1.) и в НЛ под 1408 г. (см. ниже).

Обратим внимание на то, что в рассказе о новгородских событиях 1255 г. в НЛ появляется -ыва-имперфектив, которого не было в НІЛ, ср.: Новогородцы же собравъшеся рѣша къ себѣ: «сіа здумалъ князь съ нашими крестопреступники, и судить имъ Богъ и святаа Софіа, что князя съсаривають къ намъ» (НЛ, 1255 г., 140) — ср. в НІЛст: и рекоша новгородци. аже братье князь нашь тако сдоумалъ с нашими крстоперестоупникы. оно имъ Богъ и святая Софья. а кнзь безъ грѣха (НІЛ, 1255 г., л. 134 об.), ср. тот же имперфектив съсаривати в НЛ под 1409 г.: он же (Едигей) не престаа съсариваше ихъ (НЛ, 1409 г., 207).

Один имперфектив на *-ыва-* читается в Повести о взятии Царьграда — тот же контекст, что и в НІЛ (см. выше, 2.1.): ...замыслиша <u>свъшивати</u> бочкы чрезъ градъ накладены смолы и лучины (НЛ, 1204 г., 39).

И еще один -ыва-глагол встретился в рассказе о приходе Батыя на Рязанскую землю под 1237 г. («Батыева рать»), стилистически напоминающем риторически насыщенные рассказы о народных бедствиях, которые мы встречали у новгородского пономаря Тимофея (см. выше, 2.1.), — явно следование той же киевской повествовательной традиции: Татарове же взяша градъ ихъ Рязань того же мъсяца въ 21, и пожгоша весь, а князя великого Юрья Ингворовичя убиша, и княгиню его и иныхъ князей побиша, а мужи ихъ, и женъ, и дътей, и черньца, и черници и ерея емше, овыхъ разсъкаху мечи, а другихъ стрълами состръляху и во огнь вметаху, а иныа емлюще вязаху, и груди возръзываху, и жолчь вы(и)маху...(НЛ, 1237 г., 106), ср. также формы поръзывая, оуръзывая (выръзывая) в сходном контексте в рассказе о зверствах владыки Федорца под 1169 г. в КЛ, СЛ и ТЛ (см. выше, 3.1.).

Показательно, что в том же рассказе о приходе Батыя на Рязань по СЛ, где он представлен в кратком варианте, тоже читается -ыва-имперфектив (единственный в СЛ за XIII в.!), хотя в другом контексте: $Tozo^{\Re}$ nt^{\Re} . На зиму придоша $\ddot{\omega}$ всточных страны на Разаньскую землю. и плъноваху и до Проньска. поплънивше Разань весь и пожгоша и кназа ихъ оубиша. ихже емше ω вы растинахуть другый же стрълами растрълаху в на. а ини ω пакы руць свазывахуть. много же cmхь uркви ω гневи предаша.и монастырь и села пожгоша (СЛ, 1237 г., л. 159 об.) (см.: [Шевелева 2010: 214]).

При этом важно обратить внимание на то, что, как указал мне А. А. Гиппиус, этот пассаж в СЛ представляет собой фактически дословную цитату из рассказа ПВЛ о походе Игоря на греков в 941 г., ср.: ...и всю страну Никомидиискую поплънивше и Судъ весь пожьгоша. и жже емше фъхъ растинаху. другиа аки странь поставл ноще. и стрълаху въ на. изимахуть фолаки руць съвазывахуть. гвозди желъзныи посреди главы въбивахуть (ПВЛ, 941 г., Лавр., л. 10) 11. Таким образом, опять, как и в рассмотренных выше других севернорусских летописях за XIII в., мы наблюдаем несомненную связь -ыва-имперфективов со стереотипными описаниями воинских повестей, восходящими к киевской традиции.

В части XIV — начала XV вв. число -ыва-/-ива-имперфективов в НЛ растет: в статьях за XIV в. здесь отмечено 14 глаголов в 22-х употреблениях, за 1-ю четверть XV в. — 7 глаголов в 8-ми употреблениях. Как и в ТЛ, имперфективы на -ыва-/-ива- встречаются как в составе вставных повестей, житий и грамот (Повесть об убиении Михаила Тверского в Орде, Повесть о Темир-Аксаке, Повесть о Митяе, Хожение Пимена в Иерусалим, Житие Сергия Радонежского, Житие митрополита Алексея, Послание Едигея Василию московскому, духовная грамота Магнуша Свейского, духовная грамота митрополита Киприана), так и в обычных погодных записях.

Ср., например, уже знакомая нам стилистика воинских повестей в Повести о Темир-Аксаке: *И колика злаа отъ него пріаша жителіе странъ тьхъ, иже не покоряхуся ему! Въ ровы съ женами и дътми повельваше засыпывати, и звъремъ вдаваше, и иныя различныя казни* (НЛ, 1392 г., 150);

в рассказе о походе Ольгерда Литовского на Москву: ...въ таинствъ все творяше любомудро, да не изыдеть въсть въ землю, на нея же хощеть ити ратью, и таковою хитростію <u>искрадываше</u> многи земли поималь и многи грады и страны поплъниль (НЛ, 1368 г., 11);

в рассказе о Смоленском побоище — о зверствах захватчиков: *А другихъ*, *стъну разведъ храмины отъ высоты и до земли*, *межъ бревенъ рукы въкладываху ото угла до угла стисняху человъки* (НЛ, 1387 г., 91).

Все это достаточно книжные контексты, продолжающие старую киевскую традицию воинских повестей.

Обратим внимание, что -ыва-имерфективы употребляются и в агиографических текстах XIV в. в составе НЛ, ср. в Житии Сергия Радонежского: егда же слышаше дву ли трехъ сошедшеся смъющихся и глумящихся, во оконце потолкавъ, отхожаше... и наутріе призвавъ къ себъ, не съ яростію и жестостію обличяше, но съ тихостію и кротостію и съ милостію поучаваше и наказываше съпрятаннымъ и хранителнымъ быти и молитися о гръсъхъ своихъ въ молчаніи и въ безмлъвіи (НЛ, Повесть о преп. Сергии, 1392 г., 138); Имяше же обычяй вся помыслы своя повъдывати преподобному игумену Сергію (НЛ, Повесть о преп. Сергии, 1392 г., 141);

 $^{^{11}}$ Приношу искреннюю благодарность А. А. Гиппиусу за это и другие ценные текстологические уточнения.

в Житии митрополита Алексея: *Любяше же ихъ и Феогнастъ митрополить всея Русіи и чясто къ себъ призываше и <u>упокоиваше</u> и прохлажаше и почиташе ихъ добръ (НЛ, Повесть о Алексее митр. всея Руси, 1378 г., 29) — тот же контекст буквально повторяется в Повести о преп. Сергии (1392 г., 131);*

в Сказании о блаженной великой княгине Евдокии: *И многи дни бяше* молчя и ни къ комуже бесъдоваше. Но токмо маяніемъ повель призвати къ себъ иконныя писцы и рукою <u>указываше</u> имъ, яко да напишутъ на дикъ образъ ангела Господня, имже образомъ видъ его (НЛ, 1407 г., 200).

Приходится признать, что в Московской Руси XIV в. имперфективы на -ыва-/-ива- не имели характеристики маркированно некнижных образований — так же, как в Южной Руси в древнерусскую эпоху.

Эти глаголы встречаются в НЛ и в местных записях, не отличающихся книжностью, — так же, как в ТЛ (см. 3.1.), но в отличие от новгородских летописей за XIV в., где такие образования практически отсутствуют (см. 2.). Ср., например: Того же лѣта начяша подписывати двъ церкви камены на Москвъ: пресвященныи двогнастъ митрополить Кіевскіи и всеа Русіи у своего митрополичя двора..., а другую церковь у великого князя двора, святаго архагела Михаила, князь велики Семенъ Ивановичь подписываль Русскими иконники... (НЛ, 1344 г., 216); Того же лѣта мѣсяца іюля загорѣся градъ Москва отъ церкви святаго Адонасіа, какъ люди отобѣдывають, и мало не весь градъ згорѣ, мало что остася (НЛ, 1389 г., 121); Того же лѣта замыслиша на Москвъ ровъ копати съ Кучкова поля въ Москву рѣку, и много бысть людемъ убытка, хоромы розметывали, и много трудишася и ничтоже доспѣша (НЛ, 1394 г., 156) и др.

Таким образом, данные НЛ за XIV — нач. XV в. подтверждают данные ТЛ: в XIV в. -ыва-имперфективы в диалектной зоне Центра продуктивны и вполне употребительны, причем не имеют стилистической маркированности. Оценка имперфективов на -ыва-/-ива- как принадлежности некнижного языка складывается, очевидно, только в XV в. (см. данные НЛ за 1425—1558 гг. в: [Шевелева 2010: 223—227]).

Приведем общий список вторичных имперфективов с суф. -ыва-/-ива- в НЛ за XII — первую четверть XV в. (совпадающие с другими описанными нами летописями чтения выделены жирным):

въвъриватися	ввъриватися ему начяша лукавою хитростію	1418 г., 233
възръзывати	груди возрѣзываху (Батыева рать)	1237 г., 106
въкладывати	руки въкладываху (О Смоленск. побоище)	1387 г., 91
въскладывати	многи вины възкладываху (О Мих. Тверском)	1319 г., 192
засыпывати	повелъваше засыпывати (О Темир-Аксаке)	1392 г., 151
изкрадывати	хитростію изкрадываше	1368 г., 11
наказывати	наказываше (О Митяе)	1378 г., 36
	наказывахъ и учихъ васъ	1391 г., 126
	наказываше (Жит. Сергия Рад.)	1392 г., 138
наполниватися	(мъсяць)нача наполниватися	1214 г., 66
	и нача такоже наплъниватися	Там же

осваиватися	осваиватися восхощешь (Послан. Едигея) (=HIVЛ)	1409 г., 210
отобъдывати	какъ люди отобъдываютъ	1389 г., 121
повъдывати	помыслы своя повъдывати (Жит. Сергия Рад.)	1392 г., 141
подписывати	почата бысть подписывати церковь	1230 г., 100
	начяша подписывати двъ церкви	1344 г., 216
	подписывалъ русскими иконники	1344 г., 216
	юже сама велъла подписывати	1345 г., 216
	съвершиша подписывати три церкви	1346 г., 217
	кончаша подписывати церковь	1407 г., 202
	начата бысть подписывати велика соборнаа церковь	1408 г., 203
преписывати	донынъ преписывающи сію грамоту	1407 г., 197
приказывати	и потомъ нача приказывати ко сыну и къ княгинъ	1319 г., 184
_	(О Мих. Тверск.) (=ТЛ)	
	приказываю своеи братьи (Дух. грам. Магнуша	1352г., 224
	Свейск.) (=ТЛ,=НІУЛ)	
	и нынъ приказываю (Дух. грам. Магнуша Свейск.)	1352 г., 225
	кому ли мене приказываешь? (Плач Евдокии)	1389 г., 116
	кому приказываешь мене? (Плач Евдокии)	1389 г., 117
	приказываю (Дух. грам. митр. Киприана)	1407 г., 196
	(=ТЛ,=HIVЛ)	
розметывати	хоромы розметывали	1394 г., 156
свышвати	замыслиша свъшивати бочкы (ПВЦ) (=НІЛ)	1204 г., 39
складывати	мы за тебя главы своя складываемъ (=КЛ, =СЛ)	1177 г., 5
	другь за друга главы своа складываемь	1228 г., 96
	гдъ Давидъ Псалтырю складывалъ (Хожен. в Иерусал.)	1389 г., 107
с(ъ)саривати	князя съсаривають къ намъ	1255 г., 140
	онъ же не престаа съсариваше ихъ	1409 г., 207
удоволивати	всеми потребами удоволивалаиноки	1345 г., 216
указывати	рукою указываше имъ (О блаж. вел. кн. Евдокии)	1407 г., 200
упокоивати	повель упокоивати ихъ пищею и питіемь (О Стеф. Сербск.)	1328 г., 200
	упокоиваше (Жит. митр. Алексея)	1378 г., 31
	упокоиваше (Жит. Сергия Рад.)	1392 г., 131 ¹²

3.3. Таким образом, данные северо-восточных летописей XII—XV вв. отличаются от данных летописей новгородских.

В XIV в. -ива-имперфективы в северо-восточной диалектной системе, несомненно, высоко продуктивны и употребительны — в Новгороде такая ситуация будет достигнута, видимо, только к XVI в., при этом, очевидно, не без влияния северо-восточных говоров (см. выше, 2.5.).

Важно отметить, что в Ростово-Суздальской земле и в Москве продуктивность -ыва-модели имперфективации в XIV в. еще не препятствует ее

 $^{^{12}}$ Засвидетельствован также в написании с -ева- глагол поучевати (и начать понужати и поучевати его ити ратью къ Москвъ 1368 г., 10), что скорее всего отражает поучивати со смешением заударных е—и: смешение заударных гласных встречается в НЛ, ср. услышель и др.

проникновению во вполне книжные тексты: в этот период -ыва-имперфективы, как показали исследованные летописи, еще не имеют некнижной маркированности — так же, как это было в раннедревнерусскую эпоху в южнорусской (киевской и галицко-волынской) летописной традиции, преемницей которой в данном отношении (как, впрочем, и во многих других) оказывается традиция северо-восточная. Ситуация изменится только в XV в., когда -ыва- имперфективы начинают оцениваться как исключительно некнижные образования. Видимо, здесь сказался резкий рост их употребительности в живом языке и особенно в формуляре делового языка Московской Руси, с одной стороны, и второе южнославянское влияние с другой. Со вторым южнославянским влиянием в книжном языке широко употребительной становится -а-модель имперфективации, соответствущая болгарской: имперфективы на -а- оцениваются как обязательная принадлежность книжного риторического стиля, при редактировании ими заменяют простые бесприставочные основы (ставити→поставляти и под., см.: [Шевелева 1991: 130—131]). Имперфективы на -ыва-/-ива- теперь становятся принадлежностью языка некнижного.

Если ситуация с *-ыва-*моделью имперфективации в северо-восточной диалектной зоне и в Центре в XIV—XV вв. более или менее ясна, относительно более раннего времени картина не так очевидна.

В XIII в., как свидетельствуют летописи, -ыва-имперфективы на северовостоке тоже, вероятно, уже достаточно употребительны: в отличие от новгородских летописей, они встречаются в обычных погодных записях местных известий, для которых вряд ли можно предполагать позднейшее подновление или влияние киевской традиции. Хотя, впрочем, влияние киевской «литературной» традиции в северо-восточном летописании XIII в. также имеет место: вспомним -ыва-имперфективы в описании жестокостей «Батыевой рати» в Рязани (1237 г.), воспроизведение формул воинских повестей (другь за друга главы своа складываемь (НЛ, 1228 г., 96)) и др.

Сложнее всего интерпретировать ситуацию для XII в. Как мы уже говорили, в отличие от новгородских летописей, немногочисленные примеры имперфективов на -ыва-/-ива- в северо-восточных летописях за XII в. всетаки есть, при этом факт последовательного роста их количества в более поздних частях может быть указанием на реальный рост продуктивности этих образований. Все примеры XII в. читаются в записях северо-восточных (владимирских, ростовских) известий, но при этом большая их часть совпадает с чтениями южнорусской КЛ и, соответственно, восходит к общему южнорусскому источнику КЛ и владимирско-суздальских летописей (см. выше, с. 212—213). Сложность взаимоотношений южнорусского и владимирско-суздальского летописания XII в. не позволяет пока установить первичный источник -ыва- глаголов в этих записях: возникли ли они под пером южнорусского редактора или изначально были в записях владимирского летописца. Однако лучшая сохранность некоторых из этих статей в ТЛ сравнительно с КЛ делает последнее предположение вполне вероятным.

Таким образом, если для южнодревнерусской диалектной зоны мы можем с уверенностью говорить о продуктивности суффикса -ыва-/-ива- уже в XII в., то для северо-восточной зоны раннедревнерусской эпохи ситуация все-таки остается неясной. Скорее всего, в XII в. модель имперфективации на -ыва-/-ива- была на северо-востоке все же менее распространенной, чем на юге (хотя более распространенной, чем в Новгороде). Однако вполне вероятно, что новые данные позволят скорректировать это предположение.

Литература и источники

Буланин 1987 — Д. М. Буланин. Повесть о битве на Калке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 346—348.

ВЛ — Волынская летопись в составе Галицко-Волынской летописи (см. Ипат.). Выг. сб. XII в. — Выголексинский сборник / Изд. подг. В. Ф. Дубровина, Р. В. Бахтурина, В. С. Голышенко. М., 1977.

ГВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гиппиус 1992 — А. А. Гиппиу с. Новые данные о пономаре Тимофее — новгородском книжнике середины XIII века // МАИРСК. Информационный бюллетень. Вып. 25. М., 1992. С. 59—86.

Гиппиус 1996 — А. А. Г и п п и у с. Лингво-текстологическое исследование Синодального списка Новгородской первой летописи. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 [16]. СПб., 1997. С. 3—72.

Гиппиус 2001 — А. А. Гиппиус. Рекоша дружина Игореви... К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. № 25. Р. 147—181.

Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004—2005. М., 2006. С. 114—251.

Гиппиус 2009 — А. А. Гиппиус с. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хороши дни... Сборник памяти А. С. Хорошева. СПб., 2009. С. 181—198.

Гиппиус 2011 — А. А. Гиппиус. «До Александра и Исакия»: к вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1 (43). С. 18—30.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. М., 2004.

ЖФСт — Житие Федора Студита по списку Выголексинского сборника XII в. (см. Выг.сб.).

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк, Янин 2007 — А. А. Зализняк, В. Л. Янин. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2006 г. // ВЯ. 2007. № 3. С. 3—10.

Зиборов 1989 — В. К. З и б о р о в. Летопись Новгородская II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 51.

Изборник 1076 — Изборник 1076 года. Второе изд., переработанное и дополненное / Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. Т. І—ІІ. М., 2009.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. М., 1998. Т. 2.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Клосс 2000 — Б. М. Клосс. Второе предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Летопись Новгородская четвертая. Т. IV. М., 2000. С. XI—XX.

Клосс 2000а — Б. М. К л о с с. Предисловие к изданию 2000 г. // Полное собрание русских летописей. Типографская летопись. Т. XXIV. М., 2000. С. V—XI.

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Кучкин 2003 — В. А. К у ч к и н. Летописные рассказы о битве на р. Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 74—78.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Вып. 1—3. М., 1997. Т. 1.

Лурье 1976 — Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976.

Лурье 1987 — Я. С. Лурье. Летопись Лаврентьевская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987. С. 241—245.

Лурье 1989 — Я. С. Лурье. Летопись Типографская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 63—64.

Лурье 1996 — Я. С. Л у р ь е. Примечания // М. А. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 259—280.

Молдован 2000 — А. М. Молдован и. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

НІЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

НПЛ — Новгородская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.

 ${
m HIV}$ Л — Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

HIVЛд — Новгородская четвертая летопись по списку Дубровского // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.

НЛ — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. X (1177—1362 гг.). СПб., 1885; Т. XI (1362—1424 гг.). Спб., 1897.

ПВЦ — Повесть о взятии Царьграда (см. НІЛ).

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Приселков 1996 — М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.

Пск.1л. — Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. Вып. 1. М., 1941.

Пск.2л. — Псковская 2-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Пск.3л. — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). Т. 1-10. М., 1988—2013.

Силина 1987 — В. Б. С и л и н а. Специфика выражения видовых различий в древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 196—208.

Сильв.сб. XIV в. — Сильвестровский сборник XIV в. // И. И. Срезневский. Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV в. СПб., 1860.

СкБГ — Сказание о Борисе и Глебе (см. Усп.сб. и Сильв.сб.).

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Лаврентьевская летопись. Т. І. Вып. 2—3. М., 1997.

Творогов 1987 — О. В. Творогов. Повесть о взятии Царьграда фрягами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. Л., 1987.

ТЛ — Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Типографская летопись. Т. XXIV. М., 2000.

Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Хрест. — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. І. М., 1952.

Шахматов 1908 — А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов 1938 — А. А. Ш а х м а т о в. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

Шевелева 1991 — М. Н. III е в е л е в а. Значение и употребление производных имперфективных основ в книжно-литературном языке средневековой Руси XV—XVI вв. // Исследования по глаголу в славянских языках: История славянского глагола. М., 1991. С. 114—133.

Шевелева 1996 — М. Н. Шевелева. «Житие Андрея Юродивого» как уникальный источник сведений по исторической фонетике русского языка // Актуальные проблемы современной русистики: диахрония и синхрония (Вопросы русского языкознания, вып. VI). М., 1996. С. 20—65.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. Еще раз о написаниях типа **трот** (на месте праславянских сочетаний гласных с плавными) в рукописях XIII—XVI вв. // Рус. яз в науч. осв. 2007. № 1 (13). С. 266—282.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива-в летописях XII—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2010. № 2 (20). С. 200—242.

Шевелева 2012 — М. Н. Шевелева. Еще раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива*- типа *хаживать* в истории русского языка // Рус. яз в науч. осв. 2012. № 1 (23). С. 140—178.

References and sources

Bulanin 1987 — D. M. Bulanin. Povest o bitve na Kalke // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1. Leningrad, 1987. S. 346—348.

Gippius 1992 — A. A. Gippius. Novyye dannyye o ponomare Timofeye — nov-gorodskom knizhnike serediny XIII veka // MAIRSK. Informacionnyy byulleten. Vyp.25. Moskva, 1992. S. 59—86.

Gippius 1996 — A. A. Gippius. Lingvo-tekstologicheskoye issledovaniye Sinodalnogo spiska Novgorodskoy pervoy letopisi. Avtoref. diss.... kand. filol. nauk. Moskva, 1996.

Gippius 1997 — A. A. Gippius. K istorii slozheniya teksta Novgorodskoy pervoy letopisi // Novgorodskiy istoricheskiy sbornik. Vyp. 6 [16]. Sankt-Peterburg, 1997. S. 3—72.

Gippius 2001 — A. A. Gippius. Rekosha druzhina Igorevi... K lingvotekstologicheskoy stratifikacii Nachalnoy letopisi // Russian Linguistics. 2001. № 25. P. 147—181.

Gippius 2006 — A. A. G i p p i u s. Novgorodskaya vladychnaya letopis XII—XIV vv. i yeye avtory (Istoriya i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii) // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka. 2004—2005. Moskva, 2006. S. 114—251.

Gippius 2009 — A. A. G i p p i u s. Arkhiyepiskop Antoniy, novgorodskoye letopisaniye i kult svyatoy Sofii // Khoroshi dni... Sbornik pamyati A. S. Khorosheva. Sankt-Peterburg, 2009. S. 181—198.

Gippius 2011 — A. A. Gippius. «Do Aleksandra i Isakiya»: k voprosu o proiskhozhdenii mladshego izvoda Novgorodskoy pervoy letopisi // Drevnyaya Rus. Voprosy mediyevistiki. 2011. № 1 (43). S. 18—30.

GVL — Galicko-Volynskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

GVNP — Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Moskva; Leningrad, 1949.

Ipat. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 2. Ipatyevskaya letopis. Moskva, 1998.

Izbornik 1076 — Izbornik 1076 goda. Vtoroye izd., pererabotannoye i dopolnennoye / Izd. podgot. M. S. Mushinskaya, Ye. A. Mishina, V. S. Golyshenko. T. I—II. Moskva, 2009.

Khrest. — S. P. Obnorskiy, S. G. Barkhudarov. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Ch. I. Moskva, 1952.

KL — Kievskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Kloss 2000 — B. M. Kloss. Vtoroye predisloviye k izdaniyu 2000 g. // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. IV. Letopis Novgorodskaya chetvertaya. Moskva, 2000. S. XI—XX.

Kloss 2000a — B. M. Kloss. Predisloviye k izdaniyu 2000 g. // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XXIV. Tipografskaya letopis. Moskva, 2000. S. V—XI.

Kuchkin 2003 — V. A. Kuchkin. Letopisnyye rasskazy o bitve na r. Kalke // Pismennyye pamyatniki istorii Drevney Rusi. Sankt-Peterburg, 2003. S. 74—78.

Kuznecov 1959 — P. S. Kuznecov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka. Moskva, 1959.

Lavr. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Lavrentyevskaya letopis. Vyp. 1—3. Moskva, 1997. T. 1.

Lurye 1976 — Ya. S. Lurye. Obshcherusskiye letopisi XIV—XV vv. Moskva, 1976.

Lurye 1987 — Ya. S. Lurye. Letopis Lavrentyevskaya // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1. Leningrad, 1987. S. 241—245.

Lurye 1989 — Ya. S. Lurye. Letopis Tipografskaya // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2. Ch. 2. Leningrad, 1989. S. 63—64.

Lurye 1996 — Ya. S. Lurye. Primechaniya // M. A. Priselkov. Istoriya russkogo letopisaniya XI—XV vv. Sankt-Peterburg, 1996. S. 259—280.

Moldovan 2000 — A. M. Moldovan an. Zhitiye Andreya Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti. Moskva, 2000.

NIIL — Novgorodskaya vtoraya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XXX. Vladimirskiy letopisec. Novgorodskaya vtoraya (Arkhivskaya) letopis. Moskva 1965

NIL — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov. Moskva; Leningrad, 1950.

NIVL — Novgorodskaya chetvertaya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. IV. Novgorodskaya chetvertaya letopis. Moskva, 2000.

NIVLd — Novgorodskaya chetvertaya letopis po spisku Dubrovskogo // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. IV. Novgorodskaya chetvertaya letopis. Moskva, 2000.

NL — Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopisyu // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. X (1177—1362 gg.). Sankt-Peterburg, 1885; T. XI (1362—1424 gg.). Sankt-Peterburg, 1897.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze 2011. — Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.

Priselkov 1996 — M. D. Priselkov. Istoriya russkogo letopisaniya XI—XV vv. Sankt-Peterburg, 1996.

Psk.11. — Pskovskaya 1-ya letopis // Pskovskiye letopisi. Vyp. 1. Moskva, 1941.

Psk.21. — Pskovskaya 2-ya letopis // Pskovskiye letopisi. Vyp. 2. Moskva, 1955.

Psk.31. — Pskovskaya 3-ya letopis // Pskovskiye letopisi. Vyp. 2. Moskva, 1955.

PVC — Povest o vzyatii Cargrada (sm. NIL).

SDRYa XI-XIV — Slovar drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.). T. 1-10. Moskva, 1988-2013.

Shakhmatov 1908 — A. A. Shakhmatov. Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh. Sankt-Peterburg, 1908.

Shakhmatov 1938 — A. A. Shakhmatov. Obozreniye russkikh letopisnykh svodov XIV—XVI vv. Moskva; Leningrad, 1938.

Sheveleva 1991 — M. N. Sheveleva. Znacheniye i upotrebleniye proizvodnykh imperfektivnykh osnov v knizhno-literaturnom yazyke srednevekovoy Rusi XV—XVI vv. // Issledovaniya po glagolu v slavyanskikh yazykakh: Istoriya slavyanskogo glagola. Moskva, 1991. S. 114—133.

Sheveleva 1996 — M. N. Sheveleva. «Zhitiye Andreya Yurodivogo» kak unikalnyy istochnik svedeniy po istoricheskoy fonetike russkogo yazyka // Aktualnyye problemy sovremennoy rusistiki: diakhroniya i sinkhroniya (Voprosy russkogo yazykoznaniya, vyp. VI). Moskva, 1996. S. 20—65.

Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. Yeshche raz o napisaniyakh tipa trot (na meste praslavyanskikh sochetaniy glasnykh s plavnymi) v rukopisyakh XIII—XVI vv. // Rus. yaz. v nauch. osv. 2007. № 1 (13). S. 266—282.

Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnyye imperfektivy s suffiksom -yva-/-iva- v letopisyakh XII—XVI vv. // Rus. yaz. v nauch. osv. 2010. № 2 (20). S. 200—242.

Sheveleva 2012 — M. N. Sheveleva. Yeshche raz o bespristavochnykh iterativakh na *-yva-/-iva-* tipa *khazhivat* v istorii russkogo yazyka // Rus. yaz. v nauch. osv. 2012. № 1 (23). S. 140—178.

Silina 1987 — V. B. Silina. Specifika vyrazheniya vidovykh razlichiy v drevnerusskom literaturnom yazyke // Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v yego otnoshenii k staroslavyanskomu. Moskva, 1987. S. 196—208.

Silv. sb. XIV v. — Silvestrovskiy sbornik XIV v. // I. I. Sreznevskiy. Skazaniya o svyatykh Borise i Glebe: Silvestrovskiy spisok XIV v. Sankt-Peterburg, 1860.

SkBG — Skazaniye o Borise i Glebe (sm. Usp. sb. i Silv. sb.).

SL — Suzdalskaya letopis po Lavrentyevskomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Lavrentyevskaya letopis. T. I. Vyp. 2—3. Moskva, 1997.

TL — Tipografskaya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Tipografskaya letopis. T. XXIV. Moskva, 2000.

Tvorogov 1987 — O. V. Tvorogov. Povest o vzyatii Cargrada fryagami // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 1. Leningrad, 1987.

Usp. sb. — Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. / Izd. podgot. O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon. Moskva, 1971.

VL — Volynskaya letopis v sostave Galicko-Volynskoy letopisi (sm. Ipat.).

Vyg. sb. XII v. — Vygoleksinskiy sbornik / Izd. podg. V. F. Dubrovina, R. V. Bakhturina, V. S. Golyshenko. Moskva, 1977.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izd. Moskva, 2004.

Zaliznyak, Yanin 2007 — A. A. Zaliznyak, V. L. Yanin. Berestyanyye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2006 g. // Voprosy Yazykoznaniya. 2007. № 3. S. 3—10.

ZhAYu — Zhitiye Andreya Yurodivogo // A. M. Moldovan. Zhitiye Andreya Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti. Moskva, 2000.

ZhFSt — Zhitiye Fedora Studita po spisku Vygoleksinskogo sbornika XII v. (sm. Vyg. sb.).

Zhivov 2004 — V. M. Zhivov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII—XVIII vv. Moskva, 2004.

Ziborov 1989 — V. K. Ziborov. Letopis Novgorodskaya II // Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp.2. Ch. 2. Leningrad, 1989. S. 51.

Резюме

Статья посвящена истории распространения имперфективов на -ыва-/-ива- в летописании северо-западной и северо-восточной Руси в связи с проблемой истории этой специфически восточнославянской модели имперфективации в разных диалектных зонах. В то время как в летописях и других памятниках киевского и юго-западного происхождения -ыва-/-ива- имперфективы известны уже в XI в., а в XII—XIII вв. вполне продуктивны, в новгородских летописях они крайне редки и до конца XIV в. связаны исключительно с влиянием киевской летописной традиции, употребляясь в характерных для неё риторических стереотипах. В северовосточной диалектной зоне в XII-XIII вв., как свидетельствуют летописи, модель имперфективации на -ыва-/-ива- была, видимо, более распространенной, чем в Новгороде, хотя не столь продуктивной, как в Южной Руси; в летописях она тоже во многом связана с восприятием киевской традиции.

Ключевые слова: имперфективы, история суффикса имперфективации -*ыва*-/-*ива*-, новгородские летописи, северо-восточные летописи, киевская летописная традиция, диалектные зоны.

MARIA N. SHEVELEVA

IMPERFECTIVE VERBS WITH THE SUFFIX -YVA-/-IVA-IN NORTH RUSSIAN CHRONICLES

The article deals with the history of the imperfective -yva-/-iva- verbs in Russian northwestern (Novgorodian) and northeastern chronicle traditions, which reflects the history of this specifically East Slavic pattern of imperfectivization in different dialect areas. While in the Kievan and southwestern chronicles and other manuscripts -yva-/-iva-verbs were already known in the 11th century and quite productive in the 12th-13th centuries, in the Novgorodian chronicles they occure rarely until the end of the 14th century and were due to the Kievan literary tradition with its steady expressions. In the northeastern dialect area and its chronicles of the 12th-13th centuries the -yva-/-iva- verbs were more common than in Novgorod, but not so productive as in southern Rus', and they were also often connected with the Kievan narrative tradition.

Keywords: imperfective verbs, the history of the suffix *-yva-/-iva-*, Novgorodian chronicles, northeastern chronicles, Kievan narrative tradition, dialect areas.

Московский государственный университет 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Lomonosov Moscow State University 1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Статья поступила 15.04.2013

Received on 15.04.2013

И. В. ФЕДОТОВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ПРАСЛАВЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ *MESTI, *MĘSTI И *MĘTI В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 1

С исторической точки зрения лексика представляет собой систему этимологических гнёзд. Основные объекты исследования в этимологии — это отдельные слова и различные лексические группы в их исторических изменениях. «Именно непрерывное уточнение состава этимологических гнёзд и углубление понимания системных отношений внутри гнёзд и между гнёздами составляют основную и непосредственную задачу всей научной этимологии в целом» [Мельничук 1969: 58]. Поэтому необходимым аспектом исследования является разграничение лексики отдельных этимологических гнёзд на разных хронологических уровнях.

Более полувека назад теоретик этимологии Я. Малкиел отметил, что в истории языка смешение этимологических гнёзд достаточно типично, см. [Malkiel 1954]. Развивая эту идею, Ж. Ж. Варбот предложила классификацию типов взаимодействия гнёзд в зависимости от этапов и степени обоюдного влияния. Согласно её наблюдениям, «наиболее существенным условием для взаимодействия гнёзд является формальное (а не семантическое) подобие», но результатом взаимодействия является и формальное, и семантическое сближение [Варбот 2003: 61].

В славянской этимологии, особенно в этимологических словарях славянских языков, неоднократно ставился, но до сих пор остается спорным вопрос о соотношении глаголов *mesti, *meto и *mesti, meto. Внимание к этой группе гнёзд оправдано их структурной близостью (одинаковое консонантное оформление корня и, в истории отдельных славянских языков, совпадение рефлексов *e и *e) и наблюдаемыми фактами их семантического сближения.

О. Н. Трубачев считал, что отношения между индоевропейскими корнями *ment-/*met-, представленные в слав. *męsti, *mętǫ/*mesti, *metǫ, по-

Идалия Вячеславовна Федотова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, (Москва).

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №13-04-00221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика».

добны отношениям индоевропейских корней *kret-/*krent-, представленных в слав. *kret-ati/*krot-iti — *kreslo/*krosno [ЭССЯ 19: 12—13].

Коллектив авторов чешского «Этимологического словаря старославянского языка» предлагает иную трактовку происхождения корня, представленного в глаголе *męsti, *mętetъ 'спутывать, путать'. В роли производящей основы для него выступает *męti, *mьnǫ, то есть *męs(ti) являет собой индоевропейский корень *men(H)- 'мять' с детерминантом [ESJS: 474—475]. Таким образом, к паронимическим глаголам *męsti и *mesti примыкает и глагол *męti, *mьnǫ.

Что касается новейших трактовок соотношения этих глаголов, то А. Лома предположил, что *mesti и *męsti на праславянском уровне представляли собой один глагол, с инфинитивом *mesti и двумя основами презенса: *meto и с назальным инфиксом *męto [Лома 2010: 286]. В дополнение к материалам сербского учёного можно также присоединить в.-луж. mjasć 'drücken, quetschen' [Pfuhl: 363], которое отнесено О. Н. Трубачевым к прасл. *męsti см. [ЭССЯ 19: 12—13]. В данном случае примечательно сочетание формы одного гнезда и семантики другого ('мять, давить, жать'). Согласно Ж. Ж. Варбот, «в подобных случаях уже можно видеть взаимодействие гнёзд» [Варбот 2003: 58], а не единичное ассоциативное преобразование слова.

Представляется, что есть материалы из истории и диалектов русского языка, которые позволяют думать о разнонаправленном взаимодействии гнёзд, восходящих к прасл. *mesti, *mesti, *meti.

На уровне древнерусского языка в рассматриваемом отношении существенно русск.-цслав. матати 'бросать' [Срезн. II: 258], в котором исследователи видят «тематизацию на -a-ti основы глагола *mętǫ, *męsti» [ЭС-СЯ 19: 16] при семантике, свойственной гнезду *met-ati.

Теперь перейдем к рассмотрению русского диалектного материала, являющегося показательным в плане взаимоотношений гнёзд. Следует, однако, иметь в виду специфику фонетики русских северных говоров (переход а в е в позиции между мягкими согласными) и с осторожностью анализировать материал, в котором наблюдается появление [e] на месте ['a]. Говорить о взаимодействии гнёзд можно с большей уверенностью, исследуя лексемы с корневым ['a] на месте исконного [e].

мяте́ль

Русскому литературному языку известно слово *мете́ль* 'сильный ветер со снегом, вьюга', со словарной пометой «с иным (устар.) напис.: *мяте́ль*» [БАС 10: 125]. Это слово впервые зафиксировано в форме старорус. *метель* в XVII в. [СлРЯ XI—XVII вв. 9: 126], известно оно и другим славянским языкам.

Согласно общепринятому мнению, *мете́ль* возводится к *мести́*, см. [ЭССЯ 18: 117—118], что находит подтверждение во фразеологии: вьюга,

метель и т. п. метет [БАС 10: 99], федоты-памёты 'день, который обычно бывает с пургой, метелью' [Селигер 5: 14].

О происхождении слова мятель нет единого мнения: одни исследователи не считали его отражением древнего * [ЭССЯ 18: 117], в то время как А. Лома согласен с праславянской реконструкцией Э. Бернекера *metelb [Лома 2010: 286], возводимого к męto, męsti. Сомнения вызывает распространенность мятель именно в акающих говорах в безударном положении (перм. мятелица, мятелуга 'снегопад с ветром, метель' [СРНГ 19: 90], перм., твер., моск. мятель 'снегопад с ветром, метель' [СРНГ 19: 90]). Однако в синонимах встречается и ударное а: моск. мя́тица 'снегопад' [СРНГ 19: 91]. Другое значение этого слова в диалектах — мя́тица 'шум, гам, суета' (ср. литер. сумятица) [СРНГ 19: 91] — М. Фасмер возводит к мяту, мясти [Фасмер III: 32]. Возникновение ударного a на месте этимологического е в том же корне наблюдается в выражении мятью метаться 'беспорядочно, суетливо двигаться, бросаться туда-сюда' [Русск. гов. Беломорья: 217] (Сын зауежжал, а собака, это мятью мечетсэ, дак любого лося посадит) при существовании закономерного метью, всей метью, как метью, на всю меть 'быстро, стремительно' [СРГК III: 235].

В пользу реконструкции *mętelь < mętǫ, męsti свидетельствует ст.-слав. mętǫ, męsti se, которое Э. Бернекер толкует через греч. χειμάζεσθαι '(ο буре) метать, бросать, кидать, волновать, усиливаться' [Berneker 2: 44]

Нельзя исключить также влияние гнезда *męti, *mьп-о на слово *metelь. Примечательно, что упомянутое выше русск. диал. (моск.) мя́тица 'снегопад с ветром, метель', (пск., твер.) 'шум, гам, суета', (арх.) 'мялка для льна, конопли' [СРНГ 19: 91] О. Н. Трубачев считал «производным на -ica, соотносительным с *męti, *mьпо и *męsti, *męto (ср. особенно знач. 'снегопад с ветром, метель')» [ЭССЯ 19: 19]. Метель как природное явление сопровождается взбиванием, перемешиванием, «смятением», и эти семантические компоненты формируют значение глагола *męsti, *męto. Так, фразеологизм кутить и мутить имеет значение 'кружить, крутить (о вьюге, метели и т. п.)' [МАС II: 156, с пометой «обл.»], при этом глагол мутить являет собой аблаутную ступень корня, соотносимого с *męsti.

Итак, есть семантические основания для производности *mętelь от *męto, *męsti sę. Но ввиду существования параллельных форм с *e и *ę в корне необходимо определить, какая из основ первична. Скорее всего, формы с *ę вторичны и представляют собой результат влияния формы одного гнезда на другое на основе сближения и формы, и семантики.

мятище

Рус. диал. (Карелия) мяти́ще 'основание зарода' (У стога — подонье, у зарода — позародье, мяти́ще) [СРГК III: 287] по своей структуре представляет собой отглагольное существительное с суффиксом -ище (заро́д

'скирд, стог сена, соломы или снопов (обычно большого размера), удлиненной формы и разделенный кольями на секции-промежки' [СРНГ 10: 386]).

Наряду с корневым ['a], представленным в мятище, встречается корневое ['e]: рус. диал. (Карелия) метище 'подстилка из палок, сучьев, на которую ставится стог', 'место под стогом'. Ценную информацию исследователю сообщает контекст, будто бы раскрывающий внутреннюю форму слова: Нет жёрдочек, дак в старое метище будем метать. [СРГК III: 234].

Существуют однокоренные синонимы со сходной структурой — *ме́танище* 'место стогования сена' [СРГК III: 232] и *мётовище* 'место стогования сена' [СРГК III: 235].

Этот иллюстративный материал подкрепляет предположение о том, что мотивацией слов мятище и метище является словосочетание метать стого, копны 'кидая, складывать, укладывать (сено, солому)' [БАС 10: 119]. Проблематично в этом случае корневое ['a]. Существенно, что аналогичные варианты с корневым [e] и с идентичным лексическим значением фиксируются на одной территории.

Так, известно арханг. мятище 'ставная крупноячеистая сеть, которой окружают стадо тюленей в море' [СРНГ 19: 91] наряду с арханг. метище 'рыболовная сеть с большими ячеями', тобол. метище 'место подледного лова рыбы на Иртыше' [СРНГ 18: 138], рус. диал. (Карелия) метище' снасть для ловли нерп' (Зверей еще ловят, тюленей, осенью нерп ловят, в метища ловят, така снастина редка, на лодке перевозят) [СРГК III: 234]. С уверенностью можно предположить, что эти слова являются производными от широко известного в литературном языке и диалектах глагола метать в его значении 'бросать, кидать; опускать за борт, бросать в воду (о рыболовных снастях)' [БАС 10: 119; СРНГ 18: 135], рус. диал. (Якутия) метать сети 'ставить сети' [СРНГ 18: 135], литер. и диал. метать невод 'забрасывать невод' [БАС 10: 119; СРНГ 18: 135]. Существует синоним, производный от того же корня — диал. арх., забайк. (Бурятия) омёт 'сеть для ловли рыбы' и томск. омёт 'ловушка на соболя в виде сети' [СРНГ 23: 200].

Суффикс -ище является формантом для образования существительных от существительных, в том числе и отглагольных: ржище, овсище, клеверище, стрельбище, пастбище [РГ-80: § 351]. В диалектах засвидетельствованы отглагольные существительные мёт 'метание, бросание чего-л.' [СРНГ 18: 133] и мётка 'стогование сена', 'время стогования', 'укладка сена, рассчитанная для корма скота в течение всей зимы', 'погрузка навоза на повозку' [СРГК, III: 234]. Вероятно, между метать и метище есть существительное *мет, хотя не исключено непосредственное образование с помощью суффикса -ище от глагола (метище < метать), как в рус. литер. скопище, рус. диал. (арх.) омочище, ерепенище, плакище (sic), спище [ОСАГ: 128—129].

 тывания в море тюленьего юрова, — длиною в 10, а шириною в 4 сажени' истолковано как производное с суф. -išče от глаг. *męti, mьnǫ [ЭССЯ 19: 20] (более полное описание реалии см. в [Подвысоцкий: 95]). По этому этимологическому толкованию не получает объяснения -t- и не ясно семантические развитие от 'мять' к 'сеть'. Параллельность словообразовательной структуры у слов метище / мятище говорит скорее о том, что последнее — результат преобразования метище под влиянием ассоциаций с мять. Фонетическое объяснение появления ['а] на месте [е] маловероятно: территория Беломорского р-на Карелии и Архангельской области не входит в ареал распространения «заонежского яканья» — фонетически обусловленного явления, описанного В. В. Колесовым, см. [Колесов 1975].

мя́ты

Интересно в этимологическом отношении существительное пск. *мя́ты* 'жерди, которыми скрепляют стог сена' [СРНГ 19: 92], зафиксированное только в форме множественного числа.

Существуют синонимы этого слова, образованные от корня -мет: рус. диал. (олон., новг., твер.) обметина, обметина 'жердь, прут, которыми прижимают стог сена' [СРНГ 22: 127] и (новг., пск., твер., ленингр.) ометина, ометина 'палка или прут на верху стога сена (чтобы сено не сносило ветром)': Сейчас ометины положим на верх, хрест-нахрест [СРНГ 23: 200—201], (Карелия) метина 'груз, который кладется на вершине стога для защиты от ветра' [СРГК III: 234]. Довольно очевидной кажется связь с упомянутым выше словосочетанием метать стог, копны 'кидая, складывать, укладывать (сено, солому)' [БАС 10: 119]. От этого корня также произведено слово омет 'стог, укладываемый без жердей' [СРГК IV: 199], обмет 'незавершенный стог', 'копна' [СРГК IV: 91], обметье 'ветки, укладываемые поверх стога' [СРГК IV: 91].

О связи обозначения жердей с глаголом метать ранее писал С. А. Мызников: «Наиболее частотны слова с корнем мет- / мёт-, отмечаемые в Поволховье, Приладожье, Приильменье, в ловатских, гдовских говорах. Вероятно, первоначально данный материал был связан со словом омёт 'стог сена', в дальнейшем потерял связь с мотивирующей лексемой и стал непосредственно связываться с первообразующим глаголом метать (и для слов омёт)» [Атлас субстр. лексики: 147]. В свете изложенных фактов представляется оправданным предположить, что мяты — это преобразованное *меты под влиянием мять. Вероятно, ассоциация возникла в связи с функцией жердей, так как они приминают сено.

Приведенный материал свидетельствует о семантическом сближении и ассоциативном влиянии производных от глаголов *мять*, *мясти* и *мести*, начавшемся уже на праславянском уровне. Представляется, что необяза-

тельно принимать точку зрения А. Ломы, предположившего (с опорой на русский материал) существование двух основ презенса для праславянского *mesti, так как в русских диалектах не единичны случаи влияния назализованных основ (*me-, *met-) на неназализованные.

Литература

Атлас субстр. лексики — С. А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.

БАС — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1—9. М., СПб, 2004—2007.

Варбот 2003 — Ж. Ж. В а р б о т. К типологии взаимодействия этимологических гнезд // Studia etymologica Brunensia 2. Praha, 2003. С. 57—62.

Колесов 1975 — В. В. Колесов. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53—59.

Лома 2010 — А. Лома. Праиндоевропски глагол и словенска етимологија // Јужнословенски филолог LXVI. Београд, 2010. С. 283—295.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957—1961

Мельничук 1969 — А. С. Мельничук. Ободном из важных видов этимологических исследований // Этимология 1967. М., 1969. С. 57—67.

 $OCA\Gamma$ — Обратный словарь архангельских говоров / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 2006.

Подвысоцкий — А. Подвысоцкий , Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом представлении. СПб., 1885.

РГ-80 — Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. В 2 тт. Т. I. М., 1980.

Русск. гов. Беломорья — С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1—5. СПб., 2003—2013.

СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1—6 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994—2005.

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. М., 1958 (=1893).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—44). Л., СПб., 1966—2011.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. Т. 1—4. М., 2004.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), А. Ф. Журавлева (вып. 32—). Вып. 1—38—. М., 1974—2012.

Berneker — E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová (sv. 1—6), A. Erhart (sv. 6—12), I. Janyšková Praha, 1989—.

Malkiel 1954 — Y. Malkiel. Etymology and the structure of word families // Word, V. 10, $N \ge 2$ —3, 1954. P. 265—274.

Pfuhl — Dr. Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

References

Atlas substr. leksiki — S. A. M y z n i k o v. Atlas substratnoy i zaimstvovannoy leksiki russkikh govorov Severo-Zapada. Sankt-Peterburg, 2003.

BAS — Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka / Gl. red. K. S. Gorbachevich. T. 1—9. Moskva, Sankt-Peterburg, 2004—2007.

Berneker — E. Berneker. Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. 1—2. Heidelberg, 1908—1913.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. red. E. Havlová (sv. 1—6), A. Erhart (sv. 6—12), I. Janyšková Praha, 1989—.

ESSYa — Etimologicheskiy slovar slavyanskikh yazykov / Pod red. O. N. Trubacheva (vyp. 1—31), A. F. Zhuravleva (vyp. 32—). Vyp. 1—38—. Moskva, 1974—2012.

Fasmer — M. Fasmer. Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. 4-e izd. T. 1—4. Moskva, 2004.

Kolesov 1975 — V. V. K o l e s o v. Foneticheskiye usloviya zaonezhskogo «yakanya» // Russkiye govory. K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki. Moskva, 1975. S. 53—59.

Loma 2010 — A. Loma. Praindoyevropski glagol i slovenska yetimologija // Juzhnoslovenski filolog LXVI. Beograd, 2010. S. 283—295.

Malkiel 1954 — Y. Malkiel. Etymology and the structure of word families // Word, V. 10, N 2—3, 1954. P. 265—274.

MAS — Slovar russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A. P. Yevgenyevoy. Moskva, 1957—1961.

Melnichuk 1969 — A. S. Melnichuk. Ob odnom iz vazhnykh vidov etimologicheskikh issledovaniy // Etimologiya 1967. Moskva, 1969. S. 57—67.

OSAG — Obratnyy slovar arkhangelskikh govorov / Pod red. O. G. Gecovoy. Moskva, 2006.

Pfuhl — Dr. Pfuhl. Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.

Podvysockiy — A. Podvysockiy. Slovar oblastnogo arkhangelskogo narechiya v yego bytovom i etnograficheskom predstavlenii. Sankt-Peterburg, 1885.

RG-80 — Russkaya grammatika / Gl. red. N. Yu. Shvedova. V 2 tt. T. I. Moskva, 1980.

Russk. gov. Belomorya — S. A. M y z n i k o v. Russkiye govory Belomorya. Materialy dlya slovarya. Sankt-Peterburg, 2010.

Seliger — Seliger. Materialy po russkoy dialektologii: Slovar / Pod red. A. S. Gerda. Vyp. 1—5. Sankt-Peterburg, 2003—2013.

SlRYa XI—XVII vv. — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 1—29. Moskva, 1975—2011.

Srezn. — I. I. Sreznevskiy. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. 1—3. Moskva, 1958 (=1893).

SRGK — Slovar russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey. T. 1—6 / Gl. red. A. S. Gerd. Sankt-Peterburg, 1994—2005.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov / Gl. red. F. P. Filin (vyp. 1—23), F. P. Sorokoletov (vyp. 24—44). Leningrad, Sankt-Peterburg, 1966—2011.

Varbot 2003 — Zh. Zh. Varbot. K tipologii vzaimodeystviya etimologicheskikh gnezd // Studia etymologica Brunensia 2. Praha, 2003. S. 57—62.

Резюме

В данной статье рассматриваются случаи формального и семантического взаимовлияния этимологических гнёзд на примере русской лексики, относимой к гнёздам праславянских глаголов *mesti, *męsti и *męti. Наблюдения позволяют установить, что взаимодействие гнёзд началось ещё в праславянскую эпоху. Также сделаны выводы о направлении и условиях взаимовлияния гнёзд в истории русского языка и предложены уточнения существующих этимологических версий конкретных слов.

Ключевые слова: этимологические гнезда, ассоциативное преобразование слова, семантическое сближение.

IDALIA V. FEDOTOVA

SOME CASES OF INTERFERENCE AMONG DERIVATIVES OF PROTO-SLAVIC VERBS *MESTI, *MESTI AND *METI IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This paper considers some cases of interference on the basis of form and semantics, as in Russian words ultimately related to Proto-Slavic verbs *mesti, *mesti and *meti. The interference is shown to have started as early as in the Proto-Slavic period. Also, several conclusions are drawn regarding the direction and conditions of these instances of interference in word families in the history of the Russian language, necessitating some amendments to the existing etymological versions of specific words.

Keywords: etymological word families, associative word transformation, semantic convergence, proto-Slavic verbs.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 119019, Москва, Волхонка 18/2

Статья поступила 17.04.2013

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Received on 17.04.2013

И. А. КОРНИЛАЕВА

«ПРОСТИ, БЪЛГРАДЪ...» (ИЗ ИСТОРИИ ТОПОНИМОВ И ИХ ДЕРИВАТОВ)*

В церковнославянских изданиях XIX—XXI вв. выделяется целый ряд однокоренных названий населенных мест: в в лъградъ, в в лъградъ и два относящихся к ним прилагательных: в в лоградскій, в в лоградскій. Последнее слово — редкий, хотя и не единственный в церковнославянском языке русизм с полногласием, ср. в Месяцеслове под 27 ноября: Блгов в распързани к на в новгородскаг в в месяцеслове под 27 ноября: В лов в распързание в рорм требует отдельного комментария.

Материалы письменных памятников и старопечатных книг позволяют утверждать, что варианты рассматриваемого названия не были привязаны к географической карте изначально. Формальная дифференциация Белгорода на реке Ирпени (под Киевом; ныне село Белгородка), Белграда (Сербского), Белгорода-Днестровского и других одноименных городов — явление позднее. По мнению авторитетных историков, все упоминания о Белом Городе в древнейших русских летописях относятся к Белгороду Киевскому [Раздорский 1997: 197].

Топоним *бълъ городъ*, как и церковнославянизм *бълъ градъ*, исконно представлял собою словосочетание ортотонического прилагательного *бълъ* (акцентная парадигма *b*) и энклиномена *городъ*, *градъ* (акцентная парадигма *c*) [Зализняк 1985: 136—137]. Раннедревнерусские падежные формы этого названия реконструируются следующим образом: *бълъ городъ* (*градъ*), *бъла́ города* (*града*), *бълу́ городу* (*граду*) и т. д. В рукописях XVI столетия, наряду с ударением на первом слове, отмечается также новое ударение на втором слове¹. Например, в Троицком летописце середины XVI века (ГИМ, Синод. 645), имеющем почти сплошную акцентуацию, находим ин-

Ирина Алексеевна Корнилаева, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

^{*} Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 10-04-00274.

¹ Словоделение в примерах из рукописей XVI—XVII вв. (полуустав и скоропись) наше. При цитировании по изданиям сохраняем орфографию публикаторов, однако граффито приводим с разделением на слова. В случаях, не оговоренных особо, курсив наш.

новации типа на бѣлъ го́ро $^{\delta}$ 82, к бѣл $^{\delta}$ го́ро $^{\delta}$ 815 и одновременно к бѣл $^{\delta}$ горо $^{\delta}$ 815 об., бѣл $^{\delta}$ го́ро $^{\delta}$ 85 об. ('Белграда') и др. В Космографии Мартина Бельского последней четверти XVI века, памятнике с сохранением этимологического $^{\delta}$ под ударением [Зализняк 1981: 94, 99], фиксируются по $^{\delta}$ бѣлъ го́ро $^{\delta}$ 98 об., в бел $^{\delta}$ го́ро $^{\delta}$ 98 об., в бел $^{\delta}$ горо $^{\delta}$ 98 об., в бел $^{\delta}$ горо $^{\delta}$ 154.

Последний источник по времени написания близок к дате основания города Белгорода на Северском Донце (1596 г.; см. [Раздорский 1997: 199]); говор писца Космографии относится к срединной части южновеликорусского ареала [Зализняк 1985: 227], то есть близок к Белгородчине и территориально. В документах XVII века, принадлежавших перу белгородцев (отказные, таможенные книги и др.), название этого города также является словосочетанием: к Бел8городу (1632 г.) [Памятники 1977: 19], в Белвгоро $^{\delta e}$ (1652 г.) [Памятники 1982: 20] и т. д.

Дальнейшие инновации, связанные с рассматриваемым топонимом, отмечены в скорописных Вестях-Курантах 2-й половины XVII столетия переводах и пересказах сообщений из зарубежных печатных газет. Под влиянием иноязычного оригинала местоположение одноименных городов в этих текстах могло уточняться прилагательными, ср.: В вкраи ном городе T8рско u о $^{\delta}$ ласти иман $8e^{^{M}}$ греческо u Б $^{\pi}$ градъ (1666 г.), до городо 6 Б 8 дина да Ст 6 Б 6 ласти 6 Б 6 лагоро 6 , да 6 Б 6 лагорода (1670 г.) в соответствии с немецкими названиями Griechisch Weissenburg ('Белград'), Stuhlweissenburg (ныне город Секешфехервар в Венгрии) [Вести-Куранты 2009: 159, 498, 827, 847]. В последнем примере отметим особо частицу ж внутри топонимического словосочетания. Название Сербского Белграда фиксируется в [Куранты 1670] также в форме композита с соединительным гласным : $m8^p \kappa u$... $uepe^3 peky Д8наи к Белогород8шли 125, причем первое о исправлено из <math>\dot{y}$ со знаком оксии, то есть словосочетание преобразовано в сложное слово. Еще один вариант названия того же города — композит без соединительного гласного — находим в тексте 1665 года: изъ Бъльгорода [Там же: 130]. В последнем случае источником послужило, очевидно, старосербохорватское Бъльградь; см. подробнее [Аникин 2009: 62—63]. О форме Бълогородъ см. ниже.

Судя по многочисленным документам, относящимся к Белгороду на Северском Донце, топонимическое словосочетание сохранялось (как вариант, см. ниже) и в XVIII веке: независимо от слитного/раздельного написания склоняются оба слова, например: бела города (1768 г.), въ Бельгородъ, въ Бель городъ (оба орфографических варианта в одном тексте 1771 г.), Бълугороду (1782 г.) [Белгородская губерния 2002: 20, 53—54, 21]². Менее показательна в этом отношении форма именительного падежа типа Бългородъ на карте 1773 г. и др.; ср. на той же карте Бълой Городъ 'Аккерман' [Там же: 17].

² По [Белгородская губерния 2002] здесь и далее цитируем только документы, представленные в фотокопиях, с сохранением орфографии оригинала.

В книгах церковной печати — Месяцесловах и Минеях — вплоть до XX века под 2 июня фигурирует Белград Босфорский (близ Константинополя) или, по другой версии, Белгород-Днестровский (Аккерман) — место страданий великомученика Иоанна Нового (XIV в.), именуемого также Сочавским по местонахождению его мощей [Бухарев 2001: 260—261] и канонизированного в 1549 году. Формы топонима в этом контексте также отличаются разнообразием, ср. например: в кълъ градъ [Святцы 1652: м], в кълъ градъ [Святцы 1648: рад] — в обоих изданиях написание раздельное, во втором случае прилагательное имеет новое ударение на корне. В более поздних источниках находим слитное написание и акцентную инновацию Бълъградъ: въ Бълъградъ; от Бълаградъ, йже къ Восфорв; въ Бълъградъ [Жития 1764: ді об., єї, ді]; въ кълъградъ [Святцы 1911: 536]; въ кълъградъ [Минея доп. 1893: 25].

Соответствующее прилагательное отмечено в ранних памятниках в форме вълогородьскый. В числе древнейших примеров — запись в виде граффито на стене Софийского собора в Киеве о смерти (в 1089, 1090 или 1091 году) Святителя Луки: муда авъгоуста въ кв престависа рабъ бжии лука епіть вженый вълогородьскый [Высоцкий 1966: табл. XIII, XIV]. В списке XII века Сказания о Борисе и Глебе упоминается епископ никита вълогородьскый 20в [Сказание о Борисе и Глебе: 62]. В акцентологически значимых памятниках наряду с ударением на последнем корне фиксируется и вариант с ударением на флексии, см. [Зализняк 1985: 157]. В наших источниках XVI—XVII веков фигурируют бълогоро оская как название русской епископии (Троицкий летописец, л. 4 об.), Tamapose белогоро 0 цкие (1670 г.) и т. п., сь белогоро m скою o^{p} дою (1669 г.; 'Аккерманская орда'), к пашть Белоградикому (1666 г.; 'Белградский паша') [Вести-Куранты 2009: 395, 481, 159], в Белогоро чкаі уе дъ (1621 г.) [Памятники 1977: 11] и многие другие примеры с полногласием и соединительным гласным из Белгородских отказных книг. В Курантах 1669 года находим, впрочем, и след иного варианта прилагательного: в контексте $m8^p$ ские ра m ные люди u^3 σ от σ от [Вести-Куранты 2009: 461]; ср. выше Бъльгородъ.

В материалах XVIII века, относящихся к Белгородчине, новообразования представлены широко наряду с традиционными названиями. В официальных светских документах и на географических картах Белгородская провинция и губерния именовались *Бълогородская*, ср. также прибълогородскомъ Губернаторъ (1727 г.); соответствующий неполногласный вариант характерен для местного духовного ведомства: въ *Бълоградскую духовную консусторію, въ переславскую и бълоградскую епархіи* (1773 г.) [Белгородская губерния 2002: 13, 209]. Правящие архиереи Белгородского края нарекались *Бълоградскій и Обоянскій* (1667—1799), *Курскій и Бълоградскій* (1799—1904), обширный материал церковных документов на сей счет приводится, например, в [Кобец 2006: 30—160]. Одновременно имел распространение и вариант того же титула *Бълградскій*, который находим в трех

автографах под портретами архиереев и многократно в текстах, см. например [Лебедев 1902: развороты к с. 55, 63, 143; 57, 220; Жевахов 1907: 232, 237, 241]. Белгород на Северском Донце мог называться Бълградъ (примеры 1753 г. зъ Бълграда из писем Святителя Иоасафа (Горленко) брату в [Жевахов 1907: 236, 237] и др.). Эти славянизмы вполне соответствуют новым русским формам Бългородъ (сложное слово без соединительной гласной)³, бългородскій, употреблявшимся повсеместно, в том числе в духовной среде. Так, Владыка Епифаний (Тихорский) собственноручно писал: въ нынъшнемъ 722 году, апръля 19 дня, хиротонисанъ я Бългороцкой епархіи епископомъ [Афанасьевъ 1904: 64]; Святитель Иоасаф в письме к матери отмечал: З Бългорода 1748 года, ноября дня 4 [Жеваховъ 1907: 232]; то же в Указе епископа Самуила (Миславского): города Бългорода, въ Бългорода городь, Бългородскаго Смоленскаго собора (1769 г.) [Лебедевъ 1902: 172]. Разные формы встречаются и у одного автора (ср. выше примеры из писем Святителя Иоасафа), и в пределах одного документа: въ Бълградскую провинцію, Бълоградскаго епископа (1725 г.), и применительно к одному лицу, ср. например титулование Владыки Аггея (Колосовского; на Белгородской кафедре в 1774—1786 гг.): епископа Бълградскаго (1780 г.), епископъ Вългородскій и Обоянскій (1781 г.), Епископъ Бълоградскій (автограф) [Там же: 27, 220, 221; разворот к с. 205].

Древний полногласный вариант *бълогородскій* со временем приобрел также новое точное соответствие *Бълогородъ* (пример в Указе Святителя Иоасафа 1749 г. [Стрижев 1997: 60]; то же в [Куранты 1670] см. выше). Примечательно, что вариант *Белогород* весьма распространен в качестве ненормированного в наши дни⁴.

³ Безударный компонент сложения *-город* в русском языке присущ ряду топонимов с древней историей, ср. *Но́вгород*, *Ужгород*, *Звени́город*, *Ми́ргород*, *Вы́шгород*. Данная модель деривации обнаруживает некоторую продуктивность, ср. например в поэме М. Цветаевой «Крысолов» (1925), глава 1: *Рай-город*, *пай-город* и мн. др. с авторской пометой: «Ударение, как *Миргород*, *Белгород* и пр.» [Цветаева 1979: 413—414].

⁴ К сожалению, не имеем возможности обратиться к оригиналу этого Указа 1749 г. Форма *Бълогородъ* обнаруживается и в художественной литературе при передаче народной речи. В примере из повести XIX века о Святителе Иоасафе параллельно фигурирует аналогичный композит *Бълоколодезъ* 'Белый Колодезь': *Трехъ дёнъ не прошло, изъ Бъло-Колодезя вышли да въ Бълогородъ стать, не шутка дъло!* [Кохановская 1864, 8: 6]. В указанном произведении на фоне численно преобладающих *Бългородъкой* (во *Бългородской путь, къ архіерею Бългородскому, на Бългородской епархіи, Бългородское купечество* и т. д.) находим также къ Курскому *Бългороду, къ Бългороду, въ Бълогородскомъ Троицкомъ монастыръ, на Бълогородской каведръ, Бълогородская дорога* [Там же: 5—7; 15: 7].

В новых (электронных) источниках наряду с *Белогород* 'Белгород на Северском Донце' вполне частотны и топонимы *Белогород-Днестровский*, с. *Белогород*, *Белогородка* (при украинских *Білгород-Дністровський*, *Білгород*, *Білгородка*).

Жизнь рассматриваемых слов в XIX веке стала предметом целого очерка в воспоминаниях историка и краеведа А. А. Танкова «Курское духовенство полвъка тому назадъ» [Танков 1918]. Ввиду малодоступности этого источника приводим пространный текст на нашу тему (курсив А. А. Танкова):

«Во главъ Курской епархіи того времени находился преосвященный Сергій (Ляпидевскій), прибывшій въ Курскъ въ январъ 1861 года, впослъдствіи митрополитъ Московскій. Онъ именовался епископомъ Курскимъ и Вълоградскимъ. Въ то время выраженіе Бълоградскій, относимое къ уъздному городу Курской губерніи Бългороду, было очень употребительно въ мъстномъ духовномъ міръ. Въ консисторскихъ и другихъ оффиціальныхъ бумагахъ писали: "Бълоградская" семинарія, "Бълоградское духовное училище", "Бълоградскій" соборъ, "Бълоградская богадъльня"... Архіепископъ Платонъ Донской, бывшій проъздомъ въ Кієвъ въ гостяхъ у преосвященнаго Сергія, на объдъ, къ которому было приглашено старшее духовенство г. Курска, въ бесъдъ застольной, выразился въ шутливой формъ такъ:

- Когда протодіаконъ возгласиль вашему преосвященству: "епископа Курскаго и Бѣлоградскаго", я невольно подумаль о Бѣлградѣ Сербской столицѣ!...
- Но, ваше высокопреосвященство, въ свою очередь отозвался преосвященный Сергій, мой титуль, какъ епископа, отъ Сербскаго отдъляется буквою: "О".
 - Какимъ образомъ?
 - Тамъ Бълградскій, а у насъ: "Бълоградскій"...
 - Это не особенно замътно, отвътилъ Платонъ...

 $\langle \dots \rangle$

Итакъ, слово Бълоградскій было въ полномъ ходу. Мой родитель въ своемъ дневникъ подъ 1850-мъ годомъ записалъ: "Пріъхали изъ благословеннаго Бълграда въ богоспасаемый Курскъ". Но въ этой записи есть существенная ошибка. Собственно говоря, будучи назначенъ изъ профессоровъ семинаріи въ законоучители Курской губернской гимназіи, мой родитель не пріъхалъ изъ Бългорода въ Курскъ, а *пришелъ*, прошедши все 125-верстное разстояніе пъшкомъ...

Даже въ одной изъ семинарскихъ прощальныхъ пъсенъ первый стишокъ начинается такимъ образомъ:

Прости, Бълградъ, пріютъ родимый!...

Въ духовномъ же училищъ слово *Бългородъ* имъло символическое значеніе: "поъдеть ли онъ въ Бългородъ?" значило: поступить ли въ семинарію... "не видать тебъ Бългорода!" — говорить учитель нерадивому ученику училища, и т. под.» [Танков 1918: 31—33].

В рукописных и машинописных материалах начала XX столетия, связанных с канонизацией Святителя Иоасафа (Горленко), его титул многократно встречается в традиционном и новом вариантах: епископъ Бълоградскій и епископъ Бългородскій, тогда как викарный епископ Иоанникий (Ефремов; на Белгородской кафедре в 1905—1913 гг.) подписывается Бългородскій; фотокопии этих документов опубликованы в [Прославление 2011: 126—355]. Такое же распределение вариантов наблюдается и в пе-

чатных изданиях о Святителе предреволюционного времени. Особенно наглядно противопоставление двух форм на титульном листе одного из важнейших трудов: «Святитель и Чудотворецъ Іоасафъ, Епископъ Вълоградскій и Обоянскій, и его причтеніе къ лику святыхъ Православной Русской Церкви. (По документальнымъ даннымъ). Церковно-историческое изслъдованіе Никодима, Епископа Вългородскаго» (Харьковъ, 1916). Автор — Владыка Никодим (Кононов; священномученик), на Белгородской кафедре в 1913—1919 гг. — и в других известных нам источниках тех лет титулуется только «по-русски». Еще один аналогичный пример: в статье «Посъщеніе Преосвященнымъ Никодимомъ, Епископомъ Вългородскимъ, г. Корочи» отмечено совершение им вечерни с «чтеніемъ акаюиста Святителю Іоасафу, Епископу Вълоградскому» [Чефранов 1915: 595—596].

Источником последней формы в указанном контексте мог быть уже сам акафист и другие богослужебные тексты, созданные накануне канонизации Святителя (1911 г.).

Традиционный неполногласный вариант находим в целом ряде церковнославянских текстов XX—XXI вв. В Службе и Акафисте Святителю Иоасафу начала прошлого столетия [Житие 2005: 60, 97, 119, 135] и в новейших источниках — «Акафисте Пресвятой... Богородице в честь чудотворныя иконы Ея "Одигитрии"... Белоградския...», написанном к 300-летию прославления этого образа (2003), тропаре, кондаке и молитве Новомученикам Белгородским⁵, Месяцеслове под 4 сентября, 10, 28 декабря и 19 мая употребляется только одно прилагательное — втелоградскій. Ср. традиционное титулование Отителм ішасафа, епкпа вълоградскаги и то же в отношении новомучеников: Сщенноминкивъ нікодима, спкпа бълоградскаги... сщенноминкивъ антиніа, епкпа вълоградскаги (Панкеева; на Белгородской кафедре в 1933—1935 гг.) [Служебник 2006: ткэ, тмг, тна, тог]. Белгородский край обозначен несколькими словосочетаниями: въ вълоградстъмъ предълъ в Службе [Житие 2005: 97], земли Белоградстей, о крае Белоградстем, Святое Белогорие в Акафисте «Одигитрии»; последнее входит в припев с отражением русской редукции: Радуйся, Одигитрие, Святаго Белогорья Похвало и Упование! [Акафист 2003, кондаки 8, 6, 1, икосы 1—2].

Название города на Северском Донце представлено в тех же источниках тремя вариантами: двумя сложениями с неподвижным ударением на втором компоненте (без соединительного гласного и с соединительным гласным) и словосочетанием. Ср.: св'єти́льничє в'є́ры, на св'єщниц'є в'єлгра́да возсії (Акафист 2008, конда́къ а́]; Имеяше Тя Белоград воистину Правительницу Державную [Акафист 2003, икос 3]; Радуйся, Белый град

⁵ Автор Службы Святителю Иоасафу — архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), акафиста Святителю Иоасафу — протоиерей Иоанн Слободской; оба текста впервые изданы в 1911 году в Петербурге [Стрижев 1997: 274—275]. Тропарь, кондак и молитву Новомученикам Белгородским см. на сайте http://ustavschik.livejournal.com/82903.html. Акафист «Одигитрии» составлен Богослужебной комиссией Белгородской епархии (http://www.pravoslavie.ru/news/print7818.htm).

наш многократне всесильно Защищавшая [Акафист 2003, икос 5]. В рассказе о Святителе Иоасафе для детей находим во Бълогра́дъ, Бълогра́дъ [Кобелев 2005: 12]. Форма Бълогра́дъ, соотносимая с вълогра́дскій, известна, впрочем, и в позапрошлом столетии; ср. в Указе Святейшего Синода 1819 года въ Бълоградъ на фоне прилагательного Бълоградскій [Жевахов 1909: 378]. Той же традиции следует и автор неизданного акафиста Святителю Иоасафу (1910 г.), предположительно священномученик Никодим (Кононов) в бытность архимандритом [Прославление 2011: 7—8]. В рукописи данного акафиста «иже во Святыхъ Отцу нашему, Іоасафу, Епископу Бълоградскому...» читаем: Всяко служай людемъ въ странствіяхъ, егда пребываль еси въ Бълоградъ, дълами пастырствованія твоего великаго дніе наполняль еси [Акафист 1910, кондак 9].

Сложное слово **Бългра́дъ** и словосочетание **Бълый гра́дъ** фиксируются и в другом акафисте — великомученику Иоанну Сочавскому — применительно к другому городу (см. выше). При сопоставлении трех версий этого акафиста становится ясно, что редакторская рука коснулась прежде всего архаичной формы топонима с двухчастным склонением, ср. икос второй: к Епарху Белаграда язычнику — к епарху Белграда язычнику — к Белаго града нечестивому епарху [Акафисты 1, 2, 3 соответственно]. В связи с последним примером ср. выше Бълой Городъ 'Аккерман'.

Рассмотренные церковнославянские топонимы-композиты вполне соответствуют однокоренным дериватам, употребительным в русском языке, где наиболее продуктивны композиты на Бело-. Электронные и другие источники свидетельствуют, что в современной российской прессе Белоград может выступать как синоним Белграда Сербского; рядом с ним на левом берегу Савы расположен Новый Белоград (Нови Београд / Novi Beograd); в Чехии есть курорт Лазне Белоград (Lázně Bělohrad), в Болгарии — город Белоградчик... В поэтических текстах нам встретился топоним Белоград как синоним Белграда Сербского, Белгорода на Северском Донце и даже в качестве названия вымышленного города 6. На этом языковом фоне церковнославянский **Бълогра́дъ** вполне органичен.

Франц-Иосиф с войском рад Взять у сербов Белоград.

(Лубки-открытки (1914), № 17, текст предположительно В. Маяковского; http://mayakovskiy.ouc.ru/lubki-plakati.html);

«Белоград» — дом, сияющий светом, Нарекли тебя предки не зря...

(H. Жаркова, «Жемчужина Черноземья...»; http://www.stihi.ru/2008/12/15/2437);

А там уже и Белоград Под Бирюзовоградом.

(«Тебя свезу в Зеленоград...»; http:// katarina38.livejournal.com/12746.html).

⁶ Некоторые примеры:

Совершенно очевидно, что наличие созвучных топонимов на практике чревато разного рода недоразумениями. Характерный пример: историки ошибочно причислили к архиереям Белгородского края митрополита Белградского Игнатия на основании адресованной ему грамоты, в которой не обозначено местонахождение города Белграда (в действительности Сербского) [Кобец 2006: 39]. Та же ситуация представлена в виде шутки в приведенных выше воспоминаниях А. А. Танкова, относящихся ко времени деятельности митрополита Белградского и всея Сербии Михаила (Йовановича). Ныне Предстоятель Сербской Православной Церкви титулуется у нас Святейшим Патриархом Сербским, Архиепископом Печским, Митрополитом Белградо-Карловацким, тогда как правящий архиерей возрожденной в 1995 году Белгородской епархии наречен Белгородским и Старооскольским [Календарь 2000: 108, 116]. Именно так возглашается имя Владыки Иоанна (Попова) и за богослужениями — в церковнославянском контексте. По мнению духовенства, главная причина здесь в том, «чтобы было отличие нашего архиерея от Белоградского (город Белград, бывшая Θ гославия)» ⁷.

Полногласное прилагательное в кагоро́дскій вполне употребительно в надписях на недавних иконах Святителя Иоасафа, оно же и на образе Новомучеников Белгородских, см. репродукции в [Акафист 2008; Кобец 2006: 252]. И в русской церковной литературе Святитель Иоасаф со временем стал именоваться исключительно Белгородским; ср. в частности названия трудов о нём в обширной библиографии в [Житие 2005: 146—188]. Вместе с тем великомученик Иоанн Сочавский известен в России и как Иоанн Белоградский, а мученики Ермил диакон и Стратоник — Сингидонские, они же Белградские (память 13 января, пострадали ок. 315 г.). Святитель Афанасий (Сахаров), работавший над текстом Службы Всем Святым, в земле Российской просиявшим, в 1918—1950-х гг. [Кравецкий 2007: 24, 128], в Молитве на литии делает выбор в пользу русских полногласных форм: лвки, епіскопа бългородскаги (ср. о нём выше); імасафа, епіскопа бългородскаги; луки, епіскопа новгородскаги; ішасафа, датворника нижегородскаги; саввы сторожевскаги, двенигородскаги; еч-фумім архангелогородскаги, за исключением экзотизмов: афанасім, патріарха цареградскаги, Αδεήςκαρω η χάρδκοβςκαρώ: Γεημάζια κοςπρομικάρω η λιοβημογράζικαρω (от названий византийского города Царьград и неизвестного города Любим) [Минея доп. 1893: 554, 558, 572, 568, 571, 557]8. Соответственно и в

⁷ Письменное сообщение А. Н. Крупенкова автору этих строк 10 февраля 2010 г.

⁸ Возвращаясь к вопросу о созвучных официальных наименованиях, отметим, что прилагательные *Новгородский* и *Нижегородский* используются также в современных титулах правящих архиереев Новгорода и Нижнего Новгорода соответственно. В числе епископов Белорусской Православной Церкви есть *Новогрудский* (от родственного *Новгороду* названия города *Новогрудок*). В титулах украинских архиереев сохраняются составные названия *Новгород-Северский*, *Новоград-Волынский*

дополнительном перечне имён, включенном в эту молитву после канонизации Новомучеников и Исповедников Российских (2000 г.), священномученики Никодим и Антоний именуются епископами *Белгородскими* [Молитва XXI: 31, 24].

Как видим, наблюдаемая картина в церковнославянских изданиях такова. Редкие старшие формы типа Бълъградъ и Бълъградъ с акцентными вариантами и двухчастным склонением, равно как и Бълградъ с тривиальным склонением, сохраняются в названиях городов, находящихся за пределами России, то есть существуют на положении экзотизмов. Наименования Белгорода на Северском Донце в гимнографических текстах в честь белгородских святых имеют пока лишь столетнюю историю. В известных нам двух акафистах Святителю Иоасафу начала XX века употреблены неполногласные варианты топонима, имевшие в XIX столетии права гражданства в среде русского духовенства: Бълградъ и Бълоградъ. Первая форма, зафиксированная в автографах самого Святителя, ко времени его канонизации воспринималась уже как архаичная, но автор акафиста и справщики (три архиерея) сочли ее приемлемой. Документы свидетельствуют о большой редакторской работе, предшествовавшей изданию. В частности, Владыка Антоний (Храповицкий), рассмотрев оба акафиста, «отдаль предпочтеніе труду прот. Слободского, очень старательно исправиль и упростиль его акаоисть» [Прославление 2011: 229]. В свою очередь, Службу Святителю, составленную архиепископом Антонием, «исправлялъ дважды епископъ Вологодскій Никонъ, однажды прот. Слободской, старшій справщикъ сунодальной типографіи Н. Ф. Чуриловскій и профессоръ древнеславянскаго языка академикъ А. И. Соболевскій. (...) По отзывамъ авторитетныхъ справщиковъ канонъ святителю превосходенъ» [Там же: 215]. В итоге в петербургских изданиях 1911 года Службы и Акафиста запечатлено традиционное для XIX века соотношение в клоградскій -**Бългра́дъ**. Автор же второго, до сих пор не опубликованного акафиста следовал тривиальной словообразовательной парадигме вълоградскій — Бълоградъ. Именно этот последний текст, по мнению протоиерея А. Маляревского, рецензента, «безспорно... для народа былъ бы болъе доступенъ и понятенъ» [Там же: 230]. В отношении нашего топонима время уже показало справедливость данных слов: форма с соединительным гласным ныне обнаруживает продуктивность.

Имея вполне точные соответствия в современных славянских языках (о чём см. выше), вариант **Бълогра́дъ** отвечает и общей тенденции, наблюдаемой у русских топонимов на *-град*. Группа композитов без соединительного гласного типа *Царьгра́д* (Византия), *Белгра́д* (Сербия) в совет-

[Календарь 2000: 119, 122—124]. Смысловая нагрузка последнего компонента в этих сложениях весьма высока, тем более что у топонима *Новоград-Волынский* имеется вариант *Новогород-Волынский* (см.: Житомирская епархия; http://drevo-info.ru/articles/9535.html).

скую эпоху пополнилась лишь образованиями от фамилий государственных деятелей: *Ленингра́д* (1924), *Сталингра́д* (1925), *Кировгра́д* (1936), *Димитровгра́д* (1972) и нек. др. [Города России 2003: 406, 148, 195, 120]; в ходе дальнейших переименований этот список поредел. Новые сложения на *-оград* тоже немногочисленны, но более разнообразны: в качестве первого компонента выступают существительные, включая нарицательные, и прилагательные, например *Петрогра́д* (1914), *Зерногра́д* (1960), *Волгогра́д* (1961), *Зеленогра́д* (1963) [Там же: 406, 148, 83, 147]; ср. также неологизм конца XX века *наукогра́д* и процитированные выше стихи из Интернета. Сознательное стремление разграничить названия русского и сербского Белого Города делает победу формы **Бѣлогра́дъ** предрешенной. «Прости, Бѣлградъ…»

Литература и источники

Акафист 1 — Акафист Иоанну Новому Сочавскому (http://rushill07.narod.ru/saints/Ioann novi/akafist.html).

Акафист 2 — Акафист святому великомученику Иоанну Сочавскому (http://kotlovka.ru/index.php?option=com content&task=view&id=2173).

Акафист 3 — Акафист великомученику Иоанну Новому, Сочавскому (http://www.pravoslavie/ks.ua/?ch=eparh_akaf&article= ak_Ioan_s_2009).

Акафист 1910 — Акабість, иже во Святыхъ Отцу нашему, Іоасафу, Епископу Бѣлоградскому, всея Россіи Чудотворцу, его же память совершаемъ 10 декабря. 1910 [фотокопия рукописи]. — Кабинет духовного краеведения при кафедральном Преображенском соборе, г. Белгород.

Акафист 2003 — Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице в честь чудотворныя иконы Ея «Одигитрии» («Путеводительницы») Белоградския, прославившейся 15 октября 1703 года (http://www.smsobor.ru/History/akafist/html); также отдельное издание б. м. и г.

Акафист 2008 — 'Акафістъ йже во стыхъ отцв нашемв ішасафв, епіскопв вълоградскомв. СПб., 2008.

Аникин 2009 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 3. М., 2009.

Афанасьев 1904 — М. А ф а н а с ь е в. Объяснительные параграфы по истории Белгородской епархии. 5 // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. Часть неофициальная. 1904, № 3. С. 62—66.

Белгородская губерния 2002 — Белгородская губерния. 1727—1779 гг.: Сборник документов и материалов. Белгород, 2002.

Бухарев 2001 — Жития святых / Сост. священник и законоучитель Иоанн Бухарев. Романов-Борисоглебск; М., 2001 [репринт].

Вести-Куранты 2009 — Вести-Куранты. 1656 г. 1660—1662 гг. 1664—1670 гг. Ч. 1. М., 2009.

Высоцкий 1966 — С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.

Города России 2003 — Города России: Энциклопедия. М., 2003 [репринт].

Жевахов 1907, 1909 — Святитель Іоасаф Горленко, епископъ Белгородский и Обоянский (1705 †1754) / Материалы для биографии, собранные и изданные князем Н. Д. Жеваховымъ. [Т. I] Ч. 2. Киевъ, 1907; т. III. Киевъ, 1909.

Житие 2005 — Житие, Служба, Акафист Святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, чудотворцу. Белгород, 2005 [репринт Службы и Акафиста].

Жития 1764 — Свт. Димитрий Ростовский. Жития святых. Книга 4. Июнь, июль, август. СПб., 2009 [электронная версия издания Киево-Печерской Лавры 1764 г.].

Зализняк 1981 — А. А. Зализняк. Глагольная акцентуация в южновеликорусской рукописи XVI в. // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 6] Проблемы морфонологии. М., 1981. С. 89—174.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М., 1885.

Календарь 2000 — Православный церковный календарь. 2000. [М.], 1999.

Кобелев 2005 — Святитель Белгородский / Сост. прот. Игорь Кобелев. Белгород, 2005.

Кобец 2006 — Прот. О. Кобец, А. Н. Крупенков, Н. Ф. Крупенков. История Белгородской епархии. Белгород, 2006.

Космография — Космография Мартина Бельского, последняя четверть XVI в. — РГБ, ф. 152 (собрание Лукашевича и Маркевича), № 2.

Кохановская 1864 — Н. Кохановская. Рой-Өеодосій Саввичь на споко $^{\pm}$ // День. 1864. Февраль — Апр $^{\pm}$ ль.

Кравецкий 2007 — А. Г. Кравецкий. Святитель Афанасий Ковровский: Биографический очерк. Владимир, 2007.

Куранты 1670 — Вести-Куранты. — РГАДА, ф. 155, оп. 1, 1670 г., № 8.

Лебедев 1902 — А. С. Л е б е д е в. Белогородские архиереи и среда их архипастырской деятельности (по архивным документам). Харьков, 1902.

Минея доп. 1893 — **Миніа мѣсацъ івній. Кієвъ. ≱ашчг го́да** [репринт издания 1893 г. с дополнениями (М., 1996)].

Молитва XXI— На литии молитва Владыко, Многомилостиве: в нейже вси святии, в земли Российстей просиявшии, по именом помянуты суть (http://pravoslavnyi.narod.ru/Agios/AllRussian/pray.htm)

Памятники 1977 — Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977.

Памятники 1982 — Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М., 1982.

Прославление 2011 — Прославление Святителя Иоасафа Белгородского: Документы / Сост. прот. О. Кобец, А. Н. Крупенков. Белгород, 2011.

Раздорский 1997 — А. И. Р а з д о р с к и й. По поводу «1000-летия» Белгорода // Отечественная история. 1997. № 5. С. 192—199.

Святцы 1648 — Святцы. М., 1648.

Святцы 1652 — Часо́вникъ. Супрасль, [к. XVIII в.]. Л. аї-ні 2-й паг. [перепечатка Московского издания 1652 года].

Святцы 1911 — Требникъ въ дв8х[ъ] часта́хъ. Ча́сть пе́рвал. М., 2003. С. 485—552 [репринт издания 1911 г.].

Сказание о Борисе и Глебе — Сказание о Борисе и Глебе по списку «Успенского» сборника XII в., л. 86—26а // Успенский сборник XII—XIII вв. М, 1971. С. 42—71. Служебник 2006 — Служебникъ. М., 2006.

Стрижев 1997 — Белгородский чудотворец. Житие, творения, чудеса и прославление Святителя Иоасафа, епископа Белгородского / Сост. А. Н. Стрижев. М., 1997

Танков 1918 — А. А. Танков. Курское духовенство полвека тому назад // Курский епархиальный вестник. 1918. № 1—3. С. 31—34.

Цветаева 1973 — М. Цветаева. Стихотворения и поэмы. Л., 1979. (Библиотека поэта. Малая серия.)

Чефранов 1915 — Свящ. М. Чеф ранов. Посещение Преосвященнымъ Никодимомъ, Епископом Белгородским, г. Корочи // Курские епархиальные ведомости. 1915. № 33—34. Часть неофициальная. С. 595—598.

References

Afanasyev 1904 — M. A fanasyev. Obyasnitelnyye paragrafy po istorii Belgorodskoy eparkhii. 5 // Pribavlenie k Kurskim eparkhialnym vedomostyam. Chast neoficialnaya. 1904, № 3. S. 62—66.

Akafist I — Akafist Ioannu Novomu Sochavskomu (http://rushill07.narod.ru/saints/Ioann novi/akafist.html).

Akafist 2 — Akafist svyatomu velikomucheniku Ioannu Sochavskomu (http://kotlovka.ru/index.php?option=com content&task=view&id=2173).

Akafist 3 — Akafist velikomucheniku Ioannu Novomu, Sochavskomu (http://www.pravoslavie/ks.ua/?ch=eparh akaf&article= ak Ioan s 2009).

Akafist 1910 — Akafist, izhe vo Svyatykh Otcu nashemu, Ioasafu, Episkopu Bělogradskomu, vseya Rossii Chudotvorcu, yego zhe pamyat sovershayem 10 dekabrya. 1910 [fotokopiya rukopisi]. — Kabinet dukhovnogo krayevedeniya pri kafedralnom Preobrazhenskom sobore, g. Belgorod.

Akafist 2003 — Akafist Presvyatoy Vladychice nashey Bogorodice v chest chudotvornyya ikony Yeya «Odigitrii» («Putevoditelnicy») Belogradskiya, proslavivsheysya 15 oktyabrya 1703 goda (http://www.smsobor.ru/History/akafist/html); takzhe otdelnoye izdaniye b. m. i g.

Akafist 2008 — Akafist izhe vo svyatykh otcu nashemu Ioasafu, episkopu bělogradskomu. Sankt-Peterburg, 2008.

Anikin 2009 — A. E. Anikin. Russkiy etimologicheskiy slovar. Vyp. 3. Moskva, 2009.

Belgorodskaya guberniya 2002 — Belgorodskaya guberniya. 1727—1779 gg.: Sbornik dokumentov i materialov. Belgorod, 2002.

Bukharev 2001 — Zhitiya svyatykh / Sost. svyashchennik i zakonouchitel Ioann Bukharev. Romanov-Borisoglebsk; Moskva, 2001 [reprint].

Chefranov 1915 — Svyashch. M. Chefranov. Poseshchenie Preosvyashchennym Nikodimom, Episkopom Belgorodskim, g. Korochi // Kurskiye eparkhialnyye vedomosti. 1915. № 33—34. Chast neoficialnaya. S. 595—598.

Cvetayeva 1973 — M. C v e t a y e v a. Stikhotvoreniya i poemy. Leningrad, 1979. (Biblioteka poeta. Malaya seriya.)

Goroda Rossii 2003 — Goroda Rossii: Enciklopediya. Moskva, 2003 [reprint].

Kalendar 2000 — Pravoslavnyy cerkovnyy kalendar. 2000. [M.], 1999.

Kobec 2006 — Prot. O. Kobec, A. N. Krupenkov, N. F. Krupenkov. Istoriya Belgorodskoy eparkhii. Belgorod, 2006.

Kobelev 2005 — Svyatitel Belgorodskiy / Sost. prot. Igor Kobelev. Belgorod, 2005.

Kosmografiya — Kosmografiya Martina Belskogo, poslednyaya chetvert XVI v. — RGB, f. 152 (sobraniye Lukashevicha i Markevicha), № 2.

Kokhanovskaya 1864 — N. K o k h a n o v s k a y a. Roy-Feodosiy Savvich na spokoč // Den. 1864. Fevral — Aprěl.

Kraveckiy 2007 — A. G. Kraveckiy. Svyatitel Afanasiy Kovrovskiy: Biograficheskiy ocherk. Vladimir, 2007.

Kuranty 1670 — Vesti-Kuranty. — RGADA, f. 155, op. 1, 1670 g., № 8.

Lebedev 1902 — A. S. Lebedev. Bělogorodskie arkhiereyi i sreda ikh arkhipastyrskoy děyatelnosti (po arkhivnym dokumentam). Kharkov, 1902.

Mineya dop. 1893 — Miněa měsyac iyuniy. Kiev. 1893 goda [reprint izdaniya 1893 g. s dopolneniyami (Moskva, 1996)].

Molitva XXI — Na litii molitva Vladyko, Mnogomilostive: v neyzhe vsi svyatii, v zemli Rossiystey prosiyavshii, po imenom pomyanuty sut (http://pravoslavnyi.narod.ru/Agios/AllRussian/pray.htm)

Pamyatniki 1977 — Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Otkaznyye knigi. Moskva, 1977.

Pamyatniki 1982 — Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya. Tamozhennyye knigi. Moskva, 1982.

Proslavleniye 2011 — Proslavleniye Svyatitelya Ioasafa Belgorodskogo: Dokumenty / Sost. prot. O. Kobec, A. N. Krupenkov. Belgorod, 2011.

Razdorskiy 1997 — A. I. Razdorskiy. Po povodu «1000-letiya» Belgoroda // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 5. S. 192—199.

Skazaniye o Borise i Glebe — Skazaniye o Borise i Glebe po spisku «Uspenskogo» sbornika XII v., l. 8b—26a // Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. M, 1971. S. 42—71.

Sluzhebnik 2006 — Sluzhebnik. Moskva, 2006.

Strizhev 1997 — Belgorodskiy chudotvorec. Zhitiye, tvoreniya, chudesa i proslavleniye Svyatitelya Ioasafa, episkopa Belgorodskogo / Sost. A. N. Strizhev. Moskva, 1997. Svyatcy 1648 — Svyatcy. Moskva, 1648.

Svyatcy 1652 — Chasovnik. Suprasl, [k. XVIII v.]. L. 1-52. 2-y pag. [perepechatka Moskovskogo izdaniya 1652 goda].

Svyatcy 1911 — Trebnik v dvukh chastyakh. Chast pervaya. Moskva, 2003. S. 485—552 [reprint izdaniya 1911 g.].

Tankov 1918 — A. A. Tankov. Kurskoye dukhovenstvo polvěka tomu nazad // Kurskiy eparkhialnyy věstnik. 1918. № 1—3. S. 31—34.

Vesti-Kuranty 2009 — Vesti-Kuranty. 1656 g. 1660—1662 gg. 1664—1670 gg. Ch. 1. Moskva, 2009.

Vysockiy 1966 — S. A. V y s o c k i y. Drevnerusskiye nadpisi Sofii Kievskoy XI—XIV vv. Vyp. 1. Kiev, 1966.

Zaliznyak 1981 — A. A. Zaliznyak. Glagolnaya akcentuaciya v yuzhnovelikorusskoy rukopisi XVI v. // Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznaniye. [Vyp. 6] Problemy morfonologii. Moskva, 1981. S. 89—174.

Zaliznyak 1985 — A. A. Zaliznyak. Ot praslavyanskoy akcentuacii k russkoy. Moskva, 1885.

Zhevakhov 1907, 1909 — Svyatitel Ioasaf Gorlenko, episkop Belgorodskiy i Oboyanskiy (1705 †1754) / Materialy dlya biografii, sobrannyye i izdannyye knyazem N. D. Zhevakhovym. [T. I] Ch. 2. Kiev, 1907; t. III. Kiev, 1909.

Zhitiya 1764 — Svt. Dimitriy Rostovskiy. Zhitiya svyatykh. Kniga 4. Iyun, iyul, august. Sankt-Peterburg, 2009 [elektronnaya versiya izdaniya Kievo-Pecherskoy Lavry 1764 g.].

Zhitiye 2005 — Zhitiye, Sluzhba, Akafist Svyatitelyu Ioasafu, episkopu Belgorodskomu, chudotvorcu. Belgorod, 2005 [reprint Sluzhby i Akafista].

Резюме

В статье рассматривается история широко распространенного топонима *Белгорад / Белгород* и производных прилагательных в русском и церковнославянском языках. Анализируются вариантные формы разных периодов, описаны морфологические и акцентные варианты, наличие / отсутствие соединительного гласного -о-, полногласие / неполногласие и тенденция к формальному разграничению нескольких «Белых Городов». Древнее словосочетание *бълъ городъ (градъ)*, засвидетельствованное в старинных рукописях и книгах, было преобразовано в сложные слова. Краткая форма прилагательного *бълъ* утратила склонение, но некоторые реликты словосочетания остались в богослужебных текстах при обозначении экзотических населенных мест.

Особое внимание уделено современным церковнославянским богослужебным текстам, посвященным Белгородским Святым (Россия). Обсуждаются варианты названия Белгорода Бългра́дъ / Бълогра́дъ и прилагательные бълогра́дскій / бългоро́дскій.

IRINA A. KORNILAEVA

«FAREWELL, BĚLGRADЪ…» (On the history of toponyms and their derivatives)

The paper reviews the history of the widespread toponym <code>Belgrad/Belgorod</code> and the derived adjectives in Russian and Church Slavonic. The author analyses variant forms for different periods. Morphological and accentual variations are demonstrated, as well as the connecting vowel <code>-o-</code> vs. its absence, pleophony vs. absence of pleophony and the tendency to make a formal difference among several «White Cities». The ancient word-combination <code>bělv gorodv</code> (<code>gradv</code>) attested in old manuscripts and books has been transformed into a composite word. The short form <code>bělv</code> has become indeclinable, but in liturgical texts some relic forms denoting exotic places still remain unchanged.

Particular attention is paid to the Modern Church Slavonic liturgical texts to honor the Saints of Belgorod (Russia). The variant nouns *Bělgrádъ/Bělográdъ* 'Belgorod' and adjectives *bělográdskij/bělgoródskij* are discussed.

Keywords: Russian and Church Slavonic toponyms, derived adjectives, Old Russian manuscripts, liturgical texts.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 119019, Москва, Волхонка 18/2

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Статья поступила 21.02.2013

Received on 21.02.2013

С. Г. ВОРКАЧЕВ

ФЕНОМЕН СЛОВА «БЫДЛО» ПО ДАННЫМ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Слово «быдло», практически забытое к концу XX века, в начале XXI века внезапно обрело новую и весьма активную жизнь: частотность его речевого употребления увеличилась чуть ли не в шесть раз, а его основа обрела гипертрофированную словообразовательную продуктивность (см. [Воркачев 2012: 16]), что само по себе представляется симптомом явного социального неблагополучия.

Теоретические рассуждения о понятии, определяемом словом *быдло*, и их экземплификация на сегодняшний день представлены, главным образом, в Рунете [Там же], в настоящей же работе лексема *быдло* рассматривается преимущественно в контекстах употребления, зафиксированных в российской корпусной лингвистике.

Исследование проводилось на материале масс-медийных и художественных текстов, представленных, главным образом, в Национальном корпусе русского языка [www.ruscorpora.ru], где общее число вхождений лексемы быдло во всех падежных формах составляет 460: 292 вхождения в общем, 143 в газетном, 3 в поэтическом и 22 в устном корпусах. Речевое употребление лексемы быдло исследовалось как в синтагматическом плане — плане атрибутивной и предикативной сочетаемости, так и в парадигматическом плане — его линейной соположенности с другими лексическими единицами, в которой выявляются ассоциативные связи этой лексемы, а также её категориальная сопряженность. Все это позволяет увидеть, кого называют быдлом, зачем, почему и за какие «заслуги».

Адъективные определения в составе атрибутивной синтагмы могут интенсифицировать уничижительную оценку, включенную в семантику слова быдло: Оголтелое быдло в разных частях света примется бить витрины в поисках виновного или по какой футбольной причине (Гандлевский); О, как же нужно презирать Мать-Словесность, каким гнусным быдлом считать придурковатого читателя, чтобы императивно-властно-принудительно втюхивать такое, а? (Лебедь, 2003.11.23); Много копий сло-

Воркачев Сергей Григорьевич, Кубанский государственный технологический университет.

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 263—271.

мано, а на простой вопрос ответа так и нет: народ у нас — прекрасные, но одураченные люди или же беспросветное быдло? (РИА Новости, 2007.09.25).

Адъективные определения здесь могут ограничивать объем понятия, выраженного словом быдло, и служить для выделения его разновидностей — быдла местного, обывательского, податного, высокопоставленного, дворового, студенческого, служивого, политического, застенчивого и пр.: Саша присмотрелся к этим истерикам — и на митингах, и в случайных драках, когда Олег разгонял непереносимое им на дух дворовое быдло, — и понял, что парень этот хитрый (Прилепин); Самое страшное для офицера — чувствовать свою ненужность государству и замечать, как оно превращает тебя в <u>служивое быдло</u> (Баранец); Уж лучше полоумный Рафа, чем отечественное быдло (Довлатов); Ленин всегда указывал, что после так называемой реформы крестьяне остались податным быдлом, над которым издевалось царское начальство, выколачивая подати (Каганович); Мы за свободу в высшем смысле слова, мы против мещанского болота, обывательского быдла, денежных мешков, тупой власти (Белоусова); Странно, но стоя в Пинкассовой синагоге у плиты с самой длинной в мире эпитафией чешским и моравским евреям, погибшим от рук фашистского быдла, мне показалось, что я вот-вот заплачу (Спектр); Просто местное быдло покалечили в ресторанной драке, а оно, быдло, собравшись толпой (чтобы не было страшно) выместило злобу на рыночных ларьках (Комсомольская правда, 2006.09.16); А вот все эти компроматы, которые вбрасываются тем или иным способом, это вот одно застенчивое быдло делает для другого застенчивого быдла (Комсомольская правда, 2001.12.18).

И, наконец, эти определения могут эксплицировать семантические признаки быдла, как базовые, дефиниционные («покорность» и «стадность»), так и периферийные, случайные («агрессивность», «вороватость», «тупость», «отсутствие культуры» и пр.), ср.: У нас нет общества, есть быд-<u>ло, молчаливое и покорное,</u> и номенклатурные вертухаи (Нагибин); Не было началом раскаяния при виде причиненных людям страданий, а лишь возмущением обстоятельствами, швырнувшими их на одни нары с тем бессловесным и безликим «быдлом», что служило им дешевым материалом для безответственных социальных экспериментов и политической игры (Волков); Обшага засыпала, кроме отличников, кроме влюбленных в читальных залах и влюбленных у телефонных аппаратов, кроме любителей всю ночь потрепаться, кроме картежников, кроме <u>вороватого быдла,</u> запах общаги, я гасил свет и опускался в кровать головой к форточке (Терехов); <u>Необразованное, тупое быдло</u> мы как раз видели на стадионе (Труд-7, 2001.04.05); На ваше место приходит вот это агрессивное быдло (Комсомольская правда, 2006.12.27).

Употребление лексемы *быдло* в составе предиката может свидетельствовать о том, что свойство, ею определяемое, — это качественное состояние субъекта. Быдлом являются, становятся, в быдло превращаются: Дрянь, мразь, жестокое <u>быдло</u> — вот что такое ваш народ (Бабаян); По-

донок Рой по сути оказывается единственным человеком, который не является <u>быдлом</u> и подонком (Известия, 2002.08.11); Спросил я, уже много раз слышавший подобные заклинания: вот-де кто-то стоит за кадром и руководит этими жуткими процессами объегоривания народа, превращения его в <u>быдло</u> (Азаров); Мы становимся <u>быдлом</u> от лени (Комсомольская правда, 2006.07.03).

Состояние это оценивается и вербализуется: Человек уже не считает себя $\underline{6ыдлом}$, электоратом, он считает себя личностью (АиФ 2012, № 20); При всех благородных словах насчет заботы о человеке, поднятии уровня жизни — как считали наш народ $\underline{6ыдлом}$ раньше, так — и еще более жестко — считают и сегодня (Труд-7, 2005.04.13); Ведь каких-нибудь 5 лет назад они полагали, что народ — грязное бессловесное $\underline{6ыдло}$, которое лежит гнилым бревном на столбовой дороге капиталистической реформации (Комсомольская правда, 2004.09.07); Очень жаль, что нас, зрителей, все еще держат за $\underline{6ыдло}$, которому можно скормить все что угодно, завернув в более или менее блестящую обертку (Комсомольская правда, 2002.10.31); Их называют то аутсайдерами, то маргиналами, даже $\underline{6ыдлом}$, в зависимости от веяний времени (Зорин); А свой народ вы зовете « $\underline{6ыдлом}$ » и презираете его (Шишков).

Здесь же может эксплицироваться уничижительный смысл этой лексемы: Добродетельная — развесила свои фотографии, как белье на балконе («мы в Турции», «доча на даче», «папа за рулем»), и ее ругают стадом и быдлом (Пищикова); «Нехорошо, Михал Михалыч! Народ быдлом обзываете» (Комсомольская правда, 2002.03.28).

Объектом номинации лексемой быдло может быть как социальная (этническая, профессиональная, возрастная и пр.) группа, так и отдельная личность: Русские, доказывают демократические органы, быдло, грязные животные (Крупин); Прежде народу предлагали посмеяться над быдлом, теперь народу объясняют, что он быдло и есть (РИА Новости, 2005.06.24); Благо местное население, русские и украинцы, — либо быдло, либо дебилы (Комсомольская правда, 2007.07.17); А если значительная часть нашего народа является быдлом, готовым занять стойло по первому понуканию, то чего удивляться, что власть и относится к народу как к быдлу? (Известия, 2005.10.18); Ты всегда останешься для него русским Иваном, низшим существом, быдлом (Горбатов).

Основной функцией речевого употребления лексемы быдло выступает инвективная, направленная на понижение статуса собеседника или третьего лица и повышение собственного статуса говорящего, причем указание на неё в контексте может присутствовать эксплицитно: В это время из машины выскочил Бородин и набросился с кулаками на охранника с воплями: «Ты уволен, пошел вон отсюда, быдло!» (Новый регион 2, 2007.07.11); Заткнитесь! Вы все тут быдло! (Комсомольская правда, 2006.12.20); «Быдло!» — это слово, как кнутом, ударило по взвинченным людям (Комсомольская правда, 2000.12.20); А рабочему из Норильска до боли обидно,

что нас (народ) считают <u>быдлом</u>, скотами и ничем (Новый регион 2, 2007.11.20).

Другая функция речевого употребления этой лексемы — квалифицирующая, она проявляется в вербализации в ближайшем контексте признаков, которые она определяет, — базовых, сущностных и дополнительных, случайных, как в атрибутивных, так и в предикативных синтагмах.

Общее число признаков (37), выделенных в базе масс-медийного и художественного дискурсов, приближается к четырем десяткам. Наивысший ранг здесь занимает признак «управляемости/покорности» (12 вхождений): У нас нет общества, есть быдло, молчаливое и покорное, и номенклатурные вертухаи (Нагибин); Почему любят диктаторов? — Быдлом быть легче. Пригнали, подоили, накормили (Известия, 2004.01.06); А если значительная часть нашего народа является быдлом, готовым занять стойло по первому понуканию, то чего удивляться, что власть и относится к народу как к быдлу? (Известия, 2005.10.18); И сами мы, видать, того стоим. Быдло мы, батогом нами управлять. Вот нам немцы нужны, пусть нас поучат (Кузнецов).

Следом идет «тупость/глупость», «безынтеллектуальность» (9 вхождений): Что может произойти, если на одной делянке встретятся барин с неудовлетворенными амбициями и амебообразное <u>быдло</u> с интеллектом инфузории-туфельки? (Комсомольская правда, 2006.11.03); Вот тогда бы я и миллионы таких, как я, полагаю, поняли бы, что нас ни в мелочах, ни по-крупному не считают неразумным <u>быдлом</u> (Известия, 2004.09.16); Да, эта книга прежде всего для молодежи — но не для отупевшего молодежного <u>быдла</u>, а для новой молодежи (Труд-7, 2003.03.20).

Далее с 8 вхождениями идут «необразованность» (Я ведь не <u>быдло</u>, как некоторые, а продвинутый молодой человек (Сенчин); Ничего нет своего, армия — пьяный сброд на ржавых танках, образование тоже угроблено, еще чуть-чуть, и будет одно необразованное пьяное <u>быдло</u> (Труд-7, 2006.05.17); Необразованное, тупое <u>быдло</u> мы как раз видели на стадионе (Труд-7, 2001.04.05); Если ты не любишь Достоевского и у тебя нет Чехова под подушкой — значит, ты — <u>быдло</u> (Труд-7, 2007.11.09)) и «низкий социальный статус» (Россия же, похоже, живет еще в эпоху крепостного права, когда барин изволили почивать до обеда и свысока поглядывали на <u>быдло</u>, которое работает с раннего утра (Известия, 2002.06.07); А <u>быдло</u>... Рабочие, вот это — <u>быдло</u>. Они мне всегда напоминают алкашей, которые по пьяни отморозили себе пальцы, стали инвалидами и злятся (Сенчин)).

«Отсутствие вкуса» упоминается 6 раз (Будущее, — вещал Радзинский, — не за быдлом, которое орет под безвкусицу, звучащую со сцены (Комсомольская правда, 2003.02.07); Только что из этого осталось у людей, за много лет привыкших относиться к зрителю как к неразборчивому быдлу (Труд-7, 2007.01.20)), «отсутствие общей культуры» — 5 раз (Он меня все быдлой называл: быдло, говорит, некультурное (Василенко); «Мы не

уподобляемся тем сосущим пиво вечером на лавочке, харкающим себе под ноги, ругающимся матом при женщинах и детях, нападающим впятером на одного, чья основная цель в жизни — это обмануть, погулять, своровать. Мы не <u>быдло</u> (Комсомольская правда, 2005.12.21)).

Четыре раза упоминается «патриотизм»: два раза с положительной оценкой (По пути, посреди зимы, согласно кивая, мы ругали урода Ельцина, демократическое быдло, презирающее наше Отечество (Терехов); Наше оружие за возрождение Отчизны — это книги. Мы не быдло! Мы любим свое Отечество (Комсомольская правда, 2005.12.21)) и два раза — с отрицательной (А известная фраза одного из мэтров нашей кинематографии «... патриотизм — это чувство быдла»? (АиФ 2012, № 12); Получая письма с угрозами выковырять мне последний зрячий глаз, уцелевший на войне, от злобствующего быдла и читая оголтелые статейки отставников в красноярской патриотической газете, самозвано поименованной народной, о том, что они, патриоты, как только вновь завладеют властью, всех неугодных им людей на лесоповал пошлют, ... я ничему уже не удивляюсь (Астафьев)).

Также четыре раза упоминается «безнравственность»: С их представителями у меня есть и человеческие, и деловые связи, но по природе своей я такой человек, который все-таки должен быть на другой чаше весов, чтобы не усиливать власть, а уравновешивать власть и «улицу», по которой ходит не быдло, а люди думающие, нравственные и просто живущие нормальной человеческой жизнью (Труд-7, 2001.10.04).

По три раза упоминаются «пьянство» (Будешь писать, что мы <u>быдло</u> пьяное и все такое (Комсомольская правда, 2001.09.22); Народу немного, я уже изучил публику: расставшиеся с надеждами женщины, приезжие, не знавшие, куда себя деть, <u>быдло</u> с пьяной отрыжкой (Терехов)), «физиологичность» (Свобода, данная <u>быдлу</u>, выражается только в непрерывной жратве, постоянных совокуплениях, испражнениях и еще паре инстинктивных действий (Известия, 2002.08.02)), «вороватость» (Общага засыпала, кроме отличников, кроме влюбленных в читальных залах и влюбленных у телефонных аппаратов, кроме любителей всю ночь потрепаться, кроме картежников, кроме вороватого <u>быдла</u> (Терехов)) и «отсутствие чувства собственного достоинства» (Не позволять государевым мужам считать себя <u>быдлом</u>, обрести чувство собственного достоинства (Комсомольская правда, 2006.04.15)).

Только на 13-м месте стоит признак «стадность/отсутствие индивидуальности» с двумя вхождениями: Я не ваш больше, я не такой, как вы, я не хочу, не могу и не буду с вами, северные отморозки, серое $\underline{6}\underline{\text{ыдло}}$ (Гаррос-Евдокимов); Единственный среди нас не дурак. А мы $\underline{6}\underline{\text{ыдло}}$ (Некрасов).

По два раза упоминаются «лень» (Нам лень. Поэтому мы и уподобляемся <u>быдлу</u> — (Комсомольская правда, 2006.07.03)), «доверчивость» (С удвоенным напором сладкоголосые журналисты запели хвалебные оды в адрес

президента и его карманной партии, но хочется им напомнить, что факты— вещь упрямая, а народ вовсе не <u>быдло</u>, которое можно бесчисленное количество раз обманывать (Советская Россия, 2003.06.15)), «историческое беспамятство» (Это в подлом контексте выражено, что <u>быдло</u> русский народ сам не хотел постоять за своё прошлое (Солженицын)) и неуважение к личности (Человек уже не считает себя <u>быдлом</u>, электоратом, он считает себя личностью (АиФ 2012, № 20)).

По одному разу появляются «хамство» (Я проработала в школе 10 лет и вынуждена была бросить любимую работу, потому что больше нет сил терпеть хамство со стороны всякого быдла! (Комсомольская правда, 2003.09.22)), «жизнь "по понятиям"» (Почему, думал я, почему любой социальный катаклизм в этом мире ведет к тому, что наверх всплывает это темное быдло и заставляет всех остальных жить по своим подлым и законспирированным законам? (Пелевин)), «агрессивность» (На ваше ме*сто приходит вот это агрессивное* <u>быдло</u> (Комсомольская правда, 2006.12.27)), «примитивность» (Посмотри на себя — ты обычное быдло, ты предсказуем, как поведение свиньи (Дурненков-Дурненков)), «беспомощность» (Не будь Сталина, весь великий народ погибнет, как беспомощное быдло (Гроссман)), «неблагодарность» (Вообще «мы», значит халисунцы, всему научили «их», сиречь здешнее неблагодарное быдло (Семенова)), «жестокость» (Дрянь, мразь, жестокое быдло — вот что такое ваш народ (Бабаян)), «бесправность» (Мобилизованные украинцы и белорусы отнюдь не горели желанием умирать за «независимую Польшу», обра*щавшуюся с ними как с бесправным* <u>быдлом</u> (Спецназ России, 2003.01.15)), «бесчувственность» (Чего же хотеть от такого бесчувственного быдла (Катанян)), «склонность к торгашеству» (Офицер, повторяю, думающий человек — он понимал, что происходило, это не то быдло, которое хотело торговать и воровать (Есин)), «отсутствие жизненных целей» (Это быд-<u>ло</u> пожалеет, их жизнь накажет — за пустоту, за прожранную душу (Терехов)), «склонность к уравнительной справедливости» (Мы же быдло, которое мечтает только поделить все, как профессорские штаны, по справедливости (Лебедь, 2003.12.21)), «отсутствие созидательности» (<u>Быдло</u> не интересует свобода духа, мысли, труда и творчества (Известия, 2002.08.02)).

По одному разу появляются также «нежелание считаться с другими» (<u>Быдло</u>. Это тот, кто пытается свой характер, свой норов сделать образцом для других и хочет своему характеру, норову, нраву не надлежащего места в аккорде, а привилегий (Анчаров)), «ненадежность» (Если наши люди такое быдло, что им даже нельзя доверить оружие для самообороны, тогда о какой гражданственности вообще можно говорить (Известия, 2003.01.22)), «безынициативность» и «законопослушность» (Его, так сказать, «учение», однако, было самым бесхитростным, сводилось к тому, что право на жизнь имеют лишь предприимчивые и смелые, не считающиеся с условностями, которые годились лишь для недалеких обыва-

телей, все прочие — <u>быдло</u> (Климонтович)), «употребление наркотиков» и «приблатненность» (*Так*, <u>быдло</u>: обкурятся дури и корчат из себя блатных (Громов)), «фальшь» и «кураж» (<u>Быдло</u> есть фальшь и кураж (Анчаров)), «неучастие в общественной жизни» (*Телевидение все-таки должно щадить и любить своего зрителя*, но не мордовать его всеми этими мерзостями, не показывать, что он — <u>быдло</u>, которое никак не участвует в этой жизни (Труд-7, 2000.09.21)), «трусость» и «отсутствие личного достоинства» (Во тьме обесточенного метро, в остановившихся на тридцатиградусной жаре лифтах, в слепой толчее подземных переходов мы показали себя не <u>быдлом</u>, а мужественными и достойными людьми (Комсомольская правда, 2005.06.06)).

Наблюдения над появлением слова быдло в одном синтагматическом ряду с другими лексическими единицами подтверждают, прежде всего, его принадлежность к числу лексем, не образующих синонимического ряда с доминантой народ (17 вхождений): Спросил я, уже много раз слышавший подобные заклинания: вот-де кто-то стоит за кадром и руководит этими жуткими процессами объегоривания народа, превращения его в быдло (Азаров); Вот я думаю — может, я и не народ, и не человек, а попадаю под понятие «быдло»? (Комсомольская правда, 2003.03.14). По всей стране идет идеологическая борьба между собственниками и бюрократами с одной стороны и простым народом, который не хочет, чтобы его считали <u>быдлом</u> (Новый регион 2, 2008.02.06); Мы же люди. Народ, а не <u>быдло</u>. И должны ощущать социальное целое, к которому принадлежим, как нечто драгоценное и, увы, хрупкое (Комсомольская правда, 2003.10.07). Не вполне синонимичные отношения у слова быдло также с населением (3 вхождения) и избирателями / электоратом (2 вхождения): Тогда эту позицию стоило честно и обозначить: абсолютное большинство населения $P\Phi$ есть быдло, и на мнение этой части электората обращать внимание не должно ни при каких условиях (Известия, 2004.01.27); Создаётся впечатление, что быдло, которое составляет значительную часть нашего населения, вознамерилось окончательно истребить интеллект России точнее, остатки интеллекта (Криминальная хроника, 2003.07.08); Вот в этом тоже сила Глазьева: не надо держать избирателя за полное быдло, которому доступны только концерты советской попсы и краткие, в три слова, анекдоты от политических юмористов (ПОЛИТКОМ.РУ, 2003.01.14).

Быдло — отнюдь не синоним народа, это лексема, изрядно нагруженная отрицательными коннотациями, поддерживаемыми стоящими с ним в одном синтагматическом ряду другими уничижительными эпитетами народа, как словарными, так и ситуационными: Человек из народа — матрос — для него все еще быдло, чернь, удел которой — слепо повиноваться (Крутиков); Не толпа, не быдло, а то, что образует особую форму, — народ, о чем плохо говорить нельзя, ибо это понятие мистическое (Чуев); Правила созданы для вас, для деревенщины и быдла, которое едет, выпив пива со своими дружками, с рыбалки (Автопилот, 2002.10.15); Эдакая своеобраз-

ная высокомерная секта, которая огульно считает зрителя <u>быдлом</u>, существом низшего порядка (Рязанов).

В ближайшем контексте реанимируются также этимологические истоки лексемы быдло — её «животное» происхождение: Когда человек становится рабом, то все человеческое опадает с него сверху, как шелуха, а изнутри, из души, выжигается дотла. Раб — это быдло, то есть скотина (Вестник США, 2003.11.12); Русские, доказывают демократические органы, быдло, грязные животные (Крупин); «Он гордый, он пить с нами, быдлом и скотами, не будет! (Коляда); Злится быдло, что я не в стаде (АиФ 2001.01.03).

В одном ряду со словом быдло оказываются также различного рода уничижительные лексемы: Подонок Рой по сути оказывается единственным человеком, который не является быдлом и подонком (Известия, 2002.08.11); Так говорить, да ещё в присутствии старой женщины, могут только хамы, только быдло, даже если оно, это быдло, в мундире с офицерскими погонами (Рыбаков); Ее внучка, дескать, королева, а все остальные — быдло и ничтожество (Моспан); Сейчас, уверен, в дело вступят борцы за права человека и заставят австралийцев каяться. Из них будут делать идиотов, быдло (Комсомольская правда, 2005.12.14).

И, наконец, в одном синтагматическом ряду регулярно появляются противоположности быдла — власть (Власть привыкла со времён Ельцина дурить народ, считать нас за быдло! (Агитационная листовка, 2002); Общество, где естественное деление на сословия заменено искусственными этажами: наверху полуграмотные чиновники, внизу быдло (Хазанов); Правительство же зашевелилось лишь тогда, когда ему показали, что народ — не быдло (Комсомольская правда, 2005.02.01); Люди хотят, чтобы власть перестала обращаться с ними как с быдлом, чтобы элементарно услышала их! (АиФ 2012, № 24)) и интеллигенция (Ты кого быдлом обозвал, мразь? Да я интеллигент в третьем поколении! (Комсомольская правда, 2007.11.10); Но твои принципы, лично ты, начальственное быдло, мне, интеллигенту, отвратительны (Козаков)).

Наблюдения над речевым употреблением лексемы *быдло* в Национальном корпусе русского языка и СМИ позволяют, как представляется, прийти к определенным заключениям.

Реанимация слова *быдло*, практически забытого к концу XX века, представляется симптомом явного социального неблагополучия.

В современной речи быдло употребляется в двух основных функциях: (1) чисто инвективной в целях психологической защиты путем поднятия говорящим собственного социально-культурного статуса и понижения этого статуса адресата или третьего лица и (2) инвективно-квалифицирующей, устанавливающей признаки, по которым номинат — отдельная личность или социальная группа — может быть назван словом быдло. Сущностными, определяющими признаками быдла выступают два — оба связаны с этимологией этого слова и выводимы из его прямого значения: «управляе-

мость/покорность» и «коллективизм/стадность». Все прочие признаки имеют «добавленный» характер, из прямого значения не выводятся и представляются, скорее, случайными: носители этих признаков могут «быдлом» и не быть.

Литература

Воркачев 2012 — С. Г. Воркачев. «Быдло» как ключевое слово Рунета // Политическая лингвистика. № 3 (41). Екатеринбург, 2012. С. 16—26. Национальный корпус русского языка — www.ruscorpora.ru.

References

Vorkachev 2012 — S. G. Vorkachev. «Bydlo» kak klyuchevoye slovo Runeta // Politicheskaya linguistika. № 3 (41). Ekaterinburg, 2012. S. 16—26. Nacionalnyy korpus russkogo yazyka — www.ruscorpora.ru.

Резюме

В работе рассматривается эволюция и современное речевое использование лексемы «быдло» на материале текстов Национального корпуса русского языка и СМИ; устанавливаются основные функции его употребления.

Ключевые слова: быдло, народ, элита.

SERGEJ G. VORKACHEV

THE PHENOMENON OF RUSSIAN BYDLO ACCORDING TO CORPUS LINGUISTICS DATA

In the paper the evolution and present speech usage of the word *bydlo* in Russian National Corpus and mass-media are considered and its basic speech functions are established.

Keywords: bydlo, people, élite.

Кубанский государственный технологический университет 350072, г. Краснодар, ул. Московская, 2

Kuban State Technological University 2 Moskovskaya Str., Krasnodar 350072, Russia

Статья поступила 17.11.2012

Received on 17.11.2012

М. К. ТИМОФЕЕВА

КЛАССИФИКАЦИЯ ИКОНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

Жестовые языки, предназначенные для коммуникации глухих людей, представляют значительный интерес для лингвистики [Кибрик 2009]. Одно из характерных свойств таких языков — большое количество иконических знаков, то есть знаков, имитирующих те или иные физические признаки обозначаемых объектов. Свойство иконичности интересно с многих точек зрения, поэтому достаточно давно привлекло внимание лингвистов [Bellugi, Klima 1976; Bergman 1978; Taub 2001 и др.]. Однако для русского жестового языка это свойство остаётся пока малоизученным.

Цель данного исследования состоит в классификации иконических знаков русского жестового языка. Обращение к этому вопросу обусловлено прикладной задачей: созданием системы автоматического перевода для русского жестового языка [Гриф, Тимофеева 2012a; 2012б].

Материал исследования

Для построения классификации была проанализирована выборка, состоящая из 450 иконических знаков русского жестового языка, взятых, глав-

Мария Кирилловна Тимофеева, Новосибирский государственный университет.

Русский язык в научном освещении. № 2 (26). 2013. С. 272—288.

¹ Использование терминов «знак» и «жест» нельзя назвать вполне отрегулированным. В англоязычной литературе для обозначения единиц любой знаковой системы и для обозначения единиц жестового языка используется один и тот же термин sign, который можно перевести на русский язык и как «знак», и как «жест». Первый вариант перевода используется в семиотике: единицы знаковой системы принято называть знаками. Единицы жестового языка обычно называют жестами, иногда наряду с этим термином используют также термин «знак» (например, [Гейльман 2001]). Слово «жест» также неоднозначно: оно может обозначать и единицу жестового языка, и жестикуляцию, сопровождающую речь на звучащем или жестовом языке (например, в [Акишина и др. 2010; Григорьева и др. 2001]). Данное исследование рассматривается как семиотическое, поэтому для обозначения единиц русского жестового языка как знаковой системы используется традиционный для этой области термин «знак».

ным образом, из онлайнового словаря Сурдосервер (http://surdoserver.ru/). Небольшое количество знаков было выбрано из онлайнового словаря http://jestov.net/slovari.php. Использование словаря Сурдосервер объясняется тем, что этот словарь общедоступен, быстро работает, имеет удобный интерфейс, в частности, в нем возможен поиск знаков не только по тематическим рубрикам, но и по алфавиту.

В настоящее время нет словаря русского жестового языка, который можно было бы считать полным. Кроме того, этот язык существует в нескольких диалектных вариантах. Поэтому полученные количественные характеристики следует рассматривать как свидетельство в пользу определённых тенденций, не претендующее на точную оценку эмпирических закономерностей.

Словарный состав русского звучащего языка ² больше, чем у русского жестового языка (РЖЯ). Естественный способ расширения лексической системы РЖЯ — появление новых жестовых знаков.

Проблема создания и понимания новых знаков рассматривается авторами систем автоматического перевода для других жестовых языков. Например, в многоязыковой системе машинного перевода ZARDOZ [Veale et al. 1998], ориентированной на американский, ирландский, японский жестовые языки, предусмотрен специальный инструмент создания новых знаков (неологизмов).

Поскольку многие знаки жестового языка — иконические, для понимания принципов создания новых знаков важно, в частности, попытаться найти закономерные связи между смыслом знака и типом его иконичности. В таком ракурсе иконические знаки РЖЯ обсуждались в [Timofeeva 2012]. Исследование этого вопроса, конечно, полезно не только для названной выше прикладной задачи. Полученный материал может быть интересен и с других точек зрения, в том числе при изучении когнитивных процессов, связанных с созданием и пониманием новых знаков в естественных языках.

Каждый иконический знак имеет иконическую составляющую, имитирующую те или иные физические признаки обозначаемых объектов (форму, движение и т. д.). Исследовался вопрос: есть ли какие-либо регулярные соответствия между типом обозначаемых объектов и типом иконичности? Иначе говоря, зависит ли (и если зависит, то как именно) выбор свойства, отображаемого иконическим знаком, от типа объекта?

В существующих словарях русского жестового языка знаки сгруппированы тематически (часто возможен также поиск по алфавиту), например, «отдых», «среда», «человек», «транспорт», «время и числа» и т. д. В одну и ту же рубрику зачастую входят довольно разнородные знаки. Например, в Сурдосервере имеется тема «работа, профессии, орудия труда», в которую включены, в частности, знаки акт (документ), анкета, водитель, винт,

 $^{^2}$ То есть русского языка, имеющего звуковую форму и используемого слышащими людьми.

сверло, руководитель. Все эти знаки иконичны, но сильно различаются по смыслу и по типу иконичности. Поэтому подобные тематические группы не могут служить основой для интересующей нас классификации иконических знаков русского жестового языка.

Рассмотрим существующие подходы к классификации иконических знаков других жестовых языков.

Классификации иконических знаков жестовых языков

Иконичность знаков жестовых языков может рассматриваться в разных аспектах. В области когнитивной лингвистики это свойство привлекает интерес прежде всего в связи с исследуемыми когнитивными моделями, то есть не как отношение подобия между формой знака и обозначаемым фрагментом внешнего мира (референтом), а как отношение между ментальными моделями знака и референта, обусловленными, как предполагается, телесным опытом человека. Процесс возникновения знака видится трёхступенчатым: первоначальный ментальный образ предмета подвергается схематизации, после чего полученная упрощённая схема кодируется посредством элементов используемой знаковой системы. В таком ключе строит своё рассуждение об иконичности Сара Тауб, считающая, что «всякий язык иконичен настолько, насколько это позволяют ограничения используемой им модальности» [Taub 2001: 61]. Пространственная модальность предоставляет больше возможностей для иконичности, чем звуковая или графическая модальность. Любая знаковая система использует максимально возможную для неё иконичность знаков, поэтому в жестовом языке больше иконических знаков, чем в звучащем языке.

Существуют и иные объяснения иконичности жестовых языков. Так, Вольфганг Мюллер и Ольга Фишер [Müller, Fischer 2003] обсуждают другую гипотезу: жестовые языки не подвержены столь быстрой грамматикализации, как звучащие языки, поскольку большинство носителей жестовых языков имеют слышащих родителей, использующих звучащие языки. Поэтому любой жестовый язык с каждым следующим поколением заново подвергается креолизации, обусловленной смешением двух семиотических систем — жестового и звучащего языков. Это тормозит внутриязыковые процессы, в частности грамматикализацию языковых единиц, а грамматикализация — один из факторов, способных уменьшать степень иконичности знака.

Рассуждая о том, как может иконически кодироваться схема ментального образа при превращении его в знак жестового языка, С. Тауб выделяет 9 возможностей (для иллюстрации некоторых из этих возможностей были подобраны примеры иконических знаков РЖЯ, взятые из словаря Сурдосервер):

(1) Физическая сущность репрезентирует сама себя, то есть демонстрируется в процессе коммуникации (прямой дейксис, референт присутствует в процессе коммуникации).

- (2) Форма органов артикуляции воспроизводит форму референта (например, знаки ДЕРЕВО³, СТУЛ, БРАСЛЕТ в РЖЯ).
- (3) Движения органов артикуляции воспроизводят движения референта (например, знаки ВОЛНЫ, ПРЫГАТЬ, ЖУК, ГУСЕНИЦА в РЖЯ).
- (4) Траектория движения органа артикуляции воспроизводит форму референта (например, знаки ШАР, ВАЗА, ГОРА в РЖЯ).
- (5) Локализация в знаковом пространстве репрезентирует локализацию в ментальном пространстве (например, при описании обстановки комнаты).
- (6) Размер, изображаемый посредством органа артикуляции, представляет относительный или абсолютный размер референта.
- (7) Количество органов артикуляции (например, число пальцев руки) представляет количество референтов.
- (8) Временной порядок демонстрации жестов отображает временной порядок событий (этот тип иконичности имеется и в звучащих языках).
- (9) Жест репрезентирует («цитирует») другой жест («жест-цитата», quoted signing), например, жестовое сообщение может повествовать о некотором событии «по ролям», воспроизводя высказывания разных участников данной ситуации, располагающихся в разных местах жестового пространства, возможно, характеризующихся особенностями речи, внешности, поведения и т. д.

Из перечисленных девяти возможностей иконического кодирования информации средствами жестового языка на материале словаря можно исследовать только возможности (2) — (4) (анализируя изолированные знаки, взятые вне контекста употребления, и соответственно говоря о денотатах, а не о референтах знака), остальные возможности требуют рассмотрения последовательностей знаков жестовой речи.

В РЖЯ имеются знаки, репрезентирующие сами себя, в частности свою локализацию (таковы многие знаки, обозначающие части тела, одежду или её элементы). Такие знаки можно было бы условно отнести к пунктам (1) и/или (5). Однако эти знаки довольно неоднородны по типу иконичности. Например, в знаке НОС указывается только локализация (однократное прикосновение к носу), в знаках БРОВИ, ГУБЫ, ВОЛОСЫ кроме локализации показывается форма, в знаках ПОГОНЫ, ПИДЖАК также показываются локализация и форма, в знаках ПАЛЬТО, КЕПКА, КАПЮШОН кроме этого показан способ надевания соответствующей вещи на себя.

Надо заметить, что и в каждую из групп (2) — (4) попадают довольно разные по типу иконичности знаки РЖЯ. Например, знак, имитирующий форму денотата, может быть статическим (СТУЛ, ШАР, ВАЗА, ВЕРМИ-

³ Слова, обозначающие знаки жестового языка, принято писать заглавными буквами.

ШЕЛЬ, КОВЁР и др.), то есть показывать только форму, или динамическим (КНИГА, АЛЬБОМ, ВЕРТОЛЁТ, ДЕРЕВО, ДВЕРЬ и др.). Во втором случае имитируются и форма, и типичная динамика денотата. Неясно, куда отнести иконические знаки, в которых имитируется способ использования предмета (например, ЛОЖКА, ВИНТ, ЗУБНАЯ ЩЁТКА) и ряд других типов иконических знаков РЖЯ, рассмотренных далее.

Другая классификация знаков жестового языка предложена Бритой Бергман [Вегдтал 1978]. Рассмотрим классификацию Б. Бергман, также проиллюстрировав её примерами РЖЯ, взятыми из словаря Сурдосервер. В данной классификации мотивированные знаки (то есть знаки, в которых форма каким-то образом обусловлена значением) прежде всего подразделяются на классы по следующим парам альтернативных признаков:

— Иконические (iconic) vs. индексные (indexical), непосредственно мотивированные (directly motivated) vs. опосредованно мотивированные (indirectly motivated).

Иконический знак воспроизводит физические характеристики формы или движений объекта (знак ШАР: руки очерчивают форму трёхмерного шара; знак СЛОН: воспроизводится форма хобота слона). Индексный знак указывает на референт, присутствующий в ситуации коммуникации (знак НОС: указательный палец правой руки касается кончика носа; знак КРАСНЫЙ: смысл передаётся путём указания на губы как на объект красного цвета).

Непосредственно мотивированный знак является репрезентацией референта, опосредованно мотивированный знак — части референта. В опосредованно мотивированном знаке форма связана с референтом не непосредственно, а через базис (base). Например, знак СЛОН имитирует часть («базис») референта — его хобот. Непосредственно мотивированным (или «референтным») может быть как индексный знак (HOC), так и иконический (ШАР). Опосредованно мотивированным (или «базисным») также может быть как индексный знак (КРАСНЫЙ), так и иконический знак (СЛОН).

В зависимости от того, что именно имитируется в знаке, Б. Бергман делит знаки на три вида, в свою очередь подразделяющихся на подвиды:

- 1. Знаки, изображающие форму:
 - 1.1. Трёхмерные знаки (в ходе воспроизведения такого знака внутренняя поверхность рук как бы касается внешней поверхности обозначаемого предмета, при этом может обозначаться также размер предмета большой или маленький): КЛЮВ, БУБЛИК.
 - 1.1.1. Большие плоские поверхности: МИР («Земля»).
 - 1.1.2. Продолговатые предметы: БУТЫЛКА.
 - 1.2. Двухмерные знаки (руки обрисовывают только двухмерный контур): ОТКРЫТКА.
- 2. Знаки, изображающие движение:

- 2.1. Имитация жеста (АПЛОДИСМЕНТЫ референтный иконический знак). По наблюдениям Б. Бергман в жестовых языках большинство подобных знаков базисные иконические (например, в РЖЯ таковы знаки ЗНАКОМИТЬСЯ, ГНЕВ, ЖАДНЫЙ).
- 2.2. Имитация движений рук во время использования объекта (эти знаки не обязательно указывают на действия ГИТАРА, ВЕНИК, ЛЫЖИ, ФЕХТОВАНИЕ).
- 2.3. Имитация движений объекта во время его использования (НОЖНИЦЫ, ВИЛЫ).
- 2.4. Имитация движения некоторой части тела (но не рук). Б. Бергман отмечает, что в жестовых языках знаки этого типа ограничены в своих референциальных возможностях по сравнению со знаками предыдущих трёх подвидов: иконически изображаемая часть никогда не является референтом, знак указывает только на действие (например, в РЖЯ знаки ПРЫГАТЬ, БЕГ руки имитируют движения ног).
- 2.5. Имитируется движение объекта, осуществляемое самим объектом, способным двигаться самостоятельно (ЖУК, ЗМЕЯ, ЛЯГУШКА; к этой группе также часто относятся знаки, обозначающие транспортные средства: АВТОБУС, ПОЕЗД).
- 3. Знаки, изображающие отношение. Референтом такого знака является отношение, например: НАД, ПОД, СПЕРЕДИ. Как отмечает Б. Бергман, в жестовых языках эти знаки обычно исполняются двумя руками, форма рук практически всегда плоская (но не всегда: например, в РЖЯ знак СЗАДИ).

Референтные иконические знаки, относящиеся к первому виду (изображающие форму), часто исполняются двумя руками впереди говорящего; обозначаемый объект как бы находится в пространстве между руками (ШАР, ВАЗА). Базисные иконические знаки, как правило, исполняются одной рукой и локализованы в некоторой части жестового пространства, соответствующей реальному расположению базиса (в знаке СЛОН движение правой руки начинается от нижней части лица).

Эта классификация более детально дифференцирует иконические знаки (по сравнению с классификацией С. Тауб), но несколько сужает само понятие иконичности.

Б. Бергман рассматривает более общее понятие «мотивированный знак». Иконичность считается частным случаем мотивированности. Знаки типа НОС, БРОВИ, ГУБЫ, ВОЛОСЫ и т. д. трактуются как «указывающие на референт, присутствующий в ситуации коммуникации» и считаются индексными. Автор в своей публикации не проводит различия между референтом и денотатом знака, однако рассматриваемый вид референтов представляет денотат лишь частично. Не уточняется, как квалифицировать перечисленные знаки в тех случаях, когда они обозначают объект, отсутст-

вующий в ситуации коммуникации (например, нос, брови и т. д. некоего другого человека). В этом случае можно было бы сказать, что использованный знак, например, НОС, является иконическим, так как он имитирует локализацию и внешний вид того объекта, который он обозначает (НОС какого-то человека). На этом основании при построении приведённой ниже классификации иконических знаков РЖЯ знаки НОС, БРОВИ и т. д. рассматривались как иконические. Здесь уместно вспомнить, что С. Тауб, в отличие от Б. Бергман, считает имитацию локализации иконическим свойством знака

Анализ иконических знаков жестового языка осложняется не только тем, что само понятие иконичности можно трактовать по-разному. Проблема ещё и в том, что знаки могут претерпевать контекстные и диахронические изменения [Киммельман 2007]. С течением времени иконичность может становиться менее явной или вообще не воспринимаемой, как это часто происходит в звучащих языках. Кроме того, контекст может воздействовать на знак, в частности, уменьшать степень проявления иконических свойств [Bellugi, Klima 1976]. Поэтому свойство иконичности, строго говоря, следует рассматривать как градуальное. При анализе иконических знаков РЖЯ рассматривались только такие знаки, иконичность которых представляется очевидной.

В классификациях, предложенных С. Тауб и Б. Бергман, в фокус внимания не попадали семантические характеристики иконических знаков. Соответственно не ставился вопрос о том, какие типы смыслов имеют тенденцию воплощаться в том или ином типе иконичности знака. При анализе иконических знаков РЖЯ эти характеристики были включены в рассмотрение, что позволило выявить ряд тенденций, связывающих семантические свойства знаков РЖЯ с определёнными типами иконичности.

Классификация иконических знаков русского жестового языка

Языковой знак служит для указания на определённую сущность. При этом каждый знак может использовать свой способ указания. Некоторую информацию об этом способе дают этимологические данные, иногда о таких особенностях знака свидетельствует его внутренняя форма. Например, внутренняя форма знака русского звучащего языка может характеризовать местонахождение данной сущности («подполье», «подлокотник»), наиболее заметное свойство («енот-полоскун») и т. д.

Если какой-то объект не имел в языке собственного наименования, то для того, чтобы оно появилось на основе какой-либо мотивации, по отношению к этому объекту должен быть (явно или неявно) задан некий вопрос, например:

КАК Я НАХОЖУ ЭТОТ ОБЪЕКТ? КАК Я УЗНАЮ ЭТОТ ОБЪЕКТ? ЧТО МНЕ НАПОМИНАЕТ ЭТОТ ОБЪЕКТ?

КАК Я ИСПОЛЬЗУЮ ЭТОТ ОБЪЕКТ?

Как я выполняю это действие?

КАК Я ВЫРАЖАЮ ЭТО ЧУВСТВО?

КАКОЕ БУКВОСОЧЕТАНИЕ АССОЦИИРУЕТСЯ С ДАННЫМ ОБЪЕКТОМ?

Иконическая составляющая знака, обусловленного каким-либо из этих вопросов, как раз и будет символическим ответом на заданный вопрос. Так, знак ГИТАРА (имитируется игра на гитаре), по сути, является ответом вопрос «Как я использую этот объект?». Можно сказать, что изучение этимологии мотивированных знаков помогает реконструировать вопрос, который обусловил их образование.

Поскольку жестовые языки значительно моложе звучащих, внутренняя форма знаков в них прослеживается чаще. Это — одна из причин того, что исследование жестовых языков чрезвычайно важно для лингвистики. Оно позволяет, как будто вернувшись на «машине времени» в далёкое прошлое, взглянуть на более ранние семиотические процессы, которые мы уже не можем наблюдать в давно сложившихся звучащих языках.

Приведённые выше вопросы не случайно апеллируют к индивидуальному опыту человека (а не к социальному): именно индивидуальным опытом часто обусловлены мотивированные знаки РЖЯ.

Как уже говорилось, при анализе свойства иконичности была рассмотрена выборка, состоящая из 450 иконических знаков РЖЯ. Эти иконические знаки можно разделить на следующие семантические группы:

вещи и природные явления (277 знаков);

ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНИЕ, ДЕЙСТВИЯ ЛЮДЕЙ (84 ЗНАКА);

ЧУВСТВА И ЭМОЦИИ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕНТАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ, ЧЕРТЫ ХАРАКЕРА (32 ЗНАКА);

ПРОФЕССИИ, ДОЛЖНОСТИ, ЗВАНИЯ, ТИТУЛЫ (29 ЗНАКОВ);

ПРОЧЕЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ АБСТРАКТНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОТНОШЕНИЯ (28 ЗНАКОВ).

Охарактеризуем кратко эти семантические группы.

Вещи и природные явления — первое множество, состоящее из обозначений физических объектов и процессов, достаточно разнообразно, для рассмотрения свойства иконичности в нём удобно выделить следующие подмножества.

Вещи, которые не могут использоваться одновременно более чем одним человеком. Например, шляпу может надеть на себя только один человек, карандаш — инструмент для одного человека (ситуация, когда два человека одновременно держат один и тот же карандаш и рисуют им, возможна, но возникает гораздо реже).

Вещи, которые могут использоваться одновременно многими людьми. Несколько человек могут одновременно сидеть под одной и той же лампой или есть пироги, беря их из одной и той же тарелки, или спускаться с горки вместе на одних и тех же санях.

Указанные два подмножества состоят из искусственно изготовленных человеком вещей. Кроме них рассматривались иконические знаки, обозначающие естественные физические объекты и процессы (например, ДЕ-РЕВО, ВЕТКА, ВЕТЕР, ЖУК, ЗАЯЦ, ГУСЕНИЦА, КАБАЧОК, ГРИБЫ, НОС, БРОВИ).

Довольно велико также множество иконических знаков, обозначающих **времяпрепровождение и действия людей** (например, ЖАРИТЬ, ЗНА-КОМИТЬСЯ, ДОГНАТЬ, ОБОГНАТЬ, СТИРАТЬ, СПАТЬ, МЫСЛИТЬ, БЛАГОДАРИТЬ, ПРИГЛАСИТЬ).

Оставшиеся три множества иконических знаков сравнительно невелики.

Группа, обозначающая чувства и эмоции, психологические и ментальные состояния, черты характера, включает, например, знаки УДОВОЛЬСТВИЕ, ВОЗМУЩАТЬСЯ, ЖАДНЫЙ, ГНЕВ, ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ, ВСПОМНИТЬ, ТЕРПЕНИЕ, РАДОСТЬ. Группа, обозначающая профессии, звания, должности — знаки БУХГАЛТЕР, ГРУЗЧИК, СОЛДАТ, ГЕНЕРАЛ, КАПИТАН, ОФИЦЕР, МАРШАЛ, ХОЗЯИН, РУКОВОДИТЕЛЬ. Группа, обозначающая абстрактные понятия и отношения — знаки ВАЖНО, ВЕРНО, ВЫСОТА, ВЕЧНОСТЬ, СЕРЕДИНА, ЦЕНТР, ВОКРУГ, ВМЕСТЕ.

Рассмотренные иконические знаки подразделяются на два вида:

- а) простые знаки, являющиеся полностью иконическими и имитирующие только одно свойство; например, в знаках ВАЗА, ЛИНЕЙКА имитируется форма, в знаках ГУСЕНИЦА, ЖУК типичный способ перемещения;
- б) сложные знаки, каждый из которых включает более одной смысловой составляющей, причём хотя бы одна из них является иконической, например, ВЕДРО (сначала имитируется форма, затем способ держания ведра), КОЛОДЕЦ (сначала изображается глубина и вертикальная направленность, затем способ поднятия ведра из колодца).

Если, воспользовавшись терминологией Б. Бергман, трактовать иконичность более узко, то можно сказать, что все 450 рассмотренных знаков РЖЯ являются мотивированными; среди них есть иконические (например, БЛЮДЦЕ, БУБЛИК, БУТЫЛКА, ВАЗА) и индексные (например, ГОЛОВА, ГУБЫ, ЖИВОТ, ЗУБЫ), а также непосредственно мотивированные (ЖЕЗЛ, ЗАБОР, КОЛБАСА) и опосредованно мотивированные (КРОЛИК, КОЗА, БЕСКОЗЫРКА).

Наиболее прозрачны проявления иконичности у знаков первой семантической группы, обозначающих физические объекты и процессы. Поэтому эти знаки были рассмотрены в первую очередь.

Для детального анализа знаков остальных семантических групп потребуется разработка более чётких критериев диагностирования иконичности. Сложности обнаружения и трактовки иконичности этих знаков обусловлены тем, что они более абстрактны и часто неоднозначны и метафоричны.

Например, слову *закрывать* Сурдосервер ставит в соответствие только один жестовый знак ЗАКРЫВАТЬ, который иконически отображает физи-

ческое действие, подразумеваемое, например, в контексте закрывать дверь. Использование того же жестового знака для отображения другого смысла, проявляющегося в контексте закрывать совещание, можно назвать метафорическим. В словарях РЖЯ иногда содержатся разные способы перевода подобных слов, например, для идти, тянуть (отсутствующих в Сурдосервере) видеословарь [Видеословарь 2011] предлагает по два варианта перевода: ИДТИ (человек идёт по дороге) и ИДТИ 2 (дела идут хорошо), ТЯНУТЬ (тянуть мешок волоком) и ТЯНУТЬ 2 (тянуть время, медлить). Первые варианты перевода иконически отображают соответствующие физические действия, однако наличие иконичности во вторых, более абстрактных, метафорических вариантах перевода значительно менее очевидно.

Вообще говоря, анализ метафорических свойств РЖЯ требует осторожности, так как в жестовых языках процессы образования метафор имеют специфические ограничения, отсутствующие в звучащих языках и связанные с тем, что форма иконического знака может препятствовать образованию метафор, вполне обычных для звучащего языка. Эта особенность жестовых языков детально рассмотрена в [Meir 2010] и проиллюстрирована следующим примером. Для многих звучащих языков типично метафорическое использование слова лететь в выражениях типа время летит, день пролетел и т. д. Однако в израильском жестовом языке невозможно использовать знак ЛЕТЕТЬ в подобных выражениях. Это объясняется тем, что форма данного знака иконична (махание руками как крыльями), но в указанных выражениях звучащих языков вовсе не подразумевается, что время «машет крыльями», а имеется в виду, что полёт — это очень быстрый способ перемещения. Форма знака (махание крыльями) входит в противоречие с тем аспектом значения, на котором строится метафора в звучащем языке (быстрое движение), что и препятствует образованию аналогичной метафоры в жестовом языке. Поскольку для РЖЯ подобные исследования не проводились, нельзя утверждать с уверенностью, что всякий знак РЖЯ, являющийся переводом слова русского звучащего языка, обозначающего физическое действие, можно будет использовать для указания на другой, более абстрактный, смысл того же слова звучащего языка.

По указанным выше причинам детальный анализ свойства иконичности был ограничен рассмотрением только иконических знаков первой семантической группы, обозначающих физические объекты и процессы. Чтобы иметь возможность проанализировать корреляции между семантическими и иконическими признаками знаков, была построена типология, содержащая следующие группы знаков:

- 1. Обозначения объектов, использование которых предполагает предшествующий подготовительный этап (до его прохождения вещь непригодна для использования / незаконна / недоступна):
 - 1.1. Вещи, на которые должна быть поставлена печать, например, ДИПЛОМ, АТТЕСТАТ, ВИЗА, АКТ.

- 1.2. Вещи, которые должны быть преобразованы неким регулярным способом:
 - 1.2.1. Освобождены от ненужных частей, например, АПЕЛЬ-СИН, БАНАН (должны быть очищены от кожуры).
 - 1.2.2. Отделены от чего-то или разделены на части, например, ХЛЕБ, БРЕВНО, ДРОВА.
 - 1.2.3. Качественно преобразованы, например, ПИРОГ (должен быть испечён), КАРАНДАШ (должен быть отточен).
- 1.3. Вещи, которые должны быть локализованы в определённом месте, например, ДИСК (должен быть помещён в дисковод), БРЮ-КИ, САПОГИ, КЕПКА (должны быть надеты на человека), ЗУБНАЯ ПАСТА (должна быть выжата на зубную щётку).
- 1.4. Вещи, к которым человек должен приблизиться определённым образом, например, МЕТРО (для его использования надо спуститься вниз).
- 2. Знаки, имитирующие форму вещей (в том числе опосредованно, через базис), но не имитирующие способ их держания или использования; одновременно с формой может имитироваться и локализация (например, ЖИЛЕТКА, КОВЁР, КОЛЬЦО, ПОГОНЫ):
 - 2.1. Статическая форма, например, ПЛОЩАДЬ, БАЛКОН, МЯЧ, ГОРА, БИЛЕТ, ЗАБОР, ВАЗА, ПЛАТЬЕ.
 - 2.2. Динамическая форма, например, КНИГА, ВЕРТОЛЁТ, АВТОБУС, ДВЕРЬ, СВЕЧА, БУЛЬВАР, ПОЕЗД, КРОКОДИЛ (динамическая форма обозначает подвижные детали предмета, например, в знаке БУЛЬВАР имитируется движение веток растущих вдоль бульвара деревьев).
- 3. Знаки, имитирующие кинестетическое восприятие вещи или материала, из которого состоит объект, например, MATPAC (имитируется ощущение мягкости и упругости), MEX (торчащая вверх шерсть).
- 4. Знаки, имитирующие локализацию и, возможно, способ крепления / держания:
 - 4.1. Имитируется только локализация, например, БРОШЬ, БЛУЗА, КОЛЬЦО, НОС, ПАЛЬЦЫ, ПЛЕЧИ.
 - 4.2. Имитируются одно из возможных мест локализации и способ крепления в этом месте например, БАНТ (демонстрируется, как и где в волосах обычно прикрепляется бант), РЮКЗАК, РАНЕЦ (показываются лямки надетого на спину рюкзака или ранца); в отличие от класса 1.3 показанное место локализации одно из возможных для данного объекта (бант может крепиться на одежде, сумке, покрывале и т. д., рюкзак и ранец можно нести в руке, складывать и перебирать содержимое и т. д.).
 - 4.3. Имитируются локализация и способ держания тяжёлой вещи, требующие определённых усилий; эти усилия подчёркиваются повторяемостью соответствующего фрагмента жеста напри-

- мер, ЧЕМОДАН (рука, «несущая» чемодан, слегка двигается вверх-вниз), МОТОЦИКЛ (руки, «держащие» руль, покачиваются от себя к себе), ЗОНТ («держит зонт» над головой, слегка двигая его вверх-вниз).
- 4.4. Имитируются локализация и способ держания лёгкой вещи, например, МЯЧ, МИСКА, ТАРЕЛКА, КЕПКА (в этих знаках нет повторяющегося фрагмента, обозначающего место приложения усилий).
- 5. Знаки, имитирующие способ использования вещи (и, возможно, также локализацию):
 - 5.1. Знаки, имитирующие форму например, НОЖНИЦЫ, РУЧКА.
 - 5.2. Знаки, не имитирующие форму например, КОПЬЁ, ЛОЖКА, ВОЖЖИ, СВИСТОК, МАЗЬ, МАСЛО, МЫЛО.
- 6. Знаки, имитирующие элементы какой-либо другой семиотической системы (знаки второго уровня) например, АПТЕКА (имитируется Красный крест как символ медицины: «рисуется» на предплечье).
- 7. Знаки, имитирующие жесты, используемые носителями русского звучащего языка, например, АЛКОГОЛЬ, ДЕНЬГИ⁴.

Данная классификация описывает типы простых знаков, каждый из которых содержит одну иконическую составляющую. Сложный (составной) знак может относиться одновременно к нескольким типам. Например, знак ПОЛОТЕНЦЕ состоит из двух иконических частей. При производстве этого знака человек сначала имитирует форму полотенца (рисует в жестовом пространстве прямоугольник), затем имитирует процесс его использования (круговым движением дважды «вытирает» лицо). В знаке КОВЁР имитируются сначала форма (рисуется прямоугольник), затем расположение (демонстрируется параллельность полу).

Рассмотренное множество из 450 иконических знаков складывалось таким образом. 331 знак получен в результате сплошной выборки из словаря Сурдосервер всех таких слов русского звучащего языка, первая буква которых попадает в промежуток от А до М включительно, а само слово переводится на РЖЯ посредством иконического знака. Это базовое множество было использовано как основа для разработки типологии иконических знаков, в частности, в результате его анализа было принято решение о более детальном рассмотрении знаков, обозначающих физические объекты и процессы. Затем из оставшейся части словаря Сурдосервер выбирались произвольные иконические знаки и проверялась возможность их соотнесения с выделенными типами. Выборочно производились сравнения этих знаков с вариантами перевода тех же слов русского звучащего языка в словаре http://jestov.net/slovari.php.

Приведённая ниже таблица содержит результаты анализа всех простых и сложных знаков, обозначающих физические объекты (277 знаков). В базо-

 $^{^4}$ При анализе таких знаков использовались словари жестов [Григорьева и др. 2001; Акишина и др. 2010].

вом множестве 208 таких иконических знаков. Результаты анализа базового множества также приведены в таблице. Как можно заметить, относительные частоты групп знаков в этих двух выборках различаются незначительно.

В выборке из 277 иконических знаков РЖЯ оказалось больше всего знаков, имитирующих форму объекта (155 знаков), среди них больше знаков, имитирующих статическую форму (95 знаков), чем динамическую (60 знаков). В базовой выборке из 121 знака этого типа 72 знака имитируют статическую форму, 49 знаков — динамическую.

		Количество иконических	
		знаков	
	Типы иконичности	Общая	Базовая
		выборка	выборка
		(277 знаков)	(208 знаков)
1.	Имитация подготовительного этапа,	27 (0,08%)	21 (0,08%)
	предшествующего использованию объекта		
2.	Имитация формы объекта	155 (0,47%)	121 (0,46%)
3.	Имитация кинестетического восприятия	11 (0,03%)	7 (0,03%)
4.	Имитация локализации (и крепления / держания)	63 (0,19%)	56 (0,21%)
5.	Имитация процесса использования	67 (0,20%)	53 (0,20%)
6.	Имитация элемента другой семиотической системы	5 (0,02%)	3 (0,01%)
7.	Имитация жеста, используемого	4 (0,01%)	3 (0,01%)
	в русском звучащем языке		
	Всего иконических признаков знака	332	264

Иконическим признаком знака считалась принадлежность этого знака к одному из классов приведённой выше типологии иконических знаков РЖЯ. Поскольку среди рассмотренных знаков были сложные, один и тот же знак может иметь более одного признака. Проценты указывают, какую часть от общего числа иконических признаков составляют признаки, относящиеся к тому или иному типу иконичности.

Как говорилось ранее, иконический знак может рассматриваться как ответ на вопрос, касающийся обозначаемого им объекта. На основе анализа знаков, обозначающих физические объекты, список вопросов был уточнён следующим образом:

КАК Я РАСПОЗНАЮ ЭТОТ ОБЪЕКТ (ПО ЕГО ФОРМЕ ИЛИ МАТЕРИАЛУ)?

КАК Я ИСПОЛЬЗУЮ ЕГО?

КАК Я РАСПОЗНАЮ ЕГО ПО МЕСТОНАХОЖДЕНИЮ?

КАК Я ГОТОВЛЮ ЕГО К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ (ГОТОВЛЮСЬ К ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ)?

КАК Я БЕРУ (СХВАТЫВАЮ, ДЕРЖУ, НОШУ) ЕГО?

КАК Я ОБОЗНАЧАЮ ЕГО В ДРУГИХ ЯЗЫКАХ?

КАКОЙ ЖЕСТ ОБЫЧНО ИСПОЛЬЗУЮТ ДЛЯ НЕГО НОСИТЕЛИ ЗВУЧАЩЕГО ЯЗЫКА?

Хотя приведённая выше типология строилась только для знаков, обозначающих физические объекты и процессы, есть основания предположить, что аналогичный список вопросов может быть уместен и для иконических знаков, обозначающих действия, состояния, эмоции.

Например, иконические знаки ЕСТЬ, БРОСАТЬ, ВЫТАСКИВАТЬ, ВАРИТЬ, ВЯЗАТЬ, МЫТЬСЯ, СПАТЬ можно трактовать как ответы на вопрос: «Как я выполняю это действие?», «Как я себя веду, находясь в этом состоянии?». Знак ЕСТЬ имитирует процесс еды, знак СПАТЬ — позу в состоянии сна (сложенные вместе ладони подложены под левую щёку, голова склонена влево).

Знаки ВОЛНЕНИЕ, ВОЗМУЩАТЬСЯ, ГНЕВ, ТЕРПЕНИЕ могут рассматриваться как ответы на вопрос: «Как в моём внешнем поведении проявляется эта эмоция?», «Как я веду себя, имея дело с человеком, находящимся под властью данной эмоции?». Например, знак ВОЗМУЩАТЬСЯ (удар кулаком по воображаемой горизонтальной поверхности) имитирует действие возмущённого человека (см. трактовку жеста УДАРИТЬ КУЛАКОМ ПО СТОЛУ в [Григорьева и др. 2001]); знак ТЕРПЕНИЕ (разрубающее воздух движение ребром раскрытой ладони правой руки сверху вниз, сопровождающееся наклоном головы) имитирует жест, который носители русского звучащего языка используют для заявления о своей позиции, своей решимости, см. в [Акишина и др. 2010] трактовку жеста ПОЛОСНУТЬ, рубить, ударять / ударить [ВОЗДУХ] РУКОЙ (ребром ладони). Эти знаки можно отнести к последнему классу (имитация жеста, используемого в русском звучащем языке).

Тип вопроса предопределяет тип иконического знака. Вместе с тем, знак служит для обозначения определённого типа объектов. Есть ли основания предполагать, что тип обозначаемого объекта влияет на выбор вопроса и, значит, типа иконичности?

Анализ иконических знаков РЖЯ действительно позволяет выдвинуть несколько предположений, формулируемых в виде следующих правил (через D обозначен тип обозначаемых объектов, через Z — иконический знак):

ЕСЛИ D — ПРЕДМЕТ, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАН ПО ОСНОВНОМУ НАЗНАЧЕНИЮ БЕЗ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ (НАПРИМЕР, ДОКУМЕНТЫ, ТРЕБУЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ ПИЩА), ТО Z ИМИТИРУЕТ ЭТОТ ПРОЦЕСС ПОДГОТОВКИ;

ЕСЛИ D — ПРЕДМЕТ, ВСЕГДА ДОСТУПНЫЙ (ИЛИ ИМЕЮЩИЙ АНАЛОГ) В ЖЕСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НАПРИМЕР, ЧАСТИ ТЕЛА, ПРЕДМЕТЫ ОДЕЖДЫ), ТО Z ИМИТИРУЕТ ЛОКАЛИЗАЦИЮ;

ЕСЛИ D — ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (ОТЛИЧНОЕ ОТ ЧЕЛОВЕКА), ТО Z ИМИТИРУЕТ ХАРАКТЕРНЫЙ ВНЕШНИЙ ПРИЗНАК ЭТОГО СУЩЕСТВА (ХАРАКТЕРНУЮ ЧАСТЬ ТЕЛА) ИЛИ ХАРАКТЕРНЫЙ ДЛЯ НЕГО СПОСОБ ПОВЕДЕНИЯ;

ЕСЛИ D — ПРЕДМЕТ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОДНИМ (ЛЮБЫМ) ЧЕЛОВЕКОМ, ТО Z ИМИТИРУЕТ СПОСОБ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ;

ЕСЛИ D — ПРЕДМЕТ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫЙ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРАЗУ ГРУППОЙ ЛЮДЕЙ (НАПРИМЕР, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРАНСПОРТ), ТО Z ИМИТИРУЕТ ХАРАКТЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЭТОГО ПРЕДМЕТА;

ЕСЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРЕДМЕТОМ D ТРЕБУЕТ УСИЛИЙ, ТО Z ИМИТИРУЕТ ЛОКАЛИЗАЦИЮ И НАПРАВЛЕНИЕ ЭТИХ УСИЛИЙ.

Эти правила представляют собой определённые рекомендации, которые можно использовать при создании и понимании новых знаков РЖЯ, в частности при решении задачи перевода с русского звучащего языка на русский жестовый язык.

Для оценки эмпирической адекватности предложенной классификации иконических знаков нужны не только представительные словари РЖЯ, но и выработка более точного определения свойства иконичности. Сложность в том, что это свойство градуально. Кроме того, как показали экспериментальные исследования [Bellugi, Klima 1976], иконически отображённый признак объекта (форма, локализация, тип движения и т. д.) не всегда самоочевиден и может трактоваться разными людьми по-разному.

Литература

Акишина и др. 2010 — А. А. А к и ш и н а, Х. К а н о, Т. Е. А к и ш и н а. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., доп. М., 2010.

Видеословарь 2011 — Видеословарь русского жестового языка. Новосибирск, 2011.

Гейльман 2011 — И. Ф. Гейльман. Знакомьтесь: ручная речь. М., 2001.

Григорьева и др. 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гриф, Тимофеева 2012а — М. Г. Гриф, М. К. Тимофеева а. Проблема автоматизации сурдоперевода с позиции прикладной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 211—219.

Гриф, Тимофеева 20126 — М. Г. Гриф, М. К. Тимофеев а. Интерлингва в системах машинного перевода для жестовых языков // Труды СПИИ РАН. Вып. 1(20). 2012. С. 116—137.

Кибрик 2009 — А. А. К и б р и к. О важности лингвистического изучения русского жестового языка. 2009. Режим доступа: URL: http://signlang.ru/science/read/kibrik1/.

Киммельман 2007 — В. И. К и м м е л ь м а н. Исторические изменения жестов в русском жестовом языке // Четвёртая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 1—3 ноября 2007. Режим доступа: http://signlang.ru/science/read/kimmelman1/.

Bellugi, Klima 1976 — U. Bellugi, E. S. Klima. Two faces of sign: iconic and abstract // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 280. 1976. P. 514—538.

Bergman 1978 — B. Bergman. On motivated signs in the Swedish Sign Language // Studia Linguistica XXXII / I—II. 1978. P. 9—17.

Meir 2010 — I. Meir. Iconicity and metaphor: Constraints on metaphorical extension of iconic forms // Language. Vol. 86. № 4. 2010. P. 865—896.

Müller, Fischer 2003 — W. G. Müller, O. Fischer. Introduction: From Signing Back to Signs // From Sign to Signing. Jena; Amsterdam, 2003. P. 1—20.

Taub 2001 — S. F. Taub. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge, 2001.

Timofeeva 2012 — M. T i m o f e e v a. Iconic regularities in Russian Sign Language // The 4th UK Cognitive Linguistics Conference (UK-CLC4), 10—12 July 2012. Book of Abstracts. London. 2012. P. 89.

Veale et al. 1998 — T. Veale, B. Collins, A. Conway. The Challenges of Cross-Modal Translation: English-to-Sign-Language Translation in the Zardoz System // Machine Translation. № 13. 1998. P. 81—106.

References

Akishina i dr. 2010 — A. A. Akishina, Kh. Kano, T. Ye. Akishina. Zhesty i mimika v russkoy rechi: Lingvostranovedcheskiy slovar. 2-e izd., dop. Moskva, 2010.

Bellugi, Klima 1976 — U. Bellugi, E. S. Klima. Two faces of sign: iconic and abstract // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 280. 1976. P. 514—538.

Bergman 1978 — B. Bergman. On motivated signs in the Swedish Sign Language // Studia Linguistica XXXII / I—II. 1978. P. 9—17.

Geylman 2011 — I. F. Geylman. Znakomtes: ruchnaya rech. Moskva, 2001.

Grif, Timofeyeva 2012a — M. G. Grif, M. K. Timofeyeva. Problema avtomatizacii surdoperevoda s pozicii prikladnoy lingvistiki // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2012. № 1. S. 211—219.

Grif, Timofeyeva 2012b — M. G. Grif, M. K. Timofeyeva. Interlingva v sistemakh mashinnogo perevoda dlya zhestovykh yazykov // Trudy SPII RAN. Vyp. 1(20). 2012. S. 116—137.

Grigoryeva i dr. 2001 — S. A. Grigoryeva, N. V. Grigoryev, G. Ye. Kreydlin. Slovar russkikh zhestov. Moskva; Wien, 2001.

Kibrik 2009 — A. A. Kibrik. O vazhnosti lingvisticheskogo izucheniya russkogo zhestovogo yazyka. 2009. Rezhim dostupa: URL: http://signlang.ru/science/read/kibrik1/.

Kimmelman 2007 — V. I. Kimmelman. Istoricheskiye izmeneniya zhestov v russkom zhestovom yazyke // Chetvertaya konferenciya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Sankt-Peterburg, 1-3 noyabrya 2007. Rezhim dostupa: http://signlang.ru/science/read/kimmelman1/.

Meir 2010 — I. Meir. Iconicity and metaphor: Constraints on metaphorical extension of iconic forms // Language. Vol. 86. № 4. 2010. P. 865—896.

Müller, Fischer 2003 — W. G. Müller, O. Fischer. Introduction: From Signing Back to Signs // From Sign to Signing. Jena; Amsterdam, 2003. P. 1—20.

Taub 2001 — S. F. Taub. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language. Cambridge, 2001.

Timofeeva 2012 — M. Timofeeva 2. Iconic regularities in Russian Sign Language // The 4th UK Cognitive Linguistics Conference (UK-CLC4), 10—12 July 2012. Book of Abstracts, London. 2012. P. 89.

Veale et al. 1998 — T. Veale, B. Collins, A. Conway. The Challenges of Cross-Modal Translation: English-to-Sign-Language Translation in the Zardoz System // Machine Translation. № 13. 1998. P. 81—106.

Videoslovar 2011 — Videoslovar russkogo zhestovogo yazyka. Novosibirsk, 2011.

Резюме

В статье рассматриваются иконические знаки русского жестового языка. Цель исследования такова: на основе анализа семантики иконических знаков выявить типы иконичности, позволяющие установить корреляции между значением знака и иконическим признаком. Существующие классификации иконических знаков (для других жестовых языков) не рассматривают иконичность с такой точки зрения. Данная работа предпринята в связи с проектом создания системы машинного перевода для русского жестового языка. Выявление указанных корреляций позволяет строить гипотезы о смыслах новых слов и даёт информацию о путях создания неологизмов. Рассмотренная выборка состояла из 450 иконических знаков, основное внимание было уделено обозначениям физических объектов и процессов, поскольку иконичность таких знаков является наиболее прозрачной.

Ключевые слова: русский жестовый язык, классификация иконических знаков, семантика, неологизмы, машинный перевод.

MARIA K.TIMOFEEVA

CLASSIFICATION OF ICONIC SIGNS IN THE RUSSIAN SIGN LANGUAGE

This paper addresses Russian Sign Language and focuses on iconicity of its signs. The aim is to analyze semantics of iconic signs and to elicit such types of iconicity that allow us to draw correlations between the meaning of a sign and its iconic feature. The existing classifications of iconic signs (for other sign languages) do not consider iconicity within this perspective. The work was carried out in connection with the project of machine translation for Russian Sign Language. Revealing correlations between semantics and iconicity help us to formulate hypotheses about unknown meanings of new words and gives information about possibilities of creating neologisms. The sample of considered iconic signs includes 450 elements; among these, the main object of investigation was the category of physical things and processes, because for these signs iconicity is most transparent.

Keywords: Russian Sign Language, classification of iconic signs, semantics, neologisms, machine translation.

Новосибирский государственный университет 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Novosibirsk State University 2 Pirogova Str., Novosibirsk 630090, Russia

Статья поступила 01.02.2013

Received on 01.02.2013

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Я. К. Грота

27—29 ноября 2012 года в Санкт-Петербурге прошла Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Якова Карловича Грота. Конференция была организована Институтом лингвистических исследований Российской Академии наук (ИЛИ РАН) при активном участии Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени. С докладами выступили более 60 исследователей из 12 городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода, Тулы, Омска, Пскова, Вологды, Астрахани, Кирова, Костромы, Ярославля), а также из Украины, Казахстана, Грузии, Венгрии, Финляндии.

В своем вступительном слове академик Н. Н. Казанский подробно охарактеризовал научный путь Я. К. Грота и его вклад в развитие отечественной филологии. Заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН С. А. Мызников, приветствуя участников конференции, более подробно остановился на «финском» периоде деятельности ученого и указал на необходимость дальнейшего изучения его наследия. В докладах Л. Я. Костючук (Псковский государственный университет) «Деятельность Я. К. Грота развитие и создание ряда филологических направлений» и М. Н. Приемышевой (ИЛИ РАН) «Я. К. Грот и традиции отечественной филологии» была дана высокая оценка роли Я. К. Грота в развитии отечественной филологии, обозначены основные направления его деятельности, выявлены заложенные им традиции. Я. К. Грот внес большой

вклад в формирование русско-финских научных контактов, в развитие русской орфографии, грамматики, лексикологии и лексикографии. Он стоит у истоков создания принципов русской орфографии, русской теоретической лексикографии, авторской лексикографии, концепции развития истории русского литературного языка. Издание собрания сочинений Г. Р. Державина под руководством Я. К. Грота стало образцовым для последующих академических изданий русских писателей.

В докладе А. В. Зеленина (Университет г. Тампере, Финляндия) «Я. К. Грот в Финляндии: восприятие личности и деятельности» рассматривался «финский» период жизни знаменитого лексикографа (1840—1852 гг.). Став в 1840 г. профессором кафедры русского языка в Гельсингфорсском университете, Я. К. Грот оказался свидетелем напряженных поисков Финляндией своей национальной самобытности, в том числе стремления повысить статус финского языка, который, будучи языком народа, оказался самым слабым элементом в «языковом треугольнике», включавшем также шведский (язык культурной элиты) и русский (язык царской администрации) языки. В условиях нараставшей социальной напряженности Я. К. Грот стремился «вписать» русский язык в формировавшуюся в то время в Финляндии систему высшего образования и лично следил, чтобы в университетскую библиотеку поступал экземпляр каждой изданной в России книги, газеты, каждого журнала.

Участие Я. К. Грота в дискуссии о положении Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук стало темой доклада Е. Ю. Басаргиной (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Исследовательница показала, как менялась позиция ученого, первоначально настаивавшего на присоединении ОРЯС к Историкофилологическому отделению Академии, под влиянием доводов противников объединения, ссылавшихся на важность трудов членов ОРЯС для интересов государства. В итоге Я. К. Грот согласился с ними, и Отделение оставалось самостоятельным вплоть ло 1927 г.

Роль Я. К. Грота в создании новых традиций русской филологической науки стала одной из самых популярных тем на конференции. Доклад Л. Л. Шестаковой (Москва, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) «Я. К. Грот как родоначальник русской авторской лексикографии» был посвящен созданию первого словаря языка писателя в нашей стране — «Словаря к стихотворениям Державина» Я. К. Грота. Эта тема была продолжена в выступлениях Д. А. Романова (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого) «Развитие лингвистических и общефилологических идей Я. К. Грота в ходе работы над академическим изданием сочинений Г. Р. Державина», **Н. П. Морозовой** (Санкт-Петербург, Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени) «Из истории работы Я. К. Грота над собранием сочинений Г. Р. Державина», К. Р. Галиуллина (Казанский федеральный университет) «От первого авторского словаря XIX в. к текстоописывающим интернет-справочникам XXI в.», Л. С. Мингазовой (Институт филологии и искусств Казанского федерального университета) «Я. К. Грот — первый составитель словаря языка Г. Р. Державина».

Не меньший интерес вызвала тема участия Я. К. Грота в разработке теоре-

тических основ русской орфографии. Его книга «Русское правописание» — первый орфографический труд, устанавливавший правила русского правописания — и ее роль в установлении твердых правил орфографии, просуществовавших (с небольшими изменениями) до 1918 г., стали темой доклада М. Г. Церцвадзе (Грузия, Кутаисский государственный университет им. А. Церетели) «Стабилизация русского правописания в трудах Я. К. Грота».

Поставленная самим Гротом задача «привести русское правописание к желательному единообразию» была темой выступления И. В. Нечаевой (Москва, ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН) «О "желательном единообразии" в правописании заимствований (по Я. К. Гроту)». Некоторые проблемы, существовавшие в XIX веке (например, написание буквы «э» в заимствованных словах), остаются актуальными и сегодня. С. Янурик (Венгрия, Будапештский университет им. Лоранда Этвеша) в своем докладе «Отражение графической вариативности новых английских заимствований в современной русской лексикографии в свете работ Я. К. Грота» подробно остановился на проблеме графической нестабильности иноязычных слов на начальной стадии процесса заимствования. С. Янурик продемонстрировал непоследовательный и даже противоречивый характер написания заимствований в словарях современного русского языка и показал, что целый ряд конкретных проблем графической адаптации заимствований, сформулированный Я. К. Гротом, остается актуальным и в наши дни.

Проблемы соотношения графики и орфографии были освящены также в докладах И. А. Малышевой (ИЛИ РАН) «Об одной орфографической проблеме в «Словаре русского языка XVIII в.», А. А. Бурыкина и В. П. Захарова (ИЛИ РАН) «Наблюдения над орфо-

графической нормой и вариантами в системе автоматической обработки текстов: *под шофе*, *под-шофе*, *подшофе* и др. (материалы проекта "Библиотека лексикографа")» и в некоторых других.

Теме «Я. К. Грот и русская лексикография» было посвящено значительное число выступлений. В частности, в докладе В. М. Круглова (ИЛИ РАН) «Прошлое и будущее Большой Словарной картотеки ИЛИ РАН» шла речь об истории создания и современных проблемах Большой словарной картотеки, основанной Я. К. Гротом в 1886 г. для начала работы над новым академическим словарем. Некоторым аспектам анализа самого «Словаря русского языка» под ред. Я. К. Грота (1891— 1895 гг.) были посвящены доклады сотрудников и аспирантов Словарного отдела ИЛИ РАН: С. А. Эзерини «Терминология в "Словаре русского языка" Я. К. Грота», ред. Д. В. Виноградова «Об одной особенности "Словаря русского языка" под ред. Я. К. Грота» и В. Н. Калиновской «Лексические новообразования XIX в.: материалы словника "Словаря русского языка XIX в." в сопоставлении со "Словарем русского языка" под ред. Я. К. Грота».

В ряде выступлений поднимались острые проблемы современной лексикографии. Отметим доклады А. С. Герда (Санкт-Петербургский государственный университет) «Теория языка и лексикография», Л. В. Рацибурской (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) «Новые аспекты современной словообразовательной лексикографии», В. А. Ефремова (Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена) «Электронная форма лексикографии: pro et contra», О. А. Никитиной (Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого) «Двуязычная неография как новое направление в лексикографии (на примере проекта немецко-русского словаря неологизмов)», Е. В. Пурицкой (Санкт-Петербургский государственный университет) «Учебный двуязычный русско-тайваньский словарь прагматики: проект и пробные словарные статьи». Важной особенностью конференции стала презентация и обсуждение нового «Большого орфоэпического словаря русского языка. Литературное произношение и ударение XXI в.», составленного сотрудниками ИРЯ РАН М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткиным и Р. Ф. Касаткиной. Авторы подробно обосновали теоретическую концепцию словаря, объективно обусловившую критерии отбора словника и объем информации при каждом слове, а также наглядно представили основные типы словарных статей.

Без истории нет будущего, без вчерашнего дня нет сегодняшнего, поэтому одной из тем последнего дня гротовской конференции стала неография. Важность обращения к лексикографическим источникам, фиксирующим «новую» лексику, была продемонстрирована в докладе Е. А. Ждановой (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) «Роль словарей новых слов в анализе языкового развития» (материалом для анализа докладчику послужил подготовленный сотрудниками ИЛИ РАН словарь «Новые слова и значения. Словарьсправочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»). Доминирование на современном этапе американского варианта английского языка в качестве языка-источника, оказывающее подчас значительное влияние на характер адаптации заимствованных слов (русский язык все чаще принимает какое-либо слово в качестве элемента микросистемы) стало темой выступления Е. В. Мариновой (Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского) «Развитие полисемии новых заимствований как лексикографическая проблема». Актуальная проблема включения/невключения в неологический словарь новых слов стала темой выступления **Т. Н. Буцевой** (ИЛИ РАН) «О критериях отбора лексики в словари новых слов».

Я. К. Грот — ученый, который внес значительный вклад в создание теоретической концепции русского национального языка. В его работах значительное место было уделено проблемам истории русского литературного языка. Ряд статей и очерков ученого был посвящен и изучению народного языка. Программный характер носил доклад Г. В. Судакова (Вологодский государственный педагогический университет) «Структура национального (общенародного) языка в концепции Я. К. Грота», в котором исследователь поэтапно проследил по ряду работ Я. К. Грота терминологию, используемую ученым для обозначения литературного и народного языка, а также выявил общую структуру национального языка, которую можно считать до сих пор актуальной. В докладах Т. А. Алпатовой «Труды Я. К. Грота о личности и творчестве Н. М. Карамзина и создание новых традиций русской филологической науки» и П. А. Семенова «Полемика шишковистов и карамзинистов в интерпретации Я. К. Грота» на основании работы Я. К. Грота «Карамзин в истории русского литературного языка» (1860-е гг.) были сделаны выводы о том, что оценка роли Карамзина в истории русского литературного языка, оценка и подробный анализ полемики шишковистов и карамзинистов и некоторые другие аспекты анализа процесса развития литературного языка конца XVIII — начала XIX вв., в своей основе аналогичные тем, что до сих пор мы находим в учебниках по истории русского литературного языка, впервые были даны именно Я. К. Гротом в этой работе.

Народный язык также привлекал внимание Я. К. Грота. Он сам собрал небольшие по объему, но интересные по содержанию «Материалы для словаря русского языка», занимался этимологией областных слов, обосновал критерии отбора слов для областных словарей. В докладе М. А. Харламовой (Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского) «Традиции Я. К. Грота в исследованиях современной диалектной речи» было показано, что в современной диалектной лексикографии до сих пор реализуются некотопринципы, сформулированные Я. К. Гротом относительно создания областных словарей. В докладах Л. Ю. 30риной (Вологодский государственный педагогический университет) «К вопросу о лексикографическом представлении диалектных благопожеланий», А. П. Башмаковой (Санкт-Петербургский университет) «Безлично-предикативные слова в диалектных словарях», И. Н. Кайгородовой и Л. А. Баташевой (Астраханский государственный университет) «Областные слова как источник сведений об историко-культурной жизни народа», Е. В. Колосько (ИЛИ РАН) «Функционирование немецких заимствований в русских народных говорах» на конкретных примерах рассматривались проблемы диалектной лексикологии и диалектной лексикографии.

Особый интерес вызвал доклад **Н. С. Ганцовской** и **И. П. Вербы** (Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова) «Я. К. Грот и «Материалы для "Словаря народного языка" А. Н. Островского», в котором прослеживалась история создания «Словаря народного языка» А. Н. Островского и роль Я. К. Грота в его дальнейшей судьбе, а именно в передаче рукописи словаря в Академию наук. Значительное количество докладов было посвящено отдельным аспектам русской исторической и современной лексикологии.

Целью Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Я. К. Грота, было обращение к научному наследию ученого для стимулирования научной дискуссии по актуальным вопросам лингвистики, для сохранения преемственности и традиций отечественной филологии. По результатам

прошедшей конференции можно утверждать, что эта цель была достигнута.

Д. В. Виноградов D. V. Vinogradov

ИнститутInstitute for LinguisticлингвистическихStudies, Russianисследований РАНAcademy of Sciences199053,Tuchkhov per.,Санкт-Петербург,Saint PetersburgТучков пер., 99199053, Russia

РЕЦЕНЗИИ

М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина, Л. Л. Касаткин. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / Под редакцией Л. Л. Касаткина. М.: Аст-пресс книга, 2012. — 1008 с.

Еще в середине XX в. Р. И. Аванесов высказал мысль о том, что «культуру литературного произношения надо сознательно прививать и развивать. Сама она без специальных усилий никому не дается. Она требует известной наблюдательности, некоторых специальных знаний, а также повседневных забот контроля над своей речью, упражнений и тренировки» [Аванесов 1950: 19]. Эти мысли не утратили своей актуальности и в настоящее время. При этом овладение культурой произношения с необходимостью предполагает обращение к лексикографическим описаниям. В этой связи можно напомнить, что история ортологических словарей орфоэпического типа распадается на несколько этапов. Начальный этап связан с выходом в свет в 1955 г. словаря «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. Второй этап, охватывающий период с конца 1950-х и до конца 1990-х гг., ознаменован созданием кодифицирующих трудов двух типов. С одной стороны, это академические издания — «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией тех же ученых (1-е изд. — 1959 г.); «Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы» под редакцией Р. И. Аванесова, фиксирующие «литературную норму во всем многообразии ее проявлений» [ОСРЯ 1983: 5]; с другой стороны, профессионально-ориентированное описание — «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (1-е изд. — 1960; авторы: Ф. Л. Агеенко, М. В. Зарва), всегда рекомендующее один вариант произношения и ударения из стремления к единообразию и устранению разнобоя в эфире. Третий этап заявляет о себе на рубеже XX-XXI вв., когда, с одной стороны, прекратились переиздания двух классических словарей — ОСРЯ (если не считать его продолжением словарь [Еськова 1994]) и «Словаря ударений...», — а с другой стороны, стало появляться большое число словарей, в которых рассматривается примерно один круг орфоэпических явлений, но даются несовпадающие нормативные предписания. Между очевидно, что коль скоро орфоэпия является не описательной, а нормативной дисциплиной, ее предписания должны быть по возможности однозначными.

Изучение орфоэпической реальности новейшего времени и оценка лексикографической ситуации последних десяти—пятнадцати лет свидетельствуют о том, что создание нового академического орфоэпического словаря крайне необходимо. «Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты» (далее — БОС) должен уточнить границы литературности и иерархию формирующих орфоэпическую норму вариантов. Не ставя задачи дать его детальный

анализ, остановимся лишь на некоторых аспектах, относящихся к концептуальной основе словаря, к типам подлежащей лексикографированию информации, способам ее представления и отлельным нормативным опенкам Начнем с обсуждения источников, изучение которых лежит в основе предлагаемых в БОС лексикографических решений. Выбор языкового материала для анализа и осмысления литературной нормы регулируется разными факторами, в числе которых — вид изучаемого орфоэпического варьирования и хронологические рамки исследуемой произносительной эпохи. Если задачей изучения является социальное измерение, то на первый план выходит вопрос об отборе информантов, орфоэпическое поведение которых служит эмпирическим материалом для наблюдений и выводов; если — стилистическое, то не обойтись без характеристики текстов, которые должны быть включены в поле зрения фонетиста. Ответом на первый вопрос можно считать следующее утверждение авторов БОС: «Данный словарь является нормативным, то есть в нем отражены особенности произношения и ударения, свойственные речи образованных людей нашего времени...» (с. 4) разных поколений. Формулировка «образованные люди нашего времени» нуждается в конкретизации хотя бы потому, что содержание понятия «носитель литературного языка» исторически изменчиво: на каждом конкретном этапе авторитетным признается произношение разных социокультурных групп. На протяжении длительного времени законодателем в произношении для культурных людей оставался театр, однако в последние десятилетия он утратил эту роль, а другого общезначимого авторитета в области культуры произношения не появилось [Панов 1990: 17]. Л. А. Вербицкая, подчеркивая, что при рассмотрении произносительной нормы

определить объект исследования весьма сложно, пишет: «по существу каждый ученый устанавливает его по-своему, иногда даже не сообщая о своем выборе читателю» [Вербицкая 2001: 28]. Хотя очертить круг образцовых носителей орфоэпической нормы в самом деле нелегко, имеет смысл вспомнить методологические установки, сформулированные в работах А. Едлички. Их суть заключается в том, что круг носителей литературной нормы «внутренне дифференцируется» и что «внутри активных пользователей, как правило, выделяется более узкая группа носителей, отношение которых к литературному языку как инструменту общения в общественной, культурной и политической сфере является профессиональным и во многих отношениях творческим; их влияние на образование нормы и преобразование нормы является определяющим» [Едличка 1988: 72]. Из этого вытекает, что для характеристики состояния и особенностей развития орфоэпической нормы большую роль играет произношение представителей речевых профессий и, в частности, журналистского сообщества. Поэтому для изучения современной нормы первостепенное значение имеют материалы массмедиа. Такого мнения придерживаются и ученые-стилисты, в частности, Г. Я. Солганик: «Если в XIX в. понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает язык СМИ» [Солганик 2012: 10].

Важной особенностью БОС в сопоставлении с академическими словарями предшествующего периода является соединение традиций и новаций. Следуя традиции, авторы указывают на то, что основное назначение орфоэпического словаря — «сообщать сведения о произношении и ударении слов современ-

ного русского литературного языка» (с. 4). В соответствии с этим ученые оставляют за рамками своего описания «информацию об образовании грамматических форм, кроме тех случаев, когда это необходимо для установления ударения» (там же). Бесспорно, что такое видение задач орфоэпического словаря, принятое в первом словаре орфоэпического типа [РЛУП], правомерно, поскольку анализ и осмысление словоизменительных характеристик слова составляет задачу другого раздела науки о языке. Вслед за А. А. Реформатским и М. В. Пановым авторы БОС относят к сфере орфоэпии лишь такие произносительные нормы, которые допускают вариантность в литературном языке (с. 938). Все учтенные в БОС орфоэпемы систематизированы в объемном теоретическом очерке «Орфоэпические правила» (с. 938—1000), который составляет основу описания орфоэпических особенностей конкретных слов в словарных статьях. На наш взгляд, современная орфоэпическая ситуация требует пересмотра способа описания некоторых произносительных особенностей. Среди таких случаев — слова с буквенным сочетанием чн. Все они, разумеется, включены в Словник, однако для данной орфоэпемы, нередко вызывающей затруднения даже у образованных носителей языка, это представляется недостаточным. Следовало бы представить полный перечень слов, где на месте чн обязателен, факультативен или допустим вариант с [шн], в соответствующем параграфе «Правил» (с. 987). Главным новшеством БОС является тенденция совместить решение нормативных задач с научным описанием орфоэпии современного литературного языка. Такой подход кажется в настоящее время весьма перспективным, однако он таит в себе и ряд опасностей. Так, обращение М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткина к достижениям

современного научного знания делает неизбежным использование лингвистической терминологии, в том числе узкоспециальной (фонема, орфоэпема, высокий стиль и др.). К сожалению, авторы БОС не всегда учитывают то, что жанр ортологического словаря предусматривает употребление такого метаязыка, который был бы доступен и понятен не только специалисту-филологу, но и обычному носителю языка. Еще одно замечание: стремление авторов БОС подробно охарактеризовать современную орфоэпическую реальность иногда приводит к ослаблению нормативной функции словаря — проще говоря, ожидаемое читателями предписание нередко заменяется описанием. Например, после прочтения словарной статьи «пятьдеся́т — $\Pi[u^e д'u^e]$ ся́т, в беглой речи обычно $\pi[u^eu^e]$ ся́т» (с. 7) остается ряд вопросов: законен ли вариант п[и^еи^е]ся́т вне беглой речи? «литературен» ли он при чтении новостей, для которых быстрый темп вполне обычное явление? какие еще факторы влияют на использование конкурирующих вариантов?

Наконец, принципиально новой чертой БОС является расширение круга описываемых явлений. Рецензируемый словарь выгодно отличается от своих предшественников тем, что в нем подлежат рассмотрению как орфоэпические варианты, отражающие социальные различия носителей языка, так и произносительные формы, связанные с различными речевыми ситуациями. Информация о вариантах, использование которых зависит от значения ситуативных переменных (речь идет об открытых еще Л. В. Щербой «объективно встречающихся в разных условиях формах: gavarít, gəvarít, gəлrít, gərít, grít и т. д.» [Щерба 1957: 21]), при лексикографической систематизации материала раньше оказывалась на втором плане. Созданный М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткиным словарь

радикально изменил ситуацию. Произносительные варианты с компрессией авторы БОС снабжают разными пометами: «абстракционизм — абстракц[ыа]низм, в беглой речи возможно абстрак-в беглой речи обычно ты[ш'ш']а» (c. 841); «театр — $[T'u^ea]$ тр *и допуст*. [т'атр]» (с. 822). И хотя предлагаемый способ их описания и квалификационные оценки представляются нам дискуссионными, необходимо особо подчеркнуть, что учеными сделан огромный шаг вперед, показывающий, что орфоэпическая реальность устроена намного сложнее, нежели это бывает представлено в нормативных источниках. Выбранный авторами БОС алгоритм описания форм типа чек (человек) оставляет без внимания некоторые важные свойства указанных форм, а именно то, что а) тенденцией к компрессии охватываются определенные категории слов; б) варианты с компрессией неоднородны в нормативном плане; в) один и тот же компрессированный вариант может восприниматься по-разному в зависимости от значения ситуативных переменных; г) употребление компрессивов (удельный вес и — главное — типы) в сфере общественно значимой коммуникации избирательно и не тождественно употреблению в сфере частно-бытового обиходного общения. Очевидно, что оценка нормативного статуса вариантов типа щас — это одна из актуальнейших проблем современной орфоэпии.

Что касается вариантов, связанных с факторами социального порядка, то их лексикографическое описание в БОС в общем и целом традиционно. Как и другие академические словари, БОС показывает, что нормативность не исключает наличия вариантов, которые могут быть равноправными и неравноправными. Другое дело, что и сам перечень помет, и их толкование несколько отличаются от принятых в других изда-

ниях. Очевидно, что используемая лексикографами помета «допустимо» (и ее варианты и допуст. старш., и допуст. младш., и допуст. устарелое) является одной из ключевых и в силу этого требует более развернутого объяснения. Попытаемся это показать на примере характеристики глагола *включить*, точнее, места ударения в формах будущего времени: включишь, включит, включим, включите, включат. Выбор примера не случаен. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда вопрос о границах литературной нормы вызывает бурные споры. В [ОСРЯ 1997: 68] личные формы глагола даются с ударением на окончании: «включить, ...включит, ...включённый, -ён, -ена». Что касается варианта с ударением на основе, то он характеризуется так: «! неправ. включит, включенный, -ен, -ена»; это означает, что подобное ударение противоречит сложившейся традиции. В БОС встречаем иные рекомендации: «включит и допуст. млад. включит; включённый; включён, включена, включено, включены и допуст. млад. включенный; включен, включена, включено, включены» (с. 85), которые указывают на то, что литературными считаются два варианта, однако — и это главное — они неравноправны. Предложенные авторами БОС кодификационные переоценки принимаются не всеми, и было бы интересно понять причины такого положения дел. На наш взгляд, это объясняется следующим. В фокусе внимания критиков новых нормативных оценок обычно оказывается тот компонент значения пометы «допустимо», который закрепляет идею правильности и литературности соответствующего варианта, а компонент значения, указывающий на периферийное положение того же самого варианта в пределах нормы, остается в тени. В этой связи уместно вспомнить, по каким соображениям была введена помета «допустимо». Во-

первых, говоря словами М. В. Панова, она «предостерегает от слишком категорических и крутых суждений. Она воплощает этическую сторону орфоэпии» [Панов 1979: 206]. Во-вторых, она дает возможность отразить в словаре переходные случаи и тем самым на практике реализовать представления о том, что «целью кодификации является раскрытие и фиксация синхронной динамики современной литературной нормы и тем самым создание условий, при которых кодификация не была бы тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы» [Едличка 1988: 68]. Как известно, изменение литературной нормы процесс сложный: «для большинства норм существует три основных этапа: а) старая норма активно сопротивляется проникновению новой нормы в литературный язык... б) новая норма получает такое распространение, что не признать за ней статуса нормативной невозможно; если оставить ее за пределами литературного языка, то круг носителей литературного языка оказался бы слишком узким; литературный язык перестал бы быть языком нации; поэтому в этот период возникает вариантность нормы: обычно на первом этапе этого периода старая норма признается основной, а новая — допустимой. На последующих этапах возможно равноправие вариантов норм... в) старая норма окончательно уходит из речевой практики» [КРР: 18—19]. Возвращаясь к приведенному примеру, можно сказать, что активность нового варианта включит в речи литературно говорящего социума вынуждает признать за ним статус литературного варианта, хотя, как показывают авторы БОС, и менее желательного для образцовых носителей языка. Не менее важно то, что случай с вариантами включит/включит обнажил проблемы, требующие дополнительного обдумывания. В их числе следующие: когда следует кодифицировать узуальную норму? кому принадлежит это право? какова роль лексикографа в таких случаях? как объективизировать нормативные оценки? В этой связи особого внимания заслуживают соображения, изложенные в коллективной монографии «Культура русской речи...», авторы которой призывают присмотреться к международному опыту и задуматься над созданием экспертной комиссии, которая будет способствовать «объективизации нормативных оценок» [Там же: 21].

Большую ценность представляют разделы «Орфоэпических правил» в БОС, посвященные произношению заимствованных слов, служебных морфем и отдельных грамматических форм (с. 988—993). Из этого очерка читатель сможет узнать, что орфоэпическая система русского литературного языка это сложнейший феномен, разные элементы которого требуют различного описания: одни могут быть охарактеризованы посредством общих правил чтения, другие подчиняются частным правилам, третьи должны быть представлены пословно. В следующем издании хотелось бы найти характеристику и других частных подсистем, таких как аббревиатуры инициального типа, мужские и женские отчества, имена собственные. Отсутствие информации об особенностях их устройства неминуемо приводит к ошибкам в узусе.

Актуальными представляются и все те данные, которые относятся к описанию ударения в подсистемах имен существительных, прилагательных, глаголов (с. 994—999). Интересна и полезна для читателя информация о побочном ударении (с. 99—1000). Изучение этого материала должно способствовать уменьшению неправильных вариантов, поскольку помогает распознавать потенциально сложные случаи. К сожалению, за рамками БОС остались

объяснения и комментарии, изложенные в работе [Каленчук, Касаткина 2007], где понятно и доступно излагаются сведения, позволяющие осмыслить причины отмечаемых в орфоэпической системе изменений и тенденции ее развития в последние десятилетия. А это во многих случаях дает ключ к пониманию тех рекомендаций, которые читатель находит в рецензируемом словаре.

В отдельных случаях нормативные оценки БОС представляются несколько категоричными. Например, для слов бухгалтер, бухгалтерия, бухгалтерша называется только один вариант со звуком [ү]. Однако известно, что с ним конкурирует и даже является господствующим произношение с [г]. Неужели в изучаемый период он вне рамок литературной нормы? Другой яркий пример — произношение слова обеспечение. В словарной статье приводятся два варианта («обеспечение! не рек. обеспечение» — с. 445), один из которых оценивается как нелитературный. Такой взгляд вызывает определенные сомнения, поскольку мониторинг речи образованных носителей языка указывает, что вариант обеспечение последовательно представлен только в речи журналистов, которые следуют предписаниям профессионально ориентированных словарей, всегда представляющих литературную норму одним вариантом. Показательно и то, что многие современные академические издания считают оба варианта правильными (например, [РОС: 462]), либо вариант обеспечение квалифицируют как допустимый [Еськова 2008: 256].

В заключение надо сказать, что новый академический орфоэпический словарь, представляющий упорядоченную и систематизированную сумму знаний об орфоэпической системе литературного языка и закономерностях, определяющих ее норму, является заметной вехой в развитии всех трех на-

правлений орфоэпии (теоретического, описательного и практического) и становится кодифицирующей базой для практических руководств и справочников по вопросам орфоэпии.

К сожалению, в рецензируемом источнике есть ряд погрешностей технического характера, которые должны быть устранены в следующем издании словаря. Кроме того, желательно было бы увидеть электронную версию БОС.

Литература

Аванесов 1950 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Учебное пособие для учительских институтов. М., 1950.

Вербицкая 2001 — Л. А. Вербицкая. Давайте говорить правильно. Пособие по русскому языку. М., 2001.

Едличка 1988 — А. Едличка. Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988. С. 135—149.

Еськова 1994, 2008 — Н. А. Еськова. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. 1-е изд. — М., 1994., 6-е изд., испр. — М., 2008.

Каленчук, Касаткина 2007 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации / Отв. ред. Г. Я. Солганик. М., 2007. С. 121—213.

КРР — Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев. М., 1996.

ОСРЯ 1983, 1997 — Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы /Авторы: С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. 1-е изд. — М., 1983. 6-е изд. — М., 1997.

Панов 1979 — М. В. Панов. Современный русский язык. — М., 1979.

Панов 1990 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

РЛУП — Русское литературное ударение и произношение. Опыт словарясправочника / Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955.

РОС — Русский орфографический словарь. / Отв. ред. В. В. Лопатин. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М., 2007.

Солганик 2012 — Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. М., 2012.

Щерба 1957 — Л. В. Щерба. О разных стилях произношения и об идеальном фоне-

тическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.

И. А. Вещикова I. A. Veschikova

 Московский
 Moscow State

 государственный
 University

 университет
 1/51 Leninskiye gory,

 119991, Москва,
 Moscow 119991,

 Ленинские горы,
 Russia

 д. 1, стр. 51

 Рецензия поступила
 Received on 06.06.2013.

 06.06.2013.
 06.06.2013.

Б. М. Клосс. О происхождении названия «Россия».

M.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — (Studia historica. Series minor). — 152 с.*

Новая книга известного российского историка, археографа и источниковеда. специалиста по русскому летописанию и агиографии Б. М. Клосса, как сообщает аннотация к ней, «представляет первое монографическое исследование, посвященное происхождению и бытованию термина "Россия" в русской письменности XIV—XVIII вв. (от первых упоминаний до официального названия государства)», — и это действительно так. В ней собран и проанализирован огромный фактический материал из 111 рукописных источников девяти древлехранилищ Москвы, С.-Петербурга, Ярославля и Сергиева Посада (именно столько значится в указателе шифров использованных рукописей). Предшественники Б. М. Клосса, всерьёз касавшиеся данной темы (А. В. Соловьёв, М. Н. Тихомиров, О. Н. Трубачёв, И. С. Улуханов) 1, ограничились лишь статьями относительно небольшого объёма. Что же касается освещения её в современной энциклопедической и учебной (как школьной, так и вузовской) литературе, то автором рецензируемой книги обнаружен поразительный факт: либо вопрос о происхождении имени России обходится молчанием (как, например, в первом

^{*} Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных — кандидатов наук МК-3307.2013.6, проект: «"Своя" и "чужая" этничность в русской лексике и фразеологии».

¹ [Соловьев 1947], [Тихомиров 1953], [Соловьев 1957] (при этом Б. М. Клоссу остался неизвестен расширенный французский вариант этой статьи, вышедший отдельной брошюрой: [Soloviev 1957]), [Трубачёв 2001]. Статья [Улуханов 2008], опубликованная в малотиражном сборнике, также не была учтена Б. М. Клоссом, хотя И. С. Улуханов был первым после А. В. Соловьёва, кто обратил внимание на самую раннюю славянскую фиксацию имени *Росия* в автографе митр. Киприана и даже перепечатал его снимок [Улуханов 2008: 167], опубликованный ранее в [Рук. собр. 1986: 105].

томе «Большой Российской энциклопедии» (2004), целиком посвящённом России $[14]^2$), либо авторы основываются на выводах М. Н. Тихомирова, которые, как пишет Б. М. Клосс, уже во многом устарели³, либо приводимые сведения и вовсе ошибочны, как, например, в широко известном словаре Ю. С. Степанова, в котором сообщается, что «[н]азвание Росия, Росея появляется не ранее 15 в. Отмечен также промежуточный, "гибридный" термин Русия в 16 в. Слова Росия, Великая Росия, Малая Росия, Росийское царство утверждаются в первой пол. 17 в. под влиянием византийских форм и становятся приметой "высокого стиля" языка высокой поэзии или языка канцелярии 4 .

Возражая на это, Б. М. Клосс и сам не избегает хронологической ошибки: «Автор совершенно не догадывается, когда же в русском языке появилось слово

Росия, кстати, слово Росея в XV веке не зафиксировано. Наоборот, термин Русия впервые отмечен не в XVI веке, а уже в XV столетии. Слова Росия, Великая Росия утверждаются не в первой половине XVII века, а достаточно широко — уже в XV веке и в начале XVI века» [13; разрядка наша — *А.* Г.]. По-видимому, Б. М. Клосс имеет здесь в виду, что форма Русия впервые отмечена в XV в. лишь в собственно русской письменности (самый ранний у него пример: «...в жалованных грамотах и в дипломатической переписке 1484—1490 годов титул Ивана III звучит как "великий князь всея Руси (Русии)"» [3-4]). Однако большое значение для истории этой формы имеет то обстоятельство, что в южнославянской книжности она отмечена на два столетия ранее. Об этом пишет А. В. Соловьёв, хотя приведенный им пример нельзя считать вполне надежным: «... в XIII в. появляется на Балканах новая форма русского имени, сочетавшая греко-латинское окончание со славянским корнем "рус". Это имя "Русия", впервые засвидетельствованное в письме деспота болгарского Якова Святослава русскому митрополиту Кириллу II в 1270 г., при посылке ему списка сербской Кормчей. В цветистом южнославянском стиле Кирилл назван здесь "протофроном", "архиепископом всея Руския земля", но и "учителем всеи Русии". Это удобное новообразование вошло постепенно в сербский и болгарский языки и осталось в них и по сейчас. В Москве оно стало входить в XIV в. в титул великих князей и митрополитов (позже патриархов) и осталось в нем до 1654 г.» [Соловьёв 1957: 141]. Возможно, Б. М. Клосс не принял в расчёт письмо Якова Святослава потому, что оно известно по списку XVI в., из-за чего И. С. Улуханов предположил, что, «скорее всего, эта форма внесена в список более поздними переписчика-

² Здесь и далее в квадратных скобках (без ссылки на авторство и год издания) указаны страницы рецензируемой книги.

³ Например: «Вызывает также недоумение тезис М. Н. Тихомирова, что термин "Россия" — "природно русский", что само название "Россия" (или "Росия") надо отнести к диалектологическим особенностям, существовавшим уже на северо-востоке Руси в XIV—XV веках» [9]. Однако недоумение должно рассеяться, если вспомнить, что статья М. Н. Тихомирова вышла в 1953 г. — на излёте кампании по «борьбе с космополитизмом».

⁴ [Степанов 1997: 509]. Б. М. Клосс цитирует 2-е издание (2001, с. 168—169), то же и в 3-м (2004, с. 168—169). Справедливости ради следует отметить, что эта ошибка принадлежит не самому Ю. С. Степанову, а Р. А. Агеевой, на которую он там же и ссылается ([Агеева 1990: 151—153]) и которая сама ссылается на статью [Соловьёв 1957] (то же дословно повторено и в её более поздней книге: [Она же, 2000: 270]).

ми», и датировал её появление лишь XV в., решив, что это некая «контаминированная форма Руссия (Русь + Россия)» [Улуханов 2008: 168—169]. Однако это не так: уже в XIII в. форма Русия в южнославянском узусе вполне обычна сохранилась доныне (сербохорв. Pусија и болг. Pусия), ср. другие примеры её употребления 5 : Бориса и Γ лъба. иже в Р8сии (месяцеслов болгарского Карпинского Евангелия XIII в., ГИМ, Хлуд., № 28, л. 162; цит. по [CK XIV: 572]), Фейсим игоумена Печерьскаго монастира вь Роусыи (сербский Уваровский Пролог XIII в., ГИМ, Увар., № 70, л. 246; цит. по [Павлова 2008: 203]), то же и позднее: Өеодwсика негоумена Печерьскаго моностыра в Р8ссии [уже с удвоением c!] (болгарский Пролог кон. XIII — нач. XIV в., ГИМ, Хлуд., № 191, л. 135), Стто ѿца Фейсим иже вь Роусии вь градъ Киквъ (сербское Четвероевангелие перв. пол. XVI в., РНБ, Гильф., № 5, л. 273) — цит. по [СК XIV: 650, 399]; памё првпобнаго біда нашего. Өефосик игоумена Печерскааго манастыры вь Роусии (Загребский Пролог кон. XIII нач. XIV в., HAZU III. с. 6, л. 196в); памё прабнаго юща ншто Өефосик игоумена Печерьскаго манастира вь Роусии (Берлинский Пролог XIV в., SBB, Wuk 38, л. 184 oб.), стою мнкоу Бориса и Глѣба иже в Роусии; стто wща Өефсиа Пещерскаго иже в Роусии градъ в Киевъ (Афон, Зогр. 16, сербское Четвероевангелие нач. XIV в.), Борисъ и Глѣбъ. иже въ Роусїи (Афон, Зогр. 21, македонское Четвероевангелие XIV в.) — цит. по [Павлова 2008: 203, 204, 32, 33]. Ещё несколько употреблений этой формы в южнославянских

церковных грамотах XVI в. приводится у Б. М. Клосса [72], однако её место среди именований Руси-России никак не комментируется. Возникает впечатление, что автор не видит существенной разницы между исконным термином Русь и новым образованием с тем же вокализмом, но с иным морфологическим оформлением. Замечание Б. М. Клосса о том, что в Сказании Авраамия Палицына «[с]лово "русский" используется лишь для обозначения "земли Русской", "руских изменников" и царского титула со словами "всея Русии"» [100], можно понять только так, что, по мнению автора, слова русский и Русия составляют некое единство, если не одно слово.

На самом деле форма Русия принципиально отличается от изначального имени Русь, её появление у южных славян — первый этап грецизации (менее возможно, но вовсе не исключено, что латинизации) формы Русь, зафиксированный в славянской письменности, на что обратил внимание О. Н. Трубачёв: «Перспектива у этих этнических плюралей [Russi, Ruzzi — A. Γ .] была одна — превращение в названия стран на -іа книжно-письменной, преимущественно латинской традиции средневековой Европы. Оттуда ведет свое начало название нашей страны в форме Russia, ограниченно проникшее и в нашу письменность...» [Трубачёв 2005: 229].

Переходя в главе первой «Древнейшие упоминания названия "Росия"» (раздел I: «Название "Росия" в источниках XIV—XV веков») к формам с вокализмом о, Б. М. Клосс подробно рассматривает текст, в котором впервые фиксируется название *Росия*, однако здесь он совершает досадный лингвистический ляпсус. Речь идет об автографе митр. Киприана, который, переписав в Студийском монастыре Константинополя славянский перевод «Лествицы» прп. Иоанна Синаита, 24 апреля 6895 (1387) года назвал себя в ко-

⁵ Все приведённые ниже примеры из «Сводного каталога» и книги Р. Павловой специально для нас подобраны Д. В. Каштановым, за что мы выражаем ему самую искреннюю признательность.

лофоне «митрополи́то кы́евскымъ ѝ всеа р́ w с ї́ а 6 » (РГБ, ф. 173.І, № 152, л. 279 об.) 7 . Из этой приписки Б. М. Клосс делает два совершенно неожиданных для историка языка вывода: во-первых, оказывается, что слово *Росия*, звучавшее перед этим только по-гречески, впервые записано здесь «на русском языке» [25—26]; во-вторых, форма Рweïa расценена как несклоняемая 8 .

Назвать язык и переписанной митр. Киприаном «Лествицы», и его собственной приписки русским довольно трудно. Мало того, что рукопись принадлежит к среднеболгарскому языковому изводу, а «[п]о редакции перевода Киприановская Лествица относится к тем спискам, которые восходят к переводу, осуществленному старцем Иоанном на Афоне в лавре св. Афанасия в перв. пол. XIV в. "изъ гръчьскы въ блъгарскыи... азыкъ"» [СК XIV: 542], так и сам митр. Киприан был болгарином или сербом и вряд ли в 1387 г. уже достаточно хорошо владел русским изводом церковнославянского — в любом случае никак не русского! — языка, да и сомнительно, чтобы это владение было ему необходимо. Кстати говоря, именно «Лествица» принадлежит к тем славянским переводным книгам, к которым в первую очередь потребовались на Руси в XV в. (а возможно, уже в XIV в.) толкования на более или менее русифицированном языке.

Показавшееся Б. М. Клоссу несклоняемым слово Рwcïa — в действительности нормальное для кон. XIV в. ц.слав. написание род. п. ед. ч. сущ. с основой на -а мягкой разновидности (собственно вост.-слав. форма была бы здесь *все* рwсіть), ср. аналогичные формы в той же «Лествице»: 108 об. ѿ келїа, 111 об. йс келїа, 163 об. йз келїа; 270 оу прѣмждраго сждїа; 275 об. ѿ земла, 278 по побъдъ тъла и д8ха и діїа; и др., — форма же род. п. на -и (совр. ц.-слав. всей рмссі́и) возобладала гораздо позднее. Более того, в орфографической системе, которой следует Киприан, написание Рwcïa и не может быть интерпретировано иначе, чем род. п. ед. ч.: именительный падеж ед. ч. имел бы окончание -а (ср. 112 об. Третїа на десатаа побѣда).

В начале первой главы рецензируемой книги автор поддерживает одну из самых сомнительных версий происхождения имени «народа Рос» (а не имени Русь!), вовсе не упоминая о том, что его этимология до сих пор представляет собой серьёзную научную проблему и обросла множеством гипотез: скандинавской, несколькими славянскими, готской, кельтской, иранской и даже индоарийской 9, — однако Б. М. Клосс тут никакой проблемы не видит и ни-

⁶ Акцентный знак (оксия) в слове Рwcïa читается ненадёжно, в чём может убедиться любой читатель, заглянув в электронную фотокопию рукописи на сайте Троице-Сергиевой лавры: http://old.stsl.ru/manuscripts.

⁷ Б. М. Клосс приводит цитату в упрощенной орфографии: «... митрополитом Кыевским и всея Росия». Как станет ясно из нижеследующего, в данном случае игнорировать орфографию оригинала недопустимо.

 $^{^8}$ «Несклоняемость формы "Росия" в данном случае означает, что это была калька с греческого языка» [26], — и даётся отсылка к А. В. Соловьёву, который в соответствующем месте писал о несклоняемости лишь формы 'Р $\ddot{\omega}$ ç: «... это имя собирательное обозначает племя, народ и остается несклоняемым, сочетаясь со множественным числом» [Соловьев 1957: 136]. Греч. 'Р ω σ $(\alpha$, конечно же, склоняется.

⁹ См. пространный обзор различных версий в комментарии Е. А. Мельниковой и др. к упоминанию о «росах» в сочинении Константина Багрянородного [Литаврин, Новосельцев 1991: 293—307], а также более сжатый: [Кулешов 2009].

чтоже сумняся ссылается на Б. А. Рыбакова [25], который уверенно «решил» проблему происхождения Руси так: «Племя росов, или русов, было частью славянского массива в первые века нашей эры. Имя росов связано с рекой Росью, притоком Среднего Днепра» [Рыбаков 1982: 90], — причём без единой ссылки на труды языковедов. Этимологические и историографические фантазии Б. А. Рыбакова о древнейшем периоде русской истории неоднократно подвергались критике 10, и даже в предпринятой недавно попытке реабилитировать одну из славянских этимологий имени русь возведение его напрямую к гидрониму P_{bcb} отвергается 11 .

В главе второй «Кремлевский скрипторий XV — начала XVI века» (того же раздела) приводится ещё несколько написаний слова *Pocus* (*Pocua*),

 $^{10}\,{
m B}\,$ частности, о связи имени *русь* с гидронимом Рось (точнее — Ръсь): «Этимологическая независимость корней "рус-" и "ръс-", а также их довольно строгая пространственная дистрибуция для древнейшего слоя гидронимов (Руса и производные на севере Восточной Европы / Ръсь и производные на юге) свидетельствуют против "среднеднепровской" гипотезы происхождения названия "русь" (...) Не подтверждается эта гипотеза и археологическим материалом» [Литаврин, Новосельцев 1991: 301]; об истоках рыбаковской концепции: «Рыбаков с присущим ему пылом и красноречием взялся обосновывать появившийся задолго до него, еще в трудах Д. И. Иловайского, М. С. Грушевского и др., тезис о южном происхождении термина "Русь". В период "борьбы с космополитизмом" этот весьма шаткий по многим мотивам тезис стал практически одним из главных постулатов в борьбе с "космополитами"» [Новосельцев 1993: 23].

11 [Максимович 2006: 50]. Критике К. А. Максимовича большей частью посвящена статья [Кулешов 2009].

обнаруженных автором в книгах, созданных в великокняжеском скриптории, который около 1485 г. «находился в церкви великомученика Никиты, в "застенке" Архангельского собора» [45], и именно на подробном описании этих рукописей Б. М. Клосс и останавливается, так что вопрос об употреблении имени Росия отодвигается на второй план. Здесь автор выступает прежде всего как дотошный археограф, выявляя количество почерков в рассматриваемых рукописях, атрибутируя выделенные почерки уже известным писцам, а также проводя датировку по филиграням. Среди этих рукописей — сборник библейских книг (РГБ, **d**. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 1), который Б. М. Клосс достаточно узко датирует 1481—1484 гг. [36], но при этом явно переоценивает его в истории славянской Библии, называя данную рукопись «полной (до-геннадиевской)» Библией [131]. В другом месте автор высказался чуть осторожнее, хотя и не без сильных натяжек: «По существу сборник Унд., № 1 представляет собой первую попытку собрать в единый компендиум все существовавшие тогда на Руси библейские книги (но без текстов латинской Вульгаты), осуществленную задолго до составления Геннадиевской библии» [33]¹

К основной теме книги в этой главе имеет отношение только один тезис — о том, что после падения Византийской империи термин «Росия» был перенесен из церковной в светскую титулатуру [30]. В «Заключении» этот тезис развит в некоем палеопсихологическом

¹² На самом деле о попытке создать полный библейский свод в данном случае не может идти и речи, поскольку в ней почти отсутствуют новозаветные тексты (за исключением Апокалипсиса), да и ветхозаветные представлены здесь далеко не в полном составе: отсутствуют переводы не только из Вульгаты, но и Пророков и Псалтыри.

ключе: «В сознании московских дьяков термин "Росия" теперь стал применяться в титулах не только архиереев, но и светских правителей (великих князей Ивана III и Ивана Ивановича Молодого)» [131; разрядка наша — A. Γ .].

Подобным же образом — т. е. с использованием слова Росия и его производных преимущественно в качестве повода для археографических штудий — написана и следующая, третья, глава «Употребление термина "Росия" в начале XVI века» (раздел II: «Новые формы русского имени в письменности XVI века»): основная её часть посвящена творчеству Досифея Топоркова, книжника круга Иосифа Волоцкого, чьему стилю, по мнению Б. М. Клосса, присуще особое пристрастие к имени Росия и его деривату росийскый (а также стяжённых форм на росиск-), который с этого времени начинает своё стилистическое соперничество с традиционным атрибутом русский, что весьма интересно для историка языка (но на этом, впрочем, автор не делает никакого акцента).

Самые ранние примеры употребления слова российский — в Сокращённой редакции Жития преп. Пафнутия Боровского, которую Б. М. Клосс атрибутирует именно Досифею, а старший её список (Гос. архив Ярославской обл., № 446) датирует 1506—1510 гг. [57-61]: «Безбожный царь Батый грех ради наших въ ярости Господня [sic! — A. Γ .] попущень бысть на Росийскый островъ» (л. 299 об.) [59; выделено автором]. В качестве более раннего употребления данного относительного прилагательного [СлРЯ XI—XVII, вып. 22: 218] автор приводит цитату из послания Иосифа Волоцкого брату Вассиану (1493-1494 гг.), однако чтение «в Росийской земли» в нём более позднее, середины XVI в., «сравнение же с аналогичной фразой из Сказания о новоявившейся ереси, известного по более ранним спискам, дает чтение "Руской земли"...» [56].

Больший интерес вызывают главы четвёртая «Великая Русь — Великая Россия: эволюция термина» и пятая «"Россияне" в русской литературе XVI–XVIII веков» (того же раздела), посвященные возникновению в русской письменности двух значимых в современной культуре наименований: Великая Россия и россияне. Как известно, сочетание великая Русь встречается и в русских, и в иноязычных источниках начиная с XII в., еще до фактического разделения Руси на Великую и Малую: это и «с Русьске стороне велиции» в Сказании о Борисе и Глебе, и «Roussie la large» в старофранцузском романе о Фульке из Кандии или «Roussie le grant» в другом романе — о Бэве из Антона [Lozinskij 1929: 76, 87]. Как показывает Б. М. Клосс, греческие церковные иерархи начинают употреблять на-Великая Русия (используя южнославянскую форму) по отношению к Московскому государству в самом начале XVI в., а чуть позже бывший митрополит Спиридон-Савва вводит в широкое употребление внешне более грецизированный термин Великая Росиа — в своем послании, в составлении которого участвовал Максим Грек (Б. М. Клосс датирует это послание 1519—1521 гг. [72—73, также примеч. 65 на с. 89-90]). Тот же Максим Грек в 1524 г. впервые употребил слово россияне:

Мӑѯй йн $\ddot{ b}$ стогор $\ddot{ c}$ $\ddot{ c}$ сщнай обители ватоп $\ddot{ c}$ скій, вс $\ddot{ c}$ прочитати йм $\dot{ b}$ ющ $\ddot{ c}$ сще ннc біолюбе $\ddot{ c}$ ньc срб $\ddot{ b}$ й б $\ddot{ b}$ гар $\ddot{ b}$ р $\ddot{ b}$ гі $\ddot{ b}$ гі $\ddot{ c}$ гі $\ddot{ c}$

(послесловие к Беседам Иоанна Златоуста на Евангелия, РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 920, 334 об. $_{12-13}$)

Самое раннее употребление этого слова в СлРЯ XI—XVII вв. датируется

ста двадцатью годами позднее 13 , так что приведённый выше контекст (выверенный нами по рукописи) — важная находка Б. М. Клосса. Примечательно, что первым автором, у которого фиксируется слово росїане, был именно грек. Хотя в славянском также широко представлены названия жителей с общеиндоевропейским суффиксом *jān- (или $*\bar{e}n$ -) 14 , форма *росїане* выглядит скорее как грецизм: ср. такие образования, как Вοσποριανοί (< Βόσπορος, наряду с Βοσπορίται), Άσιανοί (< Άσία), Σαρδιανοί (< Σάρδεις), Βακτριανοί (< Βακτριανή < Βάκτρα), Πομπηιανοί (< Πομπηΐα) и т. п., — но ожидаемая форма * Рωσιανοί из источников неизвестна.

Другие собранные Б. М. Клоссом примеры употребления слова *россияне* в XVI—XVIII вв. также не были до сих пор известны исследователям. К ним можно добавить ещё одно важное иностранное свидетельство, в котором,

возможно, под влиянием сообщения Сигизмунда Герберштейна ¹⁵, зафиксирована бытовавшая в XVI в. народная этимология этого слова, переосмысленного как страдательное причастие, — в первой словенской грамматике Адама Бохорича, изданной на латыни в 1584 Γ.: «Ruteni seu potius Rußi, volunt, quasi Rossojeni, id est, dissemin a t i, dici (= Рутены, или, лучше, руссы, желают именоваться как бы "Rossojeni", то есть "рассеянные")» 16. Народноэтимологическая интерпретация начального рос- как приставки подтверждается гиперкорректными написаниями «розсїанинъ», «розсїистіи» во втором почерке Каталога митрополитов Киевских (РНБ, СПбДА, № 319, нач. XVIII в., л. 7 об.27, 9 об.24).

Именно это произведение не было опознано Б. М. Клоссом при упоминании им некоего «Каталога Российских архиереев» нач. XVIII в. (ГИМ, Син., № 123), который в действительности представляет собой сборник из нескольких однотипных памятников: первым (лл. 1—27 об.) идёт указанный Каталог митрополитов Киевских, атрибутированный митр. Евгением (Болховитиновым) Димитрию Ростовскому [Болховитинов 1827: 129] и изданный с прибавлениями и продолжением, но без указания авторства В. Г. Рубаном [Роспись: 54—108]; второй (лл. 28—52 об.) -

¹³ В «Послании великого господина святейшего Иосифа патриарха московского и всеа Русии к королеву сыну Валдемару графу» (1644, гл. X), написанном Иваном Наседкой [СлРЯ XI—XVII, вып. 22: 218].

¹⁴ См. обзор всех реконструкций в [Трубачёв 1982: 4—6]. Ср. там же: «Производные с формантом -епіпъ, *-јапіпъ в славянских языках представляют собой открытый ряд и, можно сказать, неисчислимы теперь по своей продуктивности» (с. 3). Привлекаемые нами греч. формы там не приводятся, да и с точки зрения строгого сравнительно-исторического словообразования они в целом не очень надёжно связаны с аналогичными славянскими, поскольку в них представлено разное морфемное членение (иота может относиться как к основе, так и к отдельному форманту -ίαν). При этом в синхронном отношении, на уровне межъязыковых сопоставлений, как они могли видеться самим носителям греческого и славянского языков, эти названия жителей вполне вписываются в единый ряд.

¹⁵ Оно приводится у Б. М. Клосса также как пример народноэтимологического осмысления просторечной формы *Росея*: «Сами же московиты... уверяют, будто их страна изначально называлась "Россея" (Rosseia), а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь "Россея" на русском языке и значит "разбросанность" или "рассеянность"» [83].

 $^{^{16}}$ Цит. по: [Русско-слов. отношения: 55, 56]; разрядка наша — A. Γ . За указание на этот замечательный пример благодарим Ф. Б. Успенского.

«Вы́писка из подлинниковъ о бытности Црей греческихъ ѝ Россійскихъ. й Патріарховъ цреградскихъ й Россійскихъ. ѝ Кїевскихъ митрополитовъ», состоящая из восьми «граней»; третий (лл. 55—77) — т. н. Московский каталог («Кwтоло́гъ Архїере́євъ Россійскїихъ»), также приписываемый иногда Димитрию (в чём митр. Евгений выразил сомнение ¹⁷); четвёртый — «Бытности» архиереев различных русских областей и городов и настоятелей крупнейших монастырей (лл. 78-190); пятый (лл. 192—203 об.) — «Степе́ни россійскй архії ре́евъ»; последний (лл. 204– 205 об.) — «Чи́нъ архїере́евъ роси́ский имът бы посемв». Каталог митрополитов Киевских — яркий образец текста переходной эпохи, в котором сосуществуют и старые и новые формы для обозначения Руси-России, её народа, а также соответствующие дериваты от них, причём их вариативность наблюдается и между разными списками данного памятника, до сих пор практически не изученного. Б. М. Клосс приводит из него цитату («крещенї ради россїанъ» 1₂₀), в которой выделенное слово в действительности написано более жирно поверх какого-то иного. В авторизованном, а потому более надёжном, списке Киевского каталога (из личной библиотеки свт. Димитрия: ГИМ, Син., № 139) на этом месте читается «россовъ» (172₁₆), то же — в издании В. Г. Рубана [Роспись: 54] и в списке РНБ, СПбДА, № 319, 1 об.4. Таким образом, перед нами ещё одно книжное наименование русских, появившееся, по-видимому, во 2-й пол. XVII в 18 .

В главе шестой «Диалектизмы в написании названия "Россия"» (тот же раздел II) собраны примеры употребления форм с великорусским переходом -иj- в -ej-, самый ранний из них в собственно славянских текстах фиксируется в переделанном в сер. XVI в. писцами Великих Миней Четьих послании старца Филофея, где Московское государство названо «Росеским царством» [83]. К сожалению, Б. М. Клосс не обратил внимания на то, что в подобных написаниях используется буква «ять» (в его цитатах орфография упрощена донельзя, так что нам пришлось в очередной раз перепроверять их по рукописям): Праващаг | скипетръ великаго рос в искаго црыства, Блгов врнаго цра и великаги | кнза фейдора ивановича всем р8 сїй самодержца. (Мерило праведное 1587 г., ГИМ, Син., № 524, 4294-8); всей великій рос в а (Псалтырь 1587 г., РГБ, ф. 98 (собр. Е. Е. Егорова), № 453, 637 об.₂₁); При блїочти́въмъ цръ й великомъ кнът | фейдоръ ивановичь всем великій росым Ігдра й самодрѣца (Пролог 1590 г., РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 323, 395 об.₅₋₇). Для историка языка проигнорированный Б. М. Клоссом «ять» небезразличен при интерпретации перехода -иј- в -еј-, особенно в книжных словах.

Глава седьмая «Название "Росия" в литературе первой половины XVII века» (в последнем разделе III: «Употребление названия "Россия" в XVII — начале XVIII века») так же, как и некоторые предыдущие, далеко отрывается от основной темы книги и посвящена в основном сочинениям патр. Иова и книжников Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, Симона Азарьина, а также пис-

 $^{^{17}}$ [Болховитинов 1827: 133]; ср. его отдельный, явно более поздний, список — РГБ, ф. 173.I, № 122.

¹⁸ Датировка требует уточнения. Самый ранний из известных нам примеров приведён у Б. М. Клосса: это стихотворение Симеона Полоцкого «Орел Российский» 1667 г.

^{[118—119].} Самый ранний в [СлРЯ XI—XVII, вып. 22: 217] — из Букваря Кариона Истомина 1696 г.

цам Троицкого скриптория, которые названы поименно и охарактеризованы. Действительно, многие из них использовали, по выражению Б. М. Клосса, «"российскую" терминологию», но, как он же и установил, к началу XVII в. она была уже вполне обычна. Новым же было появление двух языковых единиц: прилагательного всероссийский (первое зафиксированное употребление - в отписке боярина Фёдора Шереметева, посланной в 1608 г. царю Василию Шуйскому [95]) и словосочетания Святая Росия (в заглавии выписок из Святцев Симона Азарьина 1654 г.: РГБ, ф. 173.І, № 201, 302 [109]), известного позднее в виде фольклорного Святая Русь.

Основное содержание главы восьмой, заключительной, «Название "Россия" в государственной титулатуре середины XVII — начала XVIII века» сводится к двум вопросам: изменению царского и патриаршего титулов от всея Русии к всея Великия и Малыя Росии (после 1654 г.) и всея Великия и Малыя и Белыя Росии (после 1655 г.); появлению формы Россия (с удвоенной буквой «с»). И вновь наблюдения Б. М. Клосса, особенно над второй проблемой, довольно важны и прекрасно фундированы. В частности, он устанавливает, что «в государственном делопроизводстве до конца XVII в. название Росия пишется по греческому образцу с одним "с", а Московский Печатный двор, начиная с апреля 1654 г., последовательно придерживался написания Россия с двумя "c"» [115], и что «[р]азнобой в написании слова "Россия" закончился лишь в 1721 г.: после принятия Петром I титула императора "Всероссийского" название "Россия" (с двумя "с") стало господствующим» [123; выделение авторское]. Однако отмеченное Б. М. Клоссом орфографическое варьирование Росия vs. Россия в кон. XVII — нач. XVIII вв. обычно даже в пределах одного текста (помимо старопечатного Пролога 1696 г., на который ссылается автор, то же явление наблюдается, например, в Каталоге митрополитов Киевских): это вовсе не «курьёз», как показалось автору рецензируемой книги [119], а нормальная для данного периода нестабильность орфографического узуса. «Удвоение -ss- как позднелатинский способ нейтрализации озвончения интервокального -s-» [Трубачёв 2005: 230] Б. М. Клосс совершенно справедливо связывает с книжниками Юго-Западной Руси, находя его (вслед за М. А. Максимовичем) в памятниках кон. XVI в., созданных «на землях Киевской митрополии — зоне смешанного влияния славянского и латинского языков» [117]. Пока остаётся неясным, из какой латинской формы (при стандартном Russia и, видимо, более редком Rossia) возникло славянское написание с удвоенной «с».

В один ряд с сущ. Россия и его производным российский Б. М. Клосс ставит и прилагательное росский (в печатном Анфологионе 1619 г., Лексиконе Берынды и других памятниках) [118], видимо, считая, что и в нем двойное «с» объясняется теми же процессами. Это сомнительно: данное прилагательное, скорее всего, образовано от этнонима россы, по-видимому, изначально имевшего в основе двойную «с», но вторая «с» также вполне естественно может быть отнесена и к суффиксу $-c\kappa$ -, при основе poc-, заимствованной из греч. 'Р $\widetilde{\omega}$ ς.

Хотя в целом в книге Б. М. Клосса уделяется большое внимание орфографическим «мелочам», некоторые из них проигнорированы. Так, из-за упрощения орфографии, нецелесообразного при исследовании имён собственных, остаётся неясным распределение форм на рwc- и рос-: на первый взгляд, кажется, что оно хаотично (при преобладании более «правильной» рwc-), однако поставить точку в этом вопросе воз-

можно только при повторном обращении к южно- и восточнославянским источникам, а вся проделанная Б. М. Клоссом источниковедческая работа — без преувеличений колоссальная — для данной конкретной проблемы, возможно, и не вполне формальной, увы, пропала втуне.

Самое же большое упущение Б. М. Клосса — пренебрежение акцентуацией слова Poc(c)ия и его дериватов. Место ударения в них варьируется в пределах основы, ср. данные словаря А. А. Зализняка (росию, россія, рюссіи) [Зализняк 2011: 317] и начальное ударения в ряде примеров из книги Б. М. Клосса, проверенных нами по рукописям: всем рюсїм bis, всем рюсїа (РГБ, ф. 228 (собр. Д. В. Пискарёва), № 162, Еллинский летописец второго вида 1485 г., 420); григорїа архїєпіва росїнскаго (РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 1157, Сборник 1450-х гг., 96); ещё один пример, из списка Киевского каталога, не попавшего в поле зрения Б. М. Клосса: ѝ бы ша два митрополиты въ рбсеїи» (РНБ, СПбДА, № 319, 14 об.)

Объяснений начальному ударению может быть только два: 1) акцент проставлен формально, а возможно, и случайно или 2) акцент отражает реальное ударение, смещённое к началу под латинским влиянием, поскольку в латыни произношение на греч. манер ?Rossía было запрещено общим правилом постановки ударения. О том, что в средневековой латыни было именно Róssia, свидетельствует, например, большая распространённость польской формы Rosja, а не Rosyja, которую, видимо, следует признать русизмом 1 [']. В этнониме poc(c)ияне / pyc(c)ияне до 1760-х гг. (по данным Акцентологического подкорпуса НКРЯ) ударение находится на один слог ближе к началу по сравнению с современным, т. е. только россияне 20 . Встречаются и другие места ударения, в т. ч. в альтернативных наименованиях (возможно, ошибочно): «р&ссіанинъ» (Каталог митрополитов Киевских, ГИМ, Син., № 123, 6, 13 об.), «рюссьне» (Летописание краткое нач. XVIII в. предположительно свт. Димитрия Ростовского, РНБ, СПбДА, № 251, 12 об.; в другом списке без акцента: росьне, ГИМ, Син., № 139, 117е2).

В заключение столь объёмного отзыва мы бы хотели пожелать тем историкамнелингвистам, которые будут в дальнейшем браться за проблемы истории слов, более внимательно относиться к орфографическим «мелочам»: пусть сами лингвисты, оценив представленный материал, решат, насколько важны эти «мелочи». Так, полностью опустив в своей книге акцентуацию имени Россия и его производных, Б. М. Клосс лишил их возможности оценить её как маркер межъязыковых и межкультурных контактов, вовсе не безразличных и для специалистов по социально-политической истории. Впрочем, это не умаляет той кропотливой источниковедческой работы, которая была проделана автором и которая вполне заслуживает благодарности, ибо без неё лингвистические исследования оказались бы ещё более затруднены.

Литература

Агеева 1990 — Р. А. А г е е в а. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. Агеева 2000 — Р. А. А г е е в а. Какого

мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.

Болховитиновъ 1827 — (Евгеній (Болховитиновъ), митр. Кіевскій и Галицкій). Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго

¹⁹ Например, она отмечена у Адама Мицкевича в [Górski, Hrabec 1971: 400—401].

²⁰ Ср. также [Зализняк, там же].

чина Греко-Россійской Церкви. Изд. 2-е, испр. и умнож. Т. І. СПб., 1827.

Зализняк 2011 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. II: Древнерусский и старорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.). М., 2011.

Кулешов 2009 — Вяч. С. Кулешов. Коценке достоверности этимологий слова *русь* // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы междунар. конф. (= Труды Государственного Эрмитажа, XLIX). СПб., 2009. С. 441—459.

Литаврин, Новосельцев 1991 — Константин Багрянородный. Об управлении империей: текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. 2-е изд., испр. М., 1991.

Максимович 2006 — К. А. Максимович ов ич. Происхождение этнонима *Русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И. С. Чичурова. М., 2006. С. 14—56.

Новосельцев 1993 — А. П. Новосельцев. «Мир истории» или миф истории // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 23—32.

Павлова 2008 — Р. Павлова. Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008

Роспись — Роспись Митрополитовъ Кіевскихъ, съ краткимъ лѣтописаніемъ // Московскій любопытный мѣсяцесловъ на 1776 годъ, и на все высокосныя лѣта... издалъ въ свѣтъ В. Г. Рубанъ. М., Б. г. С. 54—108.

Рук. собр. 1986 — Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Указатель. Т. І, Вып. 2. М., 1986

Русско-слов. отношения — Русско-словенские отношения в документах. XII в. — 1914 г. М., 2010.

Рыбаков 1982 — Б. А. Р ы б а к о в. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

СК XIV — Сводный каталог славянорусских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV век. Вып. 1. М., 2002.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—29. М., 1975—2011.

Соловьев 1947 — А. В. Соловьев. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24—38.

Соловьев 1957 — А. В. Соловьев. Византийское имя России // Византийский временник. Т. XII. 1957. С. 134—155.

Степанов 1997 (2001, 2004) — Ю. С. Степанов. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 2-е изд.: М., 2001. 3-е изд.: М., 2004.

Тихомиров 1953 — М. Н. Тихомиров. О происхождении названия «Россия» // Вопросы истории. 1953. № 11. С. 93—96 (перепечатано: *Он жее*. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 11—17).

Трубачёв 1982 — О. Н. Трубачёв. Из исследований по славянскому словообразованию: генезис модели на *-ěninъ*, **-janinъ* // Этимология. 1980. М., 1982. С. 3—15.

Трубачёв 2001 (2005) — О. Н. Т р у б а - ч ё в. Русский — российский: История двух атрибутов нации // Е. Р. Дашкова и российское общество XVIII столетия. М., 2001. С. 12—21. (Перепечатано с расширенным подзаголовком «История, динамика, идеология двух атрибутов нации»: Он жее. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд., доп. М., 2005. С. 225—236).

Улуханов 2008 — И. С. Улуханов и «Россия» в письменности Древней Руси // Русское слово в русском мире — 2008: Россия и русские в восприятии инокультурной языковой личности: Сб. / Под ред. И. В. Ружицкого, Ю. Н. Караулова, О. В. Евтушенко. М., 2008. С. 158—175.

Górski, Hrabec 1971 — Słownik języka Adama Mickiewicza / Red. K. Górski, S. Hrabec. T. VII. Wrocław, 1971.

Lozinskij 1929 — G. Lozinskij. La Russie dans la littérature française du Moyen

Âge: le pays // Revue des études slaves. Paris, 1929. № 9. P. 71—88.

Soloviev 1957 — A. V. S o l o v i e v. Le nom byzantine de la Russie (= Musagetes: Contributions to the history of Slavic literature and culture, ed. by D. Čizevskij. III). 's-Gravenhage, 1957.

References

Ageyeva 1990 — R. A. Ageyeva. Strany i narody: Proiskhozhdeniye nazvaniy. M., 1990.

Ageyeva 2000 — R. A. Ageyeva. Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sudby. Slovar-spravochnik. M., 2000.

Bolkhovitinov 1827 — 〈Evgeniy (Bolkhovitinov), mitr. Kievskiy i Galickiy〉. Slovar istoricheskiy o byvshikh v Rossii pisatelyakh dukhovnago china Greko-Rossiyskoy Cerkvi. Izd. 2-e, ispr. i umnozh. T. I. SPb., 1827.

Górski, Hrabec 1971 — Słownik języka Adama Mickiewicza / Red. K. Górski, S. Hrabec. T. VII. Wrocław, 1971.

Kuleshov 2009 — Vyach. S. K u l e s h o v. K ocenke dostovernosti etimologiy slova *rus* // Slozheniye russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo Sveta. Materialy mezhdunar. konf. (= Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha, XLIX). Sankt-Peterburg, 2009. S. 441—459.

Litavrin, Novoselcev 1991 — Konstantin Bagryanorodnyy. Ob upravlenii imperiyey: tekst, per., komment. / Pod red. G. G. Litavrina, A. P. Novoselceva. 2-e izd., ispr. Moskva, 1991.

Lozinskij 1929 — G. Lozinskij. La Russie dans la littérature française du Moyen Âge: le pays // Revue des études slaves. Paris, 1929. № 9. P. 71—88.

Maksimovich 2006 — K. A. Maksi-movich. Proiskhozhdeniye etnonima *Rus* v svete istoricheskoy lingvistiki i drevneyshikh pismennykh istochnikov // ΚΑΝΙΣΚΙΟΝ. Yubileynyy sbornik v chest 60-letiya prof. I. S. Chichurova. Moskva, 2006. S. 14—56.

Novoselcev 1993 — A. P. Novoselcev. «Mir istorii» ili mif istorii // Voprosy istorii. 1993. № 1. S. 23—32.

Pavlova 2008 — R. Pavlova. Vostochnoslavyanskiye svyatyye v yuzhnoslavyanskoy pismennosti XIII—XIV vv. Halle (Saale), 2008.

Rospis — Rospis Mitropolitov Kievskikh, s kratkim lětopisaniem // Moskovskiy lyubopytnyy měsyaceslov na 1776 god, i na vse vysokosnyya lěta... izdal v svět V. G. Ruban. Moskva, B. g. S. 54—108.

Ruk. sobr. 1986 — Rukopisnyye sobraniya Gosudarstvennoy biblioteki SSSR im. V. I. Lenina. Ukazatel. T. I. Vyp. 2. Moskva, 1986.

Russko-slov. otnosheniya — Russko-slovenskiye otnosheniya v dokumentakh. XII v. — 1914 g. Moskva, 2010.

Rybakov 1982 — B. A. R y b a k o v. Kievskaya Rus i russkiye knyazhestva XII—XIII vv. Moskva, 1982.

SK XIV — Svodnyy katalog slavyanorusskikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV vek. Vyp. 1. Moskva, 2002.

SIRYa XI—XVII — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 1—29. Moskva, 1975—2011.

Soloviev 1957 — A. V. Soloviev. Le nom byzantine de la Russie (= Musagetes: Contributions to the history of Slavic literature and culture, ed. by D. Čizevskij. III). 's-Gravenhage, 1957.

Solovyev 1947 — A. V. Solovyev. Velikaya, Malaya i Belaya Rus // Voprosy istorii. 1947. № 7. S. 24—38.

Solovyev 1957 — A. V. Solovyev. Vizantiyskoye imya Rossii // Vizantiyskiy vremennik. T. XII. 1957. S. 134—155.

Stepanov 1997 (2001, 2004) — Yu. S. S t ep a n o v. Konstanty. Slovar russkoy kultury. Opyt issledovaniya. Moskva, 1997. 2-e izd.: Moskva, 2001. 3-e izd.: Moskva, 2004.

Tikhomirov 1953 — M. N. Tikhomirov 1953 — M. N. Tikhomirov O proiskhozhdenii nazvaniya «Rossiya» // Voprosy istorii. 1953. № 11. S. 93—96 (perepechatano: On zhe. Rossiyskoye gosudarstvo XV—XVII vekov. Moskva, 1973. S. 11—17).

Trubachev 1982 — O. N. Trubachev Lz issledovaniy po slavyanskomu slovoobrazovaniyu: genezis modeli na -*ěnin*, *-*janin* // Etimologiya. 1980. Moskva, 1982. S. 3—15.

Trubachev 2001 (2005) — O. N. Trubachev 2001 (2005) — O. N. Trubachev chev. Russkiy — rossiyskiy: Istoriya dvukh atributov nacii // Ye. R. Dashkova i rossiyskoye obshchestvo XVIII stoletiya. M., 2001. S. 12—21. (Perepechatano s rasshirennym podzagolovkom «Istoriya, dinamika, ideologiya dvukh atributov nacii»: On zhe. V poiskakh yedinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. 3-e izd., dop. Moskva, 2005. S. 225—236).

Ulukhanov 2008 — I. S. Ulukhanov. K istorii upotrebleniya slov «Rus» i «Rossiya» v pismennosti Drevney Rusi // Russkoye slovov russkom mire — 2008: Rossiya i russkiye v vospriyatii inokulturnoy yazykovoy lichnosti: Sb. / Pod red. I. V. Ruzhickogo, Yu. N. Karaulova, O. V. Yevtushenko. Moskva, 2008. S. 158—175.

Zaliznyak 2011 — A. A. Zaliznyak. Trudy po akcentologii. T. II: Drevnerusskiy i starorusskiy akcentologicheskiy slovar-ukazatel (XIV—XVII vv.). Moskva, 2011.

А. И. Грищенко А. I. Grishchenko

Московский педагогический государственный университет 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Рецензия поступила *10.04.2013*.

Moscow Pedagogical State University 1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow 119991, Russia

Received on 10.04.2013.

ОБЗОРЫ

Nørgård-Sørensen, Jens. Russian Nominal Semantics and Morphology.

Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2011. — 361 p.

Монография известного датского лингвиста Йенса Нёргора-Сёренсена представляет собой детальное и последовательное описание грамматической системы имени в русском языке. В то же время это не только и не столько дескриптивная работа, сколько необычное теоретическое исследование, для которого материал русского языка служит лишь эмпирической базой. Книга написана в русле оригинальной датской лингвистической школы (известной широкому кругу лингвистов прежде всего по работам Пера Дурст-Андерсена), идеи которой во многом восходят к классическому структурализму.

Автор видит в организации русской именной морфологии жесткую и достаточно простую систему семантических оппозиций, которая а) перекликается с аналогичными противопоставлениями в других фрагментах грамматики, б) лингвоспецифична, но может быть сопоставлена с аналогичными системами в других языках, в) опирается на более общие когнитивные противопоставления. Принципиальной для автора является идея о взаимосвязи и взаимодействии двух уровней языка — лексики и грамматики, и это взаимодействие он прослеживает на примере всех фрагментов именной системы русского языка.

В первой главе дано краткое теоретическое введение. Далее следует последовательное описание всех именных частей речи русского языка. Сначала приводится перечень релевантных для данной части речи лексических классов, эмпирическое выявление которых и является результатом исследования. Затем

автор показывает, как каждое из противопоставлений в рамках получившейся классификации оказывается релевантным для грамматической системы. Таким образом, хорошо знакомый русисту эмпирический материал и неоднократно обсуждавшийся круг проблем подается в монографии под совершенно новым углом.

Примерно половина книги (главы 2—6) посвящена существительному. Глава 2, посвященная взаимодействию лексики и грамматики в системе существительного, оказывается при этом ключевой для всей книги в целом. В этой главе, в частности, приводится разработанная автором семантическая классификация русских существительных, лежащая в основе всей русской именной системы и представляющая собой, как кажется, один из главных теоретических результатов исследования. Свою классификацию Нёргор-Сёренсен строит в традициях классического структурализма, она эмпирически ориентирована и основывается на внутрисистемных противопоставлениях: семантическая оппозиция постулируется в том и только в том случае, если мы находим соответствующее формальное противопоставление в системе русских имен и только в ней. Классификация представляет собой иерархию из четырех уровней, на каждом из которых ровно один из узлов ветвится надвое (итого 8 классов). На первом уровне противопоставляются индивидуальные / не-индивидуальные объекты (молоко, солдатня vs. яблоко, солдат; формальное отражение: типы склонения и род).

На следующем уровне индивидуальные объекты делятся, в свою очередь, на активные и не-активные (девочка, жираф vs. яблоко, автомобиль; формальное отражение: одушевленность). Активные делятся на классы человек / не-человек, класс людей — на классы женщина / не-женщина (формальное отражение последних двух противопоставлений: род). Приводится также более дробная классификация не-индивидуальных существительных, отражаемая только на уровне деривации, но не в грамматике. Они делятся на коллективные / неколлективные, а не-коллективные — на имена масс и абстрактные. Каждому из семантических противопоставлений Нёргор-Сёренсен сопоставляет психологические корреляты: например, противопоставлению по индивидуальности — оппозицию фигуры / фона.

Глава 3 посвящена типам склонения. Склонение существительного описывается в терминах двухуровневой модели: автор противопоставляет «непродуктивную систему», в соответствии с которой по типам склонения распределяется исконная лексика, и «продуктивную систему», в соответствии с которой по типам склонения распределяются неологизмы (аббревиатуры, заимствования).

В главе 4 описывается категория одушевленности. При этом, в частности, иллюстрируется важнейший для теории автора механизм «реклассификации», связывающий уровень лексики и уровень грамматики, т. е. изменение семантического класса и грамматических характеристик в зависимости от контекста.

Глава 5 посвящена категории рода, в т. ч. давно привлекающей внимание лингвистов проблематике корреляции рода с типом склонения. В главе 6 рассматривается число существительных, в частности существительные pluralia tantum и существительные с нетривиальным семантическим соотношением между единственным и множественным числом.

Глава 7 посвящена прилагательным. Нёргор-Сёренсен проводит параллель между противопоставлением качественных/относительных прилагательных противопоставлением индивидуальных/не-индивидуальных объектов (имена масс и собирательные), релевантным для существительного. Относительные прилагательные в интерпретации автора с семантической точки зрения отличаются от качественных тем, что они «индивидуализируют» определяемое существительное, то есть, иными словами, сужают его экстенсионал ('стол' > 'деревянный стол'). В главе 8 изоморфизм, обнаруженный между прилагательными и существительными, предлагается перенести и на местоимения: вводится противопоставление «классифицирующих/неклассифицирующих» местоимений, различающее такие пары, как весь/целый, многие/много, каждый/всякий, другой/иной. В главе 9 описывается система числительных. В главе 10 вкратце подводятся теоретические итоги исследования.

В рамках описанных выше теоретических установок в монографии в новом свете обсуждается множество частных проблем русского имени: конструкция второго винительного типа взять в именной группе, правила образования относительных прилагательных (натуралистичный/натуралистический/натуралистичный/натуралистический/натуралистиченого (две красивые/красивых девушки) и многое другое.

H. M. Стойнова N. M. Stoynova

Институт русского Vino языка им. В. В. Виноградова РАН 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Обзор поступил *08.08.2013*.

Vinogradov Institute of Russian Language, RAS 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Received on 08.08.2013.

Т. И. Афанасьева. «Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII-XVI вв.»: Исследования и тексты.

М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 395 с.

Книга содержит текстологическое и лингвистическое исследование древнеславянских толкований на литургию главную службу христианского богослужения. Исследование выполнено с привлечением рукописных источников, которые раньше не вводились в научный оборот; многие из них публикуются впервые. Его целью является воссоздание истории текстов, на основе которых на Руси в три этапа, в конце XIII начале XIV в., была составлена компиляция под названием «Толковая служба», вошедшая в кормчие книги. История этой компиляции представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения текстологии Кормчей. Изучение истории «Толковой службы» привело Т. И. Афанасьеву к выводу, что в её состав вошли несколько древнерусских переводов с греческого («Слово св. Григория о литургии», «Слово о церковнем сказании», «Слово св. Василия толк ученическаго чина», «Воображение о церкви») и толкование на Символ веры в Толковой псалтыри в южнославянском переводе. На последнем этапе бытования компиляции, в кормчих Чудовского типа, в компиляцию была включена «Ерминия архиерейской литургии», возникшая, согласно гипотезе Т. И. Афанасьевой, в «зоне контактов русских, южнославянских и греческих книжников» — возможно, на Афоне.

Первая глава посвящена «Сказанию церковному» — переводу сочинения византийского патриарха Германа I, осуществленному в кругу учеников Кирилла и Мефодия. Здесь описываются языковые особенности древнейшего восточнославянского списка XII в., прежде всего лексические, и прослеживается судьба памятника в русской рукописной традиции.

Во второй главе рассмотрены памятники, возникшие позже «Сказания церковного», — «Слово св. Григория о литургии», «Слово о церковнем сказании», «Слово св. Василия толк ученическаго чина», «Воображение о церкви»; точное время и место их происхождения не всегда возможно установить, и даже греческие оригиналы этих переводов часто либо неизвестны, либо не соответствуют славянскому тексту. Как правило, они входят в состав различных сборников. Даётся описание разных переводов и редакций этих памятников, их языковых особенностей и обосновывается восточнославянское происхождение перевода «Слова о церковнем сказании», «Воображения о церкви» и одного из переводов «Слова св. Григория о литургии». Предполагается древнерусское происхождение и для перевода «Слова св. Василия толк ученическаго чина». Благодаря этим данным уточняется существующее на сегодняшний день представление о корпусе домонгольских переводов с греческого.

В этой же главе рассматриваются толкования на Херувимскую песнь, Символ веры и молитву «Отче наш» (в четырех версиях, одну из которых автор считает компиляцией из оригинальных древнерусских произведений), входящие в состав разнообразных сборников.

В последней главе воссоздается история компиляции «Толковой службы» и её бытование в древнерусской письменности, прежде всего в кормчих разных типов. Здесь, в частности, публикуется «Ерминия архиерейской литургии» по Чудовскому списку 1499 г.

В Приложении опубликованы «Сказание церковное» с учётом всех известных списков и со словоуказателем, три редакции «Толковой службы» и её ис-

точники: «Слово св. Григория о литургии», «Слово о церковнем сказании» с греческим оригиналом, «Слово св. Василия толк ученическаго чина» с греческим оригиналом и толкование на молитву «Отче наш». Тексты изданы с критическим аппаратом.

А. А. Пичхадзе

Институт русского Vinogradov Institute of Russian Language, RAS языка им. В. В. Виноградова РАН 18/2 Volkhonka, 119019, Москва, Moscow 119019, ул. Волхонка, д. 18/2 Russia Обзор поступил Received on

01.09.2013.

A. A. Pichkhadze

«Rationale Divinorum officiorum» Wilgelmi Durandi в русском переводе конца XV в.

01.09.2013.

Изд. подгот. А. А. Романовой и В. А. Ромодановской. Отв. ред. чл.-корр. РАН И. П. Медведев. М.; СПб.: «Индрик», 2012. — 263 с.

Книга содержит русский перевод последней главы созданного ок. 1286 г. латинского сочинения Вильгельма Дурандуса (Дюрана) Старшего о литургии; в этой главе описываются правила составления календаря подвижных церковных праздников в зависимости от лунного и солнечного года. Перевод, получивший название «Совещание божественных дел», был выполнен по распоряжению новгородского архиепископа Геннадия в 1495 г. и до сих пор не издавался. Текст опубликован по единственному полному списку Российской национальной библиотеки, Погод. № 1121 (1620-х гг.) параллельно с латинским оригиналом по страсбургскому изданию 1486 г., с которого был сделан перевод.

Во вступительных статьях приводятся краткие сведения о «Rationale Divinorum officiorum» и его авторе, об использовании русского перевода в рукописных памятниках XVI—XVII вв., о содержании рукописи Погод. № 1121, об особенностях перевода, который характеризуется буквализмом и большим количеством латинских вкраплений. Подробно описан фонетический облик латинских вкраплений в русском тексте: способы передачи тех или иных

звуков сравниваются с их передачей в других памятниках, переведенных с латыни на Руси в это время, — частями Геннадиевской библии 1499 г. и Чудовской латинской Псалтырью XV в. Дается сопоставление систем склонения и спряжения в латинском оригинале и переводе. К тексту составлено два словоуказателя — латинско-русский и руссколатинский, оба содержат грамматическую информацию о всех встретившихся в переводе словоформах и их латинских соответствиях. В отдельном перечне приведены латинские вкрапления.

Памятник содержит много заимствований, включая не засвидетельствованные в более ранних источниках, здесь, например, впервые фиксируется слово параграфъ. Нередко встречаются не известные по другим текстам искусственно созданные слова, калькирующие латинские образцы. В то же время в переводе есть слова, безусловно, присутствовавшие в некнижном русском узусе конца XV в., в том числе не отмеченные в исторических словарях (например, брашенные пригожки epulae 'пиры, угощения') или зафиксированные с более позднего времени (дъльце opusculum). Памятник свидетельствует о том, что в конце XV в. еще употреб-

лялось слово гричь 'собака, пёс', которое в словарях представлено редкими цитатами из текстов исключительно древнерусского периода; в переводе представлены также однокоренные производные гричии 'собачий' и грица 'собака', не попавшие ни в один из словарей русского языка. В памятнике обнаруживаются интересные данные, касающиеся происхождения слова вестьда: здесь оно выступает как соответствие латинского cathedra 'престол', что подтверждает его связь с глаголом съдъти (ad festum Cathedre sancti Petri 'до праздника престола святого Петра'

переведено следующим образом: до праздника Бестды святаго Петра).

A. A. Пичхадзе A. A. Pichkhadze

Институт русского
языка им. В. В. Ви-
ноградова РАНVinogradov Institute of
Russian Language, RAS
18/2 Volkhonka,
Moscow 119019,
yn. Волхонка, д. 18/2

Обзор поступил *01.09.2013*.

Received on 01.09.2013.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

- 1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала, не публиковавшиеся ранее в других изданиях. Все публикации бесплатны.
- Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
- 3. Все публикации для авторов бесплатны.
- 4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
- Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу rusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
- 6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
- 7. Непринятые рукописи не возвращаются.
- 8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

- 1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
- Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
- 3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс -ик и т.п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
- 4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: И. Иванов (Москва), Дж. Смит (Лондон, Великобритания).
- 5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 20126: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

- Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
- 2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
- 3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

- 1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere. All publications are free of charge.
- Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
- 3. All publications are free of charge to authors.
- 4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
- 5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
- 6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
- 7. Rejected manuscripts will not be returned.
- 8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

- 1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
- 2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
- 3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix -*ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
- 4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
- 5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 20126: 12-15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

- 1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
- All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
- 3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении № 26 (2). 2013

Основан в январе 2001 года Выходит два раза в год

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении». Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией М. С. Мушинская Редакторы номера А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина

Корректор А. К. Петрова

Оригинал-макет подготовлен В. Ю. Гусевым

Подписано в печать 10.07.2013. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$ Бумага офсетная № 1, печать офсетная Усл. п. л. 26. Заказ №